

ЖИР КАДИСУЛОВА

ДОРОГА К СМЕРТИ
БОЛЬШЕ, ЧЕМ
СМЕРТЬ

ЧЁРНЫЙ

Black Quadrat
2005

First published in Great Britain by Black Quadrat Production in 2005

14 Armstrong Drive,
Dunstall Park,
Wolverhampton Wv6 0UR
Tel: 01902 568879
publishing@bqzm.co.uk
Website: www.bqzm.co.uk

© Mir Kaligulaev

The right of Mir Kaligulaev to be identified as copyright holder of this work has been asserted by him in accordance with the Copyright, Design and Patents Act 1988.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, without the prior written permission of the copyright holder.

A copy of the CIP data for this book is available from
the British Library, upon request.

ISBN 1-905249-00-4

Designed and Typeset: www.sima.spb.ru

Printed and bound in England by
Impression IT,
7 Moorhurst Road,
Conqueror ind-est.,
St. Leonards-on-Sea, TN38 9NA

СОДЕРЖАНИЕ

Дорога к смерти больше, чем смерть	9
О том, как и почему появилась эта книга	11
Глава 1	16
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	34
Глава 6	43
Глава 7	52
Глава 8	55
Глава 9	60
Глава 10	65
Глава 11	69
Глава 12	72
Глава 13	80
Глава 14	82
Глава 15	84
Глава 16	87
Глава 17	96
Глава 18	101
Глава 19	108
Глава 20	113
Глава 21	117
Глава 22	122
Глава 23	125
Глава 24	129
Глава 25	131
Глава 26	134
Глава 27	140
Глава 28	143
Глава 29	149
Глава 30	150
Глава 31	158
Глава 32	166
Глава 33	171

Глава 35	185
Глава 36	190
Глава 37	197
Глава 38	204
Глава 39	214
Глава 40	221
Глава 41	224
Глава 42	227
Глава 43	229
Глава 44	234
Глава 45	236
Глава 46	241
Глава 47	243
Глава 48	252
Глава 49	255
Глава 50	260
Глава 51	262
Глава 52	267
Глава 53	263
Глава 54	271
Глава 55	273
Глава 56	275
Глава 57	288
Глава 58	290
Глава 59	295
Глава 60	298
Глава 61	301
Глава 62	304
Глава 63	305
Глава 64	311
Глава 65	313
Глава 66	318
Глава 67	320
Приложение	323
Послесловие к роману	366

**Дорога к смерти больше, чем смерть
или
Опыт иллюзорной биографии**

*Aslida, aslida bulaming bari
fikmi undarkan, avvalroq vahming
anglaydi: sening ham hayoting balki
tom keraksizlikda ularga uyg'un.*

*Aslida sen bunga kuyukma asti,
o'limning aslida yo'q baland-pasti.
Zotan, o'lim emas, o'lim tomon yo'l
o'limning o'zidan ortiq bir xayol*

О том, как и почему появилась эта книга

Во-первых - слова, вынесенные названием на обложку этой книги, взяты мной из последнего стихотворения узбекского поэта Белги, который в расцвете своей молодой славы с лавиной переводов на западные языки, по всей видимости погиб в горах Афганистана во время недавних американских бомбёжек.

Во-вторых - я знал Белги, благодаря Хамиду Исмайлову и его литературной группе «Собрание Утончённых» (см. <http://library.ferghana.ru/uz/index.htm>), и именно Хамид Исмайлов, по чьей рекомендации был опубликован мой полу-биографический роман «Тон Хван», настоял на том, чтобы я, а не кто другой написал эту книгу.

В-третьих, хотя я знал Белги меньше чем других из «Собрания Утончённых» (даже на нашей общей фотографии, снятой летом 1996 года в немецком городе Бамберге мы стоим по двум разным концам), а другие знали его больше чем я, г-н Исмайлов не только убедил меня взяться за написание книги, но и познакомил со многими журналистами, занимавшимися моей темой, которые, в свою очередь, помогли мне со многими необходимыми материалами.

В-четвёртых, настаивая на написании и, даже дав мне некоторые документы, привезённые им из Афганистана, г-н Исмаилов аргументировал это тем фактом, что судя по «Тон Хвану» я естественен в жанре биографии, и кроме того моё русское среднеазиатское происхождение поможет снять с книги всяческий возможный налёт национальной или религиозной предвзятости.

В-пятых..., но что, впрочем рассказывать о долгом процессе, похожем чем-то на судебные, если книга уже написана и в ней я пытался рассказать без страха и пристрастия, как говорили древние, о поэте, чьи последние слова вынесены на обложку...

11/09/2001

На том самом сайте «Собрания Утончённых» о Белги (настоящее имя - Асрор Абутов, nom de guerre Ёсир) сказано вот что:

Белги – поэт узбекской “новой волны”. Автор стихотворных книг “Йул” (“Путь”), “Иккинчи китоб” (“Вторая книга”), “Бамбергиана”, “Москва дафтари” (“Московская тетрадь”). В недавно опубликованной английской книге “Poet for Poet” напечатан ряд стихов Белги, там же приводится и эта краткая биография: “Родился в 1961 году в Оше, Ферганская долина, пытался поступить в Литературный Институт, работал где придётся, обильно путешествовал. Сейчас отшельничает в горах своей области...”

Когда я спросил господина Исмайлова, написавшего в своё время эту врезку, о последнем предложении, он воскликнул: «Откуда же мне было знать в то время, что это суфийское отшельничество в поисках Пира – Мастера, кончится Афганистаном?!» И впрямь, в то время, когда были написаны эти слова, горы Ошской области никак не представляли собой ни театра боевых действий с ежегодными вылазками исламских боевиков, ни политического базара, где одни торгуют политикой, другие же – наркотиками или иностранными заложниками.

Об этом я постараюсь подробно рассказать, но начну, пожалуй, с самого конца.

11 сентября 2001 года я отдыхал со своей семьёй на Иссык-куле: куда ещё дальше может, напрягшись, поехать ташкентский или среднеазиатский интеллигент?! До обеда мы купались, катались на катамаране, после обеда отдыхали дома: я пытался что-то выудить из этих бессмысленных и однообразных дней, когда как сказал Пушкин: «Fare niente мой закон», сидел за ручкой и листом, набирая всё больше и больше раздражения на своих домочадцев от силы бессмыслицы. Домочадцы принимали свои меры предосторожной обороны: словом, обыкновенная семейная жизнь на отдыхе. В конце концов мы решили сходить ещё раз на озеро, я попенял свой застой на ретивость жены, она отквиталась за мою двухчасовую отлучку от семейного участия, две дочери пометили задним умом свежие трещины между родителями, чтобы раскрутить кого на мороженное, а кого на бесконечную постройку песочных небоскрёбов.

Теперь я стараюсь вспомнить всё до мелочей, как будто бы было некое предсказание, как иной раз птица пролетит некое расстояние впереди лобового стекла твоей машины или тишина засосётся в оба уха сжимающим шаром страха, но ничего этого не было, кроме разве что этих самых песочных замков, смываемых холодной озёрной волной.

Мы вернулись в номер к вечеру, но ещё было некоторое время до ужина, а потому на этот раз я заслуженно включил телевизор и стал листать каналы. Странное дело, спутниковые иностранные каналы разом показывали картинку некоего пожара, случившегося в некой башне. Я почему-то подумал о Лондонской Тейт-галерее, об открытии которой читал совсем недавно в «Огоньке». Отчего я подумал о Лондоне? Скорее всего, потому что кто-то говорил из Лондона, потом я понял, что это был канал Би-би-си. Я стал прислушиваться. Не скажу, чтобы я уж больно подвинут в английском – ну учил в школе, ну сдавал минимум, но скорее, замечу, что смогу изъясниться на базаре по-узбекски лучше, чем понять то, что говорят по однообразным студиям все эти гавкающие аналитики. И всё же пару раз я распознал слово «Нью-Йорк». И пока я соображал, при чём тут Нью-Йорк, вдруг на экране появился самолёт и как будто на повторной съёмке, медленно и верно въехал в ещё одну – скрытую сзади башню. Теперь я уже понимал без слов – по какому-то детскому крику диктора, что крутят не голливудский фильм, а творится всё это невообразимое на глазах и что весь мир в это мгновение становится огромным Голливудом...

Весь тот вечер мы просидели всей семьёй у телевизора, пропустив ужин – велика потеря – и уже глубоко ночью, когда всё это леденящее событие было продублировано и объяснено российскими каналами, в холодной исык-кульской ночи мне приснился странный сон, который я помню до сих пор.

В одном из горных кишлаков, куда меня обычно посылали в пионерские лагеря, я вышел из калитки и увидел мчащуюся в мою сторону машину. Машина эта касалась колёсами сплошной линии дувалов, торчащих, желтея, из белого снега, как будто бы эти дувалы были ей единственной дорогой посреди снегопада, она была привязана к этим дувалам, повторяя их изгибы в своём стремительном движении. Я бы подумал, что машина эта мчится вертикально, если бы она не вжикнула мимо меня и, сделав резкую дугу, не вылетела за мост и за сай, чернеющие внизу. «Сумасшедший!» - подумал я, и собрался было продолжить свой путь вниз, как машина вынырнула из падения и, развернувшись, пошла

по мосту обратно. Теперь она метила в меня. Я рванулся по снегу вперёд, чтобы уйти подальше от этих дувалов, державших машину, как провода держат электричку, но машина, сделав обратный вираж, казалось, теперь бросилась за мной. Я нёсся по снегу – то по колено, то скользя в обрыв, но при всём при этом оставлял за собой глубокий след своего побега. Машина легко могла меня засечь. Сделав два крутых броска, я съехал по ложбине в самое русло теплящегося сая и молниеносно подумал: «Машина здесь сорвётся в реку!» Правда, была ещё мысль, что даже при этом она может зацепить меня, но страшнее этой мысли пришла следующая: «А что если водитель пойдёт за мной без машины...» Как защититься на белом снегу человеку?!

Дрожь или страх разбудили меня тогда в чёрную и холодную иссык-кульскую, а вернее в тянь-шанскую ночь, я вглядывался сквозь окна нашего деревянного корпуса в сумрак, идущий с востока, и не хотел признаваться самому себе, что жизнь моя меняется навсегда в своём подкожном страхе; и именно с такого страха я хочу начать своё повествование.

Глава первая

«Когда это всё началось?» - думал в своём одиночестве Ёсир. То ли шестнадцатого, то ли семнадцатого дня месяца Шаъбана 1422 года Хиджры (ноябрь 2001 года) ближе ко времени послезакатной молитвы им было приказано собираться на южной окраине кишлака Зулмат, который к счастью американцы ещё не бомбили. Когда Ёсир спросил рассыльного, выходить ли им с вещами, поскольку за всякий другой вопрос, естественный в других местах и другом окружении, дескать: а зачем? что там будет? надолго ли? можно было поплатиться, рассыльный ответил коротко: «Как обычно!» и Ёсир вместе с Хамзой стал собирать наскоро свой хурджун с АКМС, обёрнутым в афганскую бурку.

Через семь минут они сидели во дворе одной из местных мечетей, сложив свои хурджуны неподалёку вдоль глиняного дувала. Кто перебирал четки, кто сосредоточенно повторял преславные имена бога про себя, несколько человек из только что присоединившихся к ним в этом кишлаке, склонились в пропущенной слепопуденной молитве. Но было что-то более обыденного собрания, как будто не майна засвистит тонко-тонко, а первый звук самолёта и летящей бомбы или ракеты, и не первый кузнечик, растрескавший свой голосок от засухи, застрекочет в углу, а автомат в ответ безответному самолёту...

Двор мечети заполнился быстро, кто-то скомандовал закрыть двери и Ёсир заметил исподлобья, что в проёме самого здания мечети появился высокий и плотный силуэт и стремительно двинулся в сопровождении нескольких вооружённых охранников во главу собрания. Это был Мухаммад Тахир Фаррук (Тахир Юлдаш амир Исламского Движения Узбекистана). Ёсир, как все другие в мечети, сидел, низко склонив голову, но поскольку он оказался среди первых рядов, то краешком глаза увидел, как тот остановился напротив собрания, как трое из его охранников с автоматами прошли дальше, а трое остались по правую сторону, прощупывая глазами общину. Раньше такого не было никогда, Ёсир молился с Амиром не раз и очень редко тот исполнял роль имама, а скорее пристраивался где-нибудь в стороне среди общины, но теперь всё было по-другому.

Хриплым и негромким голосом Амир прочёл обязательные хамд и наат - славословие во имя Аллаха и его Пророка и, затем всё более и более распаяясь, перешёл к самой проповеди. Он говорил о джихаде - священной

войне против неверных и, прежде всего против империи Шайтана - Америки, он говорил о шахидах, праведно погибших на этом пути, о детях, оставшихся сиротами, но и мстителями и в который раз Ёсир удивлялся, откуда в Мухаммад Тахире этот запал, вещающий помимо его мыслей, помимо его воли, помимо его губ, когда тот ни запнётся, ни заикнётся, не споткнётся на неверном дыхании. Не заучивает ведь он всё это наизусть и не репетирует же перед зеркалом, поскольку где взять тут зеркала.

Ёсир внезапно вспомнил, что когда пополудни 23 дня месяца Джумадил Сани, 1422 года по Хиджре (11.09.2001) он вернулся с самопальным фильмом из Кабула в Мазари-Шариф и вошёл в дом, принадлежащий узбекским боевикам на улице Пули Хавои, Амир сидел во дворе при небольшом факеле и брил голову одному из своих охранников, двое других же сидели неподалёку, истекая кровью уже выбритых голов. Не то чтобы страх, но некая тревога видимо отразилась в его глазах, и Амир, рассмеявшись, опередил его в словах: "Вот, пускаю им дурную кровь из голов. Очень помогает, хочешь попробовать?" Он сделал несколько надрезов по чисто выбритой коже своего охранника и накрыл прыснувшую кровь банкой, обданной огнём, как обычно пользуют при простуде. Кровь тёмной краской покрыла стенки банки. Охранник тужился, но не стонал. "Зеркала ему не хватает!" пошутил тогда Амир и, оставив своих охранников во дворе, пошёл в комнату, разговаривать с Ёсиром.

В тот вечер после общей молитвы во дворе этого дома, куда народ собрался как обычно сквозь проёмы из двора во двор, так что никто на улице не мог и догадаться, кто это такие и что они тут делают, уставший после долгой дороги Ёсир решил лечь пораньше, без рассказов любопытствующим о последних новостях Кабула и тамошнего туркестанского медресе. И только перед глазами побежали последние перевалы перед Мазари Шарифом, как из соседней комнаты, где трое дежурных слушали кто "Би-Би-Си", кто "Голос Америки", а кто "Свободу" вдруг раздался истошный вопль в три голоса, а потом частое-частое "Аллаху Акбар!" - "Аллах велик!" Все в доме вскочили, и вопреки распорядку, бросились в сторону этой комнаты на верхнем этаже, но один из дежурных уже летел к ним навстречу с радиоприёмником, прижатым к ушам, и Ёсир успел лишь расслышать "Нью-Йорк", ещё что-то и "разрушен". Дежурный пронёсся мимо - чтобы как и положено доложить экстренную новость Амиру, который разбирался с кем-то в подвале, Ёсир же странным образом застал себя на мысли о гигантской волне, которую ожидали от оползня половины испанского острова, и ужаснулся представленному:

*Hovliqar u, talpinar u, shoshar u,
Go'ringizdan na'ra tortib toshar u...*

Когда-то он сам перевёл эти слова Чулпона об огненной волне на русский, и теперь пытался вспомнить эту концовку в толчее тёмного дома:

*И вскипит, взволнуется, взбурлит волна,
и гробы вам с рёвом опалит она...*

А откуда было совсем рукой подать до Бродского:

*Когда-нибудь оно, а не, увы,
мы, захлестнёт решётку променада,
и двинется под возгласы: Не надо!...*

“Не надо!” крикнул Амир и вздрогнувший среди моря воспоминаний Ёсир вдруг увидел как охранники, вскинувшие автоматы в небо, откуда шёл этот самый долгий раздувающийся гул, опустили свои стволы и Амир, докричав вслед сквозь хрип своего бессонного голоса: “Смерть Америке! Смерть империи Шайтана! Аллаху Акбар!” - скомандовал выбегать из мечети по одному и немедленно собираться в траншеях.

Выбегая из мечети среди начавшейся бомбардировки, Ёсир взглянул как в последний раз на небо, по которому шли несколько долгих кровавых пореза, словно кто решил пустить небу дурную кровь и, сверкая в них лезвиями, взрезали густеющий воздух в безответной высоте американские свертяжёлые бомбардировщики В1... Или та самая огненная волна...

Глава вторая

в эту лужу

*на деревья в луже
в затянутое облаками бездонное небо за деревьями
внезапный испуг падения*

смыкая влажные глаза

*вглубь себя
в собственные жилы внутри
в бессловесный вздох рождающийся за ними
или в еще более бескрайнюю, еще более безграничную
необозначенность*

внезапно испугался что упаду

Белги

После долгой и неудачной защиты Кундуза, когда каждый командир обвинял в неуспехе другого, а все вместе вскрытую – погибшего или исчезшего Джуму, когда оставшиеся в живых солдаты: пакистанцы, пуштуны, чеченцы и узбеки разномыслием благодарили единого Бога за слякотный путь возврата на возможную свободу, Ёсир твёрдо знал, что ждёт его впереди в застенках генерала Достума. Передо мной фотография: разбомбленный дом - лицей Султан Разия в Мазари Шарифе, в котором скрывались в октябре 2001 года узбекские боевики из Исламского Движения Узбекистана вместе с талибами и арабами из Аль-Каиды.

Чуть ранее в сентябре 2001 года администрация США включила Исламское Движение Узбекистана в свой список террористических организаций. В это же время руководитель или Амируль-Муминин этого движения Мухаммад Тахир Фаррук¹ в своём интервью узбекской службе Би-би-си заявил, что они готовы воевать на стороне Талибов.

После того как американцы стали бомбить Афганистан и вдруг оживший Северный Альянс, занимавший до того не больше десятой части страны, пошёл в наступление, талибы же в Кабуле клялись во всеуслышание “стоять насмерть против агрессии неверных” и аналитики спорили о затяжной партизанской войне, наподобие предыдущей войны с Советами, на самом-то деле никакого сопротивления по сути дела и не случилось. А просто, как и раньше, местные командиры, понаотпускавшие при талибах бороды, стали опять их сбривать и менять в очередной раз свою лояльность, почуяв куда теперь дует ветер. И тогда в заложниках ситуации остались лишь иностранцы: арабы, узбеки, чеченцы, кашмирцы, уйгуры, каждый оказавшийся здесь по своей сугубой причине.

Бойня в Кальаи Жанги в бывшей цитадели генерала Достума² лишь одна страница тех тревожных предзимних дней, когда обнаружилось, кто в действительности воюет в Афганистане.

(Здесь и далее справочные данные скачаны из Интернета, и в них чувствуется рука спецслужб. Я их оставляю такими, какие они и есть. – Автор)

¹ Тахир Юлдашев родился в 2 октября 1968 г. в Наманганской области Узбекистана. Учился в региональной духовной школе накшбандийского Суфизма Муджадидия-Хусайния. В 1991 г. Юлдашев стал лидером исламистского движения Намангана “Адолат”. Принимал участие в создании: исламской организации “Ислом лашкорлари” и “Товба”. В 1992 г., после начала гонений на исламистов, Юлдашев перебрался из Узбекистана в Афганистан, где возглавил узбекскую исламскую оппозицию в изгнании. В 1996 г. стал политическим руководителем Исламского движения Узбекистана (ИДУ). Юлдашев установил обширные связи со многими исламскими организациями, а также занимался сбором средств для исламской оппозиции Узбекистана. С этими целями посещал Пакистан, Саудовскую Аравию и ОАЭ. В феврале 1999 г. был одним из главных организаторов попытки государственного переворота в Узбекистане. В конце 1999 - начале 2000 г. проводит встречи с лидерами оппозиционных движений с целью объединить все силы, противостоящие Исламу Каримову. Основная резиденция Юлдашева находилась в Афганистане, на территории, контролируемой движением “Талибан”.

² Родился в кишлаке Ходжадукух уезда Шибирган провинции Джузджан. Сын дехканина. Отец - узбек (по некоторым сведениям из семьи узбеков эмигрировавших уже из СССР во время борьбы с басмачеством). Мать - туркменка. Окончил 3-месячные офицерские курсы при Ташкентских высших курсах КГБ СССР (начало 1980-х). До апрельской революции 1978 года рабочий нефтепромыслов в Шибиргане.

Окончил полковую школу. Вскоре - командир отряда. С 1983 - командир племенного (узбекского) батальона, племенной бригады в Шибиргане.

В 1991 году воевал с Раббани, Масудом и Хекматиаром на стороне Наджибуллы. В январе 1992 году Достум бросает Наджибуллу, вступая в коалицию с А.Ш.Масудом, режим рушится, все группировки закрепляются на захваченных к этому времени позициях. В апреле 1992 г. авиацией перебрасывает в Кабул свои части (4 тысячи бойцов), опередив Г.Хекматъяра, которому собирался “сдать” Кабул Наджибулла, вскоре к нему присоединилась войска Масуда.

После занятия талибами Кабула (сент. 1996), выступает против них.

В мае 1997 в результате перехода на сторону талибов генерала Малика, вынужден бежать в Узбекистан, затем – Турцию. В 2001 г. вновь вернулся в Афганистан, в начале осени 2001 года сформировал отряды и повел наступление на Мазари-Шариф. Был в октябре 2001 назначен Раббани “главнокомандующим по Северу Афганистана” от “Объединенного фронта национального освобождения Афганистана” (“Северного Альянса”). С декабря 2001 - заместитель министра обороны “временного правительства” Х.Карзая.

Рассказывает афганский журналист Дауд Коризадэ:

“После того как американцы начали бомбить север Афганистана многие местные командиры ещё раз изменили свою лояльность и перешли на сторону появившегося в регионе генерала Достума. С этими силами Достум пошёл первоначально на Мазари-Шариф и быстро овладел им, затем двинулся на Кундуз. Именно тогда появились две взаимоисключающие вести: согласно самому генералу Достуму, сообщившему об этом узбекской службе Би-би-си, в боях под Мазари Шарифом был убит военный руководитель ИДУ Джума Намангани. Согласно другим же сообщениям именно осаждённый Кундуз находился в ведении наёмников-иностранцев и командовал ими ни кто иной, как Джума Намангани. Как бы то ни было, генерал Достум не стал атаковать город, а предложил возможность полной капитуляции, обещав при этом свободу всякому сдавшемуся афганцу. “Сложи оружие и иди куда хочешь!” таков был его призыв к афганским командирам в городе. Не ясно было с судьбой наёмников. Но после того как талибы сдались и сдали город, иностранцам ничего не оставалось иного, как последовать за ними. Правда, в городе циркулировали слухи, что огромный военный вертолёт, неизвестно кому принадлежащий, вывез всю верхушку иностранцев из осаждённого города в неизвестном направлении.

Иностранцы были погружены в грузовики и отправлены в цитадель Калъаи Джанги, для дальнейшего разбирательства. Их заперли в бараки и стали затем допрашивать. Допросы вели американские инструктора, которые, как было известно всем вокруг, были полевыми офицерами ЦРУ.

Впоследствии другие заключённые рассказывали, что один из них допрашивая группу иностранцев, включая американца Абдул Хамида, очень высокомерно спросил их: “Кто вас звал сюда? Что вы тут вообще делаете? Зачем, дескать, привалили?”

И тогда один из чеченцев бросился голыми руками на него со словами: “Убивать таких как ты!” В замешательстве и остальные иностранцы бросились на охрану и очень быстро не только обезоружили, но и попереубивали их. С этими стволами в их распоряжении и началось так называемое восстание в Калъаи Джанги, которое было подавлено в три дня при помощи американских бомбёжек, залитых водой подвалов, ракетных ударов и огромных жертв. Более четырёхсот иностранцев: арабов, пакистанцев, чеченцев, узбеков погибло в этом восстании”.

Итак, именно в то время стали циркулировать слухи, что главнокомандующим всем этим “иностранным легионом” на Северном

направлении Афганистана был назначен Джума Намангани полевой командир ИДУ, бывший десантник, воевавший в этом самом Афганистане на стороне Советов.³ Правда, как упомянул Дауд Коризадэ, в самый разгар переговоров в Кундузе, когда генерал Достум предложил иностранцам и талибам сложить оружие в обмен на свободу, он же сам в интервью узбекской службе Би-би-си сообщил о том, что Джума Намангани был убит в одной из американских бомбардировок.

³ Джумабой Ахмаджонович Ходжиев (более известный как Джума Намангани) родился 12 июня 1969 г. в кишлаке Ходжа Наманганского района Наманганской области. Закончил СПТУ-28 города Намангана. В ноябре 1987 г. был призван на армейскую службу в воздушно-десантные войска. В 1988 г. воевал в Афганистане. В 1989 г. после демобилизации вернулся на родину и вошел в контакт с исламскими деятелями. (Есть мнение, что уже во время службы в Афганистане истинные симпатии советского десантника постепенно перешли на сторону тех, в кого он по долгу службы должен был стрелять.) Вскоре он стал учеником одного из наиболее авторитетных богословов среднеазиатского региона Мирзаева Абдували. Принимал активное участие в создании исламской организации "Товба". В 1991 г. он установил тесные контакты с наиболее радикально настроенными лидерами Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), а еще через год переехал в Афганистан. Там Намангани попал в тренировочный лагерь таджикской оппозиции, расположенный в приграничной с Таджикистаном северной провинции Кундуз. Затем продолжил свою "профессиональную" подготовку на тренировочной базе организации "Джамаат-е ислами" в районе города Варсадж северо-восточной провинции Тахар. Там он привлек к себе особое внимание инструкторов пакистанской межведомственной разведки ИСИ. По их инициативе будущий лидер ИДУ в начале 1993 г. был командирован на восток Афганистана в специальный лагерь "Бадер-2". Здесь им вплотную занялись офицеры ИСИ из двух отделов этой спецслужбы - JCIB и JIM (действующих на центральноазиатском направлении). Уже после этого он был переправлен в пакистанский город Пешавар. Именно там в мае 1993-го при посредничестве сотрудников ИСИ с ним встретился один из заместителей самого Турки аль-Фейсала, шефа саудовской Службы общей разведки. Именно после этой встречи Намангани был переведен в тренировочный лагерь "Мирам Шах", в котором прошел еще один курс по программе спецподготовки для командного звена террористических группировок, действующих под контролем пакистанской межведомственной разведки. Вернувшись летом 1993 г. из Афганистана, Джума Намангани на средства ИСИ и нескольких исламистских организаций (главным образом "Ихван аль-Муслимун", "Хизб ут-Тахрир аль-ислами" и саудовского фонда "Ибраим бин-Абдулазиз Ибраим") основал в Каратегинской долине Таджикистана собственный лагерь по подготовке боевиков исламской оппозиции Узбекистана. В дальнейшем он создал на севере Таджикистана целую сеть военных и тренировочных лагерей. При этом Джумабой Ходжиев постоянно поддерживал контакты с региональной резидентурой ИСИ в районе Гильгита на севере Пакистана, а также с сотрудниками этой спецслужбы в Афганистане. Отряд под его командованием принимал активное участие в гражданской войне на стороне Объединенной таджикской оппозиции (ОТО). Центральный штаб Джумы Намангани размещался в населенном пункте Хоит Таджикабадского района на севере Таджикистана. Помимо этого крупные базы группировки функционировали также в Ясманском ущелье Джиргатальского района, а также в Гармском районе. Все они отличались хорошо организованной, современной системой защиты. На вооружении группировки имелись почти все виды стрелкового оружия. Из тяжелого вооружения - несколько единиц БМП и БТР, а также безоткатные орудия, несколько ракетных установок "Град"

Как же случилось так, что бывший советский десантник Джума Намангани, или Тахир Юлдаш, окончивший советскую школу на золотую медаль, но более всего Белги - поэт, стихи которого звучали в это время по-французски, немецки, английски в клубах и студиях Лондона, Парижа, Берлина⁴, воевали там, где и талибы решили, что проще мимикрировать или бежать? Что их держало здесь, на растерзанной войнами земле, что и как их привело сюда, на чужбину, соседствующую в пространстве, но не во времени с их родиной по ту сторону гор и реки?

и системы ПВО. В 1996 г. он выехал через Афганистан и Пакистан в Саудовскую Аравию, где продолжил свое несколько одностороннее образование - прошел специальный курс обучения в одном из религиозных центров для иностранных студентов, действующем под непосредственным контролем Службы общей разведки королевства при содействии Министерства по делам ислама, вакфов, образования и наставления. В 1997 г. Джума Намангани стал "главнокомандующим вооруженных сил Исламского движения Узбекистана". В ноябре 1999 г. его боевики, проникшие на территорию Узбекистана из Киргизии, совершили несколько нападений на сотрудников МВД города Янгиабада Ташкентской области. В 2000 году это вторжения были повторены. Считается, что Джума Намангани был убит в начале американских бомбардировок Афганистана осенью 2001 года, когда он был назначен главнокомандующим северного направления войск Талибана.

5 октября 2001 года в парижском театре Raspail журнал Missives представлял публике поэзию Белги.

Глава третья

*eski ola-gaston tartibsizlikdan
yangisini yasash - bu balki yashash*⁵
Belgi

Что, когда и как породило Исламское Движение Узбекистана? Уже написаны горы научно-социологической литературы, посвящённой этому вопросу, но я писатель, и меня интересуют человеческие судьбы. Для меня ничего вне человеческих судеб, взаимоотношений, узлов, не происходит. Именно поэтому, хотя эта книга полна документов эпохи, но выбор этих документов диктуется моей писательской интуицией и, нащупывая узлы этих самых межчеловеческих отношений, я и хочу попытаться ответить на этот самый вопрос. А больше всего меня интересуют события замолчанные, те которые не стали заголовками газет, но влияли на эти самые десять-пятнадцать лет значительно в большей степени, нежели крикливые и ничего не объясняющие заголовки. Одно из таких событий произошло в декабре 1991 года в Намангане. И так,

21/12/1991, город Наманган

В этот день Президент Узбекистана Ислам Каримов, который днём раньше провёл ряд предвыборных встреч в Намангане, и отбыл в Ташкент, был вынужден вернуться в Наманган под напором многотысячной демонстрации мусульман на центральной площади города. Через несколько дней ожидалась президентские выборы, и такой поворот событий был явно не на руку ещё не укрепившемуся в положении Президенту.

Всего месяц-другой назад он пережил и выстоял попытку внутридворцового переворота, когда Парламент взбунтовался против него, а теперь и народ стоял на площади. Сохранилась любительская видеоплёнка всего митинга, на который фактически заложником был вынужден выйти Президент Каримов и произнести на узбекском вот эту речь, которая никогда и нигде не публиковалась.

⁵ строить из старого, хаотического беспорядка
новый – это, может быть, и есть жить...

Президент Каримов: “Во-первых, вчера перед прибытием в Наманган я выслал несколько человек сюда, они должны были встретиться с людьми здесь и договориться с кем я должен встретиться за те два-три дня в моём распоряжении. У кого какое мнение, у кого какие неприятности, поэтому я попросил, чтобы облегчить себе, сообщить мне, куда я должен пойти сначала. Я прошу Вас, еще раз я прошу Вас (успокаивает людей)... Поэтому согласно их инструкций здесь, в этом месте, в этой области, в нашей собственной Наманганской области, относительно того, с кем встретиться ... если мы были неправы, Вы должны знать, это - моя ошибка, но я хотел бы сказать, что первым указанием было пойти в мечеть. Встретьтесь с муллами, кого люди уважают, там, где собираются люди, встретьтесь в первую очередь с мусульманами, товарищ Президент. Выслушайте их, тогда Вы можете идти в другие рабочие места, попросили они меня. Так что я сделал, когда я прибыл в аэропорт? Во-первых, я пошел в новую мечеть. Придя в новую мечеть... Я совершил омовение, поскольку я тоже могу... я тоже не могу входить в любую мечеть без омовения, я вошёл в мечеть (толпа кричит: Аллаху Акбар), войдя в мечеть, и встретившись с Улема, стариками, уважаемыми представителями религии, я согласился выслушать их требования, быть в тесном контакте с ними, так что я пошел во-первых, в это место. Если я был неправ, я прошу у всех у Вас прощения (толпа поет такбир). Я ... есть пара других мечетей в Намангане, если б я знал, я должен был бы пойти, во-первых, в те мечети. Если я совершил это действие по незнанию, еще раз я прошу Вас, готовый стать на колени, следующий раз, когда я приеду, я встречусь сначала с Вами. (Скандирование) Но, я был виноват ..., и всё же если я скажу Вам одну вещь, только не поймите меня неправильно, говорят, что только Бог безупречен (толпа кричит Аллаху Акбар), я был неправ, так что я признаю свою ошибку, глядя в ваши лица, в ваши глаза, простите меня.

Теперь по серьезным проблемам, скажу вам откровенно всё, что у меня на сердце. Друзья, братья, родители говорят, что вот уже полтора года я в должности Президента. Какие из моих приказаний, решений или указов были ли направлены хотя бы одного человека? Кто может встать и сказать, что хоть какое из моих решений было направлено против людей? Есть ли хоть кто, кто скажет, что это не так? (В толпе раздаются голоса: Есть!)

Во-первых, ворота должны быть открыты для Афганистана, Пакистана, Ирана, Туркестан (имеет в виду Турцию), становясь их друзьями, получая их помощь, помощь, если мы станем объединенным Мусульманским государством, разве это плохо? Так что есть действия направленные к этому. С этой точки зрения, я еду в Турцию этим декабрём, потом в Пакистан ... недавно приезжал крупный министр Пакистана и просил посетить Пакистан, затем Иранский Министр иностранных дел по имени господин Велаяти прибыл, говоря, давайте дружить с Узбекистаном. Так, в январе с вашего разрешения, если Вы не уволите меня с моей работы, если Вы не станете подрубать топором мои корни, если это написано в моей судьбе, я планирую посетить три Исламских государства, и я буду стараться действовать вместе с ними, чтобы защищать Узбекистан, мусульман Узбекистана, и, кроме того мусульман, живущих во всей Средней Азии. (Толпа кричит: Аллаху Акбар! Тахир Юлдаш берет микрофон, Каримов говорит: “И вы стойте спокойно, позвольте и мне высказаться. Когда Вы говорили, мы слушали, так что позвольте высказаться и нам”)

Теперь наш более молодой брат (указывает на Тахира) говорит, почему Вы не говорите о мясе, о рогатом скоте. Так только вообразите, вот - Россия, вот - Белоруссия, вот - Украина, мы все связаны. 60-65 % одежды, которую носим мы и наши дети, привозятся оттуда. Это - путь колониализма, который продолжался 74 года. Так, если это будет продолжаться, Украина, например, стала независимой, они переходят на собственную валюту, они отказываются от старой Советской валюты и вводят их собственную. Так какими будут последствия для Узбекистана? Итак, скажите мне, уважаемый старцы, если завтра Ельцин поднимет цены ... мы получаем 10 млн тонн нефти, и он хочет поднять её цену в десять раз. Наш южный мусульманский сосед, мой друг Ниязов из Туркмении поднял вдесятеро цену на нефть. Так что Узбекистан должен защитить себя в этом отношении или нет? Конечно, должен. Что мы сделали? Я пошел против самого себя, я сказал, пусть моя власть убудет, но люди не должны страдать, я сказал: “Завтра мешки, дипломаты, сумки денег придут из России и подметут подчистую наши полки, затем я сказал: У вас сегодня 1000 рублей, завтра они могут стать копейками, так что я обратился нашему народу, сказал, берите все свои сбережения и тратьте, иначе завтра эти деньги будут подвержены инфляции. Я сказал, скупайте всё в наших магазинах. Если завтра они приедут и сметут всё с наших полок, кто будет виноват? Я буду виноват... За все, что неправильно в республике я виноват в первую очередь.

Поэтому... наш молодой брат (указывает на Тахира Юлдаша) поднял этот вопрос. Хорошо, мясо - дорогое, но знайте, за полтора года из-за возможностей, которые мы дали нашим дехканам, домашний скот увеличился вдвое. Мы должны защитить себя, это - моя обязанность. Хорошо, даже если завтра я не буду Президентом, но я буду служить вам до конца моей жизни, хотите ли Вы того или нет!

Цены на рынках растут, но я приказал оплачивать наиболее нуждающимся из нашего бюджета 1,5 кг мяса, некоторый объём пшеницы, сахара, я знаю, что этого не достаточно, но завтра, если необходимо, я возьму наше золото к швейцарцам, получу кредиты и затем, обменяв их на деньги, я должен завершить эту работу. Тогда я постараюсь регулировать цены. Поэтому я не чувствую себя виноватым за то, что я говорил вам по телевидению, необходимо говорить с людьми и сообщать им правду, поэтому я прошу Вас, Вы не должны понять меня неверно, если б завтра я сообщил плохую новость без предупреждения, не только в Намангане, но и во всём Узбекистане ничто бы не было оставлено. Не поймите меня неправильно, это временное, на неделю, полторы недели, две недели, сейчас я договариваюсь, чтобы покупать пшеницу в Казахстане, таков мой ответ всем вам.

Второй вопрос. Вчера, когда я встретил представителей религии в мечети, я сказал им: когда я давал свою присягу, я держал Коран перед собой. Я никогда не откажусь от своего мусульманства, я никогда не буду сожалеть, что я - мусульманин и никогда не буду стыдиться этого. Любой человек не должен отказываться от своей религии, я всегда повторяю это. Если мы пойдём по этому пути, ничего не случится.

Теперь, Вы должны знать, что три славянских - они возвращают старые слова - три славянских республики: Россия, Белоруссия и Украина встречаются в Белоруссии. Мусульмане, узбеки не знают об этом, моё мнение таково: если это необходимо ... я говорил уже с пятью Центральноазиатскими

руководителями, мы могли бы встретиться в Ташкенте или в Ашхабаде, или в другом месте, и мы станем разговаривать на нашем центральноазиатском, мусульманском языке, и я буду стараться защитить (Тахир Юлдаш пытается вернуть его к исходной теме) эти мусульманские страны.

Что я хотел бы сказать. Если ситуация будет ухудшаться подобно тому как сейчас, Вы должны знать, нет никакого другого пути для Узбекистана, как отречься от СССР. Поэтому я говорю, глядя прямо в ваши глаза, если завтра случится агрессия с Севера, что мы должны делать? Мы должны защитить себя. С этой точки зрения у меня ещё одна просьба: нет никаких неразрешимых проблем, дайте мне время, во-вторых, будьте терпеливыми, мы сделаем всё это вместе и если это необходимо, я положу свою жизнь на это!

Итак, ваше главное требование, объявить наше государство Исламским государством. Я хотел бы выразить свои взгляды относительно этого. Я должен быть откровенным при этом большом собрании. Я обещаю Вам, я лично подниму этот вопрос перед Парламентом (скандирование: Аллаху Акбар!), если Парламент единодушно с участием ваших Наманганских представителей решит провозгласить Исламское государство, так тому и быть, но большинство наших людей должно проголосовать за это.

Другая проблема, послушайте... сейчас, (толпа недовольствена)... есть требование, отложить президентские выборы. Я должен сказать... сколько республик в СССР, ещё не выбравших своих президентов? Вчера последняя - Молдова избрала. Что это значит? Если я захотел стать Президентом, или Солих, или кто-либо ещё, это даёт власть Вам. Я должен ехать в Турцию, в другие Исламские государства, они спросят меня, кто - Вы такой? Был ли я избран народом или 500 депутатами? Этот вопрос - естественен. Мы должны бы провести это три месяца назад. Не поймите меня неправильно, мы стоим на грани голода, я должен бороться с этим, я должен предпринять все возможные меры. Только пример. Они говорят, что СССР задолжал 43 миллиарда рублей. Вы должны оплатить эти деньги, они говорят. Узбекистан - среди остальных. Есть три места, производящие золото, включая Узбекистан (Россия и Казахстан) Так что они говорят, что мы должны оплатить долги. Я борюсь против этого. Я не собираюсь подписывать это также как Азербайджан. Но должен я иметь вашу поддержку за собой? Если Вы имеете другие представления по этому вопросу, пусть будет так, но моя просьба - кто бы ни стал Президентом, он должен как можно скорее, быть уполномоченным народом и действовать от их имени, иначе мы будем разбиты.

Последняя проблема. (Человек прибывает от толпы и говорит: Милиция блокировала людей, прибывших встретить своего Президента, просит пустить их сюда). (Скандирование) Каримов:

Мы решим это... Впустите их, скажите милиции, это - мой приказ, здесь мы говорим откровенно, чего я должен бояться? Дорогие друзья, последний вопрос. Объявить Ислам государственной религией. Если большинство за это и проголосует за это, я не против этого, если каждый проголосует за это, с какой стати я должен быть против этого? Затем вопрос - распустить Парламент. На седьмой сессии Парламента - Вы видели это - это было 30 октября, (обращается к Тахиру Юлдашу) скажите мне Вы, мой молодой брат, мой дорогой молодой брат говорит, что там есть мои сторонники, совсем нет! Если Вы видели сессию, у меня совсем нет множества сторонников в Парламенте. Вы видели, какого рода атакам я подвергся, какой они затеяли заговор против меня, какую попытку переворота. Борьба за места исторически уничтожила нашу страну. Большие люди борются за место, но кто страдает? Бедный обыкновенный человек страдает. Поэтому я прошу Вас, если мы хотим завоевать нашу независимость, мы должны объединиться. Например, в Пакистане, когда они боролись за свою независимость, все их партии объединились, и потом после независимости, решили уже делить места и должности. (Здесь митинг прервался, поскольку опять к микрофону подошёл кто-то из публики, а потом должны были начаться вопросы и ответы, но после переговоров было решено, что представители митинга встретятся с Президентом Каримовым лицом к лицу немедленно сейчас в здании и затем сообщат митингу о решениях).

Итак, после этого митинга Президент Каримов был вынужден провести ещё несколько часов в переговорах с представителями мусульманской общественности Намангана, сидя плечом к плечу с Тахиром Юлдашем, тогда руководителем неформальной организации "Ислам лашкарлари" - "Воины Ислама".

К чести Каримова надо сказать, что он как политик довольно быстро справился со своим первоначальным унижением и страхом и мало-помалу перехватил инициативу, по существу разбив пункт за пунктом и сведя на нет все требования митинга, но как человек, как человек амбициозный, как человек властный, как человек злопамятный и мстительный он никогда и ни за что не мог бы простить ни этого откровенного унижения, ни этого принародного страха. Требовалось лишь недолгое время сбора сил.

Глава четвёртая

День за днём, и ночь за ночью, удаляясь в дальний угол Шибирганской тюрьмы, Ёсир вспоминал по крупицам свою жизнь. Если и преследовало какое воспоминание все его последние два-три года, так это было воспоминание об электрическом свете. Ни в Хоите, ни в Кундузе, ни в Мазари Шарифе по вечерам и ночам не было электрического света. Лишь когда он приезжал в Кабул и останавливался в особняке на Вазира Акбархона, там подавали ненадолго тусклый свет, но и тот зачастую обрывался. Всё это напоминало ему ошкое детство, когда на их окраине то бабушка, а то дядя начищали на каждый вечер керосиновую лампу, и в её колеблющемся свете ему было дозволено читать бабушке то сказки «Тысячи и одной ночи» или газели Машраба.

Но поначалу щемящая ностальгия уже давно сменилась то ли усталой привычкой, то ли неизбежным раздражением и коптящий свет свечки ли, керосиновой лампы, а то и просто ваты или тряпки, обмоченной в масле, высасывал воспалённые глаза.

В Шибирганской тюрьме, куда их перебросили из Кальаи Джанги после кровавой бойни, лёжа отбитой спиной на соломе поверх сырого глиняного пола – так боль унималась пронзительным холодом – Ёсир никак не мог погасить

в своём сознании голую лампочку, а вернее голую нить накала, которая ослепительным зигзагом стояла перед глазами – хоть закрывай глаза, хоть открывай, и из-за этой нити он не видел ни тел вокруг, ни решёток по сторонам, хотя непрекращающиеся стоны отовсюду вливались в изгибы этой нити.

Их били методично и регулярно, как давали пищу. А вместо воды - потоки оскорблений. Арабов, пакистанцев и чеченцев вообще обещали сгноить, если не расстрелять, узбеков же – выслать Каримову: «пусть он вас трахает в жопу!» Били с самого первого дня, когда их сдавшихся вывели из Кундуза и, отпустив афганцев, всех иностранцев загрузили в грузовики, дескать, Красный Крест будет с вами разбираться, чтобы под этим предлогом привезти в цитадель Кальаи Джанги, где и разместили под замок в бараках. Но не Красный Крест стал разбираться с ними, а несколько военных американцев в сопровождении прихлебал генерала Достума, отработывавших теперь на них все свои старые предательства.

...Темнота зиндана была единственным прибежищем, в котором не было ни мыслей, ни чувств – одно забытьё, которого он так долго искал, но тело цеплялось изо всей боли в его душу и не отпускало, и с этой болью возвращались кошмары жизни: первый удар прикладом в копчик, когда их загоняли в грузовики – это там Ёсир внезапно увидел потрясённое лицо журналиста, стоявшего поодаль и даже крикнувшего что-то ему вслед, но удар прикладом вогнал его в крытый грузовик, где он впервые свалился на колючую солому, а потом такая же солома в Кальаи Джанги – напминавшем их районный МТС и заброшенностью и запахом да чёрными, убывающими в пурпур пятнами солёрки тут и там...

И опять его вызывали на допрос, и опять гавкающий американец пытался доказать ему, что Ёсир понимает его слова, а местный узбек, переводя будто бы эти слова, из разу в раз пугал выдачей его властям Узбекистана, где в тюрьмах не цацкаются как тут, а просто сажают на штык или обливают кипятком. Ёсир из разу в раз говорил, что в Кундузе работал над фильмом и никакого Джуму Намангани или Тахира Юлдаша не знает. «На кого ты работал?» – кричал в такт узбеку американец и Ёсир называл имя некоего Зубайра, ни фамилии, ни местонахождения которого никогда не знал. «What about was this film? Bomb-making or terrorist activity?» - не унимался, забросив ноги на стол перед его лицом, американец. Ёсир выжидал перевода, хотя нетерпение его подавлялось лишь тупой болью во всём теле, и говорил в который раз: «О людях, которые были вынуждены бежать из Узбекистана из-за преследований...»

Афганский узбек вышел из-за спины американца и ударил Ёсира со всего размаху в лицо. Удар пришёлся в щеку, но кровь пошла из губ или зубов, поскольку с ожогом Ёсир почувствовал тёплую соль во рту. Его рука дёрнулась инстинктивно для защиты, но взъерепенившийся афганец уже пинал его по животу и визжал: «Я сам был в Узбекистане, я жил как король, а ты говоришь, что там жизни нет! Я тебе покажу, где есть жизнь!» Американец дождался избиения, и потом, лениво поднявшись, оттащил переводчика за стол.

Ёсир сидел, скрючившись от боли в животе, на соломе глиняного сырого пола, когда американец примирительно спросил ещё раз, о каких людях именно был его фильм. Ёсиру казалось, что этот фильм тянется бесконечно перед его глазами, он читает какие-то субтитры невпопад: о семье, которую ему доставили из Шибирганской больницы, о хорезмийце из Кабула, о ферганце в Мазаре. Ферганец бежал с неарестованными остатками своей семьи в Туркмению, оттуда пробрался с женой и годовалым сыном до афганской границы и стал ждать ночи, чтобы вплавь перебраться через Амударью. Плавал, разумеется, лишь он, но сил его должно было хватить и на жену, и на сына. Настала ночь, он тихо опустил в холодную и мутную воду, взял жену с сыном на руках и поначалу пошёл вброд. Луна поднялась над горизонтом, и когда он решил уже плыть, вдруг над головой ударил луч прожектора, и туркменские погранцы открыли по ним огонь. Парень был под водой, ранило в ногу его жену на спине и та, взыв от боли, выпустила из рук ребёнка. Парень рассказывал в камеру, что ринулся было за сыном, но жена в страхе смерти так вцепилась в него, что за взвизгнувшим и замолкшим в мутном потоке дитяткой ему было не уплыть, ни угнаться. Они спаслись с женой на нечеловеческой силе страха, но на афганском берегу жена теперь рвалась обратно в воду, за дитятей, и теперь уже муж вцепился ей в раненное тело и поволок подальше от этой страшной силы, уходящей в ту страну, откуда они бежали...

Боль в теле всё пыталась достичь этой боли, которая сидела ещё глубже, чтобы сравняться, уравниваться с нею и все вокруг будто бы пытались подсобить ему в этом: закручивая руки за спину и завязывая их до посинения и онемения коровьим арканом, суча кулаками пока он шёл до своей темноты в камере, пиная его на пороге в копец, перед тем как захлопнуть за ним решётчатую дверь в эту сырую и спасительную темноту.

И опять в глазах вставали эти две нити накала и по их зигзагам сочились безудержные и ненужные картины.

Глава пятая

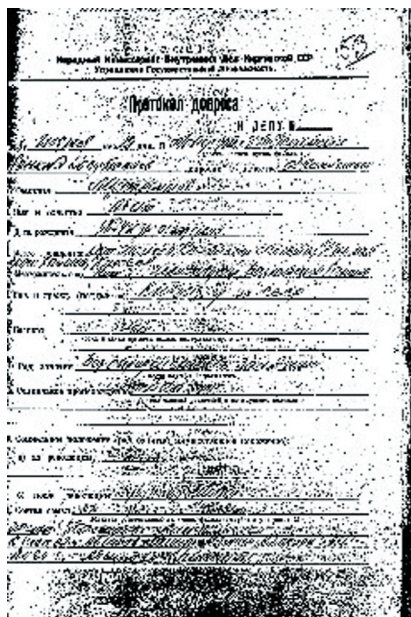
Белги, мне казалось, унаследовал изящество духа, любовь к религии, и страсть к писательству от своих предков. Надо сказать, что я пришёл к этому заключению давно, хотя видел в основном светскую сторону жизни Белги. В 1996 году, когда всех нас пригласили в баварский городок Бамберг на конференцию об «узбеккости» семеро из нас оказались размещёнными в живописнейшем жилище Walkmuhle – бывшей мельнице, которая стояла на растоке реки. По существу домик наш был островом, окружённым рекой, речками, рукавами, водопадами, потоками и мостиками со всех сторон. А добавьте к этому осеннюю тёмную аллею клёнов и дубов, уходящих в лес и ещё вдали здание Констанцы, стоящее над рекой и над своим дрожащим отражением, и вы поймёте многие стихи Белги того периода.

По утрам мы просыпались от перезвона далёких колоколов Бамбергского собора, ратуши, дюжины маленьких кирх и церквушек, а потом включалась встроенная в изголовье кровати немецкая музыка, и среди неброской роскоши многоотсечного дома мы сходились на кухне, где всё отыскивалось само по себе под протянутой рукой. Жаркий и густой кофе, сереалы, джемы и варенья, а особенно немецкий чёрный пахучий хлеб и умные, умные, умные беседы – никогда в жизни мне не было так тепло и уютно, как там и тогда.

И ещё утренние прогулки вдоль тягучей реки по тем самым светящим аллеям, сухо крупящимся под ногами красным осенним песком. Белги любил напевать себе под нос песни Битлов и Демиса Русоса, пока мы разрешали будущее российско-узбекских отношений или сравнивали Фитрата с Лютером, а Гёте с Навои. Там одним утром Белги сказал мне, что собирается написать поэтическую симфонию об этом городе и назвать её Bambergiana. Его поразила более всего непоколебимая каменность этого города, его неизменность на протяжении веков. Он рассказывал, что теперь даже приезжая в свой родной Ош, на свою родную окраину, он её не узнает – каждый год глина одного строения заменяется другим, сын перестраивает отца, а внук – деда. Единственное, что остаётся нетронутым – камень Сулейман-горы посреди города, но и её почву уже испещрили и могилами, и тропами, и трубами. Уж и домик Бабура, который стоял на вершине последние пять веков, и тот ведь сумели достать и порушить... А здесь – всё стоит, как стояло и при крестоносцах, и при первых Папах и при нас... Странно вдруг ощутить, что переменной оказываешься ты сам, - сказал он мне тогда и вдруг замолк.

Днями мы пропадали на конференции, зато по вечерам самый старший из нас – Сократ-ака решил устраивать «среды» каждого из нас, и вот когда настал вечер Белги, вместо стихов, которые он попросту вручил каждому из нас, Белги неожиданно предложил нам послушать, как он сказал – «документальный рассказ» об его деде.

Вслед за стихами он роздал нам копии уголовного дела на Мирзараимова Абути и начал свой рассказ с самого последнего дня из жизни этого человека, из последнего тюремного, предрасстрельного дня в феврале 1939 года. Я не стану пересказывать его рассказ, поскольку сразу же в тот вечер один из нас - Алтаэр Магди попросту попросил Белги отдать ему весь этот сюжет и сказал, что включит его в роман «Железная Дорога», который он к тому времени дописывал. Там и впрямь есть эта линия – деда – Обида-кори. Мне же хочется привести лишь малый фрагмент, чтобы лучше понять жизнь и судьбу поэта, с которым я впервые встретился в далёком баварском городке с перезвонным именем Бамберг...

Ойимча несла виноград, виноград. Грозди, грозди, грозди...

Почему жизнь сложилась так, а не иначе? Капало с гроздей, и солнце отражалось и в гроздьях, и в каплях, и сами грозди казались зрелыми каплями света, света, света, света, света.

Обид-кори остался единственным муллою на округу. Одни ушли горами в Кашгар, другие перешли в сельские учителя и в райкомовские переводчики, третьи пошли воевать за веру...

Жизнь сложилась так, а не иначе, и на то была, видать, мудрость Аллаха, и тем, видать, Аллах наказывал и испытывал своих слуг, и Обид-кори принял своим сердцем жизнь такой, какая она есть. Он не ушёл в горы с турами - братьями и дядьями Ойимчи, хотя по долгу мусульманина проводил их зимними стойбищами

алайских киргизов, ждавших откупа или добычи, до самого последнего перевала Канчын, за которым тропа в одну лошадь уходила в Бадахшан.

Лошади шли понурые, понурые, и глаза их мутные от холода проглядывались со спины, мимо их тощих боков, как будто бы глаза, глаза они хотели оставить на своей собственной земле...

Ойимча плакала беспрестанно и в плаче родила ребёнка, которого назвали Машрабом, Машрабом...

Жизнь сложилась так, а не иначе, и в силу провидения Аллаха Обид-кори не стал сельским активистом - ни советником райкома, ни редактором киргизско-узбекской газеты "Кошчи ва шарваши", хотя тянули его как скотину под нож на советскую платформу. Не ушёл он и в "басмачи", между тем, как однажды ночью его забрали почти что из постели; слава Аллаху, спал он в ту ночь на супе прямо у наружных ворот, а потому, когда на рассвете он вернулся пешком из Чачма-сая - Ойимча спала окружённая детьми, как гроздь винограда, гроздь винограда...

А случилось тогда вот что. Ёрмухаммад - один из самых молодых и отважных муджахиддинов, занявший наскоком Чачма-сай и закрепившийся с киргизами Алая на этой высоте, откуда открывался вид на всю Моокатскую ложбину, застал в кишлаке старуху, вопившую на всё селение: "Дод, Ёрматни дастидан дод! Худое худовандо, жувонмаргбулиб озгидан лахта-лахта кони кесин!"⁶

Не пристало воину надомливать старуху, но нашлись люди, которые выяснили, на что жалуется и о чём причитает старуха. Будто бы джигиты Ёрмухаммада зарезали двух её сыновей, а мужа угнали со скотом. Времени от закатной молитвы и до вечерней хватило воину затем, чтобы установить того, кто торговал его именем. То оказался Янги-Моокатский сарт-юзбоши Махсум-Куллук-почча, который не далее как месяц назад отослал к Ёрмухаммаду в очередные жёны свою младшую дочь - Майсару. Ёрмухаммад принимал эти подношения как знак поддержки его борьбы, а потому ни одной своей новой жены не видел, и жили они целым горным селением близ Шохимардона, вызывая зависть местных советских поэтов. Их никто не охранял, разве что молва, что Ёрмухаммад безжалостен на поле битвы. Да, он был безжалостен во всём.

К полуночи к нему доставили его разоблачённого тестя и местного муллу - Обид-кори. Ёрмухаммад не сказал ни слова о родственных связях с Махсумом-Куллук-поччой, и даже больше того - не стал его показывать Обиду-кори. Он лишь спросил муллу: как полагается поступить по Шариату, в случае если зарезаны двое

⁶ Спаси боже от Ёрмата! Пусть кровь пойдёт его горлом и пусть он умрёт молодым!

невинных, а их отец, угнанный с отнятой скотиной, нашёл свою смерть в ущелье? Обид-кори задумался и на память процитировал Маргинони, правда, добавив, что кровь никогда не смывается кровью, скорее уж слезами...

- Напишите то, что сказано в "Хидае", - сказал сухо Ёрмухаммад и когда Обид-кори кончил писать цитату, спросил: - чем я могу вам помочь?

Обид-кори пожал плечами и подняв руки для молитвы, произнёс:

- Пусть Аллах ведёт вас лишь по верному пути!

Ёрмухаммад не стал задерживать муллу, а приказал снарядить ему лошадь и охранника впридачу, но Обид-кори отказался от лишних хлопот. Родная земля, все его тут знают, - и пошёл пешком в свой кишлак, темневший в долине. Кишлак его темнел, темнел, темнел в долине...

А наутро на базаре, на самом людном месте, где восемь безусых мальчишек торговали лепёшками да четверо стариков каймаком, обнаружили на подносе голову Махсума-Куллул-поччи с цитатой из "Праведного Пути" Бурханутдина Маргинони, намокшей и разбрызгавшей от всё ещё сочащейся крови...

- О Аллах, почему Ты сделал Свою справедливость столь жестокой, а меня, а меня - невеждой, - шептал Обид-кори во время полудневной молитвы, когда он молился за всех - и правых и неправых, но более всего за запутавшихся, кто путаницей своих душ и стремлений пытается выправить узор, предначертанный Аллахом, предначертанный...

Да, жизнь сложилась так, и не иначе. Через неделю большевики выставили в назидание две отрезанные головы джигитов Ёрмухаммада - с постановлением революционного трибунала, приколотым к горлу жертв. Другие ответили тем, что в одну ночь вырезали по домам всё большевистское руководство Эски-Мооката: от однорукого чекиста Агабекова и до райкомовского мясника Кулдаша, продавшего за крупноголовую скотскую плоть свою веру. В ответ начался "красный террор", когда всё мужское население округа от двадцати и до сорока лет угнали на Крайний Север как пособников, кто сумел - тот сбежал в горы к Ёрмухаммаду, кто не успел - того расстреляли, а вместо и во исполнение обязанностей мужского населения Мооката расквартировали здесь полк красноармейцев под предводительством татарина Чанышева.

... Урюк поспел во дворе - светлые, прозрачные шарики в листве, листве, листве. Вишня всё больше и больше темнела, невыносимо уже темнела, и дети не успевали её обрывать засветло. Ойимча варила варенья, и вместо сахара заливала фрукты вываркой виноградного сока, а ещё загустевшим сиропом тутовника. Сироп лился вязко и Ойимча, сидя у очага, водила шумовкой по казану вязко, вязко, медленно, вязко...

Обид-кори остался единственным грамотным узбеком в кишлаке. Одни ушли в Кашгар, других угнали на Север, третьи нашли кончину в горах и никто, никто не вернулся. Обид-кори остался единственным узбеком, когда Моокат объявили принадлежащим киргизам.

Его племянник Шир-Гази, женатый на киргизке Нороон, дочери шерстебрёя Тоголока, как единственный грамотный киргиз долины, стал первым коренным сельсоветом. Семья Тоголока, сдающая шерсть алайских овец Советам, конечно же, испортила Шир-Гази, но ещё более его испортила сельсоветская власть. Теперь он стал красным и толстым, как брюхо, а голова его сзади напоминала стриженный курдюк овец его тестя. Лишь заделавшись сельсоветом, он переписал всё население Мооката киргизами и обложил его помимо советских налогов вдобавок родовой данью и даже пытался заручиться при этом фетвой своего дяди, но Обид-кори прогнал его со двора как шайтана, а потому так и не стал последним признанным Советской властью киргизом Мооката. Так и остался Обид-кори последним узбеком кишлака, когда Эски-Моокат стал полностью киргизским.

Между тем этот шайтан Шир-Гази делал с народом что хотел, да так, что его тесть - овцебрёй Тоголок стал страшно завидовать своему зятю и однажды откровенно попросил того:

- Клянуй тебя Лелин-Исталином, дай мне на 15 дней своё место, дай и я понаслаждаюсь властью!

Поначалу Шир-Гази не соглашался, но Тоголок подговорил свою дочь - красавицу Нороон, и через неделю этот красный шайтан собрал своих баранов на свой сельсовет и вынес революционное решение, что едет с проверкой по социалистическим джыйляу, а на время убытия оставляет вместо себя сельсоветом Тоголока Молдо-улы. Взамен 15 дней неистовства Тоголока, когда тот выбрил всё население Эски-Мооката как собственных баранов, шайтан Шир-Гази получил отару небритых и откормленных овец в урочище Кок-бель, где и провёл эти мучительные полмесяца разлуки с Советской властью.

Но дети росли, несмотря ни на что, дети росли, как наливаются гроздья винограда, грозди винограда... Ойимча вышивала им томными летними днями поясные платки, медленно взмахивая своими лебедиными рукавами-рукавами, медленно взмахивая... Шёлковыми нитками она им вписывала в пояс собственные стихи, и дети заучивали их наизусть как защиту от навета и дурного глаза.

Почему, почему жизнь сложилась так, а не иначе? И что такое это иначе? Есть ли оно на свете, или только придумано людьми? А может быть дано Аллахом

это иначе для людского утешения? Покажется Ойимча, несущая полный сават винограда, винограда, покажется и исчезнет. И только пятнышки солнечного света между, на, под, вокруг листьев, листьев, листьев, остаются вместо её гроздей, её светлых воздушных гроздей.

Не на детей нашёл навет и дурной глаз, и слава Аллаху! А на Обида-кори. Дети всё бегали на базар, нося по праздникам куриные яйца для боя, и возвращался младший, названный Машрабом, всё время плача, - сын Соатаростовщика разбивал все яйца, о которые ломались зубы, своим яйцевидным камнем, найденным на Какыр-сае. И никто не мог доказать, что это камень, а не яйцо.

Да, припомнили Обиду-кори всё - и то, что он учился в рассаднике опиума для народа, и что участвовал в буржуазно-националистическом кокандском съезде, и то, что он не прекратил верить в своего Аллаха в эпоху воинствующего материализма. А ещё вменили ему предательство Родины и измену киргизскому народу. И кто бы, спрашивается, вменил ему всё это по 58 статье? Сын Кузикамалака Кукаш-пучук, которого Обид-кори выучил грамоте. Теперь этот зеленоглазый сартовский отпрыск, ставший киргизом-НКВДшником, допрашивал через день Обида-кори в областной тюрьме.

Ойимча несла полный сават винограда, светлые кисти, светлые грозди винограда, винограда, винограда, когда четверо милиционеров во главе с сельсоветом - его собственным племянником - Шир-Гази - забрали его из дому как врага народа.

И дети были на базаре, и двор был пуст, и только пятна света, пятна света повсюду, и там, и тут, лежали на земле его двора, покрытого тенью листвы, листвы, листвы. Так плакала, так рыдала Ойимча из глубины дома, вынужденная скрыться от этих номахрамов⁷, её безъязыкий плач доносился ещё долго после ворот, как гроздь за гроздь, гроздь за гроздь...

Виноград рассыпался по двору, Шир-Гази и четверо милиционеров шли по нему сапогами, втирая, вминая, втапывая его пятнами света, пятнами света по пустынному двору, двору, двору...

Да, жизнь сложилась так, и не могла сложиться иначе. Слова могут сложиться иначе, слова можно переписать, пересказать или перевернуть, как делает этот зеленоглазый даджал⁸ Кукаш-пучук, но жизнь - она одна и она от Аллаха. И что мы знаем о ней? Между слов она неощутима, невесома, как лучи солнца между листвы, между листвы. И только тень листвы ловит эти пятнышки света, окружает, окаймляет, определяет, заключает, арестовывает.

⁷ нечестивцы

⁸ чёрт Судного Дня

В словах совершается жизнь: кто-то говорит или думает: он поступил хорошо или: он поступил плохо. Но что такое хорошо или плохо вне слов? Или же когда слова перевернуты с ног на голову - не листья отбрасывают тень, диктуемую всё тем же светом, а тень рождает листья, и листья производят свет.

Тюремная решётка в маленьком окошке, куда смотрел после молитв Обид-кори, точно так же относилась к небу с его солнцем, с его синью, с его редкими белыми облаками. Две полосы снизу вверх и шесть ржавых перехватов поперёк.

И всякий раз после допроса этого зеленоглазого даджала, когда любой из ответов Обида-кори оборачивался против него же самого, старик, совершенно отказываясь что-либо понимать, сидел на каменном топчане перед этим зарешёченным окошком и вперемежку с бесконечными молитвами, возвращавшими словам их смысл, вспоминая семейную легенду Ойимчи, Ойимчи...

Дед Ойимчи по матери Мулла Тусмухаммад-охун учился в молодости в том же самом бухарском медресе Мири-Араб, где полвека спустя учился и сам Обид-кори. Однажды зимой за чтением Корана в худжре он и не заметил, что выпал снег. Да такой, что дверь худжры совсем не отворялась наружу. Тусмухаммад опять засел за Коран. А снег тем временем шёл и шёл. Три дня и три ночи шёл этот снег. Но может быть и дольше, ведь все запасы пищи - всю свою жидкую аталу⁹ съел Тусмухаммад, отрываясь изредка от чтения. А снег не прекращался. И пища в келье кончилась, и время не останавливалось. И Тусмухаммад молился и читал Коран, молился и читал. И уже счёт дням и ночам потерял Мулла Тусмухаммад-охун. А снег не прекращался. И вот сидел он в один из бесконечных дней или в одну из бесконечных ночей, вслушивался в шорох снега и думал о могуществе Аллаха, насылающего на эту землю людей как снег - снежинка за снежинкой, снежинка за снежинкой, когда в углу его худжры раздался странный шум. И вдруг он увидел, что светящаяся курица с семью золотыми цыплятами вышла из этого угла и пересеча худжру, вышла в дверь, растворившуюся перед ней вместе с вековым снегом. Солнце светило на улице, и муэдзин призывал правоверных на молитву. А глазам Тусмухаммада-охуна стало так нестерпимо от сини, сини, сини, что ещё Обид-кори видел следы этого небесного цвета сини в глазах ослепшего Муллы Тусмухаммад-охуна.

Тогда ему сказал его учитель Хазрати Сулейман-Эшон, что семь поколений Муллы Тусмухаммада-охуна будут жить под покровительством Аллаха, и Ойимча, бедная Ойимча свято верила в это.

⁹ мучная похлёбка

Ойимча. Она приезжала каждую неделю, останавливаясь у своих родственников, живущих напротив тюрьмы, и передавала ему то четки, то лепёшки, то кувшин для омовений, то тайную весточку от детей. Передавала всё это она через своих племянников, живущих напротив тюрьмы, а однажды, набросив чачван, даже дошла до ворот тюрьмы, но урус, стоявший там с ружьём, прогнал её, матеря как последнюю собаку.

И то ладно, что навет да дурной глаз пал на Обида-кори. Ведь и старший его - Машраб уже подрос, уже стал виден, заметен, но слава Аллаху, сохранил Он его от навета да дурного глаза как золотого цыплёнка. Видно не врос Обид-кори в род Пророка - мир ему и благословение! - мысли Обида-кори начинали путаться от бесконечных допросов, бесконечных молитв, бесконечных дум ...

Почему жизнь сложилась...

Ночью, когда на решётку - эти две продольные и шесть поперечных перекладин упал внезапный свет и скрежет камерных дверей поднял Обида-кори, терзаемого мыслями, с железных нар - той же самой решётки - две продольных - шесть поперечных перекладин, покрытых тюфяком набитым Ойимчой - мучениям его пришёл конец. Ночная птица сверкнула крылом за решёткой и его вывели на тюремный двор. Семь крытых "воронков" стояло во дворе, а конвоиры выводили и выводили людей.

Обид-кори дышал, наслаждаясь ночным горным воздухом, и ему было легко как некогда Мулле Тусмухаммаду-охуну после растаявшего снега.

*Ваз Зуха, валлайли иза саджа,
ма ваддаъака раббука ва ма кала...*

*Клянусь блеском дня до полудня,
и ночью, когда распространена темнота её,
не покинул тебя Владыка твой,
и не недоволен Он...*

шептал он, и слёзы катились по его редко поросшим щекам.

Ойимча, Ойимча сидела посреди летнего двора и взбивала, ссучивала длинными прутьями вату, вату, вату. Руки её взмахивали в широких белых полотняных рукавах как крылья и вата, цепляясь за медленные, медленные, медленные прутья, взлетала, взлетала, взлетала вслед за ней, как небесные облака, облака...

Их погрузили в воронки и отвезли на станцию. Там их пересадили на товарный вагон, зарешеченный, как и в тюрьме - две продольные и шесть поперечных прутьев и повезли медленно-медленно-бесшумно-медленно по железной дороге. Сквозь дыры и щели в полах она проглядывала - эта железная дорога - две нескончаемо продольных и бесконечно, бесконечно, бесконечно эти шесть поперечных перекладин, и уже казалось, что будто бы и землю уже заключили или же их, едущих в этом зарешённом товарном вагоне отлучили от земли.

Почему жизнь... Душа Обида-кори летела над землей, оставляя на ней Ойимчу, Ойимчу, и дети бежали за ней, простоволосой, как грозди винограда, грозди винограда...

Глава шестая

*Qorong'u yo'l
qaroq yulg'un
ko'ngul sen muncha entikding
qazo deb qo'rqqaning - bu tog', ajal deb shoshganing - yulduz
sanga savdoi sardoring - ko'zu jon tikmading-tikding -
sangu sayyora sotgaymu ¹⁰*

Belgi

Тем временем как Президент Каримов, добившись победы над поэтом Мухаммадом Солихом в Президентских выборах в декабре 1991 года лишь только вздохнул, чтобы приняться за консолидацию своих сил, 21 февраля 1992 года на улицы Ташкента вышли тысячи студентов.

События того времени вспоминает Хамид Исмаилов:

«В феврале 1992 года ко мне обратилась телевизионная группа из Би-би-си, которая собиралась снимать одновременно четыре фильма о четырёх среднеазиатских республиках. Они попросили меня проконсультировать по Узбекистану. Я жил в то время в Москве и работал представителем Союза писателей Узбекистана при Союзе писателей СССР. И хоть Союз к тому времени фактически уже распался, но Союз Писателей действовал, как и прежде. Я согласился лететь в Узбекистан, но обусловил своё участие в снятии фильма тем, что мне будет помогать поэт Белги, поскольку он тогда жил в Ферганской Долине и знал всё, что там происходит, изнутри. На том и договорились.

Помимо общей консультации моя задача заключалась в том, что я должен был ездить впереди съёмочной группы и искать героев фильма,

¹⁰ *Тёмный путь*

разбойничий тамариск

что ты так бьёшься сердце

то чего ты пугаешься как провидения – гора, чего боишься как смерти – звезда

станет ли тебе твой сумасшедший путевод – оставишься ты или нет –

сбивать камни и планеты

Белги

решать, насколько интересны и представительны их взгляды, договариваться с ними о возможной съёмке. Недавно я пересматривал все десять-двенадцать часов сырых съёмок к получасовому фильму и удивился, сколько исторического материала мы тогда набрали: там проинтервьюированы и бывший муфти Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф, и писатель-диссидент Мамадали Махмудов, и пропавший без вести религиозный лидер Абдулла Утаев, и эмигрировавший за границу поэт и политик Мухаммад Солих, и лидер движения «Бирлик» Абдурахим Пулатов, и старейшина религиозного движения Хаким-кори Васиев. Словом, за вычетом Президента Каримова, который отказался тогда с нами встречаться, мы сняли всякую мало-мальски значимую фигуру того – десятилетней давности Узбекистана.

Среди прочих был обширно проинтервьюирован и лидер наманганского религиозного движения «Ислох Лашкарлари» - Тахир Юлдаш. Впервые это имя я услышал из уст Белги, когда, навестив предварительно в Фергане поэта Шамшада Абдуллаева, я проехал в Ош и увиделся там с моим молодым другом. Он и рассказал мне о том самом противостоянии с вынужденным вернуться в Наманган Президентом Каримовым на том самом многотысячном митинге, организованном Тахиром Юлдашевым в декабре 1991 года. Теперь, сказал Белги, после того самого митинга организации Тахира Юлдашева отдали здание Горкома партии, и он со своей организацией почти заменил собой местную милицию.

Мы решили ехать в Наманган вместе. Если не считать глубокого детства, я никогда прежде того не был в Намангане, а потому, когда наш такси стал пересекать границу самой области, и нас остановили милиционеры-гаишники, чтобы допрашивать, куда и зачем мы едем, во мне на минуту разыгралась московская высокомерность, и я дерзко сказал, что я из Союза Писателей СССР. Но на тамошних милиционеров это не произвело ни малейшего впечатления: «Так самого Союза-то уже нет», - зевая, сказал один из них и опять вернулся к расспросам. Нигде я не видел такой подозрительности, дотошности и круговой поруки как там, поскольку уже на следующем посту нас встречали милиционеры и спрашивали те ли мы самые поэты, которые едут на встречу в местное отделение пропаганды литературы.

Ладно – то были милиционеры, но когда старенькая андижанская «Волжанка» подвезла нас к бывшему зданию горкома партии и, выйдя из нее, мы обратились к первому встречному охраннику, спрашивая, где можно увидеться с Тахиром Юлдашевым, молодой охранник пустился точно по тому же самому кругу вопросов: «А откуда вы сами будете? А с какой целью вы хотите его видеть? А кто вам дал этот адрес?»

Я быстро потерял терпение и более всего от наманганской манеры спрашивать вас в третьем лице, буквально: А откуда они сами будут? А с какой целью они хотят их увидеть? А кто им дал их адрес? – и уже чуть было не стал передразнивать чрезмерно любопытного охранника, дескать: А какое им собственно дело? – но Белги одёрнул меня за рукав и сам вступился с мягким объяснением, что перед самым началом Рамадана Би-би-си готовит передачу об Исламе в Узбекистане, и первым делом решило посетить Наманган, как бастион Ислама в Средней Азии, а потому...

Но именно в это самое время совершенно с другой стороны вдруг появилась целая процессия, в середине которой шёл молодой высокий парень с редкой бородкой, накинувший на себя наманганский чапан из-под которого синело голубое трико. Толпа вокруг него шла разрозненно и невпопад, кто изъясняя что, а он – этот парень вдруг посредине чьего-то предложения оглядывался в сторону и кричал кому-то на другой стороне улицы поступить так-то и так-то!

Не помню, знал ли Белги Тахира Юлдашева в лицо, но в ответ на мою вопросительную интуицию он лишь кивнул головой и я пошёл тогда на abordаж: я пошёл в самую голову этой толпы и громко поздоровавшись, сказал, что хочу переговорить с Тахиром Юлдашевым. «Тахир Юлдаш?» - переспросил парень, отсекая русское окончание и измерив меня взглядом с головы до ног, спросил: «А сами кто будут?»

За меня заговорил тогда Белги – он всегда был намного лучше меня во всех этих ферганских этикетах: кто кому и как подает чай и как при этом прищёлкивает пальцем по пиале. Словом, представил он меня по полной выкладке, так что и высокомерный Тахир Юлдаш заинтересованно пригласил нас вовнутрь, сделав остальным знак расходиться по своим делам.

Честное слово, за всеми этими психологически давящими деталями я забыл, о чём был наш первый разговор, знаю лишь одно, что мы договорились приехать со съёмочной группой Би-би-си как можно раньше, поскольку начинался Рамадан, и снять наше интервью об исламе в Намангане. Помню, что тогда же он сказал: «Сейчас Наманган, но можно называть и Исламабад».

Как мы не стремились попасть в Наманган возможно раньше, но съёмки то злосчастного героя-председателя Ахмаджана Адылова, то нового капиталиста в малиновом пиджаке Анвара Тилляходжаева, то ещё кого, оттянули наше прибытие до самого первого дня Рамадана. И в первый день священного мусульманского месяца, месяца поста, мы высадились всем десантом напротив бывшего Горкома партии. Не стану рассказывать о полном составе группы, упомяну лишь нашу переводчицу Олю – девушку-модель из Москвы. Так вот эта модель никогда в своей жизни не была вне пределов Садового Кольца, если не считать поездок на Запад, а потому приехала в Узбекистан как на Багамы или Гаваи, ожидая много солнца и бесплатного загара. Я и Белги, как консультанты проекта, не раз говорили как ей самой, так и продюсеру фильма – пакистанке по имени Фаррах, что не гоже так появляться в самом сердце исламского Узбекистана. Но Фаррах то ли защищала право мусульманских женщин на всеобщее равенство, то ли Оля не могла найти в местных коопторговских лавках ничего подходящего, как бы то ни было, появлялась на всех встречах с седобородыми муллами и благочинными имамами в своей мини-юбке, а поскольку зачастую за отсутствием стульев и в согласии с местными традициями приходилось сидеть на полу, то даже потупленные по традиции в пол взгляды праведников неизбежно натыкались на оголённые глубины этой супермодели.

И вот этой самой Оле было поручено вести интервью с Тахиrom Юлдашем в первый день священного месяца Рамадана. Вот полный транскрипт этого интервью:

Вопрос: Расскажите о своей исламской армии.

Во-первых, я хочу вам сказать Добро пожаловать, слава Богу, что мы с вами встречаемся, и мы уже понимаем, что если я дам вам интервью, я должен объяснить вам про это. Эта исламская армия уже восемь месяцев назад у нас в Намангане образовалась, восемь месяцев они уже работают. Причина такая, что в народе, в городе, области преступников много было. Если мы считаем себя мусульманами, мы не должны смотреть на какое-то преступничество, нам дан приказ и от бога, и от Пророка Мухаммада алайхиссалам (АС) тоже, что если кто делает плохо, если мы преступника увидели, сразу с руками остановить. Это наш долг. Поэтому причина такая была, что милиция, армия там Советская была они, понимаешь, не работали, просто брали свою зарплату и всё. Если было преступничество, они взяли много раз взятку и отпустили. Для этого мы создали исламскую

армию, помогать бедным людям или несильным людям и будем бороться с преступничеством. Эта наша задача.

Вопрос: Правда ли что вы не подчиняетесь светским властям и какое вы хотите в таком случае правление?

Понимаешь, у нас есть законы. Закон - это Коран, от бога, от Аллаха, Коран дал Бог, это наш закон, это наш путь. Мы хотим такой ислам увидеть, чтобы наша армия должна быть такой, как показал бог в Коране. И в Хадисах Мухаммад алайхиссалам как показал, мы хотим так устроить. Мы подчиняемся только этим законам Курану и слову Мухаммада АС нашего Пророка. Хотим увидеть чтобы такой-такой человек должен возглавлять, чтобы он подчинялся Курану и слову Мухаммада-пророка АС.

Вопрос: Будет ли легко сейчас вернуть исламские традиции, когда столько лет прошло с их введения?

Понимаешь, Оля... (продюсер и переводчик перебивают, говоря, чтобы он не обращался к Оле) Извините, извините...

Ислам проходил столько экзаменов. Эти 74 года считаются тоже экзаменом. Люди так понимают, я тоже так понимаю, что если будут стараться, это нетрудно будет, нетрудно. Первая наша задача люди такие стали, что им надо показать настоящую дорогу, потому что многие уже потеряли путь. Им мы должны показать и мы стараемся показать. Помоему не трудно будет, легко будет.

Вопрос: Правда ли что вы пользуетесь методами насилия, если это не так, то какие методы вы применяете в своей деятельности?

Методов много. Первый метод мы хотим агитировать людей к настоящей вере, к настоящему исламу, и стараемся этим путём народу объяснить. А силой, если кто против ислама будет, если они захотят этого, то мы готовы им отвечать. Исламу нельзя первым начинать войну. Это

нельзя. А если кто-то против будет, пускай он кто будет, мы им можем отвечать.

Вопрос: Обладает ли ваша организация военизированной формой, то есть, действительно ли она исламская армия?

Понимаешь, я хочу вам объяснить. По-моему это не армия. У настоящей армии должно быть оружие, там... а наше оружие бог. Наше самое главное оружие вера, которая в сердце. По-моему это не армия, просто они настоящие мусульмане, которые против несправедливости. И мы считаем себя муджахидами. Муджахид переводится так: сколько у человека сил есть, он должен помогать исламу, может кто-то другого человека будет учить, кто-то построит мечеть, это муджахид. Муджахид нельзя понимать, как если кто-то возьмёт автомат или какое-то оружие и стреляет. Нет, муджахид должен всем-всем исламу помогать и он помогает. Вот это называется муджахид. Поэтому не хочу сказать “армия”.

Вопрос: Каковы ваши планы, если так и будет продолжаться?

По-моему я не чувствую изменений никаких. До этого времени как было, так и остаётся. А что будет дальше - я не знаю. Когда Рамазан начинается у нас, Пророк Мухаммад АС говорит: Увидите новый месяц в небе и входите в Рамазан, увидите новый месяц в небе выходите из Рамазана. Поэтому что дальше будет, я не знаю. Один бог знает. До этого времени мы жили - это мы можем знать, а что будет дальше, что будем делать, ничего не могу сказать. Изменят или не изменят, это Бог знает. У нас много вопросов бывает, что вы будете делать. Это я не знаю. Я не знаю, через час я буду жить или нет. Это бог знает. Поэтому не могу отвечать.

Вопрос: Верно ли, что из Ферганской долины будет распространяться ислам на Среднюю Азию и почему именно отсюда?

Понимаешь, по-моему, это неправильно. Когда я читал газету, когда Майк Тайсон принимал ислам, говорили, что из Америки тоже начинается ислам. Самым первым ислам из Мекки, из Арабистана вышел. Мы же чтобы быть настоящими мусульманами все, что у нас есть должны отдавать. Мухаммад АС говорит: Вы не настоящие мусульмане, если что любите,

другим не будете отдавать. Поэтому мы любим свою веру, свою молитву, и бога любим и стараемся - если хотим быть настоящими мусульманами другим это отдать, объяснить. Поэтому, сколько мусульман живёт на земле, в мире, они должны стараться другим объяснить ислам. Поэтому этого я ещё не знаю, из Ферганской долины это будет, или... поэтому если кто себя мусульманином считает, он должен помогать другим объяснить ислам.

Вопрос: Как вы считаете, как у вас будут складываться отношения с властями и, особенно с милицией, чью функцию вы взяли на себя?

Понимаешь, люди уже не верят им, этим милиционерам, полицейским. Вот уже восемь месяцев мы уже отвечали народу, наша группа приняла где-то двести заявлений, и отвечали народу. Где-то миллионы взяли от преступников и обратно отдали людям. У кого взяли они деньги, тому мы отдали. Милиция, по-моему, ещё спит. Если народ так и будет идти, скоро им уже придётся организацию милицию не будет. Участковые у нас тоже не работают. Если так будет продолжаться милиции у нас, по-моему, не будет, придёт на её место исламская, как вы сказали, армия.

Вопрос: Предвидите ли вы, что может случиться, скажем, к концу этого года? Изменится ли отношение власти?

Понимаешь, мы когда занимались, мы много милиционеров наказали тоже. Если они брали взятки или занимались преступничеством, мы их много наказали. Сейчас у нас время такое, что они уже чуть-чуть стараются помогать народу. Может если они и дальше будут это делать, но, по-моему,... я не могу отвечать, что будет через семь месяцев.

Вопрос: Правда ли что русские бегут из-за вас из Ферганской долины, и вы относитесь к ним как к кафирам?

Это неправильно. Мы в исламе нации не разбираем. Если разбирали бы, я бы с вами даже не разговаривал. Например, если я сейчас глава их, то у нас нации не разбирают. Мы все дети одного родителя. Наш отец первый Адам. Мухаммад АС говорит: Все люди, которые на земле живут дети Адама. Много боятся сейчас, что если ислам будет построен в

Узбекистане, люди, которые верят в другое, в другие религии, им придётся уходить. Нет, это не так. Пусть это Наманган, Узбекистан, Туркестан, это пускай Москва это не наш, не мой, не твой, потому что это общее наше. Потому что Куран говорит: Что есть на земле и на небе это всё для Бога. Поэтому я не имею права сказать, что эта земля наша, что в Намангане должен жить узбек или мусульманин. У мусульман так это не узбек, это не араб, если кто верит, тот мусульманин. Правильно, если Майк Тайсон принимал ислам, если будет правильно верить, он мусульманин. Поэтому это не так, если кто-то скажет, если здесь будет много мусульман, то тем, кто верит в другие религии, придётся уходить, это не так. Пускай живёт. Это наши друзья, это наши братья. Поэтому исламу нельзя заставлять других, это тоже слово бога. Поэтому пускай успокаивается, мы не выгоняем никого.

Вопрос: Но не считаете ли вы, что подъём ислама здесь будет заставлять их уезжать?

Нет, понимаешь, есть слово Пророка Мухаммад АС... (продюсер прерывает, прося не закрывать лицо руками) Пророк Мухаммад АС говорит, кто верующий, он не должен ругать того, кто верит в другую религию. Например, если он христианин или другой, поэтому если он ругал его, то он как будто ругал меня. Поэтому это не причина, если ислам здесь будет распространяться, они уезжали отсюда... Это не причина, может быть им хочется жить в родном городе, например, если вы из Москвы или другого города, если ему охота идти в родной город, это его... право.

Вопрос: Каковы ваши личные планы на будущее?

Понимаешь, такой интересный вопрос, но я уже раньше отвечал, что дальше будет, я не знаю. Я не могу отвечать. Но мы будем до конца жизни идти вперёд. Сколько у нас есть жизни - это бог знает, поэтому мы не будем остановиться, пока наша жизнь будет хорошей. До конца жизни мы будем заниматься исламом, это наш долг. А что будет это трудный вопрос, я не могу отвечать.

Вопрос: Если ситуация в Узбекистане и в Ферганской долине будет ухудшаться, что предпримите вы?

Если дальше будет идти, люди бедные, если так будет для народа

плохо, придётся нам ещё дальше, побольше работать по-моему. Я считаю, что человек может себе взять настоящий путь от ислама. Поэтому я считаю, что народ только может найти свой настоящий путь с исламом. И мы будем так дальше бороться побыстрее.

Вопрос: Кто в основном состоит в вашей организации?

В наш состав кто считает себя мусульманином, мы будем принимать его, пусть какой он нации ни будет. У нас членов даже много женщин. Разницы нету. В ряду нас есть грузины, русские тоже есть, чечены. Кто считает себя мусульманином, мы его принимаем.

Вопрос: Много ли членов в вашей организации?

Это я не скажу. Мы не верим для народов, мы не верим для людей, мы верим в бога. Поэтому мы вышли. Нам бог помогает. Это не значит сколько людей. Если я останусь даже один, я буду бороться до конца жизни. Сколько членов будет, много-мало - это нам неинтересно.

Вопрос: Кто вас финансирует?

От своего кармана мы берём. И ещё у нас для бедняков, если мы поможем, есть закат. Если у человека сорок баранов, то он одного должен отдать. Так и с деньгами. Для бедняков у нас богатые помогают. А для этого мы от своего кармана тратим деньги.

Продолжает Хамид Исмаилов: Вот таково было первое международное интервью Тахира Юлдашева. Сейчас, просматривая те кадры, видишь, как скован он перед камерой, как жмутся руки, и даже впоследствии в мечети, когда он читал свою знаменитую проповедь - ваъз, всё ещё заметно, как молод он и неопытен, как ещё подвержен влиянию. Но и все-таки именно тогда Белги восхищённо сказал: "Если б поэты могли так читать свои стихи - можно было бы заполнять не Лужники, а Маракану!"

Потом в ферганской гостинице в общей комнате мы обсуждали с ним свои впечатления и он, помнится, сказал: "В первый раз увидел, что такое несгибаемый человек". Правда, я тогда не разобрал в каком значении эти слова были сказаны, поскольку в узбекском языке несгибаемость не настолько однозначно-положительна как в русском и это заметно в пластилиновой фигуре почти каждого узбека.

Глава седьмая

В году кажется 1997, помню точно, что это было порядком после Бамберга, Белги приехал из Оша в Ташкент и позвонил мне домой, предлагая встретиться и поболтать. Я с удовольствием согласился, ведь хотя и Ташкент город большой, а поговорить по существу не с кем “иных уж нет, а те далече”. Я снимал комнату на своём Кара-Камыше 2/4 и пригласил его к себе, но он сказал, что приглашён к двум узбекским писателям, чьих имён я не знал, и потому предложил встретиться у них. Мне, честно говоря, не очень хотелось идти к незнакомым людям, и я пошёл на компромисс: дескать, почему бы вам ни прийти вместе с ними в мою хибару маленькая, но традиционный плов и вино к нему обещаю. На том и согласились.

Через день я и впрямь приготовил плов, и с естественным опозданием - попробуйте добраться на Кара-Камыш воскресным вечером - Белги вошёл в мою комнату в компании двух подпитых узбекских писателей, которых я не знал и в лицо. Те принесли с собой две сетки кибрайского пива, которое сами же стали тут же открывать и протягивать по бутылке каждому.

Я не помню их имён и сейчас, они попросту не представились, хотя Белги представил им меня, как своего друга, с которым познакомился в Германии в прошлом году. Он тут же на память перечислил все, что я написал, а поскольку опубликованного среди этого списка было совсем немного, те просто пожалы плечами. Я же успел удивиться цепкости его памяти, не упустившей даже двадцатилетней давности рассказа, который я отправлял безуспешно в тогдашнюю всесоюзную “Юность”.

Пока мы ели плов и потягивали в промежутках пиво, разговора как такового не было, Белги рассказывал попеременно то на узбекском, то на русском для меня о своих последних переводах Мандельштама, о том, как это по-узбекски похоже на Чулпона, о том, что он почти перевёл вес “Камень”, первое издание которого я ему подарил в своё время.

К этому времени плов был уже съеден и половина батареи пива выпита, а поэтому, честно говоря, и я достиг стадии, когда не стеснялся, что не стопроцентно понимаю узбекский, хотя всегда получал в школе за этот предмет лишь отличные оценки. Но и мои гости уже не церемонились со мной, и один из них сказал, что “Камень” должно быть масонское произведение и надо быть осторожным в его переводе на узбекский, на что Белги лишь рассмеялся.

Но этот самый воинственный не унимался. Насколько бегло я понимал, он говорил о заговоре евреев и армян против узбеков, сыпал именами и фактами, упомянув поначалу Туркестанскую Автономию, которую, мол, подавил Дашнакцутюн. Потом он перешёл на сталинские репрессии и сказал, что, судя по КГБвским архивам, цвет узбекской нации арестовывали всякие Вышинские и Апресяны, да и последнее так называемое “узбекское” дело предводили Гдляны, Мелкумовы и Калустяны.

Меня поразил тогда ответ Белги, на которого и обрушилась вся эта лавина воинствующего коллеги, он сказал тогда: “Зато в нашей литературе, начиная с Навои, есть культ, скажем армянской женщины. Ширин армянка. Усман Насыр написал поэму Нахшон о красавице-армянке, чьи ресницы бросают тень на груди. Эркин Вохидов написал свою знаменитую Азгануш. И даже у меня грешного, я вспомнил только сейчас, к вашим словам, есть стихотворение о девушке-армянке”. И он безо всякой подготовки стал читать вот это стихотворение:

*bilaman, bilaman oramizda hech
narsa bo'lmaydi-ku, lekin har kun kech
tushuishi bilanoq qamalib uyga
toliqaman, talanaman, tolaman o'uga.*

*Bir o'uga tilanib qolaman har kech -
bilaman, bilaman, oramizda hech
narsaga o'rin yo'q, bu o'rin - bo'sh yer.
shunday ekan - peshmi bu o'yu, bu she'r...¹¹*

¹¹ Я знаю, я знаю между нами ничего
не случится, но каждый день с приходом
вечера, запираясь в комнату, я
изнемогаю, мучаюсь, терзаюсь мыслью -

*единственной мысли предаюсь каждый вечер -
я знаю, я знаю между нами ничему
нет места, это место – пустота.*

А раз так, то разве защитой эта мысль, и этот стих?

И все-таки после того вечера у меня на душе остался горький осадок. И не по сути этой бесконечной дискуссии: я слышал вещи и похлеще, в других странах, среди других людей. Нет, не потому. Просто, к тому времени разговор окончательно переключался на узбекский и я сидел со своей иллюзией понимания и прощения, никому не нужный в своей комнате, и друг, который пришёл навестить меня, был всецело вовлечён в круги других споров и тем, и даже его последние слова на пороге: “Прости, так и не сумели поговорить...”, отдавали скорее вежливостью, нежели сожалением.

Как оказалось, это была наша последняя встреча.

Глава восьмая

Один из дядь Асрора рассказывал о том, как в середине тридцатых, когда арестовали их деда, его братья вместе с его отцом решили уйти через Алайские перевалы в Кашгар, как им помогали в дороге киргизы Алая, знавшие все эти тропинки в обход пограничников и застав, как те шли по ущельям, на дне которых гремели смертельные реки, по уступам в четыре людских ступни, где лошади, освобождённые от вьюка и даже сёдел, натирали себе в кровь бока. Асрор никогда не мог бы предположить, что ему и самому придётся делать такие переходы.

Поздним летом 1997 года Асрор встретился в Ошской мечети с другом по имени то ли Алишер, с которым они вместе ходили в Андижанскую мечеть двумя годами раньше, слушать проповеди пропавшего впоследствии Имама Абдували. Алишер работал переводчиком в какой-то зарубежной организации, то ли в Фонде, то ли ещё где, но заехал в Ош по дороге на Памир, куда будто бы по их приглашению приехал из Индии известный шейх из всё ещё действующего тариката Накшбандия.

- Можно я поеду с тобой? – стал тут же умолять Алишера Асрор. Для него и впрямь это значило слишком многое: начиная от деда, который по рассказам бабушки принадлежал именно к этому суфийскому ордену, и от которого Асрору осталось две книжки, закопанные во дворе – огромный комментарий на Коран и книга посланий Имама Раббани – одна из главных книг в тарикате Накшбандии.

А потом тот факт, что именно к Накшбандии, чей девиз – «сердце – Богу, руки – работе», принадлежали и Джамии, и Навои, и Бабур, говорил сам за себя. Белги, которого все знавшие называли за его стихи, за его образ жизни современным суфием, не хотел этого пошлого определения, не об этом ли он спорил часами со всеми этими современными писателями и поэтами, которые хотели Суфизма без Ислама. Но ведь это всё равно, что построить дом, состоящий из одной крыши... И вдруг – живой шейх из этого непрерывного прошлого – последний в цепи Полюсов Веры, как их называли в благородные времена. Разве мог Асрор устоять перед единственной возможностью в жизни, которая казалось, сама шла к нему и объявила о себе ни где-нибудь, а в мечети...

Следующим утром они сели в попутный КАМАЗ, идущий в Хорог и выехали на трассу. И хотя было время бабьего лета, и хотя первые полдня пусть разбитый, но тракт шёл по кыргызской долине, забираясь постепенно в гору, однако когда эта щебёнчатая и разбитая дорога разделилась надвое одна в направлении

Джиргатала, а другая на Памир, через примерно полчаса на горы упал туман, или это были тучи. Ещё выше – вдруг из этих туч поначалу пошёл сырой и холодный дождь, а после нескольких виражей и спиралей наверх – повалил густой снег. Дороги было не видно и особенно с высоты КАМАЗовской кабины. Единственный ориентир, которого придерживался водитель – угрюмый горный таджик – была стена горы, на расстоянии вытянутой руки и Асрору в этой кромешной темноте, непростреливаемой огромными фарами, казалось, что шофёр так и едет – наощупь, держа вытянутую в окно руку, чтобы не оторваться от скалы и не сорваться в бесформенную и неразличимую бездну.

Лишь обострённым вестибулярным аппаратом Асрор ощущал, что машина всё ещё поднимается выше и выше, хотя выше казалось бы, подниматься уже некуда, разве что в надснежье, к чистому небу, где никогда не бывает облаков, но эта мысль скорее пугала своей близостью, чем обещала облегчение. На вид машина, гудя, стояла на месте, зависнув между небом и землёй в кабине на троих, и так продолжалось из часа в час.

Изредка вспоминалось, зачем они здесь, но и мысль о шейхе, которая адреналинила сердце все эти последние дни, уже казалось тусклой, как и тесное, неудобное пространство вокруг, коей не знаешь формы.

Но и Алишер знал по себе, что такое поиск Учителя. Странно, но почти в каждой узбекской семье дети их поколения воспитывались большей частью женщинами - мужчины уже не были мужчинами одна чайхана. Последнее поколение мужчин, как говорили острые на язык бабушки, было перестреляно в конце тридцатых, а то, что осталось от них живым погибло на войне. Поэтому их так тянуло с самой молодости к старикам, в надежде хоть как-то прикоснуться к тому, что не досталось отцам, ну а если этот старец идёт нетронутым из тьмы истории, то разве эта другая тьма впереди машины, которой-то глубина какие-нибудь пять метров преграда?!

Словом выехали они в конце-концов в бестуманную ночь, в которой уже проглядывались одинокие огни наверняка далёких жилищ и никогда в жизни они не чувствовали себя в большей безопасности, нежели тогда, на высоте четырёх с лишним тысяч метров. И с этой мнимой безопасностью начались самые непредвидимые злоключения: их стали останавливать пост за постом, КПП за КПП, а то и просто вооружённые одиночки и просто оббирать за проезд по дороге. Страшнее всего было поздней ночью, когда их на перевале полусонных вывели на ледяной воздух и за неимением наличных денег, стали попросту раздевать, дескать, для расстрела, приставив к той самой стене скалы, которая казалось, не исчезала всю эту дорогу. “А трупы сбросим туда ...” показал за спину тот, кто говорил среди них по-русски, и тогда уже отплатившийся водитель крикнул что-то гортанное из своей кабины и попросту выкупил их, хотя, правда, уже полуобнажённых. Их ветровики так и остались, а скорее достались этому последнему посту перед ещё одним уже предутренным перевалом, через который водитель их везти отказался. И отказался для их же собственной безопасности, оставив у какого-то вагончика, выдававшего черты бывшего придорожного кафе.

Они не знали то ли благодарить этого густоусого шофёра, бросившего им два старых чапана из своего бардачка за спиной или же проклинать посреди пустой дороги, давно уже перешедшей в бездорожье и кричать ему вслед, но надо было жить, вернее, выживать на расстоянии какого-то дня от сытой и мирной жизни, о которой уже не осталось даже воспоминаний. Они пошли на огонёк в том самом единственном и нелепом на эту пустыннодикую округу вагончике и постучались в этот бывший советский по виду дом эксжилище горного ли обходчика или бывший штаб какого-нибудь ПМК. Когда их бросило в дрожь от холода или немного ожидания, из зарешёченной фортки, отведя грязную материю шторы, осторожно проглянуло четверть лица лисьеподобного редкобородого кыргыза и, удостоверившись, что у них в руках ничего нет, он, наконец, открыл дверь, хотя приглашать сразу же в дом не стал. Их вид был, наверное, столь неприкаян, что в конце-концов он сделал знак заходить и спёртый воздух этого непроветриваемого жилища, обдал их вонючим теплом.

Так они остались в этой экс-советской времянке этого самого кыргыза, живущего здесь лишь потому, что осталась стоять эта самая времянка. Первый день на постном чае и на плесневелых сухарях, которыми поделился хозяин, они лишь отошли от холода и страхов прошлой ночи, хотя Алишер всё дёргался в дневной полудрёме и вскрикивал. На второй день нужно было уже решать, что делать дальше, поскольку кыргыз просил их возвращаться обратно – хоть пешком, хоть на первой же попутке, если такая случится. Он объяснил им, что они сейчас между Кара-артом и Акбайталом: “Перейдёте перевал – и там уже

Караколь”, - объяснял он. Но когда Асрор спросил, сколько это километров, кыргыз пожал плечами и сказал: “День или два пути”. В другую сторону до Мургоба было ещё дальше.

И всё же не расстояние, и даже не холод - поскольку внезапно выглянуло солнце, и всё окрасилось в тёмно-синий цвет – пугали их, нет, те самые нелюди на дорогах, которые поджидали по их жизни.

Но на третий день всё разрешилось само по себе: ночью в дверь вагончика постучали, и хоть стук был осторожный и вкрадчивый, но он разбудил разом всех. Кыргыз-хозяин как обычно в четверть лица выглянул в зарешёченную фортку и, приглядевшись к темноте, что-то буркнул себе под нос, но безропотно пошёл к двери, даже не набрасывая на себя свой тулуп. Вошли двое в тулупах и высоких лисьих шапках с оружием наперевес. Кыргыз зажёл фитиль керосиновой лампы, и, завидев во вспыхнувшем свете двух незнакомых постояльцев, эти двое встрепенулись наизготовку, но, заметив, что те продолжают лежать, лишь выглядывая из-под бараньих тулупов, спросили хозяина: «А эти кто такие?»

Хозяин стал объяснять, и казалось теперь в его руках тонкая нить их жизни, которую в любую минуту эти двое пришедших могли просто прервать выстрелом или очередью. Услышав о Шейхе, один из темнолицых сказал на чистом узбекском: «Шайх давно улетел в Душанбе». Алишер стал объяснять, что его послали в Хорог, и он совсем был не в курсе, что Шайх полетел из Хорога в Душанбе, иначе бы они вылетели напрямик туда же. «Вот и я удивляюсь, что вы тут делаете?» - сказал этот самый узбек, но потом добавил: «Ещё будет время разобраться» и попросил хозяина покормить лошадей, которые, дескать, там же, где и обычно. «Из заднего хурджуна возьми свой пакет» - бросил он вслед, но следом же попросил своего напарника посмотреть за вышедшим кыргызом, а сам сел за дальнейший расспрос всё ещё нелепо лежащих под тулупами Асрора и Алишера.

Можно перебороть свой первоначальный страх, но труднее перебороть непокидающее чувство унижения, когда даже дружелюбный ответ на заинтересованный вопрос - казалось бы, случайного собеседника да вот только с оружием “Когда вышли в дорогу? Много ли вещей при себе? Куда теперь собираетесь?” прочитывается как допрос. Среди узбеков ничего не стоит спросить: “А какой у вас паспорт?” поскольку узбек может оказаться и из Таджикистана, и из Казахстана, и туркменским, и кыргызским, и афганским, и китайским и бог весть ещё каким. Но именно такой вопрос вооружённого соплеменника вдруг взбудоражил Алишера, который вдруг вскочил из тулупа и полез в задний карман своих джинсов за своим командировочным удостоверением. Вскочил с места и вооружённый, но в это время дверь

распахнулась, и вошли с мороза хозяин и второй, а это несколько разрядило обстановку. К этому времени встал и Асрор и как-то более чем охотно протянул свой писательский билет расспрашивающему.

Он осторожно потянул Алишера за рукав, тот как-то в сердцах дёрнулся, но в темноте те не заметили этого движения, а напротив, стали перешёпываться, держа глаз на Асроре и Алишере, стоящим у задней стенки вагончика. Так прошло долгих несколько мгновений, когда как во сне всякое может случиться, но как случается во сне - всё разрядилось неожиданно: “Вы молитесь?” спросил старший, и когда эти оба кивнули головами, узбек сказал: “Время бамдада уже настало”.

Бамдад - это предутренняя молитва, которую следует совершать согласно Пророку, в ту часть избывающей ночи, когда невозможно отличить белую нить от чёрной, и это знаменитое выражение, казалось, решило в это предутрье испытать нити их судеб. Хотел ли вооружённый сказать: “Отмолитесь последний раз в жизни и к стенке!” - или же просто хотел проверить, и вправду ли они богомольны, как бы-то ни было, он сам протянул им кумган с водой, который принёс с улицы второй, и они пошли вдвоём на улицу совершать омовение под надзором вооружённого узбека.

Нет, он вывел их не для отстрела, больше того, они все помолились в вагончике вместе, правда, пришельцы так и не сняли оружия со спин, и, идя в коленопреклонение, Асрор всякий раз касался головой приклада на спине имама.

Вслед за молитвой они позавтракали сушеным мясом, предложенным всадниками и за чаем старший спросил обоих, хотят ли они всё ещё увидеть Шейха. Этот вопрос застал и Асрора, и Алишера врасплох: они ведь ехали сюда именно за этим, но теперь, после всех своих злоключений на этой тернистой дороге хотят ли они и впрямь увидеть Шейха? Наверное, сомнение надиктовало им не ответ, а вопрос: “Где и как?” Уж не ангелов ли послал им бог навстречу, поскольку этот самый узбек уклончиво сказал: “Мы всё равно едем в ту сторону”.

Асрор посмотрел на Алишера, Алишер смотрел на Асрора, и они молча кивнули в ответ. “Тогда надо уже выходить, пока солнце ещё не встало” - сказал узбек, и без особых церемоний взяв два тулупа, которыми они укрывались по ночам, протянул им: “Одевайтесь!” Они оделись, вышли из вагончика к двум навьюченным хурджунами лошадям, припрятанным поодаль, распрощались там с хозяином-кыргызом, и двинулись в холодное утро с отвесными ущельями при реке на самом дне, каменистыми тропами в четыре человеческих ступни, где лошади, освобождённые от вьюка и даже сёдел, натирали себе в кровь бока.

Глава девятая

*На задворках Джувы, вдоль сквозной листвы,
Когда птицы в ночных гнездовьях мертвы, -
Озираясь, я брел – в лучах восковых
От троллейбуса, что сошел с проводов.*

*День закончен – или не начат еще, -
Так подумать успев – был я оглушен:
Как внезапный обвал, как удар пращей –
Вдали прогрохотал лошадиный зов.*

*Это два неостуженных скакуна,
Без узды и седел, на устах – слюна,
Полетели, безумствуя, на меня,
Оглушая меня бубнами подков.*

*Им навстречу мужей выросла толпа –
Но рассыпалась, от ужаса слепа,
Кто замешкался – тот втоптан был в асфальт,
Разбежались все как брызнувшая кровь¹²...
(фрагмент)*

Белги

После ряда потрясений конца 1991 и начала 1992 года бывший боксёр Ислам Каримов, будто бы поплывший в «трогги», всё же устоял на ногах и более того стал постепенно набирать очки, или, говоря политическим языком консолидировать свою власть. Первыми это почувствовали те, кто были вокруг него – члены его команды, депутаты Верховного Совета, но и смешно сказать – криминальный мир. Один из «авторитетов», живущих на Кара-Камыше и учившийся со мной в одной школе, рассказывал позже, что к нему, дескать, семь раз приезжал на дом сам министр и просил уехать куда-нибудь, хотя бы на

¹² перевод Сухбата Афлатуни

время, мол, другие уже сбежали – кто-куда. Но этот не послушался, и тогда, как он выразился, его «закрыли». И только когда по его словам он «поставил зону на голодовку» и некий армянин из России приехал с сумкой денег из общака на выкуп, его выпустили с условием, что ноги его не будет в Узбекистане.

Когда в своём выступлении перед студентами Ислам Каримов просил дать ему шесть-восемь месяцев, все слушающие подразумевали благоденствие или, по крайней мере, задержку на прежнем уровне, который теперь летел в тартарары, но подразумевал ли сам Президент именно это – поскольку то, что произошло за эти шесть-восемь месяцев – радикально изменило политическую карту Узбекистана и расстановку сил на ней и обозначило совсем другой результат. В известном смысле Каримов выполнил своё обещание – изменить всё за эти шесть-восемь месяцев, правда, так, как никто не ожидал и не предполагал.

Ещё в мае по маху инерции «Бирлик» проводил свой съезд, и Председатель Крестьянской Партии Узбекистана распространял среди делегатов список членов «теневого кабинета», ещё вернувшийся из Америки и никому не известный диссидент Бабур Шакиров ходил по приёмным оппозиционных партий и собирал подписи для создания Народной Ассамблеи, ещё в аэропорт, встречать «узбекского Солженицына» - доктора Баймирзу Хайита выезжала правительственная группа. Но неделя-другая, и покатилося, и поехало.

Вспоминает Хамид Исмаилов:

«Я работал в то время корреспондентом «Литературной Газеты» по Узбекистану, и хотя всё ещё по старой советской памяти пользовался тридцать первой «Волгой» с правительственным номером, «вертушкой» в кабинете и был приписан к «правительственной поликлинике», но первый звонок прозвучал, когда меня внезапно вызвали в Министерство Юстиции, на ковёр к самому министру, коим в то время был Бабур-Малик Маликов – впоследствии сам политический эмигрант. Он поставил мне на вид одну из публикаций в «Литературке», к которой я никакого отношения не имел и сказал, что время правления Москвы уже прошло, что теперь законы пишутся в Ташкенте.

И впрямь, именно в это время Министерство Юстиции затребовало регистрационные документы с оппозиционных «Бирлика» и «Эрка», но не стало регистрировать ни тех, ни этих, однако следует вспомнить и то, что именно в это же время пошли усиленные переговоры с целью объединения всей оппозиции под эгидой единого Форума, который собирался возглавить опальный экс-вице-Президент Шукурулла Мирсаидов с надеждой на «ельцинский» вариант. И после

того, как Мухаммад Солих демонстративно бросил депутатский билет и вышел из состава Верховного Совета в знак протеста против начатков диктатуры, “Эрк” вместе с “Бирликом” готовили совместную массовую демонстрацию.

В те дни ко мне в редакцию приехал со стопкой стихов Белги, а поскольку он всегда чурался политики и старался избегать по брезгливости политиков, то когда я предложил ему сопровождать меня на все эти штабы по подготовке массовой демонстрации, он предпочёл остаться в моём кабинете и просто отвечать на разные телефонные звонки, поскольку в то время не было ещё автоответчиков. Вечерами же я забирал его домой и он, сидя в “Волжанке” с чуткостью приезжего всегда замечал едущую за нами машину чаще всего грязно-желтый “Москвич” с четырьмя криминального типа бугаями в нём, на что водитель, прикрепленный ко мне - Геннадий Александрович Рабинович махал рукой: “Они уже месяц ездят за нами...”

Но в один из вечеров, когда мы сидели над предисловием к его первой книге стихов, в дверь позвонили. Я вышел открывать: в подъезде стояли двое милиционеров и один в штатском. Не представляясь, они обратились ко мне по имени и довольно сухо предложили проехаться с ними. Скажу честно, я тогда лишь недавно перебрался из Москвы в Ташкент, а потому во мне ещё сидела изрядная доля всесоюзного гонора, и я покатил на них: дескать, а с какой стати я должен ехать, да понимают ли они, что это грозит межгосударственным скандалом и т.д. и т.п.

Один из них, тот, который был в штатском, сказал, что знает меня давно, поскольку с удовольствием читал мои статьи и даже видел моё выступление в ЦДЛ на пятидесятилетии Эркина Вахидова, но вот начальник лишь просит заехать к нему, поскольку хочет посоветоваться со мной по какому-то поводу...

Тогда я сказал, что вызову свою машину и приеду через час, но штатский мягко продолжил: “Машина ждёт внизу. Зачем вам беспокоить своего шофёра. А потом мы, иншааллах, сами же вас привезём домой”.

Разумеется, я не мог брать Белги с собой, а потому, попросив милиционеров подождать меня внизу, я быстро объяснил ему свою ситуацию, чем только смутил его донельзя, но одно я сказал ему твёрдо: ничего не рассказывать моей жене, если она придёт раньше меня, а во-вторых, если я сам не вернусь до девяти вечера, то срочно звонить в Москву вот по этим номерам и поднимать тревогу...

Признаюсь, что при всём моём кураже, было страшно выходить из своего жилища в неизвестное, которое готовили эти “поклонники таланта”, и лишь в качестве защиты мне пришлось в голову захватить в последний момент свой поломанный диктофон “Сони” - скорее для понта, как говорили в моём в детстве.

Я ехал в милицейском фургоне, зажатый с двух сторон теми, которые в форме, а сидящий впереди знаток дудел на перекрёстках своей сиреной. Привезли меня в городское управление на улице Шевченко, и повели по долгим коридорам в кабинет замначальника, который сидел там с зампрокурора города. Так они мне представились. Я сделал вид, что буду записывать, все, что происходит со мной, но замначальника сказал: “Не смешите, вы знаете, где вы находитесь?! Скажите лучше, что вы знаете о предстоящей демонстрации, которые организуют “Бирлик” и “Эрк”?” Я пожал плечами: “Почему вы спрашиваете у меня. Я не член ни “Бирлика”, ни “Эрка”. - “А почему же вы присутствуете на всех их сборищах?” - “Кто вам сказал?” - “Мы знаем!” “Я журналист, я корреспондент “Литературной Газеты”... - “Так и занимайтесь своей литературой!...”

Так и шёл разговор волна за волной: они накатывали на меня, а я старался нащупать их слабину, заявляя, что завтра же доложу инцидент в Президентский офис, на что они хмыкнули, но подобрались.

Меня отпустили в тот день, так и не объяснив, в чём они пытались меня обвинить, или же я сам был слишком занят ими, что не понял всей сути этого вызова, но на том фургоне, на котором они меня доставили в управление эти замначальника милиции и зампрокурора города уехали вместе, как впоследствии оказалось допрашивать в Чиланзарском райотделе Абдурахима Пулатова - лидера “Бирлика”. Но этот допрос кончился не столь мирно, как в моём случае - после допроса на Пулатова напали неизвестные бугаи криминального вида с бетонными палками и избili его до полусмерти, так что в тот же вечер он был доставлен в Травматологический Центр за Алайским рынком.

Так начиналась расправа с инакомыслием. Мельничные жернова репрессий заскрипели и пошли. На следующий день должен был вернуться на Родину из Германии доктор Баймирза Хайит, но вместо выезда на встречу в аэропорт, я прямо из дому поехал вместе с Белги навещать Абдурахима в этот самый Центр. Да и с Баймирзой Хайитом, как рассказывали позже, приключилась немедленная история: лишь поцеловав землю, он спросил: как здоровье Пулатова, и этот вопрос послужил ему приговором. “Нашего Солженицына” собирался принять сам Президент, но после таких слов “мобилизованные” фронтовики Наманганской области написали коллективное письмо правительству, о том, что в свободном Узбекистане не место всяким, мол, нацистским выкорышам, и через некоторое время героя нации выставили окончательно и навсегда из страны.

Белги тогда остался со мной на целую неделю, и не для стихов, но просто был рядом: то выглядывал опять едущих за нами небритых бугаёв, то выходил на стук в дверь, когда очередной рассылный приносил очередную повестку то в Прокуратуру, то в милицию, то ходил за моей дочкой в школу и приводил какими-то окольными путями, абы по дороге чего-нибудь не приключилось...

Он-то мне и посоветовал уехать, когда на мои жалобы в Президентский офис мои же друзья, теперь получившие посты там, сказали философски в ответ: лес рубят - щепки летят, но вмешиваться категорически отказались. Это происходило после последней несостоявшейся демонстрации, когда на улицы Ташкента была брошена во всей своей громаде милиция со внутренними войсками впридачу, и когда начались аресты направо и налево. Правда, Белги предлагал тогда уехать к нему в Ош, в горы, но мы решили всей семьёй укрыться в глуши подмосковной Малеевки..."

Надо сказать, что эта махина, эти жернова заработали против всех президентских "обидчиков" последнего времени: против государственной машины и Парламента, когда ближайшее окружение Каримова его "кадровик" Мавлан Умурзаков был смещён с работы, а потом арестован; против светской оппозиции, когда старший Пулатов был избит, младший арестован на территории Кыргызстана, Мухаммад Солих вынужден эмигрировать под угрозой заключения; против студенчества, когда в Студгородке поставили железный забор, а журфак, как инициатор февральского выступления был расформирован; против исламистов, когда муфтий Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф был смещён с должности и эмигрировал, лидер Исламской партии возрождения Узбекистана Абдулла Утаев был арестован, Тахир Юлдаш и его группа бежала в Таджикистан.

Но странно одно, что бежавший первым криминалитет, в это время стал возвращаться назад, и более того всё больше и больше упрочивать своё положение в Узбекистане. Все остальные из "потерпевших" неоднократно обвиняли Ислама Каримова в том, что он породил эту спайку государственной машины с мафиозной, но скорее в порождении этой спайки огромную роль сыграли "силовики", на которых опирался Президент, расправляясь посредством их без разбору со всеми своими противниками. Именно их, своих "экзекуторов" Президент не менял на протяжении всего десятилетия.

Глава десятая

В горах теряется ощущение времени. Есть нечто большее, чем время, что занимает его место. Но не то, чтобы перед величием этой громады время оказывается чем-то мелочным и ненужным, хотя есть и такое, особенно в цвете рассветных и предвечерних фиолетовых небес, которые сменяются между собой значительно чаще, чем в обычной равнинной жизни, нет в этом недельном ли, десятидневном, а то, может быть, и вовсе двухдневном переходе просто надо было выживать. Там уже не осталось страха, поскольку страхом было всё - остались одни голые инстинкты: цепляться, карабкаться, зализывать, преодолевать.

Когда они внезапно вышли на долину, как будто кто-то произнёс магическое “симсим”, ослепшим от снега глазам стало больно как опустошённым лёгким, раздувающимся от невыносимого пространства, но здесь опять начиналось время. Через пару часов они уже были в предгорном кишлаке на берегу реки и их уже встречали вооружённые постовые, обнимавшиеся с этими двумя в лисьих шапках и подозрительно осматривавшие Асрора с Алишером, плетущихся позади навьюченных лошадей. “Их в лазарет” - говорили эти, и почему-то странная фраза тут же снимала излишнее подозрение грозных часовых.

Их и впрямь разместили в комнатку в глиняном домике, напоминавшую лазарет - два настила и железная печка с трубой, идущей в стенку. Бородатый парень, приставленный к ним, заставил их раздеться, и это было мучительным делом. Отмороженные и разбухшие пальцы не слушались и не могли развязать замороженные шнурки с ботинок, но даже когда приставленные к печке ботинки отморозились, они казалось, слиплись с носками, а те с кожей ступней и никак не хотели сниматься, вызывая, казалось бы, забытую, но возвращающуюся толчками страшную боль.

Первую ночь они не спали - выли в два голоса от нестерпимой боли в ногах, возвращающихся к жизни под густым слоем курдючного жира, днём это бородач растирал им жиром ноющее от усталости, бессонницы и дрожи тела и кормил их жирной шурпой. Он-то и выходил их и когда бледные от недельного постельного режима они вышли в первый раз на синий и редкий воздух, этот самый бородач повёл их в соседний дом через сообщающийся дворик и, оставив их в “дахлизе” - сенях на попечении вооружённого часового, сам ушёл обратно в свой лазарет. Через некоторое время из комнаты вышел редкобородый парень кыпчаковских черт и пригласил их обоих в комнату.

В дальнем углу комнаты, “горе” считающимся самым почётным местом, за хонтахой - или низеньким и широченным столиком сидел человек в пятнистого цвета защитной форме и разглядывал какие-то бумаги. Рядом с ним горела лампа, и когда он поднял голову, огонь в лампе всколыхнулся, бросив на его лицо дрожащую тень, отчего лицо, казалось, искривилось на мгновение, и он произнёс: “Добро пожаловать!” Алишер и Асрор поздоровались в ответ. Военный пригласил их садиться и кыпчакоподобный сел первым у двери. Надо было садиться, но кости ныли от каждого движения, на что военный рассмеялся: “Что, городские, небось, не привыкли сидеть на корточках.... Не обессудьте, но стульев у нас тут нет...”

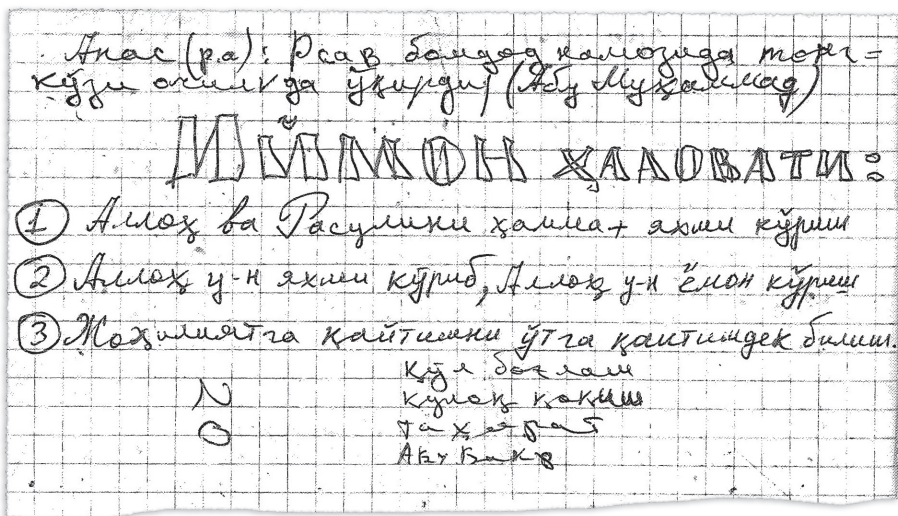
Странный был голос у этого человека: все интонации нараспев напоминали оттренированный голос муллы, но этот мягкий голос никак не личил с военной формой, двумя странными портупьями накрест, а особенно с этим острым лицом при редкой бороде и негустых волосах, и больше всего с этими глазами резкими как два ножа, готовыми хоть перерезать, хоть пришить...

Теперь было видно, что бумаги, лежавшие перед ним это их документы, да пара набросков Асрора в той самой времянке у памиро-алайского кыргыза. Командир изучил их досконально, поскольку несмотря и не справляясь с ними, стал задавать вопросы, цитируя на память числа, даты, строки. Этот допрос затянулся до самого вечера. Командир подозревал в них агентов СНБ бывшего КГБ, подсланных в их ряды для разведки и подрывной работы. Они пытались взывать к логике ведь ехали они не сюда, да и не хотели сюда попадать, но что военный односложно спрашивал: а зачем, де увязались за нашими людьми? И они опять пускались который раз в рассказ о Шейхе и их дороге на Памир, и зоркий командир раз за разом сверял детали их рассказов и всякий раз пытался поймать их на каком-нибудь несоответствии.

В конце концов, и он, кажется, устал от повторов и просто заключил: если выясним, что вы агенты, то будете висеть в кишлаке вместо фонарей! и перепоручил их кыпчакоподобному, который отвёл их обратно в лазарет, к бородатому. Но документы их и бумаги так и остались у муллаподобного командира. Так они и знали их первые дни, поскольку никто здесь никому не представлялся и не знакомился, всё было предельно секретно и безымянно.

В первые дни после их выздоровления они встроились в тутошний распорядок, узнав при этом, что живут в кишлаке Хоит: вставали спозаранку до рассвета на утреннюю молитву, после молитвы пили утренний чай, потом в сопровождении бородача, которого звали, оказывается по-арабски Анасом, хотя он был на самом деле хивинским узбеком наверняка с другим именем: Атагельды или Матякуб, уходили в горы, собирать дрова. Причём поначалу им не

доверяли даже топора рубить арчовник, дабы не пришли своего надзирателя и не сбежали. К полудню они возвращались с огромной связкой сухолома за спиной и складывали всё это на зиму во дворе под навесом. Другие в это время возвращались кто с военной подготовки, кто с полевых учений. Затем все шли на полуденную молитву, после чего обедали, и им разрешалось вздремнуть, по крайней мере, их отпускали домой, и никто за ними при этом не следил, поскольку почти все, кроме часовых, в это время спали. Потом наступал час послеполуденной молитвы, после чего все шли на улицу просто поболтаться, а их, если кому было не лень, тот опять допрашивал их вплоть до заката, пока муэдзин не призывал их к послезакатной молитве. Потом они как на хлопке в юности, шли опять со своими мисками на общую кухню на ужин и впрямь то же самое что на хлопке то макароны, то картошка, то изредка рис, а ещё реже мясо в тех же макаронах, картошке или редком рисе.... И, наконец, после вечерней молитвы они замертво валились спать, изредка успевая заглянуть в Коран или популярные книжки по началам Ислама, в которых лица верующих были аккуратно замазаны чёрными чернилами.

Как ни странно, у них не было времени обсудить ситуацию за все эти дни, поскольку они ни на мгновение не оставались одни и даже в горах этот самый Анас, вместе со сменными напарниками разводили их по двум сторонам, сами копошась со своими топорами посередине.

Так прошло около двух недель и вдруг однажды после пополуденной молитвы, когда они почувствовали некое оживление во всём кишлаке, за ними

внезапно пришёл тот самый кыпчакоподобный посыльный и потребовал идти за ним немедленно в штаб. Через тот самый двор, где их первоначально допрашивал командир в портупее, их провели ещё дальше в другой двор, где оказался ещё один неприметный домик, казалось бы, врытый наполовину в землю, но когда они спустились по каменным ступенькам вниз, дахлиз оказался намного просторней даже той самой комнаты командира. И даже после дахлиза они прошли через ряд комнат, охраняемых часовыми, и в конце ряда посыльный оставил их под присмотр двух вооружённых и одного секретареподобного, сидевшего за огромным, наверняка спутниковым телефоном, а сам, постучавшись робко в дверь, вошёл вовнутрь.

Через некоторое время он опять появился в двери и кивнул им обоим, пропуская их в большую комнату, где в окружении нескольких людей сидел Тахир Юлдаш. Его Асрор узнал сразу, как впрочем, и Тахир узнал разом Асрора и удивлённо, вполусмех спросил: “Э, шоир, бу ерда нима килиб юрибдилар?” - дескать, э, поэт, а вы-то что тут делаете? Правда, как обычно, вопрос был задан в третьем лице множественного числа: что они тут делают? В который раз Асрор пустился рассказывать историю путешествия к Шейху на Памир. Тахир выслушал его и опять при общем молчании произнёс: “Так стало быть, ищут духовного наставника, Пира? Ну что ж, тогда сам Аллах повелел им побыть тут, а потом, иншаалах, будет случай, встретятся с нашим Пиром, который всем Пирам Пир...” Он не стал держать их в комнате, лишь спросил, глядя в упор на Асрора: “А этот наш брат им хорошо известен?” - “Да, мы вместе ходили на проповеди Имама Абдували в Андижане”. “Не знают, где они теперь?” - обратился Тахир теперь к Алишеру. Тот лишь пожал плечами в ответ. И тогда Тахир посмотрел на Ёсира таким взглядом, который он запомнил на долгое время.

Их отпустили, но жизнь их после этого резко изменилась. Вместо сбора дров их пропустили через обязательные трёхмесячные курсы общей военной подготовки, и на всё послеобеденное время к ним прикрепили благочинного человека по имени Юнус, который занимался с ними ускоренными курсами арабского и Кораном.

Правда, потом случилось то, что разлучило Асрора и Алишера, которых все теперь называли Ёсиром и Харуном, наверное, навсегда... И всё же Ёсир ещё долго ощущал на себе тот самый взгляд: горячечный и подозрительный, любящий и опасющийся, жестокий и кающийся, но никогда не выдающий себя неверным словом, разве что делом.

Глава одиннадцатая

*овцы которых пастись отпустил разбрелись по горам
море же гонит свои стада одно за другим*

*вчера сидел вспоминал Коктебель прошлогодний
но в строки собрать воспоминания так и не смог*¹³

Белги

Вспоминает Хамид Исмаилов:

«В 1994 году я стал работать на Би-би-си в только что созданной узбекской службе. Об узбекских боевиках-исламистах мы впервые услышали в 1995 году, когда, вернувшись из командировки в Таджикистан, наш московский корреспондент Тимур Клычев поведал нам об «узбекском» или вернее «наманганском» батальоне под командованием некоего полевого командира по имени Джума. По словам Тимура, этот батальон, воюющий до сих пор в Тавилдаре, считается одним из самых храбрых и умелых в рядах таджикской исламской оппозиции и что состоит он, как это видно по названию, где-то из нескольких сотен наманганцев, ушедших в Таджикистан после начала репрессий.

Первым же делом после этого известия, которое было подтверждено дополнительно из самого Таджикистана, мы обратились к тогдашнему Хокиму или Губернатору Наманганского вилоята (области) Бургутали Рапигалиеву. Как сейчас помню его интонацию: «Да что вы, чтобы наманганцы были там? Всё это выдумки! Не распространяйте всякие слухи!»

В 1996 году я поехал в Северный Афганистан и уже генерал Достум рассказал о том, что к нему приходил однажды Тахир Юлдаш, который, дескать, является сейчас заместителем лидера Таджикской исламской оппозиции Саида Абдулло Нури по иностранным делам, и предлагал сотрудничество, которое генерал Достум отклонил. В то время Талибы только начинали свои завоевания, и почти половина Афганистана была подконтрольна силам лояльным генералу Достуму.

¹³ перевод Вадима Муратханова

В той же поездке, после того как мы посетили цитадель Достума – Кальаи Джанги, нам дали возможность поехать в лагерь таджикских беженцев Сахи, неподалёку от Мазари Шарифа, тот самый лагерь, что впоследствии был использован ИДУ в конце девяностых годов.

Хотя этот лагерь был на территории, принадлежащей генералу Достуму, и находился под эгидой ООН, но по всему было видно, что управляют им люди Саида Абдулло Нури, поскольку повсюду на глиняных мазанках висели его портреты, в той комнате, где мы решили проинтервьюировать несколько человек, лежала стопка журналов и брошюр, изданных Таджикской исламской оппозицией. Здесь же я проинтервьюировал нескольких узбеков, бежавших поначалу из Ферганской долины в Таджикистан, а потом оказавшихся здесь, в лагере таджикских беженцев. Это были шофёры, механики, рабочие, бежавшие, как они объясняли, от религиозных преследований, но, честно говоря, по тем временам для журналистского уха это ещё звучало странно.

На повестке тех дней были репрессии главным образом против светской оппозиции. Мечети, вдруг открывшиеся повсюду в первые годы независимости, когда и вор в законе, и коммунист считали своим долгом внести свою лепту в строительство махаллинской ли, районной или городской молельни, только-только становились местом, где можно было выразить своё мнение, противное тому, что проповедовалось кругом – по радио, телевидению, в прессе. Мечеть только-только становилась бастионом противоправительственного диссидентства, ещё вовсю читал свои гневные филиппики против власть предержащих знаменитый имам Обид-кори Назаров из ташкентской старгородской мечети, собирая на свои пятничные проповеди тысячи людей, и, прежде всего молодёжь, которой после разгрома светской оппозиции единственным каналом выражения социального протеста оставалась именно мечеть.

Так вот, увидеть молодых узбеков, которые оказались в стане таджикской исламской оппозиции в Афганистане, было явлением симптоматичным, свидетельствующим о скрытых, глубинных, латентных процессах, происходящих в узбекском обществе.

В 1996 году мы подготовили серию радиопрограмм, посвящённых проблемам ислама в Узбекистане. Одна из этих передач начиналась словами Президента Каримова: “Хочу сказать, что создание исламского государства, где, так сказать, Коран, а не Конституция правит государством, мы против такой модели. Мы выступаем за светскую форму правления государства. По нашей Конституции религия отделена от государства. Очень опасно, когда об исламе,

о религии говорят как об экстремистской религии это абсолютно неверно. В моём представлении исламская религия является самой демократической религией. Это религия наших отцов и мы уважаем её. И сегодня в Узбекистане мы делаем всё возможное, чтобы эта религия исповедовалась свободно. Во время Советской власти в Узбекистане были закрыты почти все мечети. Сегодня в Узбекистане действуют 15 тысяч мечетей. Но ни в коем случае мы не позволим некоторым силам использовать ислам в политических целях. Мы категорически против понятия исламского государства. В государстве люди должны иметь возможность исповедовать те религии, какие они хотят. У нас наряду с исламом люди исповедуют христианскую религию и даже у нас есть много синагог, в которых евреи тоже пользуются всеми возможностями для того чтобы поклоняться своему Богу. И чувствуют себя нормально, у нас нет в этом отношении, если хотите, по-вашему, по-иностранному сказать: No problem.”

Но проблемы были, хотя ещё не с боевиками и не с “ХизбутТахриром”.

Глава двенадцатая

*Going towards the thirty three bones
buried in the earth
the thirty three bones on the earth
are uniting
having rented an alien house
living
drops, leaking from the ceiling,
grasses, pushing out of the earth...¹⁴*
Belgi

Чтобы дать ощущение исламской проблематики того времени в Узбекистане, я решил транскрибировать одну из этих передач узбекской службы Би-би-си, переведя её на русский. Эта передача прозвучала ... и началась теми самыми словами Президента Каримова, сказанными им в мае 1996 года в Париже и следом ведущий вступал с такими словами:

“Эти слова Президента Узбекистана Ислама Каримова, разумеется, определяют политику руководства Узбекистана по отношению к исламу, но то, что Президент говорит: No problem, разумеется не означает и не гарантирует отсутствия этих самых проблем. Правда, с одной стороны, согласно словам имама Андижанской мечети Гиштли Сайфиддина Ходжи Насриддина-оглы правительство и религия просто обожают друг друга:

¹⁴ *пройдя к изголовью тридцати
трёх костей
закопанных в землю
тридцать три кости в земле
сбирающие воедино
живущие снимая чужой угол
капающие с потолка капли
пробивающаяся из земли трава*

Белги

“Слава Богу, благодаря этой независимости наше правительство открыло дорогу исламу, открыло широкую дорогу. Благодаря этому среди мусульман появился позыв к исламу и с этим любовь, которая сложилась между правительством и исламом еще более окрепла. Любовь их друг к другу сейчас их совершенно переполняет...”

Однако посмотрим и на случай из того же Андижана вокруг имама соборной мечети Абдували Кори или же другой скандал вокруг бывшего имама ташкентской мечети Тохтабай - Обид-кори Собитхан-оглы. 24 февраля, суббота. Мечеть Тохтабай переполнена людьми. Сюда для встречи с верующими входит в сопровождении работников милиции заместитель председателя религиозного управления Юсуфхан Шакиров, который обращается к общине:

“Эта мечеть открылась распоряжением Всевышнего Бога и указом правительства. Так, стало быть, её и нужно использовать по назначению. Не надо использовать мечеть для других целей...”

Голос из толпы: “Для каких это других целей?” поднимается шум. Юсуфхан Шакиров продолжает:

“Дело в том, что имама мечети избирает Духовное Управление. Имама мечети снимает с должности, с работы Духовное Управление...” Народ начинает шуметь: “По какому это праву? Покажите основание!” Юсуфхан пытается удержать собрание в своих руках: “Мусульмане, просьба к вам, от имени Духовного Управления Мавераннахра, от имени Хокимията города Ташкента, просим вас, мы привели вам нового имама...”

Крики: “Не надо нам вашего имама! Верните нам нашего!”

Пятитысячное собрание было против смещения религиозным управлением своего имама, но Его Святейшество Юсуфхан Шакиров объявляет, что приведён новый имам. Что же произошло до этого? В те дни мы беседовали по этому поводу с Муфтием председателем религиозного управления Мухтархоном Абдуллаевым.

“В мечетях некоторые имамы имеют сильную подготовку, некоторые же слабы, некоторые же ходят на грани признаниянепризнания

Духовного Управления. Духовное Управление мусульман Мавраннахра решило провести аттестацию имамов, в том числе некоторые имамы отказались явиться на аттестацию, в их числе и Обид-кори. Но не только Обид-кори, но и Шамсиддин, из мечети Шах Азиза, которого мы вызывали четыре раза. Он тоже не явился. Поэтому за неподчинение Духовному Управлению мы его освободили от работы.”

Эту мысль о том, что Обидхон-кори не прошёл аттестации, подтверждал и Юсуфхан Шакиров.

“В нашем Уставе, то есть в основном документе записано, что каждая мечеть должна подчиняться Духовному Управлению. Если она не подчиняется, если её имам не следует нашим инструкциям, то деятельность такой мечети останавливается. Так это записано. Мы писали в мечети письма, что из-за неподчинения нам, не следования нашим указаниям, он был освобождён от должности”.

Но на самом деле причины лежали глубже. Уже смещённый с должности Обидхонкори Собитхон-оглы тогда же в беседе с нами так объяснял причину этого:

“Слова о том, что за этими делами стоят власти, что государство само приказывает это, были сказаны самими представителями Духовного Управления. Я считал до недавнего, что это не так, поскольку по Конституции Узбекистана религия отделена от государства и согласно 61 статье государство не вмешивается в деятельность религиозных организаций, но уважаемый Муфтий Мухтархон и почтенный Юсуфхан Шакиров, оказывается, говорили, что эти дела осуществляются властями, что государство вмешивается в нашу деятельность, поскольку теперь мы независимы.... Не знаю, согласно какому закону они смело заявили это, но это ошибочно. В Ташкенте кроме нас ещё несколько имамов под предлогом аттестации было смещено с должностей. Если спросить в чём наша вина, то, по-моему, наша вина в том, что мы были беспристрастны, мы никогда не говорили ни слова против Конституции, против государства. Лично я не испытываю неприязни по отношению к кому-либо, ни к государству, ни к Духовному Управлению. Но вместе с тем, вина моя в том, что я не люблю вслепую, закрыв глаза на всё, хвалить людей. И в Шариате, и по исламским законоположениям подхалимничать грех. Сказано, что льстить

можно лишь родителям, льстить можно лишь Учителю при приобретении знаний. Но льстить ради должности, ради корысти, ради денег, ради благ жизни это грех. Я не льстил ни правительству, ни Духовному Управлению. Я не хвалил, но и не хулил никого публично, не вёл деятельности против правительства, но и не пропагандировал деятельность властей через мечетские микрофоны, поскольку, по-моему, убеждению это противоречит Конституции Узбекистана.

80% общины, приходящей в нашу мечеть молодёжь. Это тоже, оказывается, раздражало людей в управлении: дескать, он собрал вокруг себя молодёжь, женщин, сбивает их с пути... Я же говорю, что ж, разве вера не нужна молодёжи, разве вера не нужна женщинам?! Если молодёжь, женщины будут праведными, это ведь на пользу этой стране, этому государству, этому народу. Они будут чистыми. Мы призываем молодёжь овладевать не только религиозными знаниями, но и светскими науками, быть хорошими специалистами. Но это оказывается, не нравится некоторым. Они не способны повести за собой никого, не способны увлечь никого своим словом, вот и раздражаются. Но ещё одно замечание, если не будет беспристрастных людей, то этому народу, этому государству будет мало пользы...”

Итак, с одной стороны если был издан приказ о том, что он не подчинялся духовному управлению, то с другой стороны Обидхонкори заявил о том, что в дело вмешались власти. Но каково было вообще отношение властей к этим проблемам? Сотрудник Центра по стратегическим исследованиям при Президенте Узбекистана Евгения Абдуллаев в интервью с Би-би-си заявил:

“Ситуация в это время сложилась такой, что возникла угроза стабильности в республике. Дело в том, что возник своего рода союз, если хотите, оппозиции и радикальных религиозных группировок. Их целью являлось создание не нового правительства и в каком-то смысле строительство исламского государства. Однако такое положение противоречило интересам основной части населения республики. Политика же государства должна защищать интересы этой самой основной части населения”.

То, что в дело вмешались тогда власти, чуть позже отмечал и Обидхон-кори. В частности, он заявил, что тогда его вызывали в Президентский аппарат и проводили с ним там беседы:

“Там наверху, в Президентском аппарате служит господин по имени Ройиков Бахадыр, так вот этот человек вызвал нас 25 сентября 1995 года к себе и сказал: “Вы в своих проповедях вмешиваетесь в политику государства!”, но доказать это не сумел. Я сказал ему тогда: “Напротив, всё это следствие того, что я не вмешиваюсь в государственную политику...” и сказал, что я никогда не смешивал религию ни с какой личностью, ни с какой идеологией, ни с какой корыстью, ни с какой политикой, что я сторонник чистой и беспристрастной религии. Но он сказал: “Вы оказывается, не понимаете, теперь с вами будут разговаривать по-другому совсем другие люди...” Так вот теперь на протяжении года, как он и обещал, другие люди разговаривают по-другому...”

Итак, на чём же основывался страх властей перед Обидхоном-кори и подобными ему религиозными деятелями? Прежде всего, конечно же, на степени влияния этих имамов на публику, на народ. Так на пятничные проповеди в ташкентскую мечеть Тохтабай собирались тысячи людей. Эти самые проповеди имама Обидхона слушались не только в самой мечети, а, будучи записанными на магнитные кассеты, распространялись по Ташкенту, по областям республики. Эти проповеди же посвящались не только религиозным проблемам, но и проблемам повседневной жизни, а временами и политическим проблемам. Так, например, говоря с нескрываемым сожалением о невозможности введения законов Шариата в жизнь сегодняшним днём, Обидхон-кори в одной из своих проповедей замечал:

“У мусульман в руках нет ничего. Есть ли тюрьмы у мусульман? Есть ли суды и прокуратуры у мусульман? У мусульман нет зинданов. У мусульман нет на этом свете ада, нет ничего. Поэтому с ними обращаются лишь по их словам. Если они каются, то мы их принимаем в ряды мусульман. Но... но, унижительней всего и страшней всего то, что будет завтра в присутствии Аллаха...”

Или же по поводу моральных проблем, и в частности по поводу злободневной в последнее время проблемы надевания или не надевания платка мусульманками, тогдашний имам мечети Тохтабай говорил в одной из своих проповедей так:

“Верно, положение женщин и впрямь тяжело. Если этого не поняли родители, то они безжалостные, каменносердые, жестокие родители, которые посягают на святое свое дочери. Когда смелость этих девчушек оказывается величественной перед тем, к чему неспособны наши тётеньки, если их никто не заставляет, и они сами хотят покрываться платком, какое это счастье. Ведь того, кто не захочет покрываться платком, не заставишь и, приставив пистолет к виску, да и не положено это заставлять! Если девчушка сама решила повязаться платком, то верующий должен расплакаться от этого. До коих пор будет длиться этот позор полуобнажённых девиц?!”

Разумеется, наверняка среди работников властей было бы трудно отыскать людей, которые могли бы столь же страстно, столь же веря в свои слова, говорить лицом к лицу с народом или же способных на равных бороться против идей, выносимых на повестку имамами наподобие Обидакори. И народ, разумеется, легко замечает это. Ведь даже пословица говорит, что тесто делает тестом не вода, или даже и не мука, а скорее дрожжи. Именно потому по мере того как росла община мечети Тохтабай, и вообще, число сторонников имамов наподобие Обидакори, наблюдатели стали говорить о страхе властей перед этим явлением. Однако это лишь одна сторона скандала вокруг ташкентских имамов и в частности Обидхона-кори Собитхон-оглы. О другой стороне в нашей следующей передаче”.

Приблизительно в то же время было озвучено и вот это интервью Тахира Юлдаша, который называл тогда себя заместителем руководителя Исламской оппозиции Таджикистана:

ТЮ: Прежде всего надо сказать, что сегодня враги ислама нашли и применяют выражение «ваххабизм» чтобы обвинять мусульман, особенно тех, кто борется за свою свободу. Но называние этим именем тех, кто на земле борется за свободу и правду напоминает то, как семьдесят лет назад как наших дедов и отцов, боровшихся за свободу и правду, называли «басмачами». Для нас это не имеет никакого значения. Вот и события происшедшие в Хорезме показывают сопротивление диктаторскому режиму. Поэтому в Узбекистане ли, в Чечне ли или в других странах прилегающих к этому региону я не знаю движения, которое называло бы себя «ваххабистским» и с таким не встречался.

Вопрос: Недавно Президент Каримов во время визита в Болгарию сказал, что ваххабизм распространяется в эти дни и философия этого движения: «если ты не с нами, то против нас». Если взять ваше движение, то привержено ли оно той же самой философии?

ТЮ: Прежде всего то, что сказал Каримов – совершенно не ново для нас. Но эта философия – неверная философия. Показывать своего врага больше того, что он есть - это дело не очень личит политическим союзникам. Не мудрено, что Каримов просит помощи от политсоюзников. Каримов вместе с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном начал объединяться против мусульман, против Аллаха. Мусульманин никогда не может выступить против мусульманина, и это доказано историей. Сегодня в Узбекистане если разве что происходит по отношению к какой-нибудь миссии или иудаизму, то ... это показывает истинную суть правительства Каримова и мусульманский народ хорошо знает об этом. Если же до нашего движения, то ИДУ никогда не называло себя «ваххабистским» и относится к ханафитскому мазхабу. Мы ахли сунна ва джамаа. Поэтому мы не принимаем этого названия.

Вопрос: Оказывают ли какую помощь вашему движению арабские страны?

ТЮ: До сегодняшнего дня никакие арабские страны не помогали нашему движению, поскольку сами арабские государства являются колониями. Некоторые из них под Израилем, некоторые в руках у Америки. Поэтому, поскольку они не могут разрешить своих проблем, они не могут оказывать помощь на сторону. Мы не слышали до сих пор о какой-либо помощи от арабских стран и не признаём её.

Глава тринадцатая

Осенью того года беженцы из Узбекистана повалили валом в Хоит. Приезжали, как правило, семьями, правда, семьями неполными, поскольку то отца, то брата, то мужа арестовывала милиция, и под страхом дальнейших арестов остаток семьи бежал в Таджикистан. Многие ехали поездом до Душанбе, там садились со всем своим жидким скарбом в такси, и такси, увешанное снаружи тюками, приезжал обычно к вечеру в Хоит, где встречающие поначалу устраивали своего рода “карантин” - долго расспрашивая, откуда и зачем эти беглецы прибыли сюда и лишь убедившись тем или иным образом, что те говорят правду, расселяли их по всё более переполняющимся домам.

Мужчины и парни тут же начинали то собирать дрова, то проходить военную подготовку, женщины же растили по домам своих малышей, пекли на всех лепёшки и сушили кизяк на зиму.

Именно тогда Ёсиру и Харуну поручили собрать все ужасающие рассказы беглецов и подумать, что с ними можно будет сделать: снять ли фильм, записать ли на магнитофон и размножить в кассетах или же послать на зарубежные радиостанции. Именно тогда Ёсиру и Харуну за этой работой удалось впервые за всё это время обсудить ситуацию и наскоро обдумать дальнейшие действия.

Правда, это происходило в несколько приёмов, никак не за раз, да и потом всякий раз после очередной порции людского горя их ситуация казалось не настолько ужасной ведь никого из их окружения не забирала с подброшенной анашой в кармане милиция, никого из их родственников не пытали в подвалах СНБ, разве что ни сами, а не кто-нибудь из близких пропал без вести.

Больше всего было здесь последователей двух имамов андижанского Абдували и ташкентского Обидхона, и история одного из помощников последнего показалась Ёсиру самой странной и любопытной.

У Обидхона-кори был двадцатипятилетний помощник по имени Тахир Ибрахимов. Был этот молодой человек родом из Душанбе, но, проучившись в Бухаре, а затем в Ташкенте, остался в узбекской столице, в мечети Тохтабай. После того как начались гонения на его учителя и, в конце концов, Религиозное Управление отстранило Обидхона-кори от должности имама этой мечети, Тахир Ибрахимов заместил его на время, и община в несколько тысяч человек объединилась вокруг него в порыве восстановить своего имама в должности.

Но надо сказать, что и Духовное Управление не дремало: с одной стороны его представители пошли по окрестным старогородским махаллям, собирая подписи под письмом, обвиняющим Обидхона в “ваххабизме” - термине, ставшем к тому времени официальным пугалом, а с другой стороны руководители Управления, в частности заместитель Муфтия - Юсуфхан Шакиров пришёл в мечеть 24 февраля 1996 года с кандидатурой нового имама для непокорной мечети.

И тогда народ под предводительством Тахира Ибрахимова взбунтовался. Люди кричали: “Нам не нужен ваш новый имам!”, “Верните нам Обидхона-кори!”, “Народ избирает своих руководителей, а вы каким образом оказались у правления Духовным Управлением никто не знает, разве что ваше КГБ!” Словом, и пошло, и поехало, да так, что Юсуфхан Шакиров в сердцах воскликнул: “Делайте со своей мечетью что хотите, вы теперь не принадлежите к нашему Духовному Управлению!” и ушёл из мечети.

Но в тот же вечер после этого происшествия многих активистов этого внутримечетского митинга, в том числе и Тахира Ибрахимова, арестовали, и арестовал его ни кто иной, как человек по имени Тахир Ибрахимов, правда, другой подполковник, начальник районного СНБ преемницы КГБ. Этот Тахир Ибрахимов был печально знаменит среди верующих как один из безжалостнейших безбожников, гроза всех старогородских мечетей, медресе и религиозных кружков. О его ретивости в борьбе против “ваххабизма” ходили легенды среди коллег и ужасы среди богомольцев.

Он-то и стал первым допрашивать своего полного тёзку, у которого, разумеется, нашли в кармане два маленьких пакетика анаши. Один матерился на чём свет стоит, кричал, что вы...бет его прямо здесь в ж..у, другой взывал бесстрашно к богу. Тахира Ибрахимова религиозного, поместили в подвал среди уголовников, которым надлежало измываться над боголюбом, несколько дней его мучили и допрашивали, а потом отвезли связанного сначала в Ходжент, потом оттуда отправили в родной Душанбе, где опять стали допрашивать, правда, не пытая.

А тот, богопротивный Тахир Ибрахимов, сказал, что этого имамёнка сгонят в тюрьме, куда его направили поначалу на восемь лет...

Странную схожесть, но не только имён, почуял тогда в этой истории Ёсир, который признался в этом Харуну: некую неотступность, доходящую до фанатичности, хотя и под разными знаками, но тут же смущённо добавил: или это поэтическое во мне в поисках вечных рифм...

Глава четырнадцатая

Священный месяц Рамадан пришёлся в этом году на самую войну. В горном Афганистане темнота наступает рано, а потому не было особой трудности в том, чтобы блюсти внешнюю сторону поста. И даже с молитвами, включая вечерний “тарових” - молитвенное чтение вечер за вечером тридцати частей Божественного слова Корана, всё обошлось - всегда находился в группе, по крайней мере, один, кто знал Коран назубок в кишлачной ли мечети, в пещере или на обочном дому у добросердечного единове́рца.

Но как никогда прежде в жизни, в этом году было трудно расставаться с Рамаданом и с этой близостью к Богу. Никогда раньше Ёсир не чувствовал такой жалости расставания, такого сожаления конца. Напротив, в прежние афганские годы, отсчитывая день за днём постное время, он по-молодому ожидал возврата к нормальной жизни, когда можно наесться кабульского плову посреди базарного дня, когда можно заглядеться исподлобья на бойкую походку какой-нибудь таинственной девушки в синей чадре, стучащей по разбитому асфальту острыми модными каблучками, когда в какой-нибудь загородной попутке до первого талибановского контрольно-пропускного поста можно услышать контрабандную пакистанскую музыку, а то и вовсе какой-нибудь британский “Оазис”.

Но в этот раз, в этот год посреди войны, ничего этого не хотелось, а хотелось продолжать оставаться с Богом, слушая Его тягучее слово, как будто бы если остановиться, то прервётся эта связь, как будто бы если вернуться к обыденности то Он забудет тебя, как ты забываешь Его. Но с другой стороны впервые в своей жизни Ёсир ощутил, как, наверное, и Он нуждается в людской любви и верности, ведь иначе зачем эти испытания.

Кроме того, мысль занимала себя какими-то мелочами: вдруг в памяти всплывал зубной порошок “Чистый” с белозубым малышом на крышке и память медленно вскрывала эту крышку, чтобы увидеть слой пергаментной бумаги, которую надо было разрезать острым наконечником зубной щётки, и тогда от внезапности порыва порошок взрывало на поверхность шуршащего пергамента, и намоченная щётка опускалась в мягкую пыль порошка и сухо обхватывала это пахучее месиво. И рот первым делом ощущал сухость внешних частичек, что разлипались по зубам, распространяя запах мяты, и ещё чего-то острого и горьковатого, а потом расходился вкус вместе с каждым движением щётки ведь никогда больше этому не быть... Нет больше этого порошка, нет больше этой жизни... Один пряный вкус в беззубом наполовину рту, и ощущение свежей чистоты начала...

Или же один за другим виделись автобусы, сначала маленькие Газы со створчатыми окнами потом, когда на Западе он увидел витражи в соборах - в глазах встали те самые автобусы со створчатыми готическими задними окнами, с дверьми, которые водитель открывал долгим никельным штырём, идущим от него и к двери, следом за ними появлялись массивные крутолобые ЗИСы, у которых две двери уже открывались автоматически, но не в дверях было запоминающееся, а в бойницеобразных углублениях, в этих крутых надбровьях под которыми светились стёкла такими же потом были первые троллейбусы; это уже затем всё стало плоским - плоские окна, плоские дома, плоские люди - а всё это, приходящее ниоткуда и уходящее в никуда так и осталось игрушечным, рукодельным, мастеровито-искусным...

В чём только человек не находит утешения, ведь и последние книги, которые читал Ёсир в прежней жизни были его детские книги: “Тарантул” с картинками, где глава “Арест шпиона” была накрепко связана с круглоглазым одноруком в кепчонке, отстреливающимся единственной рукой, и хотя слово “шпион” было понятно по этой самой неприятной фигурке, стреляющей прямо в тебя, слова “Арест” он долго не понимал, а спросить взрослых боялся, поскольку книга была маминой. Вот и мнил он это слово то помятой козырчатой кепчонкой, хотя в самом слове что-то прямое и резкое не поддавалось этой смятости, то ему казалось, что место этот накат, идущий сверху вниз от ног однорукого калеки и есть этот самый “Арест”, тем более как-то с мамой они проезжали станцию Арысь...

Каждая картинка говорила в этой книге и рассказывала свою, ненаписанную в книге историю. Как он боялся рисунка репейника в книжице “Барвинок”: так и остался в нём страх чем-то не столько колючим, сколько косматым, не столько цветным, сколько бесформенным. И опять как автобус сменялся автобусом, проходили одна за другой книги: “Битва в пути”, “Нокаут”, “Кортик”, “Стожары”, “Голубой пакет”.

Одно время Ёсир хотел написать книгу об этих книгах, о том, как не великие тома, а вот эти книжонки формировали его воображение и склад, о том, что в них спрятаны ключи к его сердцу, но разве только книги...

А пластинки, а “Комсомольское озеро” с его выписными, навесными мостиками к райским островкам, с пионерским поездом игрушечным и настоящим, как будто бы придуманным для детства и нарочно уничтоженным в том времени, а фильмы: “Балтийское небо”, “Тайна двух океанов”, “Седьмое путешествие Синдбада”... А коржики, пирожные, новогодние представления или “Рот Фронт”, который покупала мама по дороге из детского сада домой...

А...

Из чего только не прорастает человек...

Глава пятнадцатая

*Ne laisse pas celui qui me fait de l'ombre me retenir
Tu le sais la largeur d'une étoile
n'est pas égale à l'embrace du rayon
Laisse moi partir, sainte lumière bleue
mon ombre est en souffrance sur la terre noire.
Suis-je ivre, ou est-ce ma route qui l'est?
La neige coule, la terre est blanche et noire
Le mot "Je" est un vagabond comme moi
tu es éternel comme un mortier gelé, fissuré.
Trébuchons nous sur notre ombre
ou le mirage fond-il dans la pupille glacée —
un toit, portant une lampe, quand la maison est déplacée ¹⁵.*

Belgi

Так уж случается, что главные исторические события я каким-то образом пропускаю: оказываюсь совершенно невпопад не в том месте, когда время именно то. Так, до января 1966 года и с сентября того же года я жил в Ташкенте, а само знаменитое землетрясение 26 апреля 1966 года пропустил. Мать вывезла меня к бабушке в горы надышаться свежим воздухом и набраться

¹⁵ *Дающий мне тень, не держи меня,
ты ведь знаешь, что ширина звезды
не равна размаху света,
отпусти меня, голубой свет,
моя чёрная тень мечется по земле —
я ли пьян или дорога моя пьяна?
Снег течёт. Земля бело-черна,
Слово «я» странствует как я сам,
Ты же вечен как лужа с трещиной по ней.
Споткнулись ли мы о свои тени,
Или же в ледяном зрачке растаял сон:
Крыша держащая фонарь, когда дом съехал...*

Белги

сил, перед тем как пойти в школу. Пропустил я и страшный сель, который обрушился на Кизил-кию в конце семидесятых. Выезжал на соревнования по гандболу, а когда вернулся, то городок, где я проходил летнюю практику, уже подсыхал грязными под самую крышу развалинами стен. Очевидцы и того, и другого случая рассказывали ужасы, когда все стихии природы объединяются в одну в человеческий страх, в котором люди затем находят честь сопричастности к чему-то большему, чем обыденная жизнь...

Так я пропустил и ташкентские взрывы 16 февраля 1999 года. Возвращался поездом из Оренбурга от друга.

Странно, но когда уж случается присутствовать при том, что потом именуется историческим, право же, об этом не хочется вспоминать то ли из вопиющей несхожести того, что видел с тем, как это вошло в анналы, то ли из-за никчемной нелепости того, что на самом деле видел.

19 августа 1991 года я вылетал утренним рейсом из Ташкента в Москву. Уже едучи в аэропорт в такси, я услышал левитаноподобный голос в радио, объявлявший какие-то страшные вещи. В тот день, когда власть перешла от Горбачёва к ГКЧП, из 250 пассажиров вылетело в Москву от силы 15, и я был среди них. Соседи мои сосредоточенно рылись в своих телефонных книжках, заранее вычёркивая всякое неудобное, я же думал к кому мне неопасно будет приехать, кто из говорливых моих друзей будет уже арестован, а кого могут забрать при дальнейшем случае.

За этими смурными заботами мы долетели до ненастной Москвы, сели не в Домодедово, как было положено, а в Шереметьево, здание которого было полупусто, если не считать за вторую половину военных да вооружённую милицию. И таксисты вместо обычной назойливости вежливо и дисциплинированно дожидались в длинной очереди своих торопящихся клиентов. Я решил ехать в Бибирево к Хамиду Исмаилову, хотя именно его за демократическую ретивость и могли забрать на первый же день. Но при зрелом размышлении я подумал, что пока сообщат о нём узбекские власти центральному ГКЧП - пройдет, по меньшей мере, несколько дней, а там можно будет осмотреться и перебраться, скажем, к художнику Шавкату Абдусаламову. Художники - народ попокладистей, нежели писатели да поэты.

Сел я в такси и с самого начала дороги увидел танки на обочине. Вся дорога и особенно же Ленинградское шоссе до Химок, а потом кольцевая трасса были оцеплены танками и растерянные солдатики, никогда не призывавшиеся на оцепление Москвы, тешились тем, что толпились в очередях с миской за полевой кухней или с канистрой за дизельным топливом для коптящего в кювете танка. Странное было это ощущение какой-то деланности, ведь эти солдатики, которые должны были пугать своим присутствием, были напуганы сами больше того, да и громадные танки смотрелись уж больно декоративно перед старьём мелькающих "Жигулят" да "Волжанок".

Через полчаса я был на улице Лескова в Бибирево. Позвонил в дверь, и никто не ответил. Дверь не подавала признаков жизни. Я постоял у неё, размышляя свои запасные варианты, но потом решил постучаться к соседям. К счастью, соседка напротив оказалась старенькой татаркой, которая, узнав, что я приехал только что из Ташкента, затараторила мелко-мелко по-татарски и стала тянуть меня к столу за беляши. Я вытащил из сумки одну из наших обязательных дынь. Она запричитала ещё больше, говоря, что сосед здесь, что она видела его утром, когда тот выбрасывал мусор.

Я успокоился, и затем за чаем спросил её, что происходит в городе. Она покачала головой и сказала с неискоренимым татарским акцентом: “Иии плуха, Гарбашув аристуит, Янай пришла. ЩП, бик ЩП... Щиста Сталин буйдет... А син щай ищ, пий щай...” - предложила она и я вдруг понял, что жизнь, несмотря ни на что продолжается.

Ближе к вечеру пришёл из города почерневший Хамид Исмаилов, сказал, что в Союзе Писателей уже было чрезвычайное собрание, где клеймили, на чём свет стоит и перестройку и гласность...

В ту ночь после бесед и телевизора с той самой знаменитой пресс-конференцией и дрожащими руками мы долгое время не могли уснуть, мучась каждый о своём. Но утром я почему-то проснулся в преотличнейшем настроении, как будто бы прочёл весь сценарий тяжёлой драмы наперёд, прежде чем смотреть её со сцены. И с самого утра я предложил Хамиду идти в город.

Мы поехали сначала в Союз Писателей, вернее в ЦДЛ, где, напившись кофе и наевшись бутербродов с сыром, двинули к Белому Дому. И вот, как сейчас помню: какие-то пьянчужки, которых не пускали ни в ЦДЛ, ни в Дом кино напротив, кричали друг другу: “Митёк, неси балку...” - и какой-нибудь непросохший Митёк упирался в столб, и, разорвав об него свою рубашку, но, не свалив, шел чуть подальше к мусорной урне и катил её к Белому Дому для баррикады.

Не хочу сказать ничего плохого, но на мой ташкентский посторонний взгляд казалось, что вся шушера первопрестольного города собралась сюда, на майдан, чтобы вдоволь насладиться тем, чем не будет дозволено более никогда. Можно было крошить телефонную будку, тащить из неё провод, ссать на ступеньки государства, развести костёр посреди площади и поставить на него нашьляпник фонаря вместо чайника, бей, пей, гуляй Вася! Когда ещё доведётся презвиться на жизни...

Вот такое неисторическое у меня воспоминание о путче ГКЧП и всенародном демократическом отпоре ему. Но я не о том. Я о том, что пропустил ташкентские взрывы 16 февраля 1999 года.

Глава шестнадцатая

*ko'z oldimda o'tlar bulutlar
bir ko'n bu ham tarqab ketadi
bo'ldi deyman - endi yetadi*

*xom sut emdik toza xayolni
yurak siqib qonga buladik
ko'kka uchib yerga quladik*

til javraru quloq eshitmas

*yo'q narsani yo'qotib bo'lmas
yo'q narsani yo'qotib bo'lmas*¹⁶

Belgi

Вот официальное сообщение узбекской прессы об этих самых взрывах.

16 февраля в Ташкенте, в зданиях кабинета министров, Национального банка Узбекистана, а также вблизи аэропорта и посольств Белоруссии, Туркменистана, Таджикистана и Грузии произошла серия взрывов. По предварительным данным, было использовано как минимум

¹⁶ ...перед моими глазами травы облака
в один из дней и это рассеется
будет говорю хватит теперь
мы сосали сырое молоко чистую мысль
измазали кровью выжатого сердца
взлетали в синь рушились на землю
язык лепечет уши не слышат
нельзя потерять того чего нет
недзя потерять того чего нет

Белги

6 автомашин, начиненных взрывчаткой. Как сообщает МВД Узбекистана, пострадало свыше 150 человек, 15 погибли. Городские власти выделили 40 миллионов сумов на лечение и реабилитацию пострадавших. Один из взрывов прозвучал на Педагогической улице.

И хотя узбекская пресса, равно как и узбекские власти, изначально и определённо заявили, что за взрывами стоят исламисты, однако множество обозревателей, не принадлежащих к этим двум кругам, не было столь определённо даже после показательного суда над лицами, привлечёнными по обвинению в организации и совершении этих взрывов. Суд этот, как известно, состоялся летом 1999 года и на нём я уже присутствовал, аккредитованный от российской прессы. Я расскажу о суде чуть позже, тем более что сейчас, спустя столько времени, я стал недавно перечитывать двухтомное Обвинительное Заключение, странными путями оказавшееся у меня в руках, и признаюсь, на многое теперь я смотрю другими глазами, нежели во время самого суда в те жаркие летние дни, когда весь Ташкент был оцеплен маревом и вооружённой охраной.

Хочу обратиться, прежде всего, к аналитикам, которые обсуждали не одну, но десяток версий. Вот какие версии предложил и разобрал один из лучших специалистов по Центральной Азии доктор Рустем Жангожа.

АНАЛИЗ ВОЗМОЖНЫХ ИСТОКОВ УСИЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАПРЯЖЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

Календарный год Кота начался в Узбекистане с трагедии - 16 февраля за несколько минут до 11 часов дня, в центре Ташкента, один за другим, прозвучало несколько мощных взрывов. По предварительным данным, в результате взрывов погибло пятнадцать человек, почти сто пятьдесят человек оказались в больницах с травмами различной степени опасности. Нанесен значительный материальный ущерб зданиям кабинета министров, Национального банка Узбекистана, а также некоторый административным помещениям, расположенным в центре столицы. О силе взрывов свидетельствует тот факт, что в домах, расположенных в радиусе одного километра от их эпицентра, вылетели стекла окон, а несколько десятков автомобилей, которые оказались в административном

районе в момент террористического акта, были серьезно повреждены взрывными волнами. Согласно оперативным сводкам МВД Узбекистана, взрывы были осуществлены при помощи управляемых взрывных устройств направленного действия с часовыми механизмами, которые были размещены в легковых автомобилях, заранее припаркованных «неизвестными» к административным зданиям, каждое из которых, как свидетельствуют местные и иностранные наблюдатели, очень тщательно охраняется многочисленными работниками силовых структур Узбекистана.

Версия первая - официальная.

По имеющимся на сегодня свидетельствам можно утверждать, что главной целью террористического акта было покушение на жизнь Президента Узбекистан Ислама Каримова, выступление которого намечалось в помещении Кабинета министров как раз к моменту осуществленной серии взрывов. Сразу же после событий в Ташкенте Ислам Каримов заявил, что он «отрежет руки исламистам», которые, по его мнению, были организаторами террористического акта. В своем выступлении на заседании Кабинета министров, которое, несмотря на впечатливших мир своими масштабами теракт, состоялось в тот же день, а вечером транслировалось по местному телевидению, президент выглядел ошеломленным и растерянным, а само выступление было эмоциональным и крайне сумбурным, что, по утверждениям экспертов, ему совсем не присуще.

Очень показательными были выступления на этом же заседании руководителей силовых структур Узбекистан. Так, министр внутренних дел Узбекистана, Закир Алматов заявил: «От имени МВД скажу, что если мы не сможем оперативно раскрыть это преступление, то авторитет милиции перед лицом народа будет запятанным. Мы обнаружим их, поставим перед народом, и они будут наказаны». Еще более конкретным в своем выступлении был руководитель Службы национальной безопасности Узбекистана Рустам Иноятов: «Сегодня мы уже знаем, кто организовал, и кто принимал участие в этих событиях. У нас есть необходимая информация об этом... Даем слово выдернуть их с корнем и на протяжении одного месяца доложить о результатах».

«Независимая газета» приводит слова одного из западных дипломатов из интервью их корреспонденту, в которых довольно

основательно звучат некоторые сомнения относительно этой версии: «Лично у меня, все, что происходит, вызывает ассоциацию, связанную с покушением на египетского президента Насера в 1954 году. Тогда в Насера, как раз в этот день почему-то не одевшего бронежилет, стреляли 17 раз, но так и не попали. Зато покушение позволило египетскому президенту расправиться с фундаменталистской оппозицией. Не кажется ли вам странным, что руководитель Службы национальной безопасности обещает поймать преступников в месячный срок - ведь, учитывая специфику местных реалий, можно быть уверенным, что если он не выполнит своего слова, то распрощается со своей должностью. Может быть, в реальности кандидаты в преступники у министра уже «подготовлены?». Интересно, что, как только прозвучали первые взрывы, милиционеры сообщили толпе любопытствующих людей, которые собрались поглядеть на то, что произошло, что это работа «исламистов». Известно, что в Узбекистане на подобные слова милиционер может решиться только с благословения властей. Интересно в этой связи отметить, что в день терактов реальной охраны центра города не было и за небольшую взятку можно было легко проехать через милицейские кордоны. Конечно, отчасти эту ситуацию можно объяснить недисциплинированностью и коррумпированностью силовых структур, но некоторые сомнения, определенной мерой, все же остаются».

Таким образом, версия несостоявшегося покушения, высказанная первым лицом государства, который явился вдобавок и намеченной жертвой, а также официально названные адреса его непосредственных исполнителей на сегодня выступают как основные «ориентировки» для следственных органов. Однако до тех пор, пока виновники не будут установленные в судебном порядке, позволительно будет привести и другие версии, которые дают возможность для рассмотрения неоднозначных событий в более широком политическом контексте. Ведь то, что состоялось в Ташкенте однозначно можно интерпретировать как политическую акцию. Попробуем и мы дать другие версии сценария разыгравшихся в Ташкенте событий.

Версия вторая – «Поджог Рейхстага».

Не углубляясь в анализ общей современной социально-экономической и внутривнутриполитической ситуации в Узбекистане, отметим, что, в отличие от широковещательных заверений ташкентских властей,

независимые эксперты характеризуют ситуацию в Узбекистане как крайне неблагоприятную. Эта оценка построена на том, что симпатии широких слоев пауперизованного населения страны далеки от положительного восприятия деятельности своего президента. Объясняя это отношение на рациональном уровне, простые люди характеризуют политику своего политического лидера как «безбожную», не отвечающую моральным принципам, заложенным в догмах шариата. В возникшей ситуации не надо быть большим провидцем, чтобы прогнозировать, что во время будущих выборов в парламент республики «партия власти» Узбекистана будет подвергнута испытанию значительными трудностями для получения поддержки своей политики в различных слоях электората.

Ни для кого не секрет, что «партия власти» Узбекистана несколько не обольщается относительно своей популярности в широких слоях населения. Из-за отсутствия экономических мер влияния (пусть даже и популистского свойства) она может давать расчет только на репрессивные методы запугивания электората. Это, прежде всего - создание мощных силовых структур, готовых к репрессивному влиянию на недовольное население. Это - политическое преследование всех инакомыслящих. Это, кроме того, - формирование в глазах общественности отрицательного способа идеологического врага - исламиста, готового к любым экстремистским акциям. Последнее было рассчитано на международные правозащитные организации, напуганные возникшим за последние десятилетия во всем мире стереотипом исламиста - террориста, для нейтрализации которого способов уже не выбирают.

Исходя из сказанного, можно с большим сомнением отнести к высказанной Исламом Каримовым версии о причастности к террористическому акту представителей исламского движения Узбекистана. Во-первых, из-за отсутствия значительных материальных средств, для осуществления настолько хорошо (с точки зрения технологии) организованного покушения, во-вторых, из-за отсутствия сколько-нибудь серьезных структур, мобилизованных из среды исламистов и способных организовать террористический акт.

Кроме того, всякая политическая структура, которая проводит акции подобного рода, сразу же после их осуществления, выступает с заявлением о своей причастности к ней. Иначе эта акция попросту теряет политическое содержание, которое состоит в том, чтобы сделать объявление своим действием непринятия режима. В противном случае, он приобретает характер и значение уголовного преступления, бессмысленного кровопролития.

Следует подчеркнуть, что это касается не только исламской, но и любой другой оппозиции режиму Ислама Каримова. Как показало дальнейшее развитие событий, сокончанием провозглашенного месячного срока, которого силовым структурам Узбекистана «будет достаточно для поиска террористов», они не остановились на версии только религиозных экстремистов, а прибавили к ним и лидера запрещенной в стране демократической партии «Эрк» Мухаммада Салиха. Причем, орган мажлиса (парламента) и правительства Узбекистана - газета «Халк сузи» - напечатала большую статью «Февральские события: кому они требовались? Кто исполнители? И кто организаторы?», в которой прямо указывается, что «демократ» Салих, который находится за границей, в свое время «вызывал к себя приблизительно 20 кашкадарьинских парней и, поймав в свои тенета наивных ребят, готовил их к кровопролитным столкновениям». В последующем также сообщалось, что «Салих наладил связь с известным там Тахиром Юлдашевым, который считает себя ваххабитом, и который обагрил руки кровью в Афганистане и Таджикистане...». И последние сообщения. Недавно в Узбекистане арестовано двое подозреваемых в теракте молодых людей, а 17 марта, в Киеве, еще четверо и среди них младший брат Мухаммада Салиха. Таким образом, всего их стало шестеро - как раз такое количество фотороботов молодых людей было напечатано в газетах, показано по телевидению и расклеено на станциях метрополитена Ташкент с объявлением о назначении МВД Узбекистана премии в 240 тысяч американских долларов за любую информацию, которая может реально оказать содействие задержанию подозреваемых.

Таким образом, силовые структуры Узбекистана выполнили «поставленную задачу», а украинским соответствующим органам в связи с этим необходимо очень осторожно относиться к любой информации, которая поступает из Ташкента по этому поводу.

Надо признать, что накануне парламентских и следующих за ними президентских выборов президенту и его окружению просто крайне выгодно обвинить оппозицию в преступных действиях и на этом основании усилить режим «для обеспечения цивилизованности общества». Кажется, что высказанная в этом контексте Исламом Каримовым версия об организаторах террористического акта оказалась для него «счастливой находкой». Той козырной политической картой, которой он непременно воспользуется в процессе подготовки к избирательной кампании и для усиления влияния на свой потенциальный электорат.

Версия третья - реакция старшего брата».

Недавно Ташкент фактически вышел из «Ташкентского соглашения». Политическое заявление Ислама Каримова о том, что Узбекистан не намерен продолжать свое участие в договоре о коллективной безопасности стран СНГ («Ташкентское соглашение») поскольку «настоящий договор не отвечает национальным интересам страны», вызывало в Кремле раздраженную реакцию.

Если к этому прибавить, что аналогичные заявления сделали Грузия и Азербайджан и что последний не скрывает намерений разместить на своей территории авиационные базы НАТО, то можно предположить, что в недрах российского военного ведомства решили актуализировать одну из старых заготовок по дестабилизации ситуаций в тех или других зонах. Последнее событие в Узбекистане должно по этой логике стать серьезным предупреждением для «бывших сатрапов, которое, по мнению московских силовых ведомств, зарвались». А то, что этот генералитет способен действовать в автономном от федеральных властей режиме, доказывать нет потребности.

Финал (или продолжение?) драмы, которая разыгралась в Ташкенте, можно дописать «с закрытыми глазами»: даже если Ислам Каримов будет иметь в руках неопровержимые доводы в организации покушения на него со стороны российских «рыцарей плаща и шпаги», то он промолчит. До поры промолчит. Следственные структуры Узбекистана разыщут злоумышленников - исламистов и устроят над ними показательный суд. А заодно объявят всю внутреннюю оппозицию вне закона. Официальный рупор президентских структур - газета «Правда Востока» уже привела Бориса Ельцина первым в списке государственных деятелей мира, которые выказали лидеру Узбекистана сочувствие, и, в отличие от остальных, выделила ему целый абзац. А национальный рупор России – «Независимая газета» уже заметила это и утверждает, что «российскую версию Ташкент не собирается даже рассматривать»

Версия четвертая - реакция «сводного брата».

Еще два года поэтому российский социолог Андрей Здравомыслов - специалист по межнациональным конфликтам, писал, что «с 1990 г. ситуация в Таджикистане развивалась в форме конфликта по поводу доминирования в общетаджикском масштабе одной из этнических

групп этой страны... Этот конфликт имеет тенденцию перерастания в среднеазиатский конфликт в целом (с включением Узбекистана и других стран региона)». Общеизвестно, что президент Таджикистана кулябец Рахмонов выступает против влиятельного проузбекского ленинабадского клана, представителя которого хотел бы видеть на его месте Каримов. Ведь в Ленинабадской области Таджикистана проживают преимущественно этнические узбеки, и как раз в этот регион с территории Узбекистана недавно состоялся рейд полковника Худайбердыева, который вызвал громогласную реакцию президента Таджикистан Рахмонова с обвинениями в содействии мятежному полковнику непосредственно президента Узбекистан Каримова. Не ли является ли террористическая акция в Ташкенте уже ответом одного президента другому, но уже не словом, а «делом»?

О реальной возможности утвердительного ответа на этот вопрос свидетельствуют действия силовых структур Узбекистана: среди сотрудников милиции этой страны, с целью задержания преступников, были распространены фотографии двух граждан Таджикистана, один из которых является сотрудником спецслужб страны. Об охлаждении отношений между двумя центральными азиатскими странами свидетельствует и тот факт, что в отличие от сочувствий Ельцина, сочувствие Рахмонова были напечатаны в узбекских газетах только через два дня...

Версия пятая - синтезирующая две предыдущие.

События в Ташкенте произошли за 10 дней, то есть накануне очередного саммита президентов стран Таможенного союза, который с помпой прошел в Москве 26 февраля, и главным событием которого было принятие в состав «четверки» пятого члена, а именно Таджикистан, после чего она стала «пятеркой». Кстати, как свидетельствует Интерфакс, к основной идее подобной группировки стран Каримов уже выказал свое отношение: «Создание «двоек», «троек», «четверок» и «пятерок» непосредственно или невольно подрывает СНГ». В соответствии с мысленным взором президента Узбекистана, «декларации и популистские заявления препятствуют делу интеграции в СНГ, а единый путь к интеграции - это создание зоны свободной торговли», на идее реализации которой в последнее время настаивала Украина. Каримов дал оценку последним московским заявлениям, которые «так и останутся на бумаге, как и многое из того, что было подписано ранее в границах этой

организации». Но Узбекистан имеет к этому «интеграционному ядру» СНГ» не только экономические, но и политические претензии. Ташкент обвинил Россию в попытках достичь доминирования в Центральной Азии, а власть Таджикистана - в попусту террористам. Кстати, по последних данным узбекских спецслужб, базы террористов, которых подозревают в организации недавних взрывов в Ташкенте, расположены на юге Таджикистана.

В связи с этим можно учитывать возможность самого объединения двух последних приведенных нами версий сценариев событий в Ташкенте. Ведь «сводный брат» стал таким братом еще и «старшему брату» и не могли ли в процессе проверки этого нового «братства» Россия и Таджикистан войти в сговор, чтобы немного взять на испуг своего другого «брата»? В этом контексте особого внимания требует сравнение политических ситуаций в партнеров Украины с ГУАМу - Азербайджане и Грузии, что, как и Узбекистан удержались от подписания протокола на удлинение «Ташкентской соглашения», срок действия которой минует в настоящем году. Тем паче, что с прошлогодним покушением на Шеварднадзе пока что ситуация относительно его организаторов, а главное заказчиков, также до конца не прояснилась.

Почему же там где власти были столь однозначны, далеко не столь категоричными были исследователи, которых невозможно заподозрить в каких-либо связях с воинствующим исламом или религиозным фундаментализмом?

Глава семнадцатая

16 февраля Харун заступил вечером на дежурство, и дежурство его начиналось с прослушивания и записи зарубежных “голосов” на узбекском. Ёсир же после вечернего чтения Корана при тусклой лампе лёг спать. Уснул он легко и крепко, поскольку, когда его растолкал Харун, Ёсиру показалось, что вся ночь уже позади и настало время предутренней молитвы. Но на неё будили обычно всех, здесь же Харун зачем-то прикрывал ладонью его рот и странно жестикулировал. И опять же Ёсир проснулся легко и ясно. Харун указывал наружу и Ёсир сразу уразумел, что что-то произошло. Он укутался в свой чапан, которым укрывался поверх казённого больничного одеяла, нацепил на ноги резиновые калоши, служившие вместо домашних тапок, и вышел крадучись вслед за Харуном наружу - под зимнее кристальное небо.

Дрожь охватила его раньше слов, как будто ледяное мерцание огромных звёзд тотчас передалось его телу, и когда Харун стал шептать ему о том, что случилось прошлым днём в Ташкенте, эта дрожь смешалась с дрожью его души, и сердце его стало затягиваться тем самым едва смутным ободком, что охватывал ошарашенную луну на небе, готовую вот-вот взорваться во всё ширь этой чёрной ночи.

“Кто? Кто?” - шептал он вперебив, торопя друга, который за своим волнением пересказывал всю передачу слово в слово, и тот растерянно съехал с колеи и почему-то перескочил сразу на цитату из Председателя СНБ Рустама Иногамова, который, дескать, обещал Президенту, что он знает, кто это сделал, и что через месяц все виновные будут привлечены к ответственности...

“Не наши?” - спросил с дрожью в шёпоте Ёсир, чем опять сбил Харуна с рассказа и тот растерянно пожал плечами и вдруг замолк, как выключенное радио.

Наутро командир Абдурахман поднял их по “тревоге”, и, пропустив утреннюю молитву, все они побежали в гору к своим заготовленным заранее окопам и траншеям. Невыспавшийся Ёсир и не спавший вовсе Харун бежали рядом, и когда Ёсир ни с того, ни с сего бросил: “Стало быть наши...”, - Харун лишь кивнул взмокшей головой, как бы сбрасывая пот с лица на эту мёрзлую, жёсткую землю. Именно там, в предгорном ряду окопов и траншей, глядящих в сторону горловины этой долины, им роздали оружие и руки прилипли от холода к стволам, но это внезапно нахмурившееся утро принесло изначально острый снег, а затем снег повалил увесисто, покрывая собой как одеялом редкие проталины, и от этого даже в белеющих окопах стало чуть теплее.

К полуденной молитве они вернулись в кишлак.

Это была не первая “тревога” в последние месяцы. Скупые на разговоры из-за страха лагерники всё же нет-нет, да и поговаривали о якобы ожидаемом на весну “джихаде” - священной войне, когда вся Ферганская долина должна была будто бы восстать и уже особо неразговорчивые из милитантов уходили временами надолго в горы в сторону Джиргатала и Баткена, возвращаясь чёрными от холода и худыми от ветра. Но ни невидимый главнокомандующий Джумабой, ни вездесущий имам, о котором кто со страхом, а кто с гордостью говорили, что он порезал и перестрелял с десятка неверных, и что, мол, отрезанная голова наманганского милиционера это его ребят дело - Абдулазиз, ни следующий за ним командир Абдурахмон - ничего об этом не говорили и только “тревога” за “тревогой” вселяли это ощущение чего-то неотвратимого.

И вдруг эти вчерашние взрывы... Харуна охватил к полудню жар. Поначалу никто не принял этого всерьёз, однако когда во время полуденной молитвы он пошёл в поклон и больше не встал, молитву из-за кряхтения всего ряда пришлось наскоро завершать и ухватившись за четыре конца цветастой шалчи, служившей молельным ковром, нести Харуна в “лазарет”.

Их “доктор” парень, работавший некогда зооветеринарном, стал щупать пульс, потом сказал, что надо бы пустить ему кровь, но этого Ёсир видеть уже не мог, он отвернулся со внезапными слезами на глазах, когда Харун глухо застонал, и всё же когда доктор крикнул подать ему горящую вату, чтобы прижечь

кровоточащую рану, Ёсир машинально бросился в угол к печке, и схватив пук грубой ваты, висевшей на стенке, сунул её голыми руками в огонь и не чувствуя жжения боли, передал в два шага вату медбрату. С коротким воплем друга по комнате пошёл запах палёной ваты и волос, но трое человек держали Харуна крепко. Он тихо застонал, и со стонами в него вернулась жизнь...

Ёсира всегда поражало, как легко режется человеческое тело. И многие здесь в Хоите знали это не понаслышке. До ноября прошлого года жил среди них высокий парень по кличке Джура, которого им представил тот самый головорез - имам Абдулазиз. Надо сказать, что Абдулазиз недолюбливал и Харуна, и Ёсира, и если бы не изначальное задание Тахира Юлдаша о своего рода "летописи" Хиджрата или исхода, давно нашёл бы он способ зарыть их в землю. И вот когда он представил им Джуру, имам криво улыбнулся в свои редкие усы и жидкую бородёнку и сказал: "Запишите в свою историю всё, что скажет вот этот гази¹⁷!"

Три дня рассказывал им кряду Джура свою повесть выследований, проникновений в дома, грабежей и убийств, которые в его устах приобретали название "разведок", "занятий позиций", "захватов", "атак", "ликвидаций". Началось это всё в 1994 году, когда в ночь на 6 марта Джура вместе с Толибом Мамаджановым¹⁸ и Сохибом Холматовым под предводительством имама Абдували Юлдашева, вооружившись автоматом, пистолетом, обрезом и ножами, напали на таможенный пост в Учкургане, и зарезали там спящего таможенника, чтобы забрать его форму и оружие, а заодно и все деньги в кармане его кителя.

Правда, потом, боясь разоблачения, они залегли на дно, и тогда по осени имам предложил им всем "сходить в Хиджрат" в Таджикистане к октябрю - в самый разгар войны, они добрались до своих наманганцев, воевавших к тому времени на стороне исламской оппозиции и при их посредстве, как "правоверные" на которых уже была кровь "неверующих", были отправлены через Хорог в Афганистан, в Кундуз, а потом в Гардез - в арабские военнотренировочные лагеря. Их было семеро узбеков в том потоке, и те, кто обучали их стрельбе из стрелкового оружия, из миномётов и зенитных установок, готовили их к войне вплоть до весны следующего года, но каким-то образом Абдували Юлдашев уговорил там же Тахира Юлдашева отпустить их на родину, и в августе 1995 года вся их банда вернулась в Наманган.

¹⁷ воин правоверия

¹⁸ арестован в 1997 году и приговорён к высшей мере наказания

Опять начались их налёты на дома людей, которых они считали несправедливо обогатившимися, и налёты эти становились всё дерзче и беспощадней. Так, после нескольких грабежей, награбленное которых они делили между собой и отчисляли пятую часть в свой “джихадовский” фонд, названный “Байтулмол”, они решили напасть на дом заместителя хокима области - Эркина Маматкулова. Три раза Джура и его сообщники ходили на “разведку”, изучая подступы к дому, время приезда Маматкулова с работы, повадки его домочадцев. И вот осенней ранней ночью они перелезли впятером через забор его дома и проникли в погреб, где хранились продукты.

Поздно ночью приехал с работы заместитель хокима, сбросил с себя одежду сразу же во дворе и после того как наспех умылся, попросил свою старую мать вынести ему из погреба дыню. Потом всё же прервал её на полпути и пошёл в погреб как обычно сам.

Там-то они его и “накрыли”. Правда, заместитель хокима был человеком крупным, а потому даже впятером они не смогли с ним справиться. Началась свалка, и тогда стоявший в углу без маски имам Абдували скомандовал: “Рассыпайся!” и следом дал очередь из автомата. Маматкулов грузно упал. И тогда остальные набросились на него с ножами и стали ожесточённо и мстительно резать его...

Оставив кровавое месиво над разбитой горкой дынь, они бросились во двор, беспорядочно стреляя, и стали вязать тросом и верёвками женщин дома старуху-мать, трясущуюся и умоляющую, вопящую жену, ошарашенных дочерей, а потом и проспавшего племянника...

За этот налёт Джура получил от имама 5 тысяч рублей, норковую шапку и кожаную куртку с плеч убитого заместителя хокима.

После того как весной 97 года имам застрелил двух заподозривших милиционеров на вокзале и ушёл опять в Хоит, его место занял Толиб Мамаджанов, и они стали ещё беспощадней: одетые в милицейскую форму навешивали железные петли на жертв, прикладывали горящие утюги к голым телам, а в случае с ГАИшником Боки Убайдуллаевым, которого они “пасли” долго и тщательно, и вовсе отрезали ему голову и завернув её, ещё тёплую, в скатерть, положили в целлофановый пакет и подвесили к верхнему углу ворот заместителя начальника областной милиции.

Джура рассказывал, распаяясь, как этот “душман” приехал ночью с работы и ничего на своих воротах не заметил, как они ждали и высматривали из заранее снятой из квартиры напротив, дожидаясь утра, когда оповещённый о происшедшем с его подчинённым начальник выйдет из ворот и сонный, ожидая

свою служебную машину, заметить белый пакет, подвешенный чуть выше его вытянутых рук, как тот потянется, доставая лишь дно пакета и, нащупывая что-то мягкое, а потом приедет его служебная машина, и шофёр вынесет из дома начальника лестницу, чтобы залезть на крестовину ворот и снять этот пакет, в котором ещё тёплая голова...

Ёсира вырвало на этом месте, а Джура хохотал в сторону Харуна, говоря, что этот поэтишка ещё сырой, что его надо ещё варить и закалять...

В тот раз заболел Ёсир. Ему не хотелось жить. Мир потерял смысл. До того дня он слышал и записывал рассказы лишь потерпевших и испытывавших почти тоже самое в милицейских бетонных подвалах. И вдруг эти оборотни в милицейских формах, эти "правоверные" имамы, режущие здесь баранов на Курбан-хайит, как они резали головы людям в обыденные дни. И если бы не Харун, не выжить бы Ёсиру с прошлой осени. Выходил его Харун травами, которые попросту опустошали мозги до простых инстинктов: поесть, поспать, справить нужду.

И вот теперь свалился Харун...

Сейчас в Интернете можно найти множество материалов о том, что фотографии разыскиваемых были розданы милиционерам ещё 14 февраля, при этом авторы этих утверждений даже ссылаются на свои источники:

Взрывы в Ташкенте: вопросы без ответов

Сергей Иваков

2000 год, апрель

Отрывки из книги «Демократия по-узбекски».

Я в отличие от вас, не скрываю источников информации - Марсель Абдулин, сотрудник службы безопасности И. Каримова, находясь в состоянии тяжелой эйфории, что в народе именуется «под мухой», поведал мне много интересного. Подробности всей беседы вряд ли интересны, но вот некоторые детали отливают свет на многие темные пятна и разоблачают не только вас.

Итак, взрывы в Ташкенте 16 февраля 1999 года были тщательно спланированы узбекскими спецслужбами по инициативе и под контролем И.Каримова, с целью устранения своих политических оппонентов и дальнейшего их истребления. Операция планировалась в обстановке строжайшей секретности.

Все оперативные службы Узбекистана и в частности в Ташкенте были приведены в состояние окончательно снаряженного вида, с предписанием фокусировать бдительность именно там, где позже, и прогремели взрывы.

(Не слишком ли много совпадений?). Представьте себе г-н Олег Якубов, всплыла и такая бумажка. Спецслужбы Узбекистана заблаговременно составляли списки «подозреваемых» (это вам подтвердит любой «опер» из любого РОВД).

14 февраля во все РОВД уже поступила полиграфическая продукция с описанием примет и с фотографиями «подозреваемых» с четким приказом развесить листки с надписью «Внимание розыск» только с 17 февраля.

Был объявлен открытый процесс над «участниками» февральских событий, ложь - на самом деле судилище было сверхсекретно, судьи не слушали обвиняемых, любые их оправдания гасились дубинками, суду нужны были только «подходящие» признания, а если подсудимый

брыкался, то ничего, сходило и так, все равно процесс был предрешен задолго до суда.

Виталий ПОНОМАРЕВ

Информационный центр по правам человека в Центральной Азии

Или вот ещё один документ того времени, касательно тех же самых событий:

УГРОЗА «ИСЛАМСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА» В УЗБЕКИСТАНЕ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

(НИА “ПОЛИГОН”)

5 октября 1999 года

За причастность к ташкентским взрывам 16 февраля уже осуждено около 80 чел., но многие вопросы по-прежнему остаются без ответа.

О том, что за взрывами стоят “исламские фундаменталисты” Каримов заявил почти сразу после совершения террористических актов, когда никакой достоверной информацией об организаторах взрыва спецслужбы еще не располагали. Между тем, многие в Узбекистане убеждены, что ташкентские взрывы были организованы клановыми группировками или инсценированы местными спецслужбами.

Изучение судебных и следственных документов не может не вызвать недоумения. Взрывчатка и детонаторы, оказывается, получены “из неустановленного следствием места”, непосредственный получатель также не найден. Доверенности на арендованные автомобили, в которые закладывалась взрывчатка, оформлялись членами преступной группы за три дня до теракта на подлинные паспорта террористов в нотариальных конторах Ташкента! В обвинительном заключении речь идет о четырех взорванных машинах, хотя ранее сам Каримов говорил о пяти. Ни словом не упоминается и взрыв в здании Кабинета Министров, о котором сообщали ведущие информационные агентства. Таким образом, следствию не пришлось искать ответ на вопрос о том, как “исламские фундаменталисты” смогли пронести взрывчатку в это тщательно охраняемое здание.

Совершенно неубедительно выглядит и официальная версия о заказчиках преступления, которыми якобы являлись лидер Исламского движения Узбекистана Тохир Юлдашев и председатель партии “Эрк”, известный поэт Мухаммад Солих (оба проживают за рубежом). Трудно поверить, что Солих и другие активисты светской Демократической партии

“Эрк” согласились на создание в Узбекистане исламского государства, а исламисты, в свою очередь, были бы готовы назначить президентом такого государства лидера нерелигиозной партии.

Содержание разговоров при двух (за все эти годы!) встречах Юлдашева и Солиха пересказывается некоторыми подсудимыми с чужих слов и не может считаться убедительным доказательством. По крайней мере, в западном суде такое свидетельство просто не было бы принято во внимание.

Наглядным доказательством того, как демократические правительства Запада (отнюдь не симпатизирующие “исламскому экстремизму”) относятся к версии узбекских спецслужб, является недавнее решение о предоставлении Солиху политического убежища в Норвегии, оформленное, кстати, при участии соответствующих институтов ООН. И это несмотря на многочисленные заявления в прессе о том, что Солиха как организатора взрывов якобы ищет “Интерпол”!

О разного рода нестыковках в уголовном деле о взрывах 16 февраля в Ташкенте можно написать целое исследование, но ограничимся одним примером. Так, в приговоре суда утверждается, что на деньги Солиха было якобы закуплено 1,5 тонны религиозно-экстремистской литературы, призывающей к джихаду, которая была доставлена в Алма-Ату и распространялась в Узбекистане и Кыргызстане частично при участии бишкекского Комитета защиты прав мусульман. Как достоверно известно автору, религиозная литература на узбекском языке в конце прошлого года действительно поступила в Алма-Ату, но Солих, равно как “ваххабиты” или “сторонники джихада” отношения к этому не имеют. Речь идет о работах проживающего в эмиграции блестящего знатока ислама, бывшего узбекского муфтия Мухаммада-Содика Мухаммада-Юсуфа, включая его исследования об отношении ислама к проблемам семьи, прав человека и др. По неграмотности следователей Содик (которого даже его враги никогда не называли “ваххабитом”) превратился в Солиха. Но, впрочем, выяснение подобных “мелочей” не очень-то интересует борцов с “фундаменталистами”.

Среди особо часто приводимых сомнений удивление перед фактом опоздания Президента на совещание в Кабинете Министров, та лёгкость, с которой ГА321, начинённый 400 килограммами взрывчатки, проехал в самое сердце Ташкента, к дому Правительства, тогда как туда даже пешком перед приездом Президента никого не пропускают.

Но меня, как писателя, скажу честно, слегка привело в замешательство поведение Президента Каримова в тот самый момент, поведение непростодушно заснятое, но простодушно показанное телевидением Узбекистана несколько недель спустя. Только что взорвалась машина перед Домом Правительства, который всё ещё дымится, а Президент в окружении своей свиты и в сопровождении простоголового и запуганного Министра Внутренних Дел, спокойно смотрит в камеру, разговаривает, что-то спрашивает. В это время раздаётся очередной взрыв наверняка тот, который у Национального Банка, голова Министра невольно вжимается в плечи, а Президент, как ни в чём не бывало, не прерывает своей беседы...

Представьте себе любого Президента в такой ситуации, когда в столице рвутся одна за другой бомбы: естественная реакция чрезвычайное положение, максимальная личная безопасность, выяснение - откуда эта угроза. А здесь же через пару часов - готовый партхозактив с заготовленной речью...

И все-таки не станем спекулировать на этом, а скажем, что при всех огромных усилиях, которые узбекские власти приложили к доказательству своей версии, есть несколько фактов, которые с этой самой версией не совсем вяжутся. Я уже говорил, что у меня на руках двухтомное обвинительное заключение Прокуратуры Узбекистана по этому самому уголовному делу, идущему под номером 8378, пройдёмся по нему.

Трудно что-либо возразить против огромного количества фактов, собранных в деле, о том, что и впрямь в 1994 году Тахир Юлдаш бежал со своими сподвижниками в Таджикистан, где влился в ряды таджикской исламской оппозиции, в которой к 1996 году стал весьма заметной фигурой, а именно заместителем Саида Абдулло Нури по внешним вопросам. Одновременно рос боевой авторитет Джумы Намангани как полевого командира. Но после того как в 1997 году Таджикская объединённая оппозиция подписала мирное соглашение с правительством Таджикистана, и её руководители влились в состав коалиционного правительства, узбекской части этой оппозиции пришлось думать о самой себе, и тогда было объявлено о создании Исламского Движения Узбекистана ИДУ, под руководством Тахира Юлдаша.

Вот одно из интервью того времени, в котором Тахир Юлдаш, который перебазировал свои силы в Афганистан, говорил об отношении своего движения к Талибан:

Во имя Бога Милостивого, Милосердного.

Сегодня против Талибан раздаётся отовсюду различного рода клевета, их обвиняют в том, что им не присуще, и мы не можем смотреть на это с безразличием, поскольку Аллах говорит в Коране: «О верующие, бойтесь Аллаха и будьте на стороне правдивых». Наше отношение к ним таково, что они внедряют в жизнь Афганистана и региона ислам, который на протяжении столетий был изгнан отсюда. А пропаганда, что они, дескать, вредны или опасны для региона, это, конечно же, новые вымыслы. Они стараются восстановить ислам в Афганистане и их цели – настоящие цели, и мы гордимся ими и мы на их стороне. Для региона более опасным является тот факт, что русские вводят свои новые войска в Термез. Они опять восстанавливают своё господство в Средней Азии. Мы уже жили колонией русских, что же касается Талибов, они не хотят никого колонизировать.

Вопрос: Узбекское правительство опасается того, что если Талибы приблизятся к их южной границе, то они окажут содействие исламистам в Таджикистане и в Узбекистане. Имеете ли вы связи с Талибами?

ТЮ: Угрозы Узбекского и Русского правительства по поводу Талибов напоминают узбекскую поговорку о том, что трусящий размахивает кулаками первым. Семьдесят лет назад, когда большевики захватили наш край, люди, которые хотели защитить его, были обвинены, что они работают на англичан. Их называли басмачами, то есть захватчиками. Или когда Советский Союз напал на Афганистан, на мусульман этой страны, он опять заявлял, что здесь есть американцы, что здесь есть китайцы, словом, скрывая свои преступления, пенял на других. Сегодня то, что заявляют узбекские правители: дескать, если Талибы достигнут границы, это принесёт им вред – эти заявления свидетельствуют лишь о страхе предателей. И эта пропаганда узбекского правительства о том, что Талибы могут оказать поддержку исламским силам Таджикистана и Узбекистана – это свидетельство трусости Узбекского правительства. Что касается наших связей с Талибами, то у нас хорошие связи, и мы гордимся ими, но мы способны преследовать свои цели и без их поддержки, даже если они не будут предоставлять нам места. Мы не опираемся на внешние силы.

В уголовном деле со слов руководителей этого движения, таких как Бахром Абдуллаев, Зайниддин Аскарлов, Оловуддин Болтаев - зафиксирована своего рода история развития этого движения. В мае 1997 года в Стамбуле, в гостинице “Эладжак” происходит первая “встреча в верхах” этого движения, на которую съезжаются Тахир Юлдаш, Джумабой Намангани, Бахрам Абдуллаев - один из учеников пропавшего без вести Имама Абдували Мирзаева, Казимбек Закиров бывший водитель и телохранитель того же самого Имама, наманганец Зайниддин Аскарлов, ставший впоследствии пресс-секретарем движения, ташкентец Рухиддин Фахрутдинов - сын бывшего министра лесного хозяйства Узбекистана, Абдулла Ахмедов из Ферганской долины. Собравшиеся решают объединить все исламские движения Узбекистана под крылом “Движения Исламского возрождения Узбекистана” и Тахир объявляет себя лидером этого движения. Он же ставит задачи объявления джихада правительству Каримова, пропагандистскую работу среди молодёжи и увеличение числа сторонников, направление их в военно-полевые лагеря Хаттаба в Чечне и Джумы Намангани в Тавилдаре.

Работа по исполнению этих установок идёт вовсю. Бахром Абдуллаев прямо из Стамбула едет в Чечню, где встречается с Хаттабом и тот обещает пропускать через свои лагеря по 20 человек каждые два месяца. Всего военную подготовку проходят в эти годы до 5 тысяч молодых узбеков.

В июле того же года на дому у видного религиозного деятеля, этнического узбека Хаджи Абдулла Ходи в Стамбуле проходит вторая встреча лидеров движения. Здесь ответственные за те или иные направления работы держат отчёт о том, чего они добились за прошедшие месяцы. Кроме того, ставится новая задача отбирать среди способной молодёжи, особенно же обучающейся за рубежом, тех, кого можно будет использовать в будущем при строительстве исламского государства.

В том же году в ноябре лидеры движения съезжаются на “сверку часов” в Баку, в офис некоего турка Хусейна, где решают создать штаб-квартиру в Алма-Ате...

Прервём накоротко изложение уголовного дела, а вместе с ним и исследование несоответствий между официальной версией взрывов и тем, что, очевидно, было на самом деле, поскольку именно в этом промежутке времени один из моих друзей совершенно случайно встречается с Тахиром Юлдашем в Тегеране.

Глава девятнадцатая

*so'z bilan o'z aro farq
onlariga olam g'arq
g'amim g'arbu sharhim sharq
javob esa hech kimga
hech kimga..²⁰.*

Belgi

Вот что он мне рассказал:

“В декабре 1997 года по заданию одной из московских газет я полетел в Тегеран на ассамблею Организации Исламской Конференции. Летел я через Стамбул и вот когда я сел в самолёт и фантастически-любезные турчанки-стюардессы стали демонстрировать правила безопасности полёта, вдруг в самолёт с шумом вошло несколько людей, громко разговаривавших на гортанном арабском языке. Я подумал было: “Какие-нибудь нефтяные шейхи...” - хотя, как правило, такие не шумят, и в это время мимо меня прошёл безобразного вида монгололикий человек, а вслед за ним бросив на меня быстрый взгляд Тахир Юлдаш, которого я ещё интервьюировал в Советское время, и ещё два араба. Тахира я узнал тут же, несмотря на то, что он был в белых арабских балахонах и в белой арабской тубетеечке. Он меня признал также наверняка сходу.

Разумеется, я слышал к тому времени, что он был частью таджикской вооружённой оппозиции, что он замещал самого Саида Абдулло Нури, что впоследствии Тахир организовал “Движение Исламского Возрождения Узбекистана”, а потому можно было представить себе моё волнение в предвкушении хотя бы слова с ним. Я представлял себе, какую бомбочку я могу опубликовать в Москве после всего официоза конференции. Весь полёт я размышлял о том, как я должен приблизиться, как подвесить его на удочку, каким образом добиться интервью с ним, и т.д. и т.п.

²⁰ *в промежуток
между собой и словом сбой конец всему
тоска моя запад толкование восток
а ответа – никому*

Белги

Но к середине ночного полёта я не выдержал томления и решил выйти на разведку, чтобы направиться в сторону заднего туалета. Я шёл между сиденьями, бесстыдно рыща глазами по рядам, и редкие неусыпные бородатые мужчины в чёрном зыркали на меня своими ненавидящими красными глазами, охраняющими своих благоверных, что посапывали по двум сторонам на их плечах. И, наконец, на самом последнем ряду я заметил те самые белые одежды, но, заискивающе приблизившись к ним, я увидел, что все они, а более всего Тахир, мирно спят, отвернувшись в сторону чёрного окна.

Мы прибыли в Тегеран во втором часу ночи. Самолёт и в Тегеране самолёт, а потому лишь приземлились, как все повалили валом, и меня вынесло в густую тегеранскую ночь. Всё мне было в диковинку и в некоторую настороженность, поскольку я был в Исламском Иране впервые. Журналистов встречала, странным образом, крикливая женщина, это позже я понял, что и в Иране всем по существу заправляют женщины, но на первых порах и это было мне в диковинку, да так, что я на время и вовсе забыл о Тахире Юлдаше.

Правда, чуть позже, когда мы, журналисты, стояли гурьбой у паспортного контроля, оберегаемые той самой незаспанной женщиной в чёрном, Тахир подошёл ко мне сам и, поздоровавшись, поинтересовался, не на конференцию ли я приехал. Я опешил от толчеи заготовленных вопросов, и сказал, было бы хорошо увидеться хотя бы на конференции. Он же, перебивая, спросил, как завсегда́тай этого города, где я решил остановиться, и когда я назвал отель “Лола”, он сказал мне, что если того возжелает Аллах, то он меня найдёт сам. После этого он повернулся и пошёл к тому самому монголовидному парню, который держал его спортивную сумку и через стекло заграждения, я видел, как таможенники копались в этой сумке, вытаскивая из неё спортивную форму, наверняка используемую вместо пижамы, и ещё какие-то вещички из артикула командировочных. Тахир спокойно возвышался среди мельтешащих таможенников.

Потом, уже сидя в журналистском автобусе, я увидел в окне ту самую высокую белоснежную фигуру, которую встречали несколько человек в легковой машине, но место лёгкого сожаления, что я могу потерять уж такое интервью, заняло досужее, несмотря на ночь, любопытство разглядывания ночных подъездов к легендарному Тегерану.

Исламская конференция шла своим чередом, мы по своей журналистской нахрапистости охотились то за пахнущим розовой водичкой Саидом Абдулло Нури, то за хनावолосым Сапармуратом Туркменбаши, то

ещё за кем, описывая в промежутках знатный снег, выпавший в тот декабрь на Тегеран. И вот в одно утро именно из-за этого снега заседание отложили, и я сидел в своём номере в отеле, смотря диковинное иранское телевидение, ожидавшее в те дни рождения” сокровенного имама”, когда телефон в моём номере зазвонил и метрдотель сказал, что ко мне пришли гости.

Я, не спрашивая, кто бы это мог быть, спустился вниз и увидел у стойки Тахира Юлдаша вместе с высоким парнем при коротеньких усах. Мы поздоровались, и я предложил им пройти в кафе, попить чаю, но Тахир вежливо сказал: “Не лучше ли будет, если поговорим в Вашем номере?” Я согласился, и тогда он кивнул своему напарнику: “Посиди пока здесь...” и, несмотря на мои приглашения, тот парень немедленно отправился в угол чайханы, а мы с Тахиром поднялись в мой номер.

Скажу сразу: с самого начала Тахир отказался давать формальное интервью, сказав, что ещё будет возможность сделать не одно, а множество интервью, а сейчас, дескать, давайте попросту поговорим. Говорил, разумеется, он, я же слушал, почти не перебивая, лишь изредка покивывая головой или же односложно пытаюсь что-то уточнить. Он рассказал мне историю своей жизни с того времени, как я интервьюировал его в самом Намангане в начале девяностых годов, и даже чуть раньше, с того времени, как он кончил школу на золотую медаль и поступил учиться в Самаркандский Кооперативно-финансовый институт.

Именно там, этот благополучный сын директора базы увлёкся исламом и уже спорил всюду с преподавательницей научного коммунизма. За один из таких споров его чуть было не исключили из института. Он показывал, как задыхалась эта самая узбечка, которая “вздыхала на голове свободной женщины Востока аистово гнездо, а вот о содержимом своей головы совсем не задумывалась”. Я представлял себе эту женщину и её праведный гнев напротив безусого и безбородого (впрочем, он так и остался редкобородым и редкоусым) юнца и не мог подавить в себе смеха.

Потом он перескочил на Наманган начал девяностых, а вернее сразу на события лета 1992 года, когда Президент Каримов стал укреплять свою власть, и когда в Намангане стали один за другим арестовывать исламистов. Именно тогда сами милиционеры предупредили Тахира об его ожидаемом аресте, и за ночь до того он бежал со своими сторонниками в Андижан, а потом в Таджикистан.

“Таджикистан это особая история, которую надо рассказывать и рассказывать. Я пять раз переходил границу с Афганистаном, был однажды ранен в ногу (он как бы задрал немного штанину, указывая на бедро), правда, тихо-тихо залечил. Потом забрал свою семью туда, дети сейчас в Афганистане. Был заместителем Саида Абдулло Нури по зарубежным вопросам. А воевали в основном не таджики, а наши ребята”, сказал он.

Я спросил, чего он хочет в Узбекистане. Он засмеялся и сказал: “Мои ребята просят меня быть Президентом Узбекистана, но я не хочу. Я хочу добиться места в рае!” Потом он стал размышлять о том, каким бы хотел видеть Узбекистан. “Я был почти во всех исламских странах и нигде не видел того ислама, который мы хотим установить в Узбекистане. Иран? Смешно. Посмотрите в сегодняшние газеты, они всё ещё верят, что к ним вернётся их пропавший имам и разрешит все проблемы. Мой пир говорит, что они как дети, что слушают своих бабушек и верят в их сказки. Пакистан? девяносто процентов необразованного населения. Афганистан? ещё темней. Арабы? не могут объединиться между собой, не говоря обо всём исламе. Нет, того ислама, который мы хотим построить, ещё нет на земле. Он был, но его сейчас нет. Нам нужны интеллект... тут он запнулся на мгновение на этом слове, и опять повторил: нам нужны интеллектуалы... и добавил: как Вы”.

Не знаю, был ли я растерян или польщён. Наверное, и то, и другое. Хотя мне вспомнилось вдруг, что годом раньше я интервьюировал в Ташкенте знаменитого имама Обида-кори, и тот в интервью произнёс точно с такой же стеснительной интонацией слово “гомосексуалисты”. Мне всегда казалось странным, что эти “держатели веры”, знатоки “потустороннего и метафизического” всегда подавались на этот искус “светскости”, дескать, и в обыденном мире им есть, чем щегольнуть, и это производило на меня всегда удручающее впечатление. Именно здесь я признался себе в том, что при всей его мужской красоте, лоб Тахира уж больно низок, а борода бесстыдно редка, и что наверняка по этому поводу у него масса комплексов, которые он и пытается преодолеть всей этой воинственностью. Правда, рассказывая это, я наверняка и сам избываю свои некие комплексы, о которых нетрудно догадаться. Но я ведь не о себе, а о нём...

И именно в это мгновение Тахир стал рассказывать по какому-то поводу притчу об Амуре Правоверных Умаре ибн-Фарруке (не отсюда ли его “амирство” и приобретённое имя Мухаммад Фаррука?), суть которой сводилась

к последней фразе: “Мой меч - моя правда!” и я, надо сказать, не запомнил за всеми этими “интеллектуальными” мыслями самой притчи. Забыл я и остаток этого “интеллектуального” разговора, за которым мы провели в моём номере около двух часов.

“Мы ещё будем говорить обо многом” пообещал он, вставая, и мы пошли с ним вниз, в фойе гостиницы, где, увавшись в угол чайханы, сидел тот высокий, благородного вида парень. Я стал просить прощения у парня за неудобства, но Тахир прервал меня, и сказал, что это его служба, а на службе не бывает неудобств. И всё же я уговорил их на пиалку чая здесь, и парень, сам принесший чай, вдруг поинтересовался мной. Я сказал о том, что до сих пор живу по воле божьей в Москве. “Но на Родину возвращаться собираетесь?” спросил он опять. “Иншааллах” - отшутился я. И тогда

этот парень, переглядываясь с Тахиром, сказал мне: “В стародавние времена китайцы завоевали Среднюю Азию, и часть их войск осталась на этой земле гарнизонами на время. Когда основная армия решила возвратиться в Китай, этих оставшихся спросили: “Вы собираетесь возвращаться на родину?” Те ответили: “Мы вернемся!” А по-китайски это произносится как “дун ган”. Прошли века, эти солдаты приняли мусульманство, и до сих пор живут в Средней Азии. Они и называют себя “дунганами”, уже забыв, что “дун ган” означает “мы вернёмся!” Так что смотрите, не станьте и вы дунганином...”

И все мы рассмеялись над этой притчей верного напарника Тахира Юлдаша.

Глава двадцатая

*одинокой лампы качается свет
в черных волнах теряя дрожащий след*

*вырастает корабль в ночи горой
странный мир вокруг нет не станет мной*

*на какое сердце, в расчете на чей
размер страдание вяжет качель*

*что за шум за шорох тревожит впотьмах
вздых волны, крыла невидимый взмах*

*или галька звездам вверяет боль –
нет всего лишь звуки в ночи бог с тобой*

*одинокой лампы качается свет
в черных волнах теряя дрожащий след...²¹*

Белги

Мой друг-журналист, рассказавший мне эту историю, добавил тогда, что по совершенному совпадению они и возвращались из Тегерана в Стамбул в одном самолёте. Правда, теперь Тахира сопровождал совсем другой человек, да и одет он был не в арабские балахоны, а в нечто полуспортивное. И в стамбульском аэропорту его встречали несколько человек, которые очень быстро увезли его в город.

²¹ Перевод Вадима Муратханова

Но вернёмся к уголовному делу, согласно которому именно к этому времени и относится так называемая “кабульская встреча” руководства ИДУ с Мухаммадом Солихом, где якобы, последний взял на себя обязательство выдать 1.6 миллионов долларов на джихад, и где, дескать, они договариваются, что после вооружённого переворота Президентом Узбекистана станет Мухаммад Солих, министром обороны Тахир Юлдаш. Когда я показал эти страницы уголовного дела своему московскому другжурналисту, он рассмеялся и сказал: “Тахир не из тех, кто привык быть вторым! А потом он намного богаче бедного Солиха. И, в-третьих, почему же министр обороны Тахир, когда есть известнейший вояка Джума?”

Но то, что я хотел выудить из уголовного дела, был факт, который произошёл ещё до этой самой “кабульской” встречи, якобы финализировавшей подготовку к джихаду. Этот факт арест в Туркменистане 10 октября 1998 года амира ИДУ по Узбекистану Бахрома Абдуллаева с его телохранителем Захиджаном Дехкановым. Бахром Абдуллаев был в центре всего движения. Как ученик имама Абдували, он стал немедленно одним из наиболее влиятельных авторитетов движения, участвуя во всех “саммиты” и исполняя самые рискованные задания, наподобие переговоров с Хаттабом об обучении узбекских парней в военно-полевых лагерях.

Словом, если и существовал какой-либо план джихада, Бахром Абдуллаев не мог его не знать. Туркменские спецслужбы передали его вскоре своим узбекским коллегам и в том самом злополучном документальном фильме, в котором Президент Каримов даёт бесстрашное интервью на фоне всё ещё взрывающегося Ташкента, Бахром Абдуллаев попросту говорит в экран, а именно снимающему это видео следователю: “Я ведь говорил вам ещё тогда, что надо было убрать Мурада Казиева”.

Но Мурада Казиева - того самого, который фигурирует в уголовном деле как главный организатор и исполнитель самих взрывов, того самого Мурада Казиева, который приехал на голубой старой “Волге” на “Красную площадь” Ташкента, прямо под Дом Правительства, за десять минут до прибытия туда же Президента Каримова, того самого, который, оттолкнув подошедшего милиционера, стал бежать в сторону Анхора со своим напарником, и крича “Велик Аллах!”, стрелять беспечно из автомата, тогда как милиционеры кто залёг, кто, выглянув из окошка, так и спрятался от греха подальше, пока двое боевиков не выбежали чуть ли не за километр к Урде, где и захватили сначала одну машину, потом вторую, и таким образом, меняя машину за машиной, беспрепятственно доехали до Черняевки на границе с Казахстаном, а там

пересекли границу и исчезли сначала в Алма-Ате, а потом в Чечне, так вот того самого Мурада Казиева никто не стал арестовывать и убирать, хотя Амир ИДУ по Узбекистану Бахром Абдуллаев рекомендовал это сделать спецслужбам.

Вот ещё несколько извлечений из уголовного дела 8378. На 121 странице уголовного дела говорится о том, что сменивший Бахрома Абдуллаева на посту Амира ИДУ по Узбекистану его зять Оловуддин Болтаев, вернувшийся в Алма-Ату из Дубая со встречи с Тахиром Юлдашем 14 февраля, сообщает остальным, что Тахир Юлдаш сказал ему: “в организации джихада есть некоторые проблемы, Джума Намангани ещё не вернулся из Афганистана в Таджикистан, деньги, которые обещал Мухаммад Солих им ещё не получены, машины для перевозки войск Джумы Намангани ещё не куплены, однако все мероприятия должны идти по плану и таяние снегов в горах весной должно облегчить дела”. О том, что Тахир Юлдаш планировал джихад на время таяния снегов, говорится в показаниях на страницах 96, 97 и других этого же уголовного дела.

14 февраля 1999 года, узнав в телефонном разговоре с Казимом Закировым о чем-то готовящемся в Ташкенте, “Оловуддин говорит ему, что они разрушат план, что Джума Намангани ещё не приехал в Таджикистан и не собрал свои войска, ещё не куплены КАМАЗы на выделенные деньги, что Тахир Юлдашев не вернулся из своей поездки...” (страница 136).

Да и сам Тахир Юлдаш, который, якобы, стоял непосредственно за взрывами, оказывается в это время в Тегеране и когда Рустам Мамаджанов привозит тому видеоплёнки различных телеслужб о взрывах, “Тахир Юлдашев беседует с ним, но поскольку у него не было времени в тот день, поскольку в тот день к нему в гостиницу пришёл чернявый военный, и лишь на следующий день он (Рустам Мамаджанов) беседует с Тахиром Юлдашевым и передаёт ему видеокассеты”... (страница 201). Разумеется, странное поведение для человека, который при действительной организации покушения на Президента, казалось бы, по всем законам логичного поведения должен был бы “стоять на стрёме”, где-нибудь поближе к Узбекистану, нежели в Тегеране.

Словом, уголовное дело полно фактов, не совсем стыкующихся с официальной версией взрывов. А на странице 511 есть и вовсе странный отрывок, который я постараюсь перевести слово в слово: “Опрошенный в качестве свидетеля Владимир Викторович Иванов сообщил, что с 1992 года работает в качестве заместителя начальника оперативноинформационного отдела СНБ Республики Узбекистан, что приблизительно 17-18 февраля 1999

года оперативные работники СНБ обратились к нему с запросом о рассмотрении документов, связанных с выдачей визы У.Бабаджанову и его жене, что он, рассмотрев эти документы, он доложил, что соответствующие документы для выезда этих лиц за границу были оформлены ОИО СНБ согласно закону в течение 45 дней”.

Между тем именно У.Бабаджанов, согласно уголовному делу и являлся основным лицом в покупке дома на улице Абдулла Каххара, где были заложены в легковые машины цистерны со взрывчатым веществом, он же являлся, согласно официальной версии, непосредственным организатором этих самых взрывов в Ташкенте.²²

²² 26 ноября 2003 года журналисты иностранных агентств были приглашены на Таштюрму, где с ними должен был встретиться небезывестный экс-пресс-секретарь ИДУ Зайниддин Аскарлов. Начал он своё выступление с того, как теперь улучшились условия в тюрьмах Узбекистана, но на половине беседы сотрудник СНБ вышел из камеры, и Зайниддин Аскарлов внезапно разразился признанием, в котором, ссылаясь на Бахрому Абдуллаева, рассказал, что взрывы 16 февраля 1999 года были известны и руководимы спецслужбами Узбекистана. Вот что в частности сказал тогда Зайниддин Аскарлов: «Когда Бахром Абдуллаев сидел в подвале СНБ, ему вяжут уголовное дело, дескать, ты моджахед, ты готовишь террористов, ты головорез... Бахрому Абдуллаеву был строгий приказ от Тахирбая – делай что хочешь, хоть убей Иззата, но останови взрывы сторонников Абдували-кори. Бахрам говорит им: в Ташкенте готовятся взрывы, я приехал остановить их, я дам вам адреса, кто такой Иззат, где он тренировался, сколько взрывчатых веществ и бомб у них. Я согласен, даже если расстреляете их. А меня – хоть наградите, хоть посадите – это на ваше усмотрение. Только остановите это, срочно остановите! Эти сначала не верят, но потом смотрят – всё это – серьёзно.

После того, как Бахром Абдуллаев рассказал им об этом, они ему устраивают пиршество, и расспрашивают детали, кто хочет это совершить, как, с какой целью. Тот рассказывает, дескать, чтобы освободить Абдували-кори из тюрьмы. После того, как он рассказал всё это, расследование дела Бахрому Абдуллаева прекращается до самого времени взрывов, и он хранится в отдельной камере. Молится, пиршествует. Доктора осматривают его, как ты, как здоровье... Словом, государство в курсе того, что должно произойти... И после этого бомбы встречаются в Ташкенте как гости... Через пять минут после взрывов Ислам Каримов, Рустам Иноятов, Зокир Алматов приезжают на площадь и как будто оповещённые о подготовленном сценарии, ни с того, ни с сего пеняют это на “религиозных фанатиков”, говорят, что знают, что это совершил, и что поймают их. Почему, да потому что Бахрам Абдуллаев поставил их в курс дела».

Глава двадцать первая

Если есть единственный день в году, который Ёсир помнил навсегда, то этот день 22 ноября. Ещё в детстве он читал с отчимом книжку о том, что в этот день застрелили Президента Джона Кеннеди и отчим растолковывал ему кто такой Ли Харви Освальд, и каким образом к нему относится Джек Руби. Но не из-за таинственности этой истории запомнил этот день Ёсир, а потому, что именно в этот день под машину попал его одноклассник по имени Георгий.

И этот день почему-то зарубился в сознании Ёсира навсегда: каждый год как бы вертелся вокруг этого дня, как некой неподвижной оси, и каждый год сознание трепетало и скидывало с себя налёт обыденности именно в этот день. И вот когда американец в присутствии того самого узбека сказал им о том, что через несколько дней, а именно 22 ноября к ним приедут западные журналисты вместе с Красным Крестом, те самые нити накала, что горели в перед глазами Ёсира и день, и ночь, внезапно погасли, как будто лопнули. Их место заняла тягучая, тикающая тьма.

Их перестали избивать, а, напротив, в одной из камер организовали помывку, и даже прибавили в рацион всяких американских муслей и печеньев. Язык сильнее держит воспоминания, нежели эфемерная память, и вдруг на нём расцвело безудержное ощущение немецкой Баварии, какие-то грустные стихи, наподобие тяжёлого потока немецкой реки под массивными осинами, потекли по темноте мозгов, и давно забытое ощущение беспринадлежности самого себя самому себе заняло место оживающего тела...

Есть ощущение ненужности ощущений, их излишности, когда хочется умереть не от отчаянья, а от исполненности, оттого, что всё лучшее, что могло быть - уже было, что Бог был так добр к тебе, что даже не дал заметить этого - бери любой день из-за спины и купайся в нём как в целой жизни. Ведь и сегодняшний день, обратившись во вчера, станет столь же недостижимо сладким, и сколько можно мучиться этим, в своей растерянности перед предстоящей жизнью, перед её позапрошлогоднящей тоской?

Но 22 ноября 2001 года, когда настоящее совпало со своим единственным в году днём, к одиннадцати часам утра к ним в тюрьму вошли представители Красного Креста, а с ними и западные журналисты. Они входили осторожными группками по три-четыре человека в камеры и в присутствии охраны, задавали свои досужие вопросы. Сегодня было 22 ноября. Но те трое,

зашедшие в клеть Ёсира и его разношёрстных сокамерников, жили днём своих завтрашних газет, выдумывая цветистые шапки, наскрёбанные из пошлых вопросов: “Как вы относитесь к 11 сентября?”, “Вы из АльКаиды или Талибана?”, “Где сейчас Осам бин Ладен?”

Из-за открытых дверей во двор солнце впервые заглянуло своим холодным светом в камеру и придало ещё более болезненную желтизну соломе в ногах. День 22 ноября уходил в испытые морщины этих странных лиц. Зашли ещё две группы, сверяя свои добытые данные, и Ёсир, уже обычным образом, сидел, делая вид, что слушает переводчика, и читал уже полдневную молитву про себя: “Аллах, не обременяет никакую душу превыше сил её. Получит она то, что заслужила. Владыка наш, не карай нас за забывчивость или заблуждение; и, Владыка наш, не накладывай на нас ответственности, подобно той, что Ты вскладывал на тех, кто был прежде нас; Владыка наш, не обременяй нас тем, чего нет у нас сил снести; и отпусти нам наши прегрешения, даруй нам прощение, будь милостив к нам; Ты Господин наш; и помоги нам против неверных”.

Вышли и эти. Наверное, сейчас их покормят, поскольку проверка всё ещё здесь. Но то, что звенело - была не посуда, а всё те же замки, открываемые, и больше закрываемые на клетках этой тюрьмы. Сколько ещё осталось от 22 ноября? Тьма тикала перед глазами.

И вдруг опять открылась со скрипом дверь, и полоса света резанула по диагонали и вошла одинокая наверняка опоздавшая и нелепая корреспондентка с сумкой на боку, и не то чтобы лицо, но вся неуютная фигура вдруг вспыхнула в сознании Ёсира разгадкой сегодняшнего дня и ещё до того, как она приблизилась на расстояние узнавания, он, вопреки себе, прерывая молитву, воскликнул: “Керолайн!”

Она приблизилась на крик и всплеснула руками: “Белги?!” - “О, боже, что вы тут делаете?” - запричитала она, разглядывая это бородатое, избитое лицо. Да, это была Керолайн, интервьюировавшая его для немецких газет в сентябрьском Бамберге 1996 года, та самая Керолайн, рекомендовавшая его книжку своему берлинскому агентству Graf & Graf.

Она совсем забыла о цели своего визита сюда, превратившись из журналиста в женщину, в сестру, в подругу и то, что она расспрашивала, было напрочь лишено досужести или корысти, ведь и, расспрашивая, она внезапно бросалась к американцу, недовольно прявшему ушами за её спиной, и что-то быстро-быстро говорила, из чего Ёсир понимал лишь некоторые знакомые и забытые слова, как “great”, “poet”, “Bamberg Europe Paris”...

Американец заносил что-то в свой блокнот, как будто он-то и был журналистом, охочим до его жизни, но через некоторое время в камеру вошёл

американский полковник, и, не дожидаясь никаких объяснений, вывел из камеры и своего подчинённого, и разрываемую надвое между языками Керолайн. Последние её слова были: “Я обязательно буду помогать тебе выйти...”

Странное ощущение оставила она в камере после себя. Некий круг 22 ноября замкнулся вокруг Ёсира, поскольку большинство сидящих с ним понимало по-русски. Нет, никто бы не посмел подозревать его в чем-то недозволенном, но последние слова этой девушки-кафирки отторгли его в некое неприкасаемое пространство, и стоило бы кому произнести: “Бей его!”, как вся камера набросилась бы на Ёсира и изорвала в куски, но странная вещь он никак не

соотносился с остальной камерой - ни взглядом не взглянул, ни словом не обмолвился, ни гордости, ни вины, а так и остался, как и был всё сегодняшнее утро в некоем столбняке, в некоей беспринадлежности, к которой ни у кого не нашлось ключа...

Так и прошёл день 22 ноября. В ночь, когда американцы уходили в свои бараки, им позволялось помолиться джамаой. Когда они встали по камерам на эту общую молитву, и он оказался последним в шеренге в последней клетке, ворота тюрьмы внезапно заскрипели и защёлкали, и гавкающий американский голос застал их за коленопреклонением, и вдруг острый, как выстрел, фонарик осветил их шеренгу и тот самый гнусавый узбек, что вертелся и день, и ночь вокруг своего работодателя, крикнул: “Ёсир, быстро выходи!”

И тогда Ёсир ощутил всей кожей сжимающееся вокруг него кольцо симпатии сокамерников и единоверцев: в Америку их забирали ночами, но группами, “Аллаху Акбар!” - воскликнул чеченец-имам, и все подхватили: “Аллаху Акбар!”. Он шёл за спинами сокамерников, и все старались пожать ему руку, как в последний раз, ведь ночью не приходят по-доброму. Так вот о чём день 22 ноября, думал он и пытался вспомнить, когда, в какое время года бабушка узнала о смерти деда... Неужели в ноябре?

Его вывели на холодный двор тюрьмы. Щеколды заскрежетали за ним. Ночь была ясная и пронзительная. Ноги, отвыкшие ходить, дрожали в коленках. Дрожь поднималась всё выше по телу. Лорка плакал и цеплялся за борт грузовика. Что делать ему? Ах, Керолайн, Керолайн...

Узбек толкнул его в кузов Джипа, где уже сидели двое вооружённых достумовца. Стволы автоматов холодно блестели в чёрной ночи. Двери кабины хлопнули, и они выехали из двора. Сзади всё ещё доносилось: “Аллаху акбар!” Они ехали по ночному Шибиргану, мимо глиняных бледных построек и Ёсир поймал себя на том, как обыденна может быть смерть: нереальная ночная поездка, выплывшая как будто бы из детского сна: спишь ли, проснулся никакой разницы... И впрямь ли сегодня 22 ноября? Но какого года? Тело одного из солдат невольно прижималось к нему и ночные колдобины, мягкие в лунном свете, согревали их общим теплом, правда, тот, что сидел напротив был угрюм всем телом, держа автомат между колен.

Выехали за город. Надо было бы посмотреть на звёзды, подумал Ёсир, и осёкся: зачем? Однажды девушка сказала ему ночью в автобусе: вот так бы и ехала с тобой без конца... Где она сейчас... Керолайн, Керолайн...

Вдалеке по тракту показались какие-то неверные огоньки. Машина остановилась, и американец выключил мотор. Такая тишина может быть только в ночной степи, когда каждая былинка может высказаться ветру до конца.

*выросли травы до неба
звёздами стали,
не преодолели
пределов печали...*

Американец вышел из кабины и стал шумно мочиться на дорогу. Узбек, подражая ему, побежал чуть подалее и присел на корточки. Американец, что-то гавкая, сказал. Узбек, обмывающий руки ночной пылью, перевёл: “Слезай!” Тепло соседнего тела оторвалось от него, и лишь только Ёсир перевалил свои неверные ноги за кузов, как удар прикладом в спину послал его лицом к земле. Борода стала слипаться тёплым. Американец крикнул что-то. Сейчас раздастся очередь...

Или уже раздалась... Как умирает человек? Неужели любопытство и впрямь сильнее смерти? Он вздрогнул от внезапного шума мотора, очередь ли это? Или они решили раздавить его посреди этой дороги в никуда? Машина и впрямь развернулась, и, набирая скорость, проскочила мимо него... Но где же эта самая очередь того, кто сидел только что рядом?

Однажды, давным-давно один из его друзей рассказывал, как лежал под проходящим поездом. Поезд уже прошёл над ним, а он всё никак не мог подняться, как будто стоит ему поднять голову и всё вернётся назад. Или это было с ним самим?

Гул удалился, былинка заговорила со звездой...

Глава двадцать вторая

*birovlarning o'limini ko'rganimizdan o'zimizning o'limimiz ayon*²³

Belgi

После взрывов 16 февраля 1999 года странная ситуация сложилась в Хоите. С одной стороны, стал прибывать новый поток беженцев из Узбекистана, и люди с ужасом рассказывали, как свирепствует милиция и СНБ, как вылавливают всех верующих подряд, как по всем постам вывешены плакаты с сотнями фотографий парней в розыске... И при всём при том среди тех, кто жил здесь не первый месяц, стало распространяться настроение возвращения, как будто бы нечто страшнее, нежели свирепствующая милиция, ожидало их здесь впереди. Особенно же это настроение зрело среди хорезмийцев.

Вот что рассказал журналистке Адипе Атаевой на диктофон один из парней, сбежавших из Хоита поздней весной 1999 года.

“К нам в Хорезм приехал парень по имени Исмаил и сказал, что в Таджикистане можно научиться религиозным наукам и потом работать у нас в религиозном управлении, после того как приедешь обратно в Узбекистан. И мы поехали. Приехали в Сарычинар, смотрим, там никаких религиозных знаний не дают, учат только оружие, а потом, оказывается, собирают там парней и потом отправляют в кишлак Хоит. Когда приехали туда уже дороги обратно нет, не сбежишь, в общем, обманывают. В Сарычинаре нас было семеро или восьмеро ребят: отовсюду из Ташкента, из Намангана, Андижана, они тоже оказывается как мы, приехали кто неделю, кто два-три дня раньше. Мы попытались бежать из Сарычинара, но они, оказывается, отбирают там паспорта, не дали. И после того как приехали в Хоит, попросили - не дали. Там, дескать, арестовали твою мать, отца появишься, и тебя засадят за решётку, в общем вот такие разговоры.

²³ *видя чужие смерти, мы узнаём о своей*

В общем, обманывают и держат. Говорят, если даже сбежишь... если выйдешь за пределы лагеря - мы за тебя уже не отвечаем. А в лагере было двадцать пять-тридцать человек. Они тоже отовсюду. И вот мы договорились и решили бежать домой. И вот решили с ребятами выходить с ночи и наутро группами. По семь-восемь человек в группе. И вот ночью 15 мая ребята вышли из Хоита, из Гареза, из Чигаля. Ночью там невозможно идти, поэтому они залегли в поле, чтобы пойти поутру. Две группы сошлись там в одну. Потом мы вышли в дорогу спозаранку. Нас было семь человек. Всего было четыре-пять групп. Всего где-то тридцать человек. Не помню точно.

Когда мы вышли из Хоита и отделились, с утра, когда прошли где-то десять-пятнадцать километров, мимо нас проехали в синей "Ниве" Абдулазиз, Юнус, Юсуф, потом Сайфулло, Билял - это наманганцы. Вот они и проехали на "Ниве". Вооружённые. У нас никакого оружия не было. Мы перепугались, подумали, что приехали перекрыть нам дорогу, нет - проехали мимо нас. А впереди нас были те семнадцать ребят две или три группы, скопившиеся в одном месте. Они шли где-то в двадцати-двадцати пяти километрах впереди нас. Шли в сторону Душанбе, а из Душанбе хотели вернуться в Узбекистан.

Потом они доехали до тех ребят и говорят: "Куда сбегаете? Без спроса... Без разрешения..." Те говорят: "В Узбекистан хотим" - "Нет, никуда без разрешения не пойдёте!" А те: "Это уже не ваше дело!" - "Ах, так!" - и перестреляли тех семнадцать ребят. Одиннадцать хорезмийцев, трое из Ташкента, двое из Бухары, трое из Навои, один Абдулбатыр из Хорезма, потом Умар, Рахматулла, Абу Джихад, потом Абдулла Ёсин, Ахмад, Абдулмаджид, Умид, Хайрулла, Хамза, два Абдулхакима, Абузар, был ещё Муслимака, Юсуф, Абдулқуддус, Насрулла.

Оказывается, когда приходишь туда, там не называют своим именем, когда приходишь туда, оказывается, меняют имена. Их имена, те которые помню: Абдулбатыра - Назаров Фахридин, Юнусов Рихси - это Умар, Рахматулла - Раджапов Хуснуддин, Каримов Данияр - Абу Джихад, он тоже из Хорезма, Вафаев Буняд - это Абдулла Ёсин, он тоже из Хорезма, Ибодуллаев Муминджан - Ахмад, Худайберганов Эргаш - он тоже хорезмиец Абдулхаким, Абдулмаджид - Исломбек Ибодуллаев, Атаджанов Умид - Мухаммад, Муминов Нормурод - Хамза - он из Бухары, ещё одного звали Химматула... Он был из Навои... Муслимака... он был из Хивы, его имени не помню... В общем, расстреляли этих ребят и сняли с них хорошую одежду, особенно обувь, кроссовки, забрали деньги из карманов... те самые... потом загрузили эти трупы на КАМАЗ и привезли в кишлак Таджикабад, и сбросили в общую яму и даже не стали засыпать сверху землёй.

Потом остановили нас, погрузили тоже на КАМАЗ и отправили обратно в Хоит. Где-то на девятый день мы сказали: “Мы пойдем, посмотрим на ребят... посмотрим на ребят...” Сказали командиру, хотим, дескать, узнать, кто погиб. Сказали “Ладно” и повезли нас. К тому времени они похоронили их на Таджикабадском кладбище. Мы пошли и открыли эти могилы. Смотрим, те ребята лежат в ряд. В окровавленной одежде. У многих стянута обувь. Карманы наизнанку. Мы вернулись. Спросили командира, мол по какому постановлению убили этих ребят. Спросили у Абдулхакима, наманганца. “Это не ваше и не наше дело!” сказал он.

Потом через несколько дней я и ещё трое Абдурахим, Харун и Абдурасул, рано утром сбежали через Кыргызстан, пришли пешком в Кыргызстан, дошли до Оша, а потом уже на транспорте. Многие хотят уйти в Узбекистан. Но сейчас командиры все там. Абдулхаким там, Джумабай приехал, Джумабай сейчас там. Он приехал где-то за пару недель до нашего побега. Тахира Юлдаша там нет. Но разговоры там, мол, построим исламское государство, правда, особого оружия там нет...”

Здесь оборвалась магнитофонная запись, но Адиба досказала эту историю. Парень этот вернулся в Узбекистан и заявился в милицию с повинной, поскольку к тому времени Президент заявил в одной из своих речей, что помилует всякого, кто вернётся с повинной. Его передали в СНБ, где долго допрашивали, а потом отправили в Хорезм. Но там началось невыносимое. Местная милиция то и дело забирала его на допросы, избивала и вышибала новые и новые показания на родственников, на знакомых, на односельчан. В конце концов, парень не выдержал и решил сбежать. По старым каналам он вышел на своих людей, и когда уже всё было готово к тому, чтобы выходить на туркменскую границу, этот дом накрыла спозаранок милиция.

Зная, что его ожидает, парень взорвал гранатой самого себя, а с собой и двух милиционеров...

Глава двадцать третья

*askarga ketgan og'aynim,
uying o'sha-o'shayu, o'zing yo'qsan.*

*Turkiyaning qaysi bir chekalarida
to'rt o'lcham buyukroq forma kiyib
chaglarni to'zitib yuribsan?*

*Vatanningda hammaga yot,
uying esa sendan bo'sh,
xotiramda senimi saqlayin*

*og'aynim, bu hayotdan o'pkalama -
o'tgani - esdaligimizga o'lja,
qolgani - bo'sh uydek bir sog'inch...²⁴*

Belgi

После того, как Харун сбежал поздней весной с двумя другими парнями из Хорезма, имам Абдулазиз приставил к Ёсиру своего надсмотрщика. Этот андижанский парень по кличке Саид недавно приехал из Чечни и по здешним меркам был непомерно болтливым.

²⁴ *Друг мой, ушедший на службу,
твой дом всё тот же, а тебя нет.
На каких окраинах Турции
Одетый в форму на четыре размера больше,
Ты поднимаешь сапогами пыль?
На родине ты всем чужд,
А дом твой пуст тобой,
В памяти что ли тебя сохранить?
Друг мой, не обижайся на жизнь,
То, что прошло – добыча воспоминаниям,
Остальное – как пустой дом – тоска...*

Белги

Всякий рассказ беженцев из Узбекистана, записываемый Ёсиром, вызывал в нём прилив собственных воспоминаний, и на каждый случай жизни у него был свой собственный ответ. Пока Ёсир обрабатывал в комнатке или во дворе рассказы беженцев, полные страшных подробностей, Саид, не переставая, рассказывал, что такое было и с ним, что он тоже ходил в мечеть Имама Абдували по пятницам, а потом, когда Имама забрало в аэропорту КГБ и все стали скрываться, он уехал в Ташкент, где катал тележки на Ипподроме.

Там он стал ходить в мечеть Тохтабая, слушать Обидхонакори, но после того, как Обидхона уволили, Саид решил вернуться в Андижан. Разумеется, дома не было никакой работы, да и деньги быстро кончились. Когда однажды в мечети он пожаловался об этом одному из друзей по имени Абдукадыр, тот отвёл его в дом у кукольного театра, где жили несколько человек отовсюду: Ойбек из Хорезма, Бахадыр из Балыкчи, и ещё несколько ребят. Ойбек давал им уроки по Корану.

Ребята устроили его в пекарню самсы. Работал он потихоньку, но однажды, когда ни все вместе молились, их накрыла милиция и забрала в горотдел. Их разбросали по разным камерам, избивали, обвиняли в том, что они распространяют ваххабизм, убивают людей, режут головы. Правда, потом за ним пришёл отец, и за какие-то большие деньги выкупил его.

Поработал он на поле в родном кишлаке пару месяцев и опять сбежал в Андижан. Там ребята устроили его в магазин автозапчастей. В общем, вертелся он там до октября 1997 года. А потом его друг Шухрат сказал, что есть возможность учиться в Алма-Ате и познакомил его с парнем по имени Иззат.

Этот Иззат сказал, что есть худжры, где обучают Корану, и что скоро несколько парней едут с ним вместе. В конце октября 97 года Саид вернулся домой, сказал отцу, что уезжает учиться в Алма-Ату, и на следующее утро был в семь часов утра, там, где его ждал Иззат. Правда, Иззат сказал в то утро, что только проверил его.

Через три дня он опять пришёл, как и было велено на автостанцию, где Иззат передал ему и ещё трём другим парням билеты на Минводинский самолёт из Ташкента, а потом посадил их в “ТИКО” и, снабдив деньгами на дорогу, отправил в Ташкент. Из Ташкента они вылетели в Минводы, где на втором этаже аэропорта их должен был встретить человек по имени Усман, но никакого Усмана там не было. Они позвонили в Андижан Шухрату, который сказал им: “Садитесь на электричку и езжайте до Новотурской, а потом снимите такси до Сержантюрта, там спросите Хаттаба, и вам покажут куда идти”.

Так они доехали до Сержантюрта, и пришли к военной части, которую охраняли несколько человек. Как наказывал им Иззат, они спросили у этих охранников Озодбека из Узбекистана. Через некоторое время из части вышел Озодбек, и повёл их не в худжру, а вовнутрь, в лагерь. Там их поселили в комнате на пятерых. Правда, арабы стали учить их Корану, но, кроме того, они занимались военной подготовкой, стреляли из автоматов, огнемётов, проходили военную топографию.

Там было около ста тридцати узбеков: Оташ, Хамза, Зубайир, Аббос, Умаркомпютерщик, Булбул, Иброхим... в общем, все под кличками. И все давали клятву на Коране Амиру Тахиру Юлдашу. Правда, его там самого не было.

Саид провёл там три месяца и вернулся той же дорогой вместе с несколькими ребятами в Андижан. Там Иззат, которого звали на самом деле Мурадом Казиевым, сказал ему, что он человек Хаттаба и никому больше не подчиняется, и попросил Саида подготовить схемы Ханабадской военной части и ещё одной части на Красноармейской улице. Он подготовил всё это за неделю. А потом, через вторую жену одного из парней они договорились купить за 4 тысячи долларов у русского майора то ли Субутова, то ли Субукова из этой части три ящика АКМвских патронов, 6 мин, 30 дымовых шашек, 10 осветительных ракет, 2 мешка камуфляжной формы. Майор предлагал ещё какое-то отравляющее вещество, но Иззат заметил, что срок годности его давно вышел и отказался за него платить.

Потом на дому у Шухрата Иззат обсуждал с ними различные планы: дескать, поедет в Ташкент и с тамошними “чеченскими” ребятами захватит в заложники дочь Каримова, или нет, нагрузит КАМАЗ взрывчаткой и наедет на полном ходу на Дурменьскую дачу Президента, или ещё лучше, нападёт на Американское посольство. Словом, сделает что-нибудь такое, чем и Хаттаб будет гордиться...

Вскоре он уехал, а вместо него приехал в Андижан парнишка по имени Икромиддин, и они стали готовить на дому у Азизбека в огромном казане взрывчатое вещество из 9 мешков купленной и перемолотой на мельнице селитры, 2 мешков серы и одной бочки алюминиевой пудры. Потом на речке за городом они испытали это средство, оглушив какую-то рыбу, которая всплыла вниз по течению. Икромиддин сказал им, что на весну, когда растает снег в горах Таджикистана, готовится джихад, что Талибаны подойдут к Термезу, а Джума Намангани со своими войсками войдёт в долину на двадцати пяти КАМАЗах, вот тогда и надо будет взрывать всё это хозяйство по приказу сверху...

Но взрывы раздались намного раньше 16 февраля, и ни Талибы, ни Джумабой не вошли в Узбекистан. Тогда Саид с андижанскими ребятами поняли, что что-то здесь не так, и, созвонившись с Икромиддином, который был в то время в Бишкеке, выехали срочно к нему, а оттуда опять в Чечню, к Хаттабу.

Там, в Шали, в одном из лагерей однорукого Хаттаба Саид и увидел Иззата, который похвалился, что это он устроил ташкентские взрывы, но когда Саид спросил о том, был ли приказ от Тахира, Иззат сказал: "Я не подчиняюсь никакому Тахиру-Пахиру, у меня один командир - Хаттаб!"

Глава двадцать четвёртая

*Qayt, qayt bola, uying rasmga to'la,
har birini olib - ko'rma, - bir yo'la
ustingga kiyib ol, sig'masang - unda
yirt o'zingni, yo'qsa - farqiga chida..²⁵*

Belgi

Тахир Юлдаш никогда не брал на себя ответственности за ташкентские взрывы 16 февраля. Он признавался в джихаде, в последующих военных вылазках в Баткене и в Сарыасие, но что касается тех самых взрывов, он не раз категорически утверждал, что к ним не имеет отношения.

Вот интервью, которое дал Би-би-си Руководитель Высшего Совета ИДУ и пресс-секретарь движения Зубайр ибн Абдурахим во время ташкентского суда:

Зубайр: Во имя Бога Милостивого, Милосердного.

Об этом событии мы сообщали и раньше, наша политика ясная политика: мы говорим, что это мы сделали, когда делаем что-то, но если не совершали чего-то, то так и говорим, что этого не совершали. В нашей политике нет двуличия. Поэтому мы и говорим, что в событиях 16 февраля мы никак не замешаны.

Вопрос: Согласно сообщению Кыргызстанского информационного агентства Тахир Юлдаш приступил к объединению всех оппозиционных сил: Хизбут-Тахира, Бирлика, Эрка. Насколько это сообщение достоверно?

²⁵ *Вернись, вернись, мальчик, дом твой полон фоток,
каждую из них не то чтобы рассматривай, но
надень на себя, если ж не по размеру, то
разорви себя, а иначе - терпи эту разницу...*

З: Это сообщение далеко от истины, поскольку, прежде всего эти самые движения, которые называют себя оппозицией властям Узбекистана, должны бы разобраться и прийти к согласию между собой. Если такого не произойдёт, то всякое стремление к их объединению – это по-нашему – иллюзия. Но надо сказать, что у нас нет никакого личного противостояния с властью, наши разногласия – идеологические. Покуда не будут разрешены наши принципы, разногласия не будут разрешены.

Вопрос: Хотите ли вы сказать, что вы будете продолжать свой так называемый джихад? Недавно было сообщение о том: что около 700 боевиков Джумы Намангани и Тахира Юлдаша до сих пор остаются в Таджикистане. Насколько достоверно это сообщение?

ЗА: Да, мы действительно объявили джихад, и этот джихад продолжается. Что до боевиков, то в этом нет правды и цель этого сообщения – по-нашему пониманию – это то, что трус подымает кулаки первым. Кроме того – этим хотят настроить некоторые силы в том регионе против ислама. Но наш джихад продолжается.

Вопрос: Когда вы говорите о джихаде, имеете ли вы в виду боевые действия, то есть, хотите ли вы привнести в Узбекистан то, что происходит вот уже второй десяток лет в Афганистане, или же в вашем джихаде подразумевается иное значение?

ЗА: Слава Аллаху, когда говорится о джихаде, в этом есть несколько значений, в том числе и в смысле действий, но то, что объявили мы – это борьба против угнетающего режима и замена конституционного строя шариатом Аллаха. Но не в такой степени, как вы говорите. У нас есть свои намётки, свои планы, но, конечно же, это всё будет осуществляться военным путём.

Глава двадцать пятая

*Ты этот вечер отпусти, ты отступись
от этих сумерек, закрой глаза, окно.
Увянет облако, умолкнет пенье птиц.
Пыль серебром на крышу ляжет, как на дно.*

*На фото девушка – вот все, что сохранил?
С дерев до срока осыпается листва.
Оставь в покое этот вечер, не держись...
И ты когда-нибудь,
и ты в один из дней...²⁶*

Белги

В июне 1999 года в Ташкенте состоялся суд над лицами, обвинёнными в организации взрывов 16 февраля. Вспоминает Хамид Исмаилов, освещавший ход судебного процесса в составе прессы, допущенной в зал суда.

“Судебное заседание проходило в здании Верховного Суда Узбекистана, и все подъезды к этому зданию были оцеплены кордонами милиции и солдатами внутренней службы. На крышах окружающих зданий можно было заметить снайперов в военной форме, словом, меры предосторожности были предприняты чрезвычайные. Журналистам, аккредитованным на этот процесс, надо было пройти через несколько контрольнопропускных пунктов и лишь затем, после личного досмотра, они допускались в зал суда.

²⁶ Перевод Вадима Муратханова

Зал суда напоминал обычное советское просветительно-клубное учреждение с двумя десятками рядов сбитых одинкдругому голых стульев на железных ножках, в котором сидели большей частью семьи потерпевших, работники милиции и СНБ и несколько журналистов. В правом дальнем углу стояла огромная железная клеть с семнадцатью обвиняемыми внутри и несколькими вооружёнными солдатами по её периметру она то и бросалась в глаза первой, поскольку если не брать во внимание самой клетки, люди по ту сторону её ничем не отличались от тех, кто сидел вокруг. Это были молодые парни в собственной одежде, не стриженные наголо, не оббритые некоторые при усах, словно только что взятые и приведённые сюда вот этот контраст их обыденности и того, что им вменяли, был наверняка самым трудным для мгновенного понимания.

Эта клеть уж потом позволяла оглядываться по сторонам и вперёд на подиум, где должен был сидеть судья вместе с заседателями. Зал глядел на подсудимых, те в свою очередь выглядывали в зале хотя бы одно знакомое или благожелательное лицо.

После классических: “Встать, суд идёт!”, на который кто-то рядом со мной из журналистской братии прошептал по комедийной привычке: “Да здравствует наш советский суд, самый гуманный суд в мире!” - и последующего грохота стульев, начался сам процесс, который продолжался несколько дней, если не пару недель.

Я сейчас уже не помню всех деталей, которые мы журналисты обсуждали в те дни до хрипоты, но это может быть и к лучшему, хотя я должен сказать, что тогда же я записал весь этот процесс от начала и до конца на магнитную плёнку, которую тогда же я прослушивал после каждого заседания. А говорю я, что к лучшему, поскольку со временем в голове отложилось, может быть, то - главное, что я вынес из этого процесса.

Надо сказать, что первое обстоятельство, поразившее меня была разношёрстность этой осуждаемой публики. Дело в том, что само дело подавалось как дело рук преступной организации, накрепко сколоченной, способной на подобное планирование, которое, якобы, чуть не стоило Президенту его жизни, а на скамье подсудимых сидели люди самого разного помолы: от убийц и до офицеров, от бизнесменов и до безработных, от тцетцов Корана и до узбеков, не понимающих по-узбекски.

Именно эта разношёрстность и придавала суду ощущение обыденности, а именно того, что за этой железной решёткой мог оказаться каждый, включая меня самого. Ведь, скажем, когда выступал пресс-секретарь ИДУ Зайниддин

Аскарров, известный мне под именем Абдулазиза Мансура, которого я неоднократно интервьюировал по телефону, он так и сказал, обращаясь в мою сторону: “Мне было поручено Тахиром Юлдашем зачитывать заявления, которые он мне пересылал по факсу, и я тут же наговаривал их всяким зарубежным радиостанциям: “Озодлик”у, Бибиси Хамиду Исмаилу...”

Правда, Зайниддин лукавил, поскольку давал он эти интервью от своего лица, но это лукавство, проступавшее в его внезапном восклицании: “Вот ведь проклятые Богом, кто же это взорвал эти бомбы?” или в его живописнейших рассказах, в которых он клеймил мечтательного Солиха, называя его Хаёлбеком, или же убеждал всех, что он был чемпионом Европы по карате и встречался с Президентами 15 стран, в конечном итоге помогло ему скосить чуть ли ни треть того срока, который требовал Прокурор, в то время как остальные его калибра наподобие Бахрома Абдуллаева получили за своё немногословное достоинство высшую меру.

Так вот, когда Зайниддин говорил такое, то у меня не было никаких гарантий против того, что сидящие тут же оперативники не подошли бы ко мне в конце журналистского ряда и не надели бы на руки наручников, ведь там, на скамье сидели люди, имеющие ко взрывам примерно такое же отношение, не считая одного-двух, которые и впрямь эти взрывы осуществили. Но именно эти одиндва человека и представляли собой наиболее “зомбированных”, “ведомых” исполнителей чьейто посторонней воли.

Глава двадцать шестая

*uyg'onsam - boshimda "laylatul kadar"
"laylatul-qadr"ning soyasi, sasi...²⁷*

Belgi

О том, что Зайниддин лукавил, говорит и вот это его интервью, которое он дал одному из зарубежных радио, будучи пресс-секретарём ИДУ, известным под именем Абдулазиза Мансура, комментируя наманганские убийства и последующие события:

Вопрос: Люди, которые были осуждены в Намангане и в Ташкенте, они из вашего движения или не имеют отношения к вам?

АМ: Арестованные, осуждённые сейчас и прежде их – они все не имеют связей с нашей общиной, но они – мусульмане, поэтому мы симпатизируем им. Они не проходили тренировок у нас и не имеют к нам отношения.

Вопрос: Их обвиняют в ваххабизме. Относите ли вы свое движение к вахаббитскому?

АМ: В Средней Азии все мусульмане относятся к мазхабу Имама Агзама и называются «ахли сунна ва джамаа». Никто там не называет себя вахабитом. В частности наше движение Тахира Юлдаша не является вахабистским и не называет себя вахабистским, поскольку вахабизм это движение, построенное на арабском национализме, мы же должны быть для этого арабами, а поскольку мы – турки, то мы «Ахли сунна ва Джамаа», а не вахабисты. Это пропагандистский термин, выдуманный КГБ в семидесятые годы, чтобы разделить мусульман Средней Азии. Если бы была правда в вахабизме, то муфтий Мухаммад Садык – не вахабит, а на него нападали, Мухаммад Солих, Абдурахим Пулат, все арестованные сейчас тоже были атакованы. Сейчас говорят, что ведут борьбу против вахабизма, на самом деле открывается фронт против ислама. Здесь нет ничего иного.

²⁷ проснулся – а у изголовья «лайлатуль кадар» - ночь печали –
тень и эхо «лайлатуль кадр»а – ночи предопределения

Вопрос: Допустим, что осуждённые теперь за ваххабизм не относятся к вам, но почему их обвиняют в том, что они прошли тренировки в лагерях боевиков? Что стоит за этим?

АМ: За этим стоит вот какая реальность. Те, кто в Узбекистане называются боевиками, они вооружаются Каримовым. В каком смысле? Каримов настолько угнетает народ, что люди вынуждены брать оружие в руки. Признают они нас или не признают, они вынуждены брать оружие в руки, и вот поймав двух-трёх таких, они под этот повод арестовывают и остальных, называя их боевиками, но гнёт Каримова пробуждает народ и заставляет его брать в руки оружие. Вот что стоит за этим.

Вопрос: Президент Таджикистана Имомали Рахмонов объявил, что обратился к оппозиции с просьбой сдать Узбекистану 45 узбекских боевиков, находившихся на территории Таджикистана. Эти 45 боевиков ваши люди?

АМ: У нас в Таджикистане под руководством Тахира Юлдаша и военного командира Джумабая Намангани есть 5-6 тысяч вооружённых моджахедов. Их руководители – узбеки из Намангана, Ташкента, отовсюду. Но то, что они говорят, что там, мол, есть 45 боевиков, дескать, если мы скажем оппозиции, то она поймает им их, Рахмонов, Ельцин и Каримов объединяются, а тутошние «коммандос» 5-6 лет воевали против Таджикского правительства, против русских коммунистов и накопили отменный боевой опыт. Поэтому, мы можем сказать лишь то, что союз Ельцина, Каримова и Рахмонова послужит лишь объединению мусульман Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана, всей Средней Азии. Но даже если они попытаются задержать, эти опытные моджахеды способны сами себя защитить. Да, действительно это наша группа. И не только в Таджикистане, а и в Афганистане, и не 45, как говорит Каримов, а намного больше.

Вопрос: Сейчас министры внутренних дел нескольких стран встречаются в Ташкенте и собираются создать Комитет борьбы против ваххабизма, против экстремистов. Как вы оцениваете это решение.

АМ: То, что они называют ваххабизмом, но на самом деле эти действия направлены на то чтобы совместно с Израилем, Америкой и

Россией уничтожить ислам в Средней Азии. Дело в том, что этого самого ваххабизма нет изначально. Но то, что создается комитет или не создается – это нас мало интересует. В любом случае мы будем продолжать нашу борьбу. Но надо знать, что ваххабизм – лишь повод. Мы сейчас увидим, что в Узбекистане станут арестовывать всякого, кто верует, кто даже ходит в мечеть. А из этого следует, что цель – это уничтожить ислам в Средней Азии. Здесь я хочу сказать вот что: если защищать наш народ, защищать женщин под покровом, мужчин при бородах, защищать нашу родину, нашу религию – это ваххабизм, это терроризм, это предательство родины, то мы готовы называться таким именем. Но если против этого предпринимаются попытки уничтожения мусульман, арест их, подкладывание в их карманы анаши, запугивание людей тем, что в Таджикистане, в Афганистане есть войска, и это всё называется независимостью, любовью к родине, то мы против этого рода независимости и мы не считаем, что Узбекистан стал независимым. Узбекистану нужно ещё 40 лет до независимости.

Вопрос: Вот вы говорите с одной стороны, что располагаете вооружёнными силами и в Таджикистане и в Афганистане, и тут же утверждаете, что правительство запугивает людей наличием войск. Вы не видите в этом противоречия? Так есть там войска и если есть, то против кого они готовятся?

АМ: Эти вооруженные силы есть. Но мы хотим сказать... я ошибся, говоря, что они запугивают. Они запугивают таджикскую оппозицию, говоря: что если вы не выдадите узбеков, то не получите места в правительстве и т.д. Но я хочу сказать, что наши силы даже больше сил таджикских оппозиционеров. То есть я хочу сказать, пусть не запугивают таджиков этим, поскольку у нас в Таджикистане очень опытные войска.

Вопрос: Узбекское правительство выступило недавно с заявлением, что Пакистан причастен к лагерям, где ваши люди проходят подготовку. Насколько это заявление отражает действительность? Каковы ваши связи с Пакистаном и другими странами по части военных лагерей?

АМ: Наши лагеря, равно как и то, где мы приобретаем оружие, где наши проходят тренировки – всё это в Афганистане. В Пакистане этого нет. Но это не значит, что у нас нет связей с Пакистаном. Например, мы с Афганистаном, Пакистаном и с другими странами, в которых есть движения джихада, а таких более пятидесяти, поддерживаем отношения.

Когда необходимо – мы помогаем этим организациям, когда будет нужно, они станут помогать нам. Сейчас вот Каримов, Рахмонов, Ельцин, Израиль, Америка, Россия объединяются, так и мы пусть неофициально, но объединяемся со всеми моджахедами во всём мире и насколько Президенты Каримовы, Рахмоновы стремятся жить на этом свете, мы, для того чтобы восстановить ислам в Средней Азии настолько же готовы пойти на смерть. Поэтому если завтра мы выйдем на поле боя, то за нами встанет и Пакистан, и Афганистан, и другие исламские государства. У нас есть связи, но не в такой степени, как КГБ докладывает Каримову. В Пакистане сейчас нет этих условий для лагерей. Мы откровенно говорим, что наши лагеря в Афганистане, моджахеда – в Таджикистане и мы в двух этих странах.

Вопрос: Уж коль скоро вы заговорил об Афганистане, не учит ли 17-летняя история братоубийственной войны в Афганистане вас чему-либо или вы хотите того же самого в Узбекистане?

АМ: Надо понимать одно: случится ли то, о чём вы говорите или нет, зависит от Каримова и Рахмонова, исполняющих приказы, поступающие из Израиля, Америки и России. Если они прекратят гнет по отношению к народу, выпустят из заключения незаконно арестованных, если перестанут закрывать мечети и медресы, если они дадут свободу вероисповедания, то мы не хотим кровопролития, поскольку ислам – самая лучшая система, основывающаяся на добре. Но если Каримов и его приспешники будут продолжать гнёт, Аллах повелел нам в Коране осуществлять джихад, убивать неверных, освободить мусульман. И мы будем продолжать идти по этому пути. Но то, что происходит в Афганистане, там одну из групп поддерживает Россия, другую – Америка, ещё одну – Израиль, - там образовалось восемь группировок. Мы приобрели из этих семнадцати лет войны в Афганистане, в Чечне, в Боснии огромный опыт, так что если мы начнём что-то в Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане, Казахстане, словом во всём Туркестане, даст Аллах, мы не впадём в эти заблуждения и в скором времени обеспечим освобождение Туркестана от гнёта Каримова и других.

Вопрос: Как вы считаете, насколько вы отражаете мысли и чаяния народа Узбекистана, может быть большинство народа Узбекистана против вас?

АМ: Что касается того, что люди против, да поначалу многие были против. Но Каримов добился того, что они стали симпатизировать нам. Изначально в головах многих была каримовская пропаганда: дескать, они вооружённые террористы, но народ видит, что эта атака не против Тахира Юлдаша или Мухаммад Садыка или Мухаммада Солиха, это атака на любого мусульманина в Узбекистане, на любого у кого есть деньги. А потому почти 70 процентов населения Узбекистана на нашей стороне. Пусть он будет богомольцем или не молится, демократ или националист – все они хотят сделать что-то вместе с гнётом, который сложился в Узбекистане. Поэтому даже те, кто нам не симпатизировал, сейчас ищут связи с нами и хотят объединиться с нами. Так что мы считаем, что настало время дать ответ этому режиму, угнетающему народ.

Вопрос: Продолжим эту линию. Скажите, есть ли у вас связи с демократическими оппозиционными силами?

АМ: Демократические, националистические и прочие движения знают нас издавна и мы знакомы с ними. С отдельными из них мы связаны по телефону ли, или через журналы, они также знакомы с нами. Наше движение не планирует присоединяться к демократическим движениям, к Абдурахимам, к Мухаммаду Салиху, к Шукрулле Мирсаидову, но когда мы выйдем на поле, и они придут к нам, говоря: «Вы оказались правы», - тогда мы можем их присоединить к себе. Однако мы не станем к ним присоединяться, наше единство лишь в том, что покуда они против Каримова, мы можем обмениваться мнениями по поводу этого противостояния. Но насколько Каримов против нас, против бородатых мужчин, против вооружённых исламистов, так и они до сих пор были против. Они не хотят нас. Но мы говорим им: «Хотите вы того или не хотите, мы приняли уже своё решение и ответим гнету вооружённым способом, если режим не согласится принять наши требования по-хорошему». Если они звонят, то мы отвечаем, но до сих пор у нас не было никакого общего совета, что, дескать, делать, или общего собрания.

Вопрос: Вот вы говорите о том, что выйдете на поле. Что это значит? Начать боевые действия против Узбекистана?

АМ: Программу наших действий, когда они начнутся, объявит наш амир нашего движения Мухаммад Тахир Фаррук, но если посмотреть

пошире на то, что происходит в Средней Азии – это то, что Израиль, Америка и Россия пытаются уничтожить ислам и насадить иудейство, бахаизм, христианство, кришнаизм и пытаются восстановить идолопоклонничество, существовавшее три-четыре тысячи лет назад. Поэтому если даже мы не сможем установить наше шариатское правление, то против всех этих насаждающихся иудаизма, христианства, кришнаизма мы выйдем на поле. И если мы выйдем на поле, то не против личности Каримова, а против России, иудеев, бахаистов, христиан, против всех станем воевать. После этого наша цель – объединение Туркестана – этих пяти республик и построение государства, основанного на настоящей справедливости. Внутри этого есть много секретов, которые будут объявлены по мере того, как начнётся борьба. Это будет со временем объявлено вам нашим военным командиром Джумабоем Намангони, или амиром Тахиром.

Вопрос: Насколько вы уверены, что среднеазиатские народы пойдут за вами?

АМ: Мы должны знать, советовались мы с народом или нет, народ уже в предвзрывном состоянии из-за того, что он голоден, что остался без денег, что отлучён совсем уже от религии, вон, сбривают, где видят бороды, срывают чадры, гнёт повсеместно. Народ ждёт-не дожждётся, откуда будет клич, чтобы подняться. И таки миллионы в Средней Азии. Вот мы и будем продолжать добиваться их освобождения, хотя мы не заявляем, что столько-то тысяч в Узбекистане поддерживают нас, или столько в другом месте. Но мы надеемся на свою силу и намерены начать священную войну. Если этот гнёт не кончится, то мы станем воевать не против народа Узбекистана, а против гнёта диктаторов, привносящих сегодня сионизм, масонство в свои страны. Мы хотим вернуть Туркестану его систему из его исторического прошлого.

Глава двадцать седьмая

Летом того года Ёсир вёл еженощно тот самый “бортовой журнал”, который достался ему от решившегося сбежать Харуна и записывал, все, что говорят о суде “Озодлик” и Бибиси, и особенно же его друг Хамид Исмаилов, сообщавший подробности из зала суда, а, кроме того, днями он записывал всё множасьиe рассказы домочадцев этих арестованных и осуждаемых, их родственников, родственников тех родственников. Он уже не понимал, для чего всё это записывается, ведь никто не интересовался этими страшными рассказами, похожими один на другой и всякий раз отличающимися какой-то собственной, особенной болью.

Нет, если что и интересовало командиров, так это слова, сказанные на суде тем или иным обвиняемым, и тогда, после этих признательных слов они то материли этих “слюняевпредателей”, то хвалились тем, что всегда знали: на этих полагаться не следовало ещё тогда, когда они были рядом... Правда, тех, кто был до того рядом с ними было раз-два и обчёлся, но именно этим и доставалось больше всего.

Тот самый убийца Джура, рекомендованный в своё время редкобородым имамом Абдулазизом, был среди них, и ему причиталось от его сообщника больше всего, ведь именно он рассказывал на суде все их налёты на дома, а потом: как они планировали всевозможные сценарии с похищением дочери Президента, с наездом на его резиденцию, с захватом посольства США, и даже то, что сам испытал на взрывчПортость смесь молотой селитры, алюминиевого порошка и серы и то рассказал. “Стукач ментовский!” сказал однажды имам, но никто этим словам не придал никакого значения.

Дело в том, что после того страшного кровавого месива с хорезмийцами сюда в Хоит приехали разом и Джума Намангони и Тахир Юлдаш. Неизвестно, что произошло в том самом “командирском бункере”, но то, что в последнее время имам Абдулазиз стал ещё более нервным и истеричным, замечали все, кто его более или менее знал. Поговаривали, что он впал в немилость, поскольку всё это дело получило огласку о нём вещали и “голоса”, да и в узбекской прессе, как рассказывали беженцы, были об этом статьи. Но эта самая нервозность после массовых арестов сидела наверняка и в Тахире, именно поэтому роль непоколебимого Джумы, который из своих никого, кроме тех самых семнадцати, не растерял, стала вдруг столь заметной. Именно он, говорили, высказывал всё имаму и грозил тому, что только кровью тот способен смыть эту кровь...

Ёсир знал о немилости наверняка, поскольку те “сводки” что он готовил регулярно, шли так называемому “руководству” движения Шуру или Высшему Совету. После того, как почти половина прежнего Совета оказалась арестованной, был назначен новый Совет и в нём имени имама Абдулазиза не было... Кроме Тахира и Джумы в нём был Зубайр ибн Абдурахим, председатель Совета и новый пресссекретарь, кому Ёсир как бы непосредственно должен был подчиняться, был ташкентский Али начальник контрразведки, к которому все обращались то ли из уважения к знанию множества языков, то ли из страха к посту, почтительно: “Устоз”, был иорданский узбек Абу Анас, который будто бы занимался не только разведкой, но и связями с арабским миром, был Билал своего рода полицейский при Шуру, был Собитхонкори, возглавлявший шариатский отдел с ним Ёсир встречался также, поскольку тот возглавлял и издательские дела. Кроме них были и начальники поменьше из общего совета движения, но им своих “сводок” Ёсир не отправлял, наверняка “высшие” командиры списывали их впоследствии им.

Харун ушёл обратно на родину, когда Ёсир выехал по требованию своего нового начальника Зубайра в Афганистан: надо было обговаривать, когда и как выпускать и видео, и книгу об этом исходе беженцев. Именно тогда он и увидел большинство тех самых “высших руководителей” ИДУ, которым распределял сводки “голосов”. Именно тогда Амир как-то зашёл в комнату на Вазира Акбархона, где Ёсир с Зубайром просматривали кадры видео, разрешённые им в талибанском Афганистане, и сказал, что надо подумать о своём радио из Мазари Шарифа, что нужны люди, наподобие Ёсира, а деньги под это дело Шайх выдаст тут же. Кто этот Шайх, Ёсир переспрашивать не посмел, да и не велось здесь переспрашивать.

Они часто молились вместе с этим “высшим руководством” и некоторыми Талибами, постоянно ошивающимися здесь, но Ёсир не знал ни их имён, ни должностей. Да и его, после изначального любопытства: “Ман хаза?” “Кто это?” никто не беспокоил. И вот во время молитв, когда на некоторое время в ровных рядах ломалась эта извечная иерархия: “кто подчиняется кому” Ёсир зачастую посещало странное ощущение принадлежности, нет, не к этим редкородным юнцам, а к некоему “золотому периоду” Самарканда и Герата, Бухары и Дели, казалось, что он молится вместе с Ибн-Синой и Беруни, Навои и Бабуром, Улугбеком и Машрабом... И просыпаясь после молитвы в кругу этих “командонов”, он вдруг чувствовал себя единственным на свете держателем этой самой культуры, которая осталась без присмотра и без хозяина, которую порушили, как тот самый Герат, где он побывал на днях. И так он был одинок

в эти мгновения, что хотелось выть на весь Афганистан, что и нёс название “страны воплей”...

Он ещё обдумает весь этот афганский скоротечнополуторамесячный опыт, но сейчас, когда он вернулся в Хоит и сидит в одинокой глиняной хибаре, узнав сегодняшним днём от этого говорливого Саида, что друг его Харун, нет, теперь уже просто Алишер бежал, оставив его здесь одного, то самое ощущение “страны воплей”, распространяющейся на весь огромный свет, как те же самые радиоволны, которых он ждёт сейчас, заполонили всю эту комнатёнку, весь этот тёмный и холодный кишлак до самого горного лагеря за давнишним советским забором, где в бараке готовятся сейчас ко сну всё новые и новые сотни “командонов”.

И в это время начинается его работа.

Глава двадцать восьмая

*Mening ham bu jahonda gung boqishdek ishqi zorim bor
mening ham osmonda kun botishdek yuz qizorim bor.*²⁸

Belgi

3 июня 1999 года

Это были слова обвиняемого Мухаммада Абдурахманова. Второй день суда по взрывам 16 февраля, после того как с утра было закончено чтение обвинительного заключения, во второй половине дня продолжилось заслушиванием обвиняемых. Мухаммад Абдурахманов в своём признании подробно рассказал о том, что в течение нескольких лет был участником преступной группы в Ферганской долине, занимавшейся разбоем и убийствами. Эти события были частично освещены в судебном деле осуждённого в прошлом году Толиба Мамаджанова. Участники процесса слушали его слова, не прерывая. Абдурахманов, будучи в розыске за эти преступления, попадает через таджикский город Исфару в кишлак Хоит и встречается там с Джумой Намангани. Там он проходит военную подготовку и по своему желанию возвращается в Узбекистан. Приближаясь к событиям 16 февраля, Мухаммад Абдурахманов в частности сказал:

«Казиев Мурадулла, сидя среди нас, предложил все подготовленные взрывчатые вещества взорвать или перед зданием Олий Мажлиса или же на путях, где движется Президент. Он сказал, я выберу среди вас смелых, и предложил Зикирджана Хасанова. Тот отказался, сказал, что не сможет, и предложил захватить заложниками американское посольство. Но и это было отклонено, поскольку оно может прослушиваться. Тогда предложили захватить заложницами дочерей Каримова и выставить свои условия... Я вышел и сказал, что это испортит джихад, но Иззат ответил, что подчиняется только Хаттабу, а не Тахиру Юлдашу».

²⁸ *И у меня есть на этом свете страсть подобная немому взгляду
и у меня есть на небе краска лица подобная закату*

Белги

После этого судья, защитники и обвиняемые задают вопросы обвиняемому Абдурахманову. Вопросы в основном касались того, по чьему приказу действовал Мурад Казиев, непосредственно участвовавший в организации взрывов и находящийся теперь в розыске. В частности один из обвиняемых Зайниддин Аскарлов, обращаясь к Абдурахманову, спросил:

«У меня два вопроса, во-первых видели ли они кого, кто приказал этому проклятому Казиеву Мурадулле, который осуществил взрывы. Пусть Бог помилует тех кто погибли из-за взрывов этого проклятого, но видели ли они того, кто приказал ему взрывать. Мы молимся богу, чтобы к концу этого суда правда восторжествовала».

После вопросов к обвиняемому Мухаммаду Абдурахманову председатель суда Абдусамат Полвонзада объявил поначалу пятнадцатиминутный перерыв, но потом этот перерыв был продлён до завтрашнего дня. Завтра продолжится заслушивание обвиняемых.

4 июня 1999 года

Продолжается судебный допрос обвиняемых. Сегодня в первой половине дня были заслушаны показания одного из непосредственных участников взрывов 16 февраля Зикирджана Хасанова и представившегося одним из руководителей исламского движения Зайниддина Аскарлова. Допрос Хасанова начался с обнаружения того факта, что считавшийся до сих пор без вести пропавшим Тулкин-домла Эргашев на самом деле находится в бегах.

«Там, в Чечне, слава Аллаху, я увидел своего учителя – бывшего имама Чукурсайской мечети города Ташкента Тулкин-домлу».

Но вернёмся непосредственно ко взрывам. Вернувшийся из Чечни в Ташкент вместе со своим амиром Муродиллой Казиевым Зикир Хасанов совместно с сообщниками покупают на своё имя машины и размещают в них предварительно заготовленные взрывчатые вещества. По словам Хасанова Казиев показывает им куда должны быть доставлены машины, и день 16 февраля начинается таким образом.

«Когда я вернулся, все уже выехали, и дома был только Рахмонов Хамид. Бабаджанов Улугбек разговаривал с работником милиции, я не знаю, о чём. Рахмонов Хамид объяснил, что милиционер пришёл проверять дом, но

Бабаджанов Улугбек переговорил с ним, не знаю точно о чём, но переговорил. А все уже выехали. Потом я сел за руль, и проехав рядом с гостиницей «Россия», поставил машину у здания Национальной Безопасности, где было и сказано. Было около 11 часов. Рахмонов Хамид сказал, что у нас ещё пять минут. Сели в троллейбус, и раздался взрыв...»

Вслед за этим слово предоставляется обвиняемому Зайниддину Аскарору. На протяжении почти двух с половиной часов он рассказывает о своём религиозном обучении, искусстве каллиграфии, бизнесе, а также о том, что в 1995 году, опасаясь ареста, он уехал в Турцию. В Турции он встречается с председателем партии «Эрк» Мухаммадом Солихом. Он просит Мухаммада Солиха познакомить его с руководителем исламского движения Тахиром Юлдашем и по рекомендации Мухаммада Солиха он впервые встречается с Тахиром Юлдашем в Тегеране.

Поначалу Тахир Юлдаш относится недоверчиво к Зайниддину Аскарору, но по его словам, после того как через год-другой он страшно разбогател, беря в расчёт его деловые и организационные успехи, Тахир Юлдаш назначает Зайниддина пресс-секретарём движения, а чуть позже возлагает на него также обязанности по внешним сношениям.

И хоть он признаёт, что достиг таких высот в исламском движении, всё же Зайниддин Аскарор утверждает, что участвовал лишь в финансовом и организационном аспектах, но не был допущен до военных планов и потому не имеет никакого отношения к событиям 16 февраля.

На вопрос судьи, кто же стоит за этими взрывами, Аскарор ответил таким образом:

«По тому, что я знаю до сих пор, у меня две версии. Или одна права, или другая. Первое моё предположение: я не знаю, о чём договорились Мухаммад Солих и Тахирбай в Афганистане или же в Саудовской Аравии, моё первое предположение, что мог быть приказ оттуда, или же по приказу Хаттаба, дескать, долго мы будем ещё ждать джихад, они вот уже семь лет, с 92 года по 99 год держат людей, дескать, у нас у самих есть силы, и они совершили это с помощью Мурадуллы Казиева. Таковы мои предположения, одно из которых верно, но я не знаю точно».

Обвиняемый Аскарор закончил свою речь обращением о помиловании к Президенту Узбекистана.

4 июня 1999 года

Во второй половине дня этого судебного процесса были рассмотрены показания ещё троих обвиняемых. Первым был заслушан сурхандарьинец Бахрам Абдуллаев. По поводу своего отношения ко взрывам 16 февраля он сообщил, что узнал об этом, находясь в тюремных подвалах СНБ. По его словам, он был арестован с фальшивым паспортом на руках ещё в прошлом году работниками службы безопасности Туркменистана и 8 января передан узбекским спецорганам.

«Я утверждаю, что события 16 февраля произошли вопреки нашим приказам из Афганистана и в условиях, когда джихад не был подготовлен, поскольку информацию в Афганистан Тахиру Юлдашу о созревании условий для джихада и поддержки со стороны народа, должен был дать я. Но поскольку я был арестован и помещён в изолятор – для меня темно, кто приказал... Я сообщил службе безопасности и попросил их, что должен был отправить в Афганистан Мурадудду Казиева, иначе Хаттаб ускорит события, хотя условия ещё не созрели для джихада».

Как было сказано в обвинительном заключении, а также согласно словам самого Бахрама Абдуллаева он являлся в исламском движении Тахира Юлдашева ответственным по делам джихада, а также амиром по Узбекистану. Именно в его задачу входило направление людей в Чечню для прохождения военной подготовки. Он сам несколько раз был в Чечне, где встречался с полевым командиром Хаттабом.

Второй допрошенный - обвиняемый Оловиддин Болтаев, подтвердив, что является родственником и земляком Бахрама Абдуллаева, рассказал о том, что изначально не знал целей движения, а просто помогал в переводе религиозной литературы. После того, как Бахрам Абдуллаев был арестован, обязанности амира были возложены на него. По его словам он недостаточно понимал задачи амира, а потому выступил против вооружённого захвата власти и строительства исламского государства. По утверждению Болтаева член движения и ныне подсудимый Козимбек Закиров сказал ему, что весной начнётся джихад и Джума Намангани со своими войсками спустится с ошских гор в долину.

«9 февраля вечером я вторично встретился с Тахиром Юлдашем, и мы обсудили все проблемы, включая предложения Козимбека-Палвана о «двадцати пяти цветках». Тогда он сказал, что этого не нужно делать, что ещё рано, что весной начнётся джихад, а сейчас у нас нет ни средств, ни сил. Пусть они этим не занимаются, они могут порушить всё что я делал в течении семи лет».

Болтаев продолжил тем, что, мол, Тахир Юлдашев заявил: «Мы дождёмся результатов выборов в Таджикистане и если оппозиция победит, то они нам помогут, у нас с ними есть договор». Тахир Юлдашев также сказал ему, что исламское движение Узбекистана раскалывается, и что необходимо его объединять.

Третий обвиняемый – инвалид Дильшад Камалов работал первым заместителем председателя Бизнес-фонда, организованного несколько лет тому назад при Кабинете министров. После того, как он попал в автомобильную катастрофу в 1997 году, он был взят на учёт в психоневрологическом диспансере и переехал в Андижан. В своей речи он рассказал куда ездил и с кем встречался. На видеокассете, записанной во время предварительного расследования показаны кадры о том, что Камалов передавал телефонные номера государственных деятелей и вслед за этим пришёл в душевное смятение. На этом председатель состава суда объявил перерыв до понедельника.

Глава двадцать девятая

После ночных дежурств Ёсиру давалось время на утренний сон, но он мог распоряжаться этим временем в определённом смысле по своему усмотрению: то есть если бы он встал раньше и сидел бы за Кораном, или бы присоединился к кому-либо идущему в горы по дрова, никто его бы не стал осуждать. После этих «судебных» дежурств ему по утрам не спалось, и вслед за утренней молитвой он не ворочался попусту в постели, но уходил с пылающей головой в горы.

Есть красота природы, ещё более – красота воспоминаний о ней, но в его нынешней жизни и среди его нынешнего окружения этих понятий вовсе не существовало. Они постепенно выветрились и из самого Ёсира. Горы, которыми он когда-то в другой жизни любовался на картинах, были предметом укрытия, предметом преодоления, предметом обеспечения на зиму дровами, и даже то, что за ними и находилась та самая прежняя жизнь с красотой природы и красотой воспоминаний о ней, никак не трогала его спёкшуюся душу.

Как может жить ощущение красоты в теле, которое лишь выживает, или больно тем, что вне владений красоты?! Каким бесполезным и досужим кажется оно среди месива войны, где важны лишь инстинкты и хватка. И лишь иногда воспоминанием о воспоминании представляли посреди этих суровых гор какие-то незапамятные пейзажи из каких-то небывалых эпох и местностей: некое ржавое озеро посреди сумрачно-весеннего леса с жирной рыбиной, выплёскивающей из неподвижной воды, и круги, круги, расходящиеся до самых далёких берегов, круги на которых ошарашенные утки оглядываются за плечо к центру этого взрыва и полущёпотом крякают лишь для своего родства... Или бесконечная галька моря в извечной стирке... Или же красно-синий витраж, расцвеченный темнотой собора...

Что они значат – эти красоты света здесь или в тюрьме, в которую наверняка упекли его сбежавшего друга Алишера по здешней кличке Харун? Что они значат в его нынешней жизни, которую он, казалось, не желал, а которая выпала сама по себе, как выпадает неожиданный горный снег посреди мая...

Он терял смысл своей жизни тем больше, чем больше ему указывали на него эти самые «командоны», ведь мстительный и воинствующий бог, которым его постоянно запугивали здесь, был всегда для него светом... мягким светом небес и земли... светом, подобным свету из ниши, что была в глиняном домишке бабушки, ниши в котором поставлена старая лампа... и лампа эта в стекле, которую бабушка чистит долго, долго, своим тёплым и чистым дыханием... и стекло становится сверкающим от мягкого хлопка, чистым, подобно леденистой, мерцающей звезде... и засвечена эта лампа маслом благородной маслины, раскинувшейся деревом света над лампой... таинственного слова - не с Запада и не с Востока... и масло на лепечущем фитильке горит почти без прикосновения огня... и свет на свете... и бабушка шепчет: Аллах направляет к свету Своему кого угодно Ему...

И он плакал посреди белоснежных гор, утопленный в этот слепящий свет и замороженными пальцами писал по жёсткому снегу единственное слово: Аллах...

Глава тридцатая

*And this time what I say
makes no sense...
the same place again,
the same rain, the same quagmire of mud,
the same roofs, the same landscape,
the same sad standing,
the trousers hung on the wire and not drying,
the same choice,
feeling, as though attached to this space,
or rather the same thought,
and not the thought — a bitter and sharp
doubt, attached to this space:
if space returns, but time does not,
yet what does sadness that has named the draught
still search for in the interval? ²⁹*

Belgi

²⁹ *И на этот раз нет смысла в том, что я скажу
всё то же место тот же дождь та же липкая грязь
те же крыши тот же пейзаж та же самая тоскливая фигура
те же вывешенные и непросыхающие брюки
то же самое избранное изо всех то же привязанное к этому месту чувство
вернее всё та же мысль и даже не мысль а горькое и пряное привязанное к этому
месту сомнение:
если возвращается пространство но не возвращается время
то чего всё ищет в промежутке
давшая имя сквозняку
тоска?*

Белги

О самом начале баткенских событий 1999 года рассказывает кыргызский журналист Кубан Абдымен:

«Официально первая группа боевиков была замечена в горах Баткена в конце июля 1999 года. Тогда мы помнится, дали вот это сообщение:

29 июля впервые в населенном пункте Верхнее Жылу-Суу Баткенского района была замечена группа боевиков численностью до 20 человек. 29-30 июля они обнаружены в населенных пунктах Зардалы и Нижнее Жылу-Суу. 30 июля в горах Исфары было замечено 16 боевиков. В тот же день в местечке Жылуу-Суу Баткенского района появился 21 человек в камуфляже, вооруженные автоматическим оружием, гранатометами, средствами связи и боеприпасами.

На самом же деле они были там, видимо, значительно раньше. Одна из местных газет писала, что ещё **24 апреля** того же года прошло совещание боевиков, на котором представители моджахедов пообещали появиться в Ошской области во всеоружии и даже назвали дату 1 августа. Участвовавший в сходке кыргызский мулла из Кара-бака Шералы Акботоев в свою очередь обещал дать боевикам “своих ребят” для построения халифата, шариатского государства в Ферганской долине. Сам Шералы при этом как человек религиозный, духовный наставник многих кара-бакских юношей, должен был якобы стать... региональным наместником, лидером Ошской области!

Потом, позже был ещё один материал, о том, что 26-27 июля к жителю Араванского района, стороннику ваххабизма, обращаются “ребята из Узбекистана”: нужна мука и нужен мужик киргизской национальности (для усыпления бдительности), который эту муку куда надо перевезет. Араванец рекомендует им 35-летнего жителя Ноокатского района по фамилии Жороев. “Ребята” приезжают к нему домой, дают Жороеву 500 долларов на товар, дорогу и за работу. Жороев приезжает в с.Кадамжай. Его, как договаривались, встречает там парень с пакетом в руках (своего рода паролем) брат Шералы - Курсанали Акботоев. Вдвоем они заказывают автобус ТАРЗ-3270 высокой проходимости, покупают 30 мешков муки, чтобы доставить её в Зардалы, для боевиков (стало быть, они уже были там). Путь лежал через узбекский анклав Сох. Перед ним Курсанали соскочил с автобуса, дескать, “Мне там появляться нельзя, меня могут искать, пойду в обход, там встретимся”. Но при выезде из Соха, на посту Таян, автобус был задержан милицией.

И даже ещё одно сообщение, о том, как присутствие боевиков было обнаружено, тоже свидетельствует, что они проникли туда раньше. Одна из газет позже писала со слов жителей Баткенского района, что стычка между ними и чужаками произошла на бытовой почве. Один сосед упрекнул другого, что у него боевики уже покупали не так давно барана за 100 долларов. Теперь его очередь, он тоже хочет заработать. Произошла потасовка, и обиженный побежал в милицию. Бородачей попытались задержать, но сами милиционеры оказались в заложниках. Когда захватили главу местной администрации, сотрудника МНБ и двух армейских офицеров, конфликт дошел до Бишкека.

Агентство Кабар сообщило первым об этом. Вот копия этого сообщения:

4 августа на местечке Кара-Кушта боевиками были захвачены в заложники глава Баткенской райадминистрации Маматалиев А., начальник Баткенского РО УМЛБ капитан Бокоев Д., начальник управления разведки МО полковник Макенов А., начальник отдела оперативного управления МО Калканбаев Б.

На начальные события тех дней проливают свет в основном материалы, появившиеся в прессе значительно позднее. Так, «Вечерний Бишкек» писал в одном из своих репортажей об одном происшествии **2 августа**. «Тогда между баткенскими селами Согмент и Газ (тоже ставшем впоследствии ареной кровавых битв) была обнаружена легковушка ВАЗ-21063, а в багажнике труп владельца, 61 -летнего жителя с.Баткен Мамасадыка Эшматова. Версия о заурядной уголовщине вскоре отпадает. Выхавшей в Баткенский район опергруппе во главе с заместителем начальника угрозыска УВД Ошской области подполковником Д.Раимбердиевым удалось выяснить следующее.

Около девяти вечера 31 июля водитель-аксакал в Баткене посадил свои “Жигули” четверых. Им нужно было доехать до села Кан - где кончается проходимый для легковушки участок дороги на пути в Зардалы. В сумках у пассажиров лежали автоматы, замеченные таксистом. Откровенные разговоры клиентов в пути, видимо, окончательно заставили аксакала остановиться на середине маршрута и отказаться ехать дальше. Лишний свидетель Эшматов был задушен. А перед этим жестоко избит - у таксиста были сломаны ребра. Дальше убийцы пошли пешком.

Имена двоих из этой компании известны. Это - Курсанали Акботоев и его старший брат **Шералы**. Рвалась эта четверка в Зардалы не случайно - именно в этот день туда вошли пробравшиеся по горным тропам из Таджикистана боевики Абдулазиза Юлдашева. И братья Акботоевы об этом знали заранее.

По оперативным данным, Акботоевы были связаны с боевиками-исламистами давно. Давно готовилось и вторжение».

Вообще, впоследствии у многих сложилось впечатление, что первый этап баткенской войны не был воспринят как война в настоящем смысле этого слова. Вот краткая хроника событий тех августовских дней:

9 августа близ кыргызского села Зардалы были обнаружены боевики. На усиление в Баткен из Бишкека прибыла группа военнослужащих из армейского спецподразделения “Скорпион” и профессионалы из Калкана МНБ.

10 августа в Доме правительства прошло экстренное заседание Совета безопасности, где обсуждалась ситуация в Баткене и рассматривался вопрос о скорейшем освобождении заложников - граждан Кыргызстана, захваченных боевиками.

11 августа боевики захватили еще одного заложника - офицер из управления МНБ Ошской области, который осуществлял контакт между руководством силовых структур и боевиками.

11 августа был освобожден один заложник - сотрудник управления МБН по Ошской области М. Конурбаев.

13 августа в местечке Кызыл-Булак были освобождены остальные заложники. Одновременно боевикам были предъявлены требования, сложить оружие и сдаться. Однако террористами наши требования не выполнены. В связи с этим были приняты все меры по обезвреживанию боевиков, по их местам расположения нанесены ракетно-бомбовые удары.

К 20 августа основная часть операции была выполнена. Вооруженная группа боевиков, вторгшаяся на территорию республики, уничтожена. О чем министром обороны республики генерал-полковником Субановым М.У. было доложено руководству страны.

К сожалению, министром - обороны Субановым М.У. складывающаяся обстановка в Баткенском районе была недооценена и по его самовольному указанию личный состав был снят с ранее достигнутых позиций в районе населенных пунктов Зардалы, Каргой, местечке Шудман и др.

И вот, когда на бумаге всё, казалось бы, было решено, ранним воскресным утром **22 августа** боевики внезапно нападают опять на Зардалы и Каргой и начинается настоящая война. Теперь наши сообщения приобретают вид военных сводок:

Около 01-02 часов ночи 23 августа группа боевиков напала на временный поселок геологов в местечке Алтын Жылга. Боевиками взяты в заложники Командующий внутренними войсками МВД Кыргызской Республики Шамкеев А.Ш.; один солдат ВВ МВД; 4 японских специалистов с переводчиком.

24 августа в 00 часов 30 минут в 5 км восточнее с. Кан группа боевиков 30-40 человек напала на позиции войск Кыргызской Республики. Военнослужащие 9-й роты Внутренних войска вступили в бой с группой боевиков, перестрелка продолжалась до 4 часов утра. В результате чего ранены 6 военнослужащих ВВ МВД. Террористы получили достойный отпор и имея не менее 10 потерь, скрылись в ущельях.

В настоящее время по оперативным данным боевики находятся в н.п. Зардалы - около 150 чел., возле озера Кызыл-Катта Коль - 50 чел., в н.п. Хаджа - Ачкан до 400 чел., на леднике им. Абрамова (метеостанция) - 20 чел. Итого, ориентировочно до 650 боевиков.

По имеющимся данным (по свидетельству очевидцев из местного населения) около 60% и более узбеки, есть таджики, афганцы, арабы. Подавляющее большинство говорят на русском, узбекском и таджикском языках.

Боевики вооружены автоматами АК, ручными пулеметами, гранатометами, имеются в большом количестве гранаты. Практически каждый имеет прибор ночного видения, мобильную радиосвязь.

На вооружении имеются противопехотные мины.

25 августа т.г. авиацией Республики Узбекистан нанесены два ракетно-бомбовых удара по боевикам находящимся на метеостанции им. Абрамова. По полученным данным здания метеостанции полностью разрушены.

Как ранее сообщалось, 21 августа ранен, а 23 августа скончался от полученных ран Тайлаков Т., заместитель председателя айыл окмоту с. Коргон, убит от рук боевиков сержант ВВ МВД КР Юнусов.

На сегодняшний день беженцев из отдаленных горных населенных пунктов составляет около 4000 человек, им оказывается всемерная помощь местными властями и общественными организациями.

В связи с событиями, происходящими в Баткенском районе в Администрацию Президента Киргизской Республики, поступают многочисленные звонки по телефону, обращения и письма граждан. Так, руководство Кыргызского Совета ветеранов войны в Афганистане обратились от имени 8 тысяч ветеранов афганской войны, проживающих в республике. Они готовы представить 1150 добровольцев, хорошо владеющих оружием, ориентирующихся в горной местности и знающих тактику боевых действий в горной местности. Также обратилась группа каскадеров, которые готовы направить в Баткенский район профессионалов, хорошо подготовленных в горных условиях всадников до 100 человек.

Война для прессы быстро превращается в цифры и карты, но ведь всё это происходило с отдельными людьми, такими как вы и я. Значительно позже, когда первая баткенская война уже закончилась, в одной из наших газет появился рассказ об одном из захваченных в заложники милиционеров, том, что прошёл в одной из наших сводок, и я храню эту вырезку в своём файле об этой войне, как страшное напоминание. Вот она:

«О судьбе 38-летнего помощника дежурного Таянского поселкового отделения милиции Касымбека Шадыбекова ничего не было достоверно известно почти три месяца - с 21 августа. Он стал первым заложником "второго пришествия" террористов - самого кровопролитного.

Восстанавливать обстоятельства его пленения оперативникам брошенного в Баткенский район сводного отряда МВД приходилось по крупицам, собирая разведданные. Все очевидцы оставались в захваченном боевиками селе Зардалы. Шадыбекова захватили так...

Охранять Зардалы, только накануне освобожденное от моджахедов, оставили двух милиционеров - Шадыбекова и участкового Баткенского РОВД старшего лейтенанта Мыктыбека Сатывалдиева. В тот вечер 21 августа они оказались в разных местах. Боевики появились внезапно. Около шести вечера Шадыбеков с заместителем председателя Карабакской сельской управы Тайлаковым совершали обход села. И на его окраине лоб в лоб столкнулись с вооруженными бородачами.

Война с ее логикой взаимного истребления еще не началась. Шадыбеков действовал по своей милицейской логике - как привык за 7 лет службы в милиции. Он сдернул с плеча автомат, выстрелил в воздух и приказал "гостям" сложить оружие. Но "гости" были готовы убивать. По Тайлакову, попытавшемуся убежать, открыли огонь, смертельно ранили. Вокруг были мирные жители. Окруженный боевиками, Шадыбеков вынужден был сдаться.

Боевики, уже знавшие расстановку сил, пошли рыскать по селу - искать второго милиционера. Участковый Сатывалдиев сидел в юрте. К нему забежал один из зардалинцев: "Село занято, убери оружие - из-за тебя всех перестреляют!" Сатывалдиев успел спрятать автомат под ширдак (войлочный коврик), когда в юрту заглянула пара бородачей: "Милиционер здесь?" - "Нет, только местные", - ответили им. Сатывалдиева спасло то, что он был одет в "гражданку". Дождавшись сумерек, он начал выбираться из села. Автомат и удостоверение спрятал под камнями (их в целостности-сохранности нашли после освобождения Зардалы в октябре), прошел два перевала, едва не напоровшись на пост боевиков, к 4 утра добрался до с.Таян и позвонил в Баткенский РОВД. Так стало известно о вторжении.

О Шадыбекове доходила скупая информация от местных жителей... О том, что старшего сержанта водят связанным. И о том, что он отказывается совершать намаз, - что требовали от всех заложников боевики.

Жена старшего сержанта Замира обивала пороги чиновников и силовиков: "Верните мне мужа!" Ей помогали продуктами и успокаивали: "Да жив он, жив, видели его". Страницу нашей газеты с фоторепортажем "Жена заложника", как потом рассказали освобожденные заложники-милиционеры, им приносили почитать моджахеды (целиком газету, к слову говоря, не давали никогда - цензура!). В чем был смысл этой утонченной пытки? Боевики-то прекрасно знали: Шадыбекова уже нет в живых...

Убили его явно вскоре после пленения: милиционеры - пэпээсники, которых захватили через три дня в Чон-Алайском районе и пригнали в Зардалы, Шадыбекова уже не видели. О его последних минутах известно пока немного. Старшему сержанту перерезали сонную артерию, а затем - "чтобы не мучился"

- застрелили. Стрелял - из автомата самого Шадыбекова якобы не кто иной, как небезызвестный изменник - баткенец Курсан Акботоев, хваставшийся местным жителям: убили, дескать, “мента” за непослушание. А по словам депутата Т.Бакир уулу, Жумабай Намангани во время переговоров рассказал такую версию гибели Шадыбекова: пленный милиционер выхватил у охранника автомат, застрелил одного моджахеда, пытался бежать, его догнали...

После ухода боевиков одной из главных задач сводного отряда МВД стала - найти захоронение Шадыбекова. Хотя надежда увидеть его живым еще теплилась. Ведь до последнего дня вторжения разведка сообщала: старшего сержанта видели, таскал дрова...

Тело нашли 12 ноября - в окрестностях с.Коргон, соседнего с Зардалы. Убитого Шадыбекова бандиты даже не похоронили по-человечески. Так укрывают преступление! Связанного милиционера бросили лицом вниз в полуметровую яму, забросали камнями, могилу сровняли с землей.

14 ноября останки Касымбека Шадыбекова перезахоронили со всеми воинскими почестями на его родине - в селе Самаркандык. У милиционера остались четверо малолетних детей. Все, что смог теперь сделать для них сводный отряд МВД, выделить семье Шадыбекова материальную помощь и ходатайствовать перед правительством о представлении старшего сержанта к государственной награде посмертно».

Глава тридцать первая

В один из осенних дней войны Амир вошёл к Зубайру и бросил ему на стол три газетные вырезки. «Учитесь, как надо писать!» - сказал он и повернувшись, вышел обратно. Статьи были на русском и поскольку Зубайр не был силён в этом языке неправовверных, то он попросил в тот же день Ёсира перевести это как можно лучше на узбекский и Ёсир сел за перевод.

ЖЕНА ЗАЛОЖНИКА

Третью неделю бородатые головорезы удерживают в заложниках 13 человек. Это и есть их козырная карта, гарантия того, что никаких крутых мер киргизстанские войска не примут. Третью неделю все мировые информационные агентства, затаив дыхание, ждут, какой же выкуп пожелают моджахеды за четырех иностранных граждан, нашего генерала и милиционеров.

А в далеком киргизском селе Самаркандык уже третью неделю не смыкает глаз женщина, жена 35-летнего сержанта милиции Касыма Шадыбекова, одного из заложников. Четверо его деток еще не понимают всего смысла происходящего, но старшие дочери- школьницы стараются помочь маме и во всем ее слушаться. Ей сейчас очень трудно.

Первые две недели Замира, оставив детей и хозяйство на старенькую мать, чуть ли не каждый день ездила в райцентр, в Баткен, что в 60 км от ее села, обивала пороги высоких чиновников и силовиков, требовала: “Верните мне мужа!” Сердца у госмузей и полковников сжимались при виде этой заплакавшей глаза женщины. Они успокаивали ее как могли, объясняли обстановку в районе села Зардалы, куда из Таянского ПОМа был направлен в те горячие дни сержант Шадыбеков. Но женщина упрямо твердила: “За акима заплатить деньги вы нашли, а за простого милиционера не можете?!”

Горе женщины не хочет воспринимать ни стратегии, ни тактики этого бессмысленного военного конфликта. Ей нужен муж, отец ее детей, кормилец.

Когда на пороге дома Шадыбековых появились мужчины из акимиата и сельской управы, сердце женщины чуть не разорвалось: “Неужели с Касымом что-то случилось?” Мешок муки, 500 сомов, рюкзаки для школы, одежда, кое-какие лекарства. “Это вам гумпомощь, пока кормильца нет”, - сказал аким Баткенского района А.М. Маматалиев, на себе испытанный, каково быть заложником.

Но женщина начинает рыдать, она испугалась, что все это из-за того, что мужа уже нет в живых.

“Да жив он, жив! - успокаивают Замиру в один голос. - Видели его чабаны!”

“Мне ничего не нужно. Только он сам!” - не унимается женщина. Вслед за ней начинают рыдать и ее мать, и сестра Касыма. Только два крепких карапуза, сыновья Касыма, недоуменно хлопают глазками. В этот момент у всех к горлу подступает комок.

Не знаю, есть ли у тех бандитов в горах жены и дети, ждет ли их кто-нибудь так, любит ли? Но знаю точно, что нигде в Коране не написано, что это по-мусульмански - сиротить детей.

Лейла САРАЛАЕВА

И вторая статья была, видимо, опять из той же газеты. На фотографии их парня лицо было свежезатушёванно ручкой Амира, и осталось только крепкое раненное тело, несущее это чёрное лицо.

Исповедь “воина Аллаха”

Глядя на него, никогда не скажешь, что этот юноша с длинными, пушистыми, как у девушки, ресницами и чистым невинным взглядом считает себя истинным воином Аллаха, и сознательно пришел на нашу землю, чтобы убивать. Действительно, в это трудно поверить, если бы не кровавый след, который тянется за ним, и его убежденность в том, что он и ему подобные ослепленные молодые авантюристы смогут “обратить в единственно правильную веру все заблуждающееся человечество”.

Уроженец Ташкента, узбек по национальности, 22-летний Улугбек Махмудов был задержан в с. Кара-Баке Баткенского района 19 сентября в девятом часу вечера на блокпосту сводного подразделения МВД. При задержании изъяты: автомат Калашникова, два магазина (24 и 26 патронов), нож кустарного производства, компас, четки, солдатский ремень, карты Узбекистана и Ошской области.

При личном досмотре на правом предплечье обнаружена татуировка: знамя ислама с арабской вязью “Аллах Акбар”.

Наш разговор с “истинным воином Аллаха” состоялся сразу же после того, как кыргызские оперативники, связавшись с узбекскими коллегами,

выяснили, что за совершенное тяжкое преступление У. Махмудов разыскивается МВД Узбекистана.

- Улугбек, когда впервые ты встретился с проповедниками идей ислама?

- Жил и учился в Чимкенте. В 1992 году с матерью, отцом и братом переехали под Ташкент. Здесь заочно окончил 12 классов. Работал художником-оформителем в межрайбазе. Где-то три года назад начал ходить в мечеть нашей махалли. Обычно это было после вечернего намаза. Собиралось около двадцати таких же молодых людей, как и я. Сначала изучали арабский язык, запоминали наизусть Коран. Потом пошла уже политика.

- А ты сразу же почувствовал, куда клонят твои наставники, или все это было завуалировано?

- Да нет в общем. Они достаточно открыто истолковывали идеи ислама. Да и учился я добровольно. Угрозы начались после того, как начал тянуть время по выполнению приказа нашего муллы найти своего двоюродного брата Хасана, сбежавшего в Джергетальский район Таджикистана сразу же после терактов в Ташкенте. Звонили даже по телефону: "Остался ты один. Когда пойдешь за своими братьями по учению?" К тому времени действительно все ребята, с кем я посещал по вечерам мечеть, таинственным образом куда-то исчезали. Я очень боялся за своих родных. Звонившие откровенно угрожали: "Не уйдешь в сентябре, будет плохо всей семье". Поэтому я торопился...

...И оказался в Баткенском районе.

- Как тебе удалось дойти до Кара-Бака?

- Несколько попыток попасть к боевикам закончились неудачей. Наконец однажды повезло. Знакомый устроил на работу в картпредприятие водителем. Часто выезжал на узбекско-кыргызскую границу. С картами местности, сами понимаете, проблем не было. Дело оставалось за оружием. Учителя мои сказали, что к воину, добывшему его у противника, у боевиков особое почтительное отношение. В одну из ночей, напав на часового и завладев АКМ с двумя магазинами, направился вверх по Даринскому ущелью...

- Узнав о том, что солдат Рахимов, кстати, твой сверстник, после того, как ты нанес ему несколько ударов молотком по голове, находится сейчас в коме, раскаиваешься ли в содеянном?

- Поверьте, мне сейчас очень тяжело. Но у меня не было другого выхода. Даже если бы я не сделал этого, назад на родину пути у меня все равно не было бы: брат воюет против Каримова, я тоже прошел соответствующую подготовку. За родных боюсь...

- Насколько известно, любая религия, в том числе и ислам, против

любого насилия, не говоря уже об уничтожении невинных людей. Ты не мог не слышать о том, как зверствуют и бесчинствуют на кыргызской земле боевики. Знал об этом, но все равно шел к ним на помощь. Выходит, ты вероотступник?

- Да, наша вера не принимает любого проявления жестокости, но в том же Коране написано, что еще очень давно пророк Мухаммед вел священные войны во имя Аллаха против неверных. Сегодня тоже идет борьба за создание единого исламского государства.

- Если бы сейчас у тебя появилась возможность передать письмо брату Хасану, каким было бы его содержание?

Я бы написал, чтобы он не верил в идеи фундаментализма. Потому что пока шел к нему, наслушался от кыргызов обо всех “подвигах” воинов ислама. Пусть спустится с гор, и сам увидит того старика в Зардалы, у которого его братья по оружию отобрали последнюю корову. А о себе так напишу: отсижу, обязательно женюсь - мать с отцом спят и видят внуков во дворе нашего дома...

P.S. Через час после нашего разговора с Улугбеком позвонили из МВД Узбекистана: солдат Рахимов скончался, не приходя в сознание, а мать и отец У. Махмудова покончили жизнь самоубийством.

С. СИДОРОВ.

А о третьей статье Амир сказал: «Переведёшь, покажешь мне, а потом надо будет отправить по факсу Джумабою!» - и как-то криво улыбнулся.

О ЦАРСТВЕ НАМАНГАНИ

К нам в руки попали любопытнейшие путевые заметки врача-иностранца, совершившего в прошлом году путешествие в Джиргатальский район. Первый, кто остановил его на таджикской земле, был патруль боевиков Джумы на Узике. Проверив документы и рюкзак врача, боевики предупредили его об... обязательной регистрации в сельском совете. На прощание один из проверяющих, смеясь, прицелился в иностранца из автомата. Шутка.

Второе, что поразило, врача, - то, как набросились на привезённые продукты дети хозяев дома, где он остановился. “Продукты питания в селе имеются, делится он своими открытиями, - однако они почти все

сконцентрированы на складах полевого командира Намангани. Как потом рассказали местные жители, чтобы выжить в районах, контролируемых Намангани, им приходится выполнять различные поручения его боевиков, участвуя и в переброске наркотиков из Афганистана, и в перевозке оружия оттуда. Работая на Намангани, жители получают за свой труд хоть какие-то деньги или продукты. Остальные имеют небольшие шансы на выживание: либо им помогают родственники из других районов, либо они вынуждены содержать скот, выращивать овощи и фрукты. Однако постоянные поборы боевиков сильно урезают рацион питания таких жителей. Естественно, меня заинтересовало - неужели такое положение и в других районах? Ответ я получил от одного старого человека, прожившего в этом селе всю жизнь. Он сказал, что далеко не все полевые командиры имеют такую дурную славу. Отсутствие местных корней у боевиков Намангани, по мнению старика, делает их такими недобрыми по отношению к местным жителям. "Они люди временные здесь, - сказал он, - практически все этнические узбеки, мало кто разговаривает на таджикском языке".

Вопросов после этого разговора у меня стало еще больше, чем ответов. Что делают узбекские боевики на таджикской земле? Почему другие полевые командиры позволяют Намангани измываться над своими земляками? Мой спутник сразу попросил меня ни о чем не спрашивать: чтобы во всем разобраться, надо поговорить напрямую с тем, кто не понаслышке знает о Намангани, а лично знаком с ним.

Вскоре такой случай врачу представился. Его повезли лечить раненого боевика, младшего командира одного из отрядов Намангани. Суровый боевик, назвавшийся Рашидом, постепенно проникся к доктору доверием. И его удалось разговаривать:

"Когда-то Рашид жил в Наманганской области, вернувшись из армии, долго не мог найти работу. Судьба заставила стать вором, воровать он ездил в Ташкент. Объединил вокруг себя еще несколько человек, однако долго этим ремеслом позаниматься не дали - арестовали. У одного из членов банды в местной милиции работал дядя, который помог выйти до суда не только племяннику, но и Рашиду, и другим соучастникам, чьи семьи смогли найти нужную сумму для взятки.

Вот здесь и состоялось знакомство с одним вербовщиком, который предложил взять их бойцами так называемого "наманганского батальона", командиром которого является Намангани. Вербовщик обещал небедную жизнь не только для них, но и для их семей. Упирая на то, что они все равно сядут за решетку, обещал сделать из них настоящих мужчин, отправив на курсы в Афганистан или Пакистан. Говорил, что подготовка "морских котиков" в США

или “черных беретов” в России ничто по сравнению с их будущей подготовкой.

В итоге Рашид и его друзья оказались в афганской провинции Файзабад на трехмесячных диверсионных курсах, где им преподавали основы ведения партизанской войны - в частности, как организовывать рейды в тыл противника, устраивать взрывы объектов коммуникации, связи и жизнеобеспечения, планировать и проводить физическое устранение государственных лиц. На мои слова, что все это - акты терроризма, Рашид кивнул головой и сказал, что инструкторы не скрывали этого и ссылались на необходимость ведения такой деятельности в целях победы ислама в Таджикистане и в других странах Центральной Азии. Со слов Рашида, при каждом учебно-боевом центре есть мулла, который проповедует правильный, с их точки зрения, ислам - “ваххабизм”. Так вот, их мулла говорил, что в целях торжества “ваххабизма” применимы любые средства и что даже мулле, отступившего от идей этого направления ислама, необходимо физически устранить!”

Разоткровенничавшийся боевик рассказал врачу-путешественнику и об учебном центре Джумы Намангани в Гармском районе - неподалеку от местонахождения его основного контингента у кишлака Суфиен:

“Общую подготовку, по словам Рашида, преподают инструкторы из Афганистана и Пакистана, а наиболее острым методам ведения партизанской войны, в т.ч. способам проведения пыток, обучают инструкторы из мусульманских террористических центров Индии... Я понял, что от теории, получаемой боевиками, недалеко и до практики. И оказался прав. Вскоре я услышал о методах и формах организации террористических групп в “наманганском батальоне”. К примеру, каждый боевик в отряде Намангани имеет свой номер, по которому они, боевики, обязаны обращаться друг к другу. Нарушивших данный закон ожидает суровая кара - казнь. Как сказал Рашид, уже около 4-5 человек были подвергнуты пыткам и казнены за несоблюдение этого зверского правила.

Другим обязательным правилом является запрет на любой несанкционированный Намангани контакт с мирными гражданами или боевиками других полевых командиров. Кстати, на этом споткнулся сам Рашид. Он и его друзья ввязались в спор на границе владений Намангани и другого командира. Рашиду не повезло, его в перестрелке зацепило - такое ранение от начальства не скроешь. Чтобы не привлекать внимания, он попросился на дальний наблюдательный пост вместе со своими подчиненными. Пытался лечить рану своими силами, но она стала гноиться. Он услышал, что в соседнем кишлаке появился врач, т.е. я, - так мы и встретились.

Рашид рассказал, что еще не участвовал в вооруженных вылазках

боевиков Намангани в Узбекистан, однако прослышал о ряде таких успешных рейдов в Наманганскую область. С его слов, имеются около 5-6 направлений переброски боевиков, в основном через территорию Киргизстана, в частности через Ош... Рашид сказал, что за те деньги, которые выделяют Намангани из-за границы, он может не только насытить наркотиками и оружием всю Центральную Азию, но и плюнуть даже на авторитетов таджикской оппозиции с высокой горы. Об этом, мол, сам Намангани говорит иногда среди своего окружения. Кстати, среди рядового состава бытует мнение, что Намангани чем-то похож на чеченского командира боевиков Салмана Радуева - такой же независимый в своих действиях, такой же приверженец терроризма, только не фанат, делает все за деньги и идею распространения "ваххабизма" проводит в жизнь по указке спецслужб. Один знакомый из окружения Намангани считает его агентом спецслужб Саудовской Аравии, т.к. якобы неоднократно был свидетелем встреч Намангани с функционерами из этой страны. Со слов Рашида, этот знакомый слышал, как Намангани заявлял, что он только пользуется любезностью авторитетов ОТО, и если кто-то встанет ему поперек дороги, то он их убьет - этому его хорошо научили.

Когда лечение подходило к концу, я спросил у Рашида, почему он все это мне рассказал. Он ответил, что сам он за мир, но какой может быть мир, если дома его ждет тюрьма, а здесь он, так сказать, "хозяин жизни"... Рашид сказал, что, наверное, только сам Намангани по чьему-то указанию и несколько его соратников готовы идти с оружием в руках на свою родину, остальные этого не хотят и лучше останутся здесь, на чужой земле, хотя и понимают безысходность такого положения. Многие лелеют надежду разбогатеть, находясь в отряде Намангани, чтобы вернуться домой не с пустыми руками - и деньгами получить прощение у своих близких или откупиться от властей за совершенные проступки. Наконец, совесть замучила Рашида, иногда ему хочется поведать всему миру о той несправедливости, что творится здесь. Да только сил не хватает, да и за семью, что осталась в Узбекистане, страшно. Намангани постоянно намекает своим боевикам, что за предательство его и его движения смерть ожидает не только предавшего, но и его близких, где бы они ни находились".

Все ли правильно понял врач о "царстве Намангани"? Доходит информация и другого рода. Намангани, дескать, окопался на таджикской земле капитально. Он пользуется поддержкой местного населения - поскольку продукты (в отличие от других командиров) как раз не отбирает, а покупает. Он в прекрасных отношениях с лидерами ОТО (объединенной таджикской оппозиции). А одному из них - бывшему полевому командиру Джаге (Мирза Зияеву, занявшему в коалиционном таджикском правительстве пост министра

МЧС!) - доводится не только близким другом, но якобы и родственником. Джумабай Намангани, к слову говоря, действительно женат на таджичке из кишлака Яз-гулем, родившей ему сына.

Однажды киргизстанские чекисты получили интересную видеозапись. Застолье в одном из таджикских населенных пунктов. Съехалось около полусотни полевых командиров. К Мирза Зияеву все обращаются почтительно: "командой". За столом - европейские лица. Их представляют. Один - чуть ли не немецкий посол. Другой - некий специалист (типа попавших в Баткене в заложники японских геологов). "Посол" толкает по бумажке речь: от имени, дескать, и по поручению выражаю глубокую благодарность за освобождение нашего гражданина. "Командону" приятно. А на одном из почетнейших мест, кстати, Джума Намангани!

Будет ли, словно надоевший чирей, выдвинут из Таджикистана Джумабай Намангани? Будут ли закрыты от его боевиков наши границы - в чем заверили нас таджикские власти? Учитывая все вышесказанное - маловероятно. Намангани, похоже, на таджикской земле чувствует себя по-прежнему вполне уверенно.

Глава тридцать вторая

Мне кажется, настала пора прервать моё повествование и хотя бы вкратце изъясниться. Всё, что я писал до сих пор – документально, и не только в той части, когда я привожу документы или рассказы очевидцев, но и самое главное – в той части, когда я рассказываю о Белги-Ёсире, вернее, тогда, когда я воспроизвожу реальность его глазами.

Именно здесь я должен сказать, что ничто мною не придумано, и если меня можно упрекнуть в том, что я не видел этого собственными глазами, всё же во всех случаях я опирался и опираюсь, как правило, на рассказы людей, кто это видел напрямую. Многие из этих людей никогда не признаются в том, что произошло с ними: так, тот самый Алишер или Харун, который и рассказал мне о том, как они с Белги попали в Хоит, сейчас работает в одном из иностранных культурных представительств. Никто так и не узнал о том, где он был и что он видел, а на работе – ведь не иностранное ли представительство, объявили в своё время, что он побывал в московском головном отделении организации на повышении квалификации – вот и вся недолга!

У меня к тому же ряд документов, доставленных друзьями-журналистами «оттуда», как скажем вот это письмо Зубайра, в котором он упоминает свою работу с Ёсиром:

Письмо Зубайра

Здравствуйте, Касымхан и Абдулқуддус.

«Поистине, Аллах купил у верующих их души и их достояние за то, что им - рай! Они сражаются на пути Аллаха, убивают и бывают убиты, согласно обещанию от Него истинному в Торе, Евангелии и Коране. Кто же более верен в своем завете, чем Аллах? Радуйтесь же своей торговле, которую вы заключили с Ним! Это ведь - великий успех!» 9:111

Да, это так. Слава Господу нашему, ниспославшему эти слова в Коране.

Братья мои, как ваше здоровье, я получил кассеты, посланные вами, и очень обрадовался. В Центре много новостей. Сейчас я и Ёсир работаем над видеофильмом под названием Стон. 1 час и 20 минут уже готовы. Будет наверное около двух часов. Как будет готов, пошлю и вам.

Созданы экономический, издательский отделы, наш политический отдел был распущен и вместо него создан Руководящий диван.

Создан также отдел религиозной пропаганды, призыва к образованию и борьбы с грехом, ответственным назначен Абу-Абдуллах.

В эти дни хотим создать шариатский суд.

Я посылаю вам 6 видеокассет в дипломате.

Дай Бог встретиться с вами в добром здравии. Бойтесь Аллаха. Молитесь в мою честь. Ассаламу алейкум ва рахматуллахи ва баракатуху.

Зубайр.

Ассаламу алайкум Косымов ва Абдулкаримов
 Аллох мушмалариме жамаатини ва мав-
 ларини улардан жаннат баробарини сатид айдун - улар
 Аллох бунда жаме мислиб (кафирларни) уйдирладилар
 ва (уларни ҳам Аллох улу ишиди бўлиб) уйдирладилар
 (Бундай мушмаларга жаннат берилмиши) Аллох Табаарот,
 Шитим ва Керонда ўзинини ҳам бадасини бер сандир.
 Аллохдан ҳам акрини вафодорроқ ким бор? Бас (он
 мушмалар) киман бу савроларимиздан мад бўлишимиз.
 Даро шу ҳақиқий дуню бахтидир. 9:111.

Ҳа ака ширкдодир бу бўлгани кираят назми ким-
 ган Раббимизга жаму сакамга бўлиб.
 Биродарларим. Билганимиз эчманни, сизлар юбатган
 касеталарни олиб жаму хурсанд бўлишат.

Мархумда энгилликлар кут-Ҳазир ман беир дилан бура
 Нида иштини Видео фильм ширкдодимиз 1 савт волиминимиз.
 Табаар. 2 савтга бери керак. Табаар буни ширкдодан жам
 хуболиман.

- Иттилоий, тахририйт бўлишлар тахлики ртимида
 бизни Силсиль брели бекер килишимиз бўрича Рабба-
 рийят дебони бўлиб.
- Агарин Уримоу даъват Абу-Мавруф бўлишимизга
 эчманни мабул этиб Абу-Абдуллох тахлиминимиз.
- Шу хурсанди Ширкдод маблагини мушмаларимиз.
- Сизларга 6 та Видеокассета хабарийтман, динимизга.

Табарабаримини сизлар билан эсон омон кўришимизни
 ки касиб килишим. Аллохга кўришимлар.
 Халимга эчо килишимлар. Ассаламу алайкум
 ва рахматуллахи ва баракатуху.

Зубайр

Правда, иной раз приходится восстанавливать по крупицам эту самую «тамошнюю» реальность, когда чей-нибудь рассказ содержит рассказ другого очевидца, которого я сам не встречал: но такое уже практиковалось на Востоке. Я имею в виду историю хадисов или изречений Пророка Мухаммада, когда, скажем, Имам Бухари цитирует их со слов такого-то и такого-то, последний из которых слышал сие от очевидца. Такие случаи, конечно же, сверяются мною с рассказами других очевидцев. Зачастую – это рассказы боевиков, вернувшихся за последние год-два, или же переданных властям Узбекистана властями Афганистана, Пакистана, Кыргызстана. Материалы их судов, рассказы журналистов, интервьюировавших их – всё тщательно обрабатывается мной на предмет восстановления как можно точнее этой самой – «тамошней» реальности.

Вот, к примеру, своего рода листок аттестации, который проводился, по всей видимости, руководителями ИДУ:

Аббос муз/йил 1968 (Омлаки бар вамаи 79
2 та фарзанди ғула)
Касб: шафэр, маляр, ~~...~~ Шайх Эмомидин
Хар касб: Озир Емиш Курон, Тамографис
Тамилка, минер, 1 гул илми (Томаки 8)
Характери: Хусуслиида ~~...~~ кунин
Озир Емиш Курон, Тамографис, Махдум
Масулиятлиги: Озир Емиш Курон, Тамографис
Кийим 54, рақ 5 рост 45 бош 58 рақ

1. Хамид, 2. Мукаммил муз/йил 1979 (Аббоси)
2000 йил Тошкентда хикмати қилган
Касб: Обнувоз (Томирин) Деҳқон, Буғалар,
Хар касб: Озир Емиш Курон, Тамилка,
Тамографис, минер,
Характери: Томирин Хусуслиида
Хазини қилган: Умарий қаси, Ташкент,
Кийим 50 рақ 3 рост 43 бош 58 рақ
Ғулаи ғулаи, Томаки 8

Хорзи муз/йил 1979 / Омлаки Вамаи 80
Фарзанди ғула)
Касб: Эмиш ғула, Электрон
Хар касб: Озир Емиш Курон, Тамилка,
Минер, Тамографис, шуробдор
Хулиқи: Фарзи бош Хазини қилган
Соғинаи ғулаи, 2000 й Тошкентда
хикмати қилган,
Ғулаи ғулаи Хусуслиида озучи қилган
Курон ғулаи ғулаи
Кийим 50 р 3 рост 42 бош 58 р

Характеристики:

Абдурашид, 1980 г.р., совершил хиджрат в Таджикистан в 2000 году.

Профессия – кондитер, мельник.

Военная профессия: тяжёлое и лёгкое оружие, минёр, разведка, снайпер, тактик, топография.

Характер: гневный, серьёзный, но много работает над собой. Здоровье хорошее, крепкий.

Размер одежды: 52 размер, 4 рост, головной убор: 56, обувь: 42 р (холост)

Мухаммад, 1975 г.р.

Совершил хиджрат в Таджикистан в 1998 г.

Религиозное образование: может читать Коран, хорошие способности к арабскому языку.

Профессия: учитель труда, шофёр, мотоциклист.

Военная профессия: тяжёлое и лёгкое оружие, тактика, топография, мины, разведка.

Характер: немного гневный, слабохарактерный. Не жалеет ничего для братьев, временами у него болит голова (холост).

Одежда 52 размера, 5 рост. Обувь: 43, голова: 56.

1 Асадулла 2 Салим 1978 г.р. (холост)

Совершил хиджрат в Таджикистан в 2000 г.

Профессия: 4 курс финансового института (экономист).

Военная профессия: тяжёлое и лёгкое оружие, разведка, топография, пистолет, тактика, минёр.

Характер: мягкий, безгневный, покорный.

Религиозное образование: таджвид.

Одежда: 54 р, 5 рост, обувь – 44, голова – 58 р.

Здоровье хорошее, крепкий.

Анас, год рождения 1968 (семейный, двое детей на родине).

Профессия: шофёр, маляр, стекольщик.

Военная профессия: тяжёлое и лёгкое оружие, топография, тактика, минёр.

Религиозное образование: таджвид.

Характер: вежливый, болтливый, слабохарактерный, доверчивый, быстро обманывается, быстрый на гнев, но столь же отходчивый, не годится для ответственной деятельности. Болеет ревматизмом ног.
Одежда 54 размера, 5 рост, 45 обувь, голова 56 раз.

1 Хамза 2 Мукотил, 1979 г.р. (холостой).

Совершил хиджрат в Таджикистан в 2000 г.

Профессия: мельник, дехканин, бухгалтер.

Военная профессия: тяжёлое и лёгкое оружие, тактика, топография, минёр.

Характер: остр на язык, вежливый, шутливый, покорный, упорный.

Одежда 50 раз, 3 рост. **Обувь** – 43, **голова** – 58 раз.

Религиозное образование: таджвид.

Харун, 1979 г.р. (семья на родине, детей нет).

Профессия: сапожник, электрик.

Военная профессия: тяжёлое и лёгкое оружие, тактика, минёр, топография, разведка.

Характер: мысли молодые, шутник.

Здоровье хорошее, совершил хиджрат в Таджикистан в 2000 г.

Религиозное образование: немного занимался в хуждре, может читать Коран.

Одежда – 50 р., 3 рост. **Обувь** – 42, **голова** – 58 р.

Кроме того, поскольку я пишу биографию поэта, и поэта не простого, а теперь уже знаменитого, то, соизмеряя эту самую реальность с его духовным миром, я, разумеется, не могу обойтись без его стихов, его поэзии, не говоря о воспоминаниях, как своих, так и наших общих с ним друзей. Заверяю вас, что в эту книгу не попало и не попадёт ничего, что не было бы сверено, по меньшей мере, с двумя-тремя писателями нашего круга, которые наверняка знали Белги лучше, чем я.

Но есть и то, что знаю о нём только я.

Глава тридцать третья

*Я пытался спастись – но в защите мне
Отказал старый тал, озеро и тень;
Или спрятаться в гроб? – всё призора нет
Потрясенной душе, потерявшей кров.*

*Что за скачки! – Улак? Пайвак? Копкары?
Нет безумцу дупла, щели нет, дыры;
Стены дряблы, как воск; как песок – ковры;
Только трубы гремят – ржанье скакунов.*

*С репродуктора ли несся этот вой? –
«Если в небо сбежишь – конь взлетит стрелой,
если в море – нырнет за тобой другой –
не спастись – в вышине ли, на дне миров!».*

*Но устал я дрожать – обернулся вспять,
Чтоб коню, как конвойному, прокричать:
«Ну ж, топчи, раскорячь, ну ж, бесчинствуй всласть!», -
но застыл конь – и конь – после этих слов.³⁰
(Фрагмент)*

Белги

Рассказывает журналист и историк Арслан Капай-уулу:

23 августа около 1-2 часов ночи группа боевиков напала на временный поселок геологов в местечке Алтын-Жайлоо (в 150 км от райцентра Баткен). Там ими были захвачены в заложники четыре японских геолога с переводчиком, а позже командующий Внутренними войсками МВД Кыргызской Республики генерал-майор Шамкеев А. Ш., и с ним солдат Внутренних Войск.

На следующий же день выходит Указ Президента Кыргызской Республики об освобождении СУБАНОВА Мырзакана Усуркановича от должности министра обороны Кыргызской Республики. Через несколько дней Министром обороны назначается ТОПОЕВ Эсен Толенович – до этого секретарь Совета безопасности Кыргызской Республики.

³⁰ перевод Сухбата Афлатуни

В эти же дни, где-то 25 августа 1999 года на Би-Би-Си позвонил Зубайр Абдурахим-оглы. Представив себя пресс-секретарём Исламского Движения Узбекистана и в то же время Председателем Политического Дивана, он сказал, что хотел бы прояснить ситуацию относительно баткенских событий и в то же время зачитать заявление Амира ИДУ Мухаммад Тахира Фаррука. Суть заявления сводилась к тому, что к Киргизстану исламисты претензий не имеют. Что же касается захваченных кыргызских граждан и японцев, то они не заложники (заложников, дескать, они не берут), - а пленники “священной войны”.

Цель объявленного джихада, сообщил Зубайр - создание в Узбекистане исламского государства. Причём оружие направлено “только против диктатора Каримова и его окружения”. Боевые же действия на территории Кыргызстана, по его утверждению “происходят из-за упрямства и политической недалёкозоркости бишкекских властей”. Дескать, узбекские моджахеда, хотели лишь одного - чтобы им не мешали вернуться к себе на родину. А кыргызские власти “преградили их путь войсками, что и привело к вооружённым столкновениям”.

Бишкек, по его словам, вёл себя неправильно по отношению к моджахедам и раньше - тем, что “вопреки всем нормам о правах человека и наплевательски попирая законы человеческого гостеприимства”, выдавал узбекским властям “беженцев”. А совсем недавно Бишкек вновь “вероломно нарушил свои клятвы” - это когда боевикам за первых заложников отдали 50 тысяч долларов, а потом попытались уничтожить. Нынешних же “пленных”, заявил Зубайр ибн-Абдуррахим, освободят лишь тогда, “когда будут выпущены на волю около 50 тысяч мусульман, брошенных за решетку в Узбекистане”.

В заявлении излагались и требования боевиков к Бишкеку: “Оставить моджахедов в покое, чтобы борцы за веру могли беспрепятственно проходить в Узбекистан”, и больше не оказывать помощь Ташкенту в борьбе против исламистов.

Если же Бишкек эти требования не выполнит, то “джихад может быть полностью направлен против акаевского режима”.

Вот одно из его заявлений того времени:

Зубайр: Во имя Бога Милостивого, Милосердного.

Заявление руководящего Дивана Исламского движения Узбекистана:

Амир Исламского движения Узбекистана и главнокомандующий

моджахедами Мухаммад Тахир Фаррук по совету улема и с высшим советом объявляет джихад против диктаторского режима Каримова. Для осуществления этого джихада наличествуют доводы шариата и моджахеды, прошедшие необходимую военную подготовку. Хотим напомнить, что защита попираемой в нашем краю религии Ислам и мусульман, верующих в эту религию, освобождение из рук угнетателей пропадающих без вести мудрецов улемы и невинно арестовываемых, приговариваемых к расстрелу молодых мусульман, возврат в распоряжение мусульман сотен закрытых мечетей и медресе есть наиболее высокая идея, цель, а для установления правления Корана и шариата – единственный путь есть путь джихада.

Мероприятиям джихада, начатым в Кыргызстане является причиной только лишь режим Бишкека. Поскольку этот режим передал диктаторскому режиму Ташкента тысячи беженцев мусульман, скрывшихся в Кыргызстане. Кроме того, этот режим блокирует путь нашим моджахедам. Что касается арестованных, то пока не будут освобождено около пятидесяти тысяч заключённых в тюрьмах Узбекистана, эта деятельность будет продолжаться. Мы хотим предупредить иностранцев, прибывающих в регион. Исламское движение Узбекистана предупреждает также страны региона не оказывать никакого содействия диктаторскому режиму Ташкента. Наш джихад будет продолжаться до тех пор, пока в нашей стране не будет построено исламское государство. Мы заявляем, что в наших рядах нет иностранных моджахедов, и мы сожалеем об этом. Мы требуем скорейшей отставки ташкентского режима, дабы не разрушать Узбекистан и не проливать невинной крови. Но если в будущем будут иметь место подобные события, ответственность за них будет лежать на ташкентском режиме.

Глава руководящего Девана ИДУ Зубайр ибн Абдурахим.

Вопрос: Вы сказали, что лица, проникшие в Кыргызстан – не иностранцы. Кто они – узбеки?

ЗА: Это наши братья из Исламского Движения Узбекистана, наши моджахеды. Когда мы говорим об Исламском движении Узбекистана, в Узбекистане проживают представители различных национальностей, в частности таджики. Поэтому эти языки могут быть там, но в некоторых сообщениях говорится сверх того, об иностранных языках. В наших рядах таких нет.

Вопрос: Имеют ли отношение эти люди к Таджикской оппозиции?

ЗА: Нет, они не имеют никакого отношения к Таджикской оппозиции. Это люди, которые против режима Узбекистана.

Помнится, после того как интервью с боевиками пошло по-узбекски, по-кыргызски и по-персидски, все, и, прежде всего, японские агентства и власти, стали обрывать нам телефонные линии. Звонили из Москвы, из Токио, из Бишкека, из самого Лондона. Это была первая ниточка к боевикам, а через них и к заложникам.

Надо сказать, что Зубайр был намного проще и безыскусней в своей роли, нежели бывший пресс-секретарь ИДУ, уже арестованный красной Абдулазиз Мансур, он же Зайниддин Аскарар. Тот так и поливал без остановки. Этот же был несколько косноязычен и не совсем решителен. Чувствовалось, что каждое слово он сверяет со стоящим наверняка рядом с ним Тахиром Юлдашем.

Что касается захвата заложниками японцев и генерала Шамкеева, то подробности этого случая были впоследствии прояснены переводчиком японских геологов. Генерал приехал ночевать к японцам вместе с двумя солдатами. Ночью же на них напали боевики и, когда один из солдат стал отстреливаться, боевики скосили его наповал. Остальные были захвачены, что называется, тёплыми.

25 августа была захвачена в заложники ещё одна группа милиционеров во главе с подполковником милиции Жолчубеком Жээнбаевым. Впоследствии, после освобождения, подполковник вспоминал о том дне:

«Нас схватили в половине одиннадцатого вечера 25 августа. Наша смена, 9 человек, несла службу на посту в урочище Бок-Баши Чон-Алайского района. Шёл дождь, кругом темень. Я и четверо сержантов были на посту, остальные отдыхали. Оказывается, в это время боевики наблюдали за нами и внезапно ворвались. Мы не сопротивлялись, так как в селении были чабаны с семьями, много детей... Если бы мы открыли огонь, они бы всех в селе убили. Боевики повели нас на свою базу, в горное урочище. Это в семи часах ходьбы от нашего поста. Потом четверых милиционеров из нашей захваченной группы отпустили, сказали, что они знают шахаду. А к нам пятерым приставили охрану и сразу предупредили: при любой попытке к бегству - расстрел. Боевики - узбеки,

таджики, много молодых парней 20-25 лет, но есть и старики. Все бородатые, одеты в камуфляж, вооружены до зубов.

Сначала они думали, что мы узбекская милиция, но когда поняли, что мы киргизы, как-то смягчились. И даже немного ослабили охрану. Где-то через неделю начали выводить нас на работу - для нас это было хоть какое-то развлечение. Позже мы начали совершать вместе намаз, по собственной воле, никто нас не заставлял. Наш день начинался в половине пятого утра, совершали омовение, в пять - намаз, потом завтрак. Как начинало рассветать, вели на работы - рубили деревья и кустарник, заготавливали дрова, косили пшеницу. Из неё мололи муку. После работы нас кормили обедом. Блюда готовили в основном из мяса яков - шурпа, плов, жаркое. После обеда - опять работа или чтение Корана. Они выдали нам всем по Корану: буквы наши - слова арабские. Вот и читали молитвы.

За время плена нас ни разу не били, но и о побеге мы не помышляли. От других заложников - генерала и японцев - нас держали отдельно. Но японцев я видел издалека».

Сразу же после серии этих захватов и после объявления о них представителем ИДУ Зубайром, к попытке переговоров с боевиками приступил правозащитник Турсунбек Акунов. Он стал первым, кто имел прямые контакты с боевиками, засевшими в горах баткенского района, и вернулся назад. Акунов находился в районе боевых действий с 22 августа по 8 сентября, жил в селе Зардалы и имел контакты с боевиками в течение 10 дней. Так, 31 .08.99 г. примерно в 15-00 часов он, а также члены движения Турсунбай Алдакунов и Суюндук Уркунчиев встретились в Зардалы с командиром вооруженных боевиков по имени Изатулла и четырьмя другими боевиками. Из этого можно предположить, что первоначально заложники были захвачены именно группой этого самого Изатуллы.

Наиболее активные боевые действия с 20 по 24 августа происходили в местности Алтын-Жилга. Джаныбек Бакиев, бывший тогда заместителем начальника Ошского УВД и непосредственно участвовавший в боях, рассказывал:

«В первый день с нашей стороны в боях участвовали бойцы спецназа Ошского УВД, солдаты из внутренних войск, возглавляемые полковником Аширбеком Бакаевым. Потом к нам на подмогу прибыла штурмовая рота

Минобороны, оказавшая существенную огневую поддержку.

В ходе боев были тяжело ранены трое наших ребят, еще несколько получили лёгкие ранения. Со стороны противника потери были также, но их количество я затрудняюсь назвать - боевики уносят трупы с собой. На местах остаются лишь их рюкзаки, оружие, другие вещдоки, указывающие на то, что противник был уничтожен...

Боевики нападают по ночам, днем, как правило, прячутся в горах, проводят рекогносцировку местности, маскируясь, переодеваются в киргизскую национальную одежду, в таджикскую. Мы постоянно наблюдали за их передвижениями.

Во время атаки кричат "Аллах Акбар!" и лупят по нашим позициям трассирующими пулями, затем пускают в ход пулемёты, автоматы, гранатомёты. Вооружение и выучка у них отменные. Они прекрасно знают методы ведения партизанской войны, тактику ночного боя, подрывное и диверсионное дело. И то, что они творят, это не какие-то бандитские вылазки, это полномасштабная агрессия, в которой участвуют сотни вооруженных людей.

Кроме вышеперечисленного арсенала, головорезы используют осветительные ракеты, приборы ночного видения, винтовки и карабины с оптическим прицелом. Я тоже был на мушке снайперов. В ходе одного из боёв они подстрелили двух наших солдат, стоявших рядом со мной. Всё произошло прямо на моих глазах! К тому же эти бандиты с помощью спецтехники прослушивали наши радиопереговоры. Но и мы кое-что перехватывали: боевики разговаривали между собой на английском, узбекском и таджикском языках».

После того как к концу августа было официально объявлено о том, что в Баткенском и Чон-Алайском районах Ошской области численность боевиков составила 750 человек, а в плену у них находилось 16 человек, всем уже стало ясно, что это – полномасштабная война и события стали развиваться в основном по трём направлениям:

- а) события вокруг заложников;
- б) боевые действия;
- в) дипломатическая активность.

Причём, называя эти три направления, я имею в виду обе стороны. Что касается заложников, то действовал в основном методом «народной дипломатии» Турсунбай Акунов с членами своего правозащитного движения. Так, утром 1 сентября правозащитники в присутствии боевиков, организовали

собрание с участием 31 жителя села Зардалы, где в основном присутствовали аксакалы. По итогам собрания сельчанами были выдвинуты следующие требования:

1. Узбекистан не должен вмешиваться во внутреннюю политику Кыргызстана.
2. Прекратить полеты и бомбардировку узбекской авиацией территории Кыргызской Республики.
3. Возвращение беженцев на прежние места жительства.
4. Решать вопросы с боевиками мирным путем.
5. Возмещение нанесенного бомбардировками ущерба в ущелье Шудман³¹.

В ходе собрания, аксакалом Э.Кулбаевым было зачитано письмо от имени генерала А.Шамкеева (якобы находящегося в урочище Кожошкен):

“Уважаемые руководители Кыргызстана! Я и находящийся рядом солдат, в настоящее время живы-здоровы. Много услышал и увидел своими глазами. Прошу решить все проблемы мирным путем. Руководители моджахедов готовы встретиться с послами нашей республики.

В этой сложной ситуации, я думаю, нужно тщательно взвесить все плюсы и минусы, учесть интересы двух сторон и достичь взаимопонимания.

Находящиеся здесь руководители, готовы вести переговоры. Если будем согласны, то они объяснят, где и при каких обстоятельствах состоятся переговоры. Согласие на это получено после долгих дней. Основная цель - чтобы не было кровопролития.

³¹29 августа в Чон - Алайском районе подверглись самолётной бомбардировке жители села Кара - Тейит. Начальник штаба сводного отряда подполковник Э. Осмонов, бывший в селе, так рассказал о происшествии: «Неопознанная пара истребителей нанесла 7 бомбо-штурмовых ударов по западной окраине населенного пункта Кара-Тейит и по огневым позициям зенитной артиллерийской батареи, в результате которых сброшены 11 бомб. Первый удар сопровождался пулеметными очередями, после чего наши расчеты ЗУ-23-2, БМП-2 и личный состав из стрелкового оружия открыли огонь по воздушным целям. Из-за этого последующие удары истребителей наносились беспорядочно, с больших высот. В результате ударов 3 человека погибли, 17 получили ранения. Пострадали около 70 домов, из них 13 домов разрушены полностью. Возникли очаги пожаров и поднялась паника среди населения. К вечеру очаги пожаров были ликвидированы». Впоследствии было установлено, что это были истребители узбекских ВВС.

С праздником!
С уважением, Генерал-майор Шамкеев.
29.08.99 г.

В тот же день Т.Акунов и Т.Алдакунов в сопровождении боевиков направились к заложникам, а С.Уркунчиев вместе с проводником - жителем с. Кан Баткенского района Балтабаевым прибыли в Баткенский РОВД с письмом от генерал-майора Шамкеева, которое в скором времени было доставлено в Администрацию Президента Кыргызской Республики.

6 сентября, в понедельник, примерно в четыре часа дня Турсунбек Акунов вновь спустился с гор в райцентр Баткен, вместе с ним были двое старейшин из села Зардалы. Добровольные посредники, зайдя в местное управление нацбезопасности, сообщили сенсационную весть - лидер боевиков Абдували Юлдашев, более известный как командир Абдулазиз, низложен! Теперь командование взял на себя полевой командир Юсуп Абдурахманов.

Вторая их весть была не менее сенсационной. Они озвучили требование боевиков, мол, записка от Шамкеева передана, а переговоры по вине кыргызстанской стороны так и не начаты. Поэтому, если в течение суток, то есть до 16.00, 7 сентября, моджахедам не будет сообщено, кто будет полномочным представителем на этих переговорах с кыргызской стороны, то они пришлют отрезанную голову генерала.

После совещаний и консультаций поздним вечером 6 сентября было принято следующее решение. Переговорный процесс возглавит временный руководитель объединенной группы вооруженных сил Кыргызстана генерал Абдыгул Чотбаев. 7 сентября, во вторник, Акунов и двое старейшин получили инструкции о процедуре переговоров и были отправлены назад, в Зардалы.

14 сентября Т.Акунов встретился с Юнусом Абдурахмановым³² - главарем боевиков в Баткенском районе, в окрестностях селения Зардалы. После продолжительной беседы с ним, Т.Акунов вернулся вечером назад. На этот раз группа боевиков не высказала своей четкой позиции за исключением того, что как бы они не уважали Т.Акунова, они будут вести деловые переговоры лишь с официальными властями. Их цель привлечь к себе внимание мировой общественности как к реально существующей политической силе. По словам Турсунбая Акунова, говорили они до двух часов ночи, спали там же, в мечети, а утром, после намаза, вновь сели за переговоры.

³² Абдурахманов Юнус Абдулажановича, 18 апреля 1962 года рождения, один из активных членов наманганской группы "Товба", затем исполнял роль Президента союза беженцев узбеков в Таджикистане, откуда получил кличку «Президент»

«Поначалу они встретили меня настороженно - “характер у меня острый”. Юнус тоже такой же “гибкий”. Ему 38 лет, а не 19, как писали газеты. И вообще, такой народной дипломатии, какую мы ведем, не было нигде», - заявил Т. Акунов.

Юнус Абдурахманов, по словам Т.Акунова, поклялся на Коране и заверил, что все удерживаемые ими заложники, включая японских специалистов, живы-здоровы и находятся в безопасном месте. Из-за удаленности этого места от места встречи Акунова с боевиками, показать их невозможно. Турсунбек Акунов передал медикаменты, фотографии и теплую одежду для генерала Анарбека Шамкеева.

Тогда же, захваченный в плен один из “юнусовцев” - К. Джоханов - подтвердил намерение своего командира потребовать за освобождение четырех японских заложников один миллион долларов США. По свидетельству жителей с. Хаджа - Ачкан, спустившихся в те дни с гор (именно там находился штаб боевиков), японцы живут в палатках и постигают азы мусульманской молитвы-намаза.

Глава тридцать четвёртая

*so'z aytildi nimayu - aytilmadi - bari bir
umrim bitar ohista, lekin buni bilsam ham
na yengillar g'amimni yangi tug'ilgan ta'bir,
na oy kabi ta'birmi yenga olar tunde g'am...*³³

Belgi

Рассказывает Омурбек Жанакеев, переводчик японских геологов, захваченных боевиками ИДУ заложниками:

«Всё произошло в ночь с 22 на 23 августа 1999 года, где-то около часу ночи. В тот вечер к нам приехал генерал Шамкеев со своим телохранителем и остался ночевать в одном из вагончиков. Он выставил в 2-3 километрах от нас на большой дороге заслон из 15-20 солдат, а потом к ним подоспело подкрепление на нескольких автобусах, и они должны были просматривать основную дорогу, идущую с гор к нам и на Кан. Но в час ночи, когда все спали, вдруг ночь разорвали автоматные очереди со всех сторон. Наш лагерь состоял из нескольких вагончиков, и площадка между вагончиками освещалась всю ночь прожекторами. Но автоматный огонь поливал вкруговую. Крики «Аллаху Акбар!» перемешивались с этим огнём, и мы, как спали в трусах и майках, выскочили под этот свет, но потом от страха опять бросились по вагончикам, сбрасывая на ходу всё, что было на нас, чтобы было видно, что мы безоружные...

Я бросился на пол вагончика: тело колотилось от страха. Пули прошивали вагончики и визжали кругом трассами и искрами. Через некоторое время стрельба стала стихать, но крики на таджикском и узбекском были слышны уже здесь – под боком. Я не знал, что делать: страх колотился в голом теле. И вдруг в распахнутое загодя окно вагончика влетело дуло автомата, и гортанный крик вслед за ним рявкнул: «Харакат!» Я не понял, что это значило, но осторожно, давая знать, что я не вооружён и не военный, я поднялся, поднимая сперва пустые руки. В это время чьё-то грузное тело нырнуло сзади в проём окна, и резкий удар прикладом автомата в спину опрокинул меня ничком...

³³ *сказано ли слово или не сказано всё равно
тихо закончится моя жизнь и если даже я знаю это
не облегчит тоску ни только что родившееся толкование
ни победит толкования подобного месяцу тоска как ночь*

Нет, от шока в ту минуту ничего не болело, это потом, спустя день-другой всё тело стало ныть болью, а тогда ничего кроме страха смерти не чувствовалось. Пиная и подгоняя автоматами, нас выгнали из разных вагончиков на тёмную дорогу, набросили на головы мешки и бросили навзничь обнажённых на мокрую от растёкшейся воды землю. И холода я не чувствовал никакого: один страх скорой смерти.

Неподалёку раздавались одиночные выстрелы, и они пугали теперь больше тех самых давешних беспорядочных трассирующих очередей. Боевики кричали что-то, среди голосов явно выделялся один, к которому остальные обращались с подчинением, называя его владельца Тахиром. Это был наверняка их командир.

Меня трясло всё это время. Но я не думаю, что это было от холода. Скорее, от страха. Зуб на зуб не попадал. Я немного успокоился, когда они, сведя нас всех здесь, на тёмной грунтовой дороге, стали сначала искать водителя одного из наших джипов. Поначалу они стали спрашивать нас, кто мы такие. Я ответил, что я геолог. Водителя же не было. Наверное, успел скрыться в темноте, убежал в сторону гор. Надо сказать, что к чести всей нашей команды, никто никого так и не выдал. Но, наверняка, боевики про нас знали от кого-то, кто имел доступ к нашему лагерю, потому что они вывели японцев из их вагончика и первым же делом спросили: «Кто их переводчик?!»

Нас было два переводчика: я и молодой парень-практикант. Мне стало жалко его, и я шепнул ему, мол, я пойду, а ты молчи и лежи. «Я!» - откликнулся я и тут же получил ещё один удар прикладом по спине: «Ты ведь говорил, что ты геолог!» Тут не прощалось ничего. И наверняка меня бы прошили очередью на месте, если бы обошлись без переводчика. Но я им был нужен.

Потом они, так и не найдя второго шофёра, стали расспрашивать, как водится эта японская машина, и когда узнали, что несмотря на правостороннюю посадку руля, скорости переключаются также, один из них сказал: «Я сам поведу её!»

Нас подняли с земли и скомандовали по одному вынести из вагончиков свою одежду. Я под дулом автомата успел схватить лёгкую курточку поверх голого тела, парусиновые летние штаны и кроссовки на босые ноги.

Тем временем сами боевики шныряли по вагончикам, захватывая всё, что было там ценного. Искали они спутниковый телефон, но по глупости своей они так и не заметили, что этот телефон был за распахнутой дверью вагончика, но их поправлять никто не стал. Это позже за один удар прикладом, я сказал, что телефон остался за дверью, но тогда мы были уже далеко в горах.

А в то время один из боевиков вытащил из вагончика один из геологических приборов и спросил нас: «Это спутниковый телефон?» Но когда мы замотали головой, он швырнул всё это в сердцах на землю.

Больше всего досталось там, конечно же, бедному генералу. Его измолотили как фарш.

Прошло, наверное, всего минут двадцать, а казалось – целая вечность. Нас шесть человек: четырёх японцев, меня и генерала посадили в кузов джипа, сами боевики сели вперёд и, оставив всех остальных в лагере, наблюдать за пожаром вагончиков, двинулись в дорогу в сторону Кана.

Когда мы выехали на большую дорогу, по ней шли, несмотря на глубокую ночь толпы беженцев со скарбом. Боевики стали дудеть сигналами, стрелять в воздух, и люди в страхе стали расступаться, освобождая дорогу. Минут через пятнадцать мы подъехали к мосту у въезда в Кан и боевики, остановив машины, приказали нам выгружаться. Они поставили нас лицом к скале у воды, и я снова подумал, что вот теперь-то нас и станут расстреливать за ненадобность. Там логика не работает. Там не думается, что если тебя довезли досюда, то ты им нужен, что тебя будут вести дальше. Всякая остановка кажется последней...

Нет, на нас нагрузили всё, что могли: патронташи, рюкзаки, мало того, когда мы спустились к реке и пошли наверх, по ущелью, при пересечении реки вброд боевики садились на нас верхом, и мы должны были их тащить через бурную реку на спине. Я у самого берега поскользнулся под тяжестью и упал. Правда, мой наездник успел спрыгнуть на берег, но я промок до последней нитки. Он стал меня колошматить прикладом, дескать, я сделал это нарочно.

Шли мы этой ледяной летней ночью вверх по ущелью наощупь. Местами боевики светили своими фонариками, отыскивая какие-то только им известные заметы. Они разбили нас по два человека, змейкой. Чуть выше по ущелью, когда то, что предстояло впереди, было страшнее того, что осталось позади, они навесили на нас автоматы без магазинов – и выставили вперёд – на случай, если мы нарвёмся на засаду.

Там в дороге стало нить тело, в которое после первоначального шока стала возвращаться жизнь, а вместе с ней и боль. Мне пришлось снять свои кроссовки и отдать их старому японцу, который задыхался то ли от высокогорья, то ли от старости, то ли ото всего вместе. Шли по козым тропкам, несколько раз пересекали реку с одного берега на другой. К утру пошёл дождь, который в таких горах быстро переходит в снег. Опять всё тело охватила дрожь, но весь этот неподъёмный груз, который возложили на нас боевики, теперь согревал, и даже натирающий металл автомата, казалось, защищал частично от зверского холода.

Временами никуда не хотелось идти, хотелось броситься в ущелье, и покончить со всем навсегда. А то из злости прихватить с собой пару-тройку вот этих моджахедов, но почему-то я вспоминал про бедных японцев, за которых теперь я был ответственным. Их жизнь зависела от меня. И не то чтобы ответственность, а какое-то чувство гостеприимности, которое, наверное, сидело в моей крови, заставляло меня думать вновь и вновь о них и идти дальше и дальше в горы.

Были несколько привалов, когда боевики прятали автоматы под тряпки, чтобы те не сверкали и не выдавали их для бинокля ли снайпера или пилота вертолётa. Да, где-то к полудню и впрямь загрохотал над горами правительственный вертолёт. Мы все залегли за камнями. Сердце моё kloкотало, хотелось кричать: «Здесь мы, ну куда же ты сворачиваешь?!» - но вертолёт, покружившись в отдалении и пообстреляв голые горы на всякий случай, вдруг развернулся и улетел обратно.

Надо было видеть злорадствующие глаза моджахедов после этого: дескать, вот ваши войска, все, что они могут делать – это поливать горы пустым обстрелом, после которого в ущелье летят камни, дескать, мы здесь настоящие хозяева... Они и впрямь знали здесь всё: перед некоторыми поворотами они поливали горы автоматной очередью, вызывая тот самый упреждающий камнепад, и лишь потом мы, обрезая свои ноги на осколках, скатывались по этим камням вниз к реке, где некоторые из них молились, а другие сторожили нас...

Были минуты, когда те, кто впереди, уходили слишком далеко вперёд, а задние – отставали то ли в молитве, то ли вскрытую от нас, голодных и бессильных, перекусывая свой сухой паёк из изюма или орехов, и тогда опять приходила та самая мысль: спрятаться где-нибудь в этих холодных горах, но ещё более трезвая мысль: а выживешь ли? а что будет с японцами? – заставляла опять двигаться в сторону того самого, скрывшегося из виду передового отряда. Наверняка такие же мысли посещали и генерала, которому было труднее всех, но его военное достоинство ни на мгновение не покидало его. Я пытался всячески показывать своё почтение к нему, то подам руку, то подтолкну в гору, чтобы это отношение само по себе передалось бы и боевикам, которые уж изо всех сил унижали его, как своего непосредственного противника.

Кроме того, я пытался разговорить тех из боевиков, кто оказывался рядом со мной. Но все они боялись друг друга, и под настороженными взглядами соратников тут же затыкали меня то ли прикладом автомата, то ли просто пинком под зад. Когда же никто нас не видел, что-то человеческое просыпалось в них. Я заговаривал о них самих, об их семье, о литературе: об Айни, Фитрате... Они же на это отвечали, что у них один Аллах, и они больше ничего не хотят знать...

Правда, один из них, таджик из Памира, который пришёл на эту вылазку, чтобы заработать немного денег, сказал, что жена его была категорически против, и что обещала уйти к своему отцу с детьми. Этот бедный бородач пел вполголоса советские патриотические песни, пока передовой отряд грохотал автоматными очередями и камнепадами, а задние молились поодиночке за поворотом в крутом ущелье...

К вечеру того дня мы пришли к их стоянке, где, обмениваясь паролями, моджахеды были встречены своими соратниками, и мы все были спущены к полянке, укрытой с трёх сторон горами, где моджахеды развели костёр и плотно окружили его, чтобы высохнуть. Нас же до костра не допустили, и мы, мокрые до ниток, как и были, так и легли спиной к спине, греясь от своей совместной дрожи вшестером... Но ведь не заболели... Я до сих пор удивляюсь силе человеческой выживаемости...

Ранним утром, после молитвы, нас повели дальше в горы. И вот там произошёл тот случай, что до сих пор бросает меня в дрожь. Опять наша змейка растянулась на несколько сотен метров, и я видел, что наш старый японец всё более и более отстаёт. Потом он и вовсе пропал из виду. Где-то к полудню мы вышли ещё на один привал, и командир, который вёл этого старика, присоединился к нам через некоторое время и на мой вопросительный взгляд, вдруг сказал: «Он убит!» Я не сдержался против неминуемого удара прикладом и воскликнул: «Как?!» Меня и впрямь сшибли с ног, но моё сознание хватало слова командира: «Он не мог уже идти, я дал ему лошадь, чтобы шёл на все четыре стороны. Но и лошадь оказалась упрямой: стала на реке и ни шагу. Тогда, чтобы припугнуть её я выстрелил в ту сторону, но попал в старика...» Вот так обыденно он рассказал эту историю.

Как болело моё сердце, как болело... Сильнее, чем всякая боль от приклада или пинка по почкам... Я шёл дальше, как полз: в глазах темнело, и я думал, почему же я не решился забрать с собой этого командира в крутое ущелье... Старик бы остался тогда живым... Не помню, как и когда настало время предзакатной молитвы, но когда и мы впервые встали лицом к Мекке и отмолились свои четыре поклона, лишь повторяя, как было и приказано, движения нашего имама, у меня на глазах невольно выступили слёзы и сквозь них я увидел плетущегося в нашу сторону в моих огромных кроссовках на миниатюрную японскую ногу старика... Это было чудом... Это было таким чудом, что я даже не подумал, о том, что командир надо мною только лишь подшутил, что он подшутил не только надо мной, но и над самой жизнью и смертью... Это было чудом, но об остальном я подумал уже потом, там высоко в горах, где нас всех держали два месяца в заложниках...

Глава тридцать пятая

*Vaqtga qoziq qoqqaning bilan uni ushlab bo'lmas
so'zlarni qalashtirib so'zga qoqilganing ham bekor
ruh taqalar tanga tan ruhga to'lmas
oraliqqa esa butun dunyo tor...*³⁴

Belgi

Вот одно из редких интервью пресс-секретаря ИДУ Зубайра Ибн Абдурахмана о боевых действиях в ходе первой баткенской войны:

Вопрос: Какое отношение к вам имеют исламские боевики, которые по сообщениям захватили пять сёл на юге Кыргызстана?

ЗА: Эти моджахеды, что овладели этими кишлаками, они являются группами, действующими под руководством Исламского Движения Узбекистана, и они ведут эти действия согласно нашим планам и нашим целям.

Вопрос: Согласно некоторым сообщениям эти группы не подчиняются вам. Скажите, каким образом вы поддерживаете с ними связь? Как вы можете доказать: что они повинуются вам?

ЗА: Сами события, а также то, что мы оповещаем о них прессу, доказывает, что эти группы с нами и под нашим руководством. Они под подчинением нашего руководства – Мухаммада Тахира Фаррука и действуют согласно его приказам.

Вопрос: Но как вы поддерживаете связь, посредством телефона или как? Как вы управляете ими?

³⁴ Хотя и вколотить кол по времени его не удержать
напрасно и то что громоздишь слова и спотыкаешься об них
дух упирается в тело тело не наполняется духом
а промежутку два света тесны...

ЗА: События, которые происходят сейчас, готовились много дней, месяцев и даже лет назад. У нас постоянная связь с ними и мы поддерживаем эту связь.

Вопрос: Так каким образом осуществляется эта связь: посредством телефона или гонцов?

ЗА: Вы сами говорите о том, что есть различные способы связи. Поскольку это военная тайна, то в будущем, иншааллах, мы сообщим об этом подробнее.

Вопрос: Если у них есть связь с вами, то почему они захватили в заложники 4 японских геологов и не заявляют о своих условиях Кыргызстанскому правительству и не ведут никаких переговоров?

ЗА: В последнее время связь была неустойчивая, но что касается этих четырёх пленников – мы называем их пленниками, в прессе говорят о том, что они взяты в заложники, нет, они пленники. То есть наше Исламское Движение Узбекистана не коммерческая организация, чтобы мы брали кого-то в заложники и торговались о них. Нет, бои, что идут сейчас, они идеологические бои, это священный джихад.

Вопрос: Если вы не просите никакого выкупа, то почему вы их держите?

ЗА: Мы их держим потому – и об этом мы заявили откровенно – наша цель освобождение со стороны ташкентского режима многих тысяч незаконно арестованных и подвергаемых пыткам. Мы можем обменять их. Наша цель в этом. Они будут держаться в наших рядах и никакого другого варианта не может быть. Мы гарантируем, что они будут содержаться в безопасности. Но они могут оказаться под обстрелом или бомбардировками авиации Узбекистана.

Вопрос: Откуда вы знаете о состоянии здоровья этих заложников? Сколько заложников находится там в горах?

ЗА: Я повторяю, они не заложники, а военнопленные, поскольку они были захвачены во время боевых действий.

Вопрос: Но это ведь японские геологи, они не военные, как это можно называть военнопленными этих мирных людей?

ЗА: Они попали в плен во время боевых действий. Их четверо. Кроме того, есть несколько человек из правоохранительных органов. Всего около тридцати человек находятся в наших руках. Из них 6 человек из интеллигентов, четверо признали Коран и поэтому мы их отпустили. Они теперь знают о нас лучше, чем прежде. То есть они знают, как мусульмане относятся к ним, к народу.

Вопрос: Какова численность моджахедов там, в горах Кыргызстана?

ЗА: Численность моджахеддинов - это военная тайна. Это вне моих полномочий.

Вопрос: Согласно последним сообщениям в эти дни десяток боевиков появился в Сохе, и против них поднялось будто бы местное население. Как вы можете прокомментировать эти сообщения? И вообще, каковы ваши отношения с местным населением в Кыргызстане?

ЗА: Наши отношения с местным населением очень хороши. Об этом писала и пресса. Поскольку наш враг – это лишь режим Ташкента, и мы стремимся лишь туда. Если кто-то встанет на нашем пути и окажет вооружённое сопротивление, то мы будем вынуждены пробиваться через эти заслоны.

Вопрос: Правда ли, что ваша первоначальная цель была проникнуть в Узбекистан до 1 сентября?

ЗА: Мы не располагаем такими сведениями, но я хочу сказать о народе. Народ Узбекистана хоть и граничит с народами Кыргызстана, Таджикистана, но наши предки были едины, как едины источники, из которых мы пили, реки, горы. Между нами не было и границ. Только коммунисты ввели эти границы и когда настало время уничтожить их самим, их стали укреплять. Это, конечно же, планы Америки и Израиля...

Вопрос: Вернёмся к непосредственным событиям. Вот сейчас ваши боевики в горах. Через некоторое время настанут холода. Вы будто бы собираетесь проникнуть в Узбекистан, но границы Узбекистана хорошо

охраняются. Вооружённые силы Узбекистана начеку. Так каковы ваши планы? Неужели вы планируете противостоять такой силе?

ЗА: Наша цель – Узбекистан. Пока мы еще. Не вышли на своего врага. Это произойдёт с помощью Аллаха. Но офицеры Узбекистана, правоохранительные органы, эти преступники пусть знают, что они противостоят не только мусульманам, а самому Аллаху. Аллах с нами...

Вопрос: Но вернёмся к тому, что вы говорите от имени всего народа. Народу Узбекистана нужен мир и наверняка они хотят мира. Но думаете ли вы, что вас кто-либо поддержит вас в Ферганской долине?

ЗА: Пусть это будет последним вопросом. Поскольку сейчас несколько десятков тысяч мусульманского народа Узбекистана сидит в тюрьмах, их стон от этих преступных правоохранительных группировок достигает неба, мы думаем, что народ всё это хорошо понимает. Если спросите народ – преступники ли это, все ответят, да – преступники...

Вопрос: Согласно последним сообщениям боевиками в горах Кыргызстана руководит Джума Намангани. Это правда?

ЗА: Джума Намангани является одним из самых главных командующих Исламского Движения Узбекистана.

Вопрос: Так он ли руководит этими боевиками?

ЗА: Джума Намангани один из наших командующих и он из военных командиров.

Вопрос: Где он сейчас: в Кыргызстане, в Таджикистане, в Афганистане?

ЗА: Мы ответим на этот вопрос в будущем.

Вопрос: Последний вопрос: согласно сообщениям беженцы в Таджикистане, в частности женщины, дети покинули Таджикистан. Куда они выехали? Какова их судьба?

ЗА: Наша цель в том, чтобы эти люди – наш народ – наши женщины и дети, они с нами. Они вернуться на свою родину с нами. И это единственный способ, каким они могут вернуться на родину. Если же они станут возвращаться согласно обещаниям правительства, то вон, сколько наших братьев было приговорено к смерти, к долгим срокам тюремного заключения. И если эти вернуться, то их ожидает такая же участь. Остался лишь один путь – вернуться в Узбекистан путём джихада, путём победы. Если Аллах даст нам этот путь, то – хорошо, а нет – Аллах знает сам, мы согласны и на это.

Вопрос: Но где сейчас эти женщины? В горах Кыргызстана? Где дети?

ЗА: Они с моджахедами. Но не в первых рядах. В первых рядах те, кто воюют. Это задача моджахедов.

Глава тридцать шестая

*Kun o'ldi. O'n to'rt ming oltiyuz oltmishinchi tuni.
shisha yo'q. shishada sharob yo'qligidan mast
bo'la olishingni tushunsang-da, kuygan qo'l tutuni
na ma'nodan ortiq, na bema'nilikdan kam emas.*³⁵

Belgi

Кыргызский журналист продолжает свой рассказ о баткенской войне 1999 года.

Итак, пока с одной стороны шли эти переговоры, с другой вовсю разворачивались бои, в результате которых в Баткенском районе количество зарегистрированных беженцев на 7 сентября достигло 3469 человек. По Чон-Алайскому району было зарегистрировано 510 беженцев.

Самый яростный из этих боёв произошёл в ночь с 17 на 18 сентября у села Сай Баткенского района и села Сырт Кадамжайского района. По скупым данным военных сводок бой шёл между боевиками, нападшими на зенитную заставу правительственных войск, и особым отрядом из г.Майли-Суу. Численность нападавших достигала 100 человек. В результате погибли 7 военнослужащих и 6 получили ранения. Было установлено, что среди боевиков 3 убитых, одним из которых был известный полевой командир Абдулазиз Юлдашев³⁶. С собой боевики тащили еще около 15 человек. Боевики не успели вынести тела троих погибших и оставили их на поле боя. Видевшие А.Юлдашева жители из Ходжа-Ашкана опознали его. Опознал его и аким района Маматалиев, который несколько дней находился в заложниках у боевиков.

Такова была сводка. Что же произошло на самом деле? Боевики появились в районе, до сих пор считавшемся если не мирным, то всего лишь прифронтовым - Кадамжайском. Около 23 часов 17 сентября крупная их группа напала на блокпост кыргызских войск вблизи райцентра Хайдаркан. Группе из 100-150 боевиков противостоял взвод (около 30 человек) "краповых беретов" - бойцов майли-сайского батальона особого назначения. Моджахеды

³⁵ День умер. Четырнадцать тысяч шестьсот шестидесятой ночью.
Нет бутылки лампы. И хоть понимаешь, что можешь опьянеть
От отсутствия вина в лампе, гарь обожженной руки
Не больше смысла и не меньше бессмыслицы.

действовали по проверенной тактике: отвлекая внимание, открыли пальбу, а затем с трех сторон попытались захватить блокпост. Видимо, главной их целью были стоявшие на посту зенитные орудия. Боевики с криками “Аллах акбар!” шли напролом, поливая майлисайцев огнём из автоматов, пулеметов, гранатометов. Ожесточенный бой - самый жестокий за весь период вторжения - продолжался до 4 часов утра. Под ответным огнём кыргызских бойцов (в ход пошли зенитки) боевики отступили, как обычно, унося с собой мёртвых и раненых. На подступах к блокпосту, однако, осталось два трупа - валявшихся на приличном расстоянии друг от друга, видно, брошенных боевиками в суматохе. В одном из них признали Абдулазиза - Абдували Юлдашева, командовавшего отрядами боевиков с первого дня вторжения.

Изуродованный труп опознали сотрудники спецслужб, а также люди, первыми побывавшие у боевиков в заложниках (в опознании, в частности, участвовал (районный аким Маматалиев). Главарию досталось с лихвой - в теле, изуродованном взрывом зенитного снаряда, обнаружили еще 6 пуль. Главарь моджахедов, пробитый несколькими пулями, забился под бетонный лоток. Всё тело было испещрено старыми ранами, рубцами, швами. Абдулазиз был одет в камуфляжную форму, носил короткую бородку. При нём нашли радиостанцию, пистолет Макарова, автомат АКМ, нож, обезболивающие препараты, мумие, пробитый пулей Коран, а также письма. Дочь Юлдашева из Узбекистана сообщала отцу, что его брат служит в узбекских вооруженных силах, просила самого Абдулазиза быть поосторожнее. Попал в руки спецслужб и неотправленный ответ Абдулазиза дочери. Насколько известно, боевик обещал: “Скоро у нас будет праздник”.

³⁶ Абдували Ахмадалиевич Юлдашев, родился 16 марта 1963 года в Учкурганском районе Наманганской области. Убежденный ваххабит, имел духовное звание имама, владеет русским, киргизским и арабским языками. Особая примета - отсутствие двух или трех пальцев на руке. Непосредственно командовал первой вооруженной группой, проникшей в Баткенский район в конце июля - начале августа и захватившей первых четырех заложников. Лично вел переговоры об их освобождении. Отряд Абдували-Абдулазиза состоял из 13 узбеков и наемников - 5 таджиков, 2 афганцев и араба. Отец Абдулазиза - Махмадали Юлдашев - был арестован в Бишкеке весной 1999 года и передан Узбекистану. Как утверждал Абдулазиз при переговорах с одним из киргизских офицеров, на родине в тюрьме сидели также его братья и жена. Считал, что если пробьётся в Узбекистан, то сможет поднять там на борьбу около 20 тысяч человек. Активно участвовал в повторной вылазке боевиков в Баткенском районе, сопровождавшейся захватом новых заложников, в т.ч. японских геологов и генерала Шамкеева

Когда тело Юлдашева привезли на судмедэкспертизу в Ошскую облбольницу, в кабинете главврача раздался телефонный звонок о том, что больницу взорвут.

Жену Абдулазиза привезли из Наманганской области сотрудники службы нацбезопасности Узбекистана. Зачем - ей никто не говорил до последнего. А привезли на опознание. Увидев мужа в морге больницы, женщина оцепенела. Потом начала молиться. Труп прибывшие забрали с собой. В тот же день состоялись быстрые похороны... Кроме Абдулазиза Юлдашева в том бою погибли также полевые командиры бандформирований Муким, Джафар, был тяжело ранен Мохаммад Рузи.

Предположение о том, что полевой командир Абдулазиз попал в немилость, подтверждалось характером боя возле села Сырт и по показаниям очевидцев. Он шёл в открытую впереди пятерки боевиков. В тактике бандитской горной войны такое прежде не допускалось. Обычно командир руководит боем сверху.

А вот как рассказывал картину боя командир "краповых" беретов подполковник Сатыбек Молдалиев:

«Бандиты напали ночью. Человек 200, если не больше. Встретили сначала их плотным огнем, заставили залечь. Думали, отступят, а они перегруппировались и попёрли. И хотя во взводе много молодежи, они такое бандитам устроили... Не давали поднять головы, действовали умело и организованно. Трижды одна из их групп пыталась захватить зенитную установку расчета ст. лейтенанта Ж. Исмаилова. Той группой, как потом мы узнали, командовал сам Абдулазиз. Под его началом были даже женщины-снайперы. Не получилось у них... Дали ребята им по зубам. Мы видели, как боевики уносят с собой трупы своих. Около двадцати насчитали... Правда, и мы своих семь человек потеряли.»

Надо сказать, что чтобы попасть в район анклава Сох из ущелья Ходжа-Ашкан, нужно преодолеть один из 4 перевалов и идти 2 дня. Таким образом, боевики вышли в поход 15 сентября, чтобы ночью 17 сентября напасть на заставу у села Сай.

Высказывались различные версии о причинах нападения боевиков на блок-пост у села Сырт. По словам некоторых очевидцев, пришедшие из ущелья Ходжа-Ашкан боевики могли быть ушедшими вместе со своим командиром А.Юлдашевым боевиками, которые решили пробиться в Узбекистан самостоятельно. Однако, другие утверждали, что они просто оказались

голодными и именно поэтому спустились в долину, чтобы утолить голод. Некоторые беженцы рассказывали, что при встрече с ними боевики отбирали у них хлеб и другие продукты. Они, мол, слышали заявления боевиков, что денег у них много, но есть нечего.

Но в прессе до того мелькали данные о размерах выкупа, заплаченного группе боевиков Абдулазиза за освобождение четырех заложников в июле. Один из авторов утверждал, что точная цифра - 50 тысяч долларов, кроме того, дескать, кыргызская сторона передала им вместе с деньгами 5 мешков картошки, 10 мешков муки и 10 баранов...

Бои и история с японскими заложниками продолжались почти до конца октября.

Утром 4 октября подразделения правительственных войск вошли в село Зардалы, оставленное накануне боевиками. Правительственная сторона истолковывала отступление боевиков своими действиями, дескать, в течение двух дней до наступления ближайшие подходы по ущельям к Зардалы были подвергнуты ракетным ударам с воздуха, после чего в село вошли батальон погранвойск и сапёры. Но по словам местных жителей, проснувшись однажды утром, боевиков в селе они не увидели. Те ушли скрытно, ночью, вверх по ущельям, в сторону Хаджи - Ачкана, угнав весь скот с собой.

Газеты писали, что Зардалы трудно назвать селом в обыденном восприятии. Вдоль узких улочек с грунтовой дорогой несколько саманных хибар с отверстиями для выхода дыма, барачного типа школа, такая же неказистая мечеть - последнее "лежбище" боевиков, где, по словам местного муллы, обитали от 35 до 80 моджахедов. На полу волчьи шкуры, подстилки, шприцы, упаковки с таблетками для инъекций.

Тогда же на имя командования объединенной группировки правительственных войск через местных жителей было передано письмо, подписанное "эмиром Исламской республики Узбекистан" Джумабаем Намангани на арабском языке. Содержание его так и осталось неизвестно, поскольку в самом райцентре и в окрестностях не нашлось человека, знающего этот язык. Письмо было передано в Бишкек, но нигде о нём впоследствии не упоминалось.

И, наконец, после того как 7 октября в Зардалы выпал первый снег, а 13 октября кыргызские правительственные войска заняли последнюю базу боевиков горное урочище Хаджа-Ачкан, в тот же день на юге Киргизии были освобождены четверо заложников - киргизские милиционеры, взятые в плен в Чон-Алайском районе Кыргызстана. Они были доставлены в село Карамык на

границе с Таджикистаном. Это были сотрудники правоохранительных органов: старший сержант Максат Назиев, старшина Куаныш Аманжакыпов, старший сержант Талантбек Нарматов, лейтенанты Жаныбай Кадыров и Талайбек Калабердиев.

Своим освобождением они были обязаны депутату Жогорку Кенеша Турсунбаю Бакир уулу, который больше месяца решал этот вопрос с авторитетными представителями духовенства, лидерами таджикской и узбекской оппозиций, а также некоторых исламских и арабских стран. Последняя стадия переговоров с боевиками происходила в Таджикистане. Большую помощь в этом, по словам Турсунбая Бакир уулу, оказал ему командующий пограничной зоны Джиргатальского района полковник Шох.

Заложники все это время находились в селе Хаджа-Ачкан. Когда же 6 октября над ущельем появились вертолёты правительственных войск, боевики разделили пленных на группы и увели вверх по ущелью. В Карамык Турсунбай Бакир уулу поехал с представителем международного центра исламского сотрудничества в Республике Киргизстан Салихжоном Хаджи Камалуддином и с гражданином Таджикистана Нуридином Темировым. 17 октября в 2 часа ночи Нуридин пересёк кыргызскую границу и на нейтральной территории между Кыргызстаном и Таджикистаном, высоко в горах, и произошла передача заложников.

Моджахеды на прощанье сказали: "Киргизы нам не враги. Это не заложники, а наши гости". Была также передана видеокассета, содержащая интервью с командующим внутренними войсками МВД республики, генералом Анарбеком Шамкеевым в стане боевиков.

«В Хаджа-Ачкане я видел сёла, которые никогда не знали электричества. Видел детей, которые никогда не знали, что такое школа. Впервые за 51 день я нормально общаюсь с человеком. Я не слушал радио, не читал газет - я полностью был отрезан от мира... Я военный человек, 30 лет жизни я отдал военной службе. Но сегодня, когда Киргизстан в такой опасности, я был бы рад решить всё мирным путем. Я благодарю президента, правительство за заботу и прошу, чтобы всё решили мирным путем...

Я рад умереть за своё отечество. Если только с моей смертью эта проблема решится...

18 октября он, а также подполковник милиции Ж. Жээнбаев, о котором мы уже говорили, были также доставлены в Кыргызстан Турсунбаем Бакир уулу..

И, как последняя сцена первой баткенской эпопеи, 25 октября были освобождены японские геологи и их переводчик. Вот что писали по этому поводу кыргызстанские газеты.

На участок кыргызско-таджикской границы в районе села Карамык были доставлены последние пять заложников: четверо японских геологов и переводчик Омурбек Жанакеев, находившиеся 64 дня в плену у моджахедов. Закончить завершающий этап операции по их освобождению предполагалось в двадцатых числах октября. По крайней мере, для этих целей в Джиргатальский район в те дни прибыл первый заместитель министра национальной безопасности генерал В. Верчагин. Однако переговорный процесс зашел в тупик. По некоторым данным, это произошло из-за того, что в назначенное время сюда не прибыл один из лидеров исламского движения Узбекистана Джумабай Намангани. В дальнейшем инициативу по переговорам с авторитетными полевыми командирами Объединенной таджикской оппозиции, куда, кстати, входят и вожаки узбекских моджахедов, взяли на себя начальник пограничной зоны Джиргатальского района Шох Искандеров и сотрудник иранского посольства в Кыргызстане Нуридин Темиров. По некоторым источникам, тема выкупа на переговорах не поднималась. Как заявил министр национальной безопасности М. Аширкулов, успех в освобождении последних пяти заложников сложился из наших братских отношений с таджикским народом, большой помощи со стороны народной дипломатии и авторитета известной таджикской поэтессы Гулрухсор Сафиевой. Именно эта любимая простым народом женщина напомнила некоторым влиятельным полевым командирам о том, какую роль по восстановлению мира в Таджикистане сыграли Кыргызстан и его Президент Аскар Акаев.

В этот же день четверо японских граждан Нобухиса Накадзима, Хиротаро Фудзии, Харуо Харада и Тосиаки Аринэ и их переводчик на транспортном военном самолете были доставлены в Бишкек.

“Мы использовали все возможности, - сказал Верчагин. - Условия, которые выдвигали боевики, были самые жесткие. Сначала потребовали предоставить коридор в Узбекистан, потом - большое количество оружия. Все эти требования мы отклонили”.

Японское, как и кыргызское правительство заявляло, что Токио не платил выкуп за их освобождение. Так, в интервью, опубликованном 4 ноября в газете “Дейли Йомиури”, Президент Кыргызстана Аскар Акаев утверждал, что **«правительственные войска смогли блокировать боевикам ряд путей к отступлению. В итоге, последним не оставалось ничего иного, как**

освободить заложников в обмен на возможность беспрепятственно уйти в Таджикистан. Эта сделка оказалась весьма выгодной для боевиков, поскольку они смогли вывести около 400 человек».

Однако газета "Асахи" со ссылкой на высокопоставленного сотрудника МВД Киргизии сообщала, что деньги все же были выплачены. Кроме того, в обмен на заложников были переданы пять членов вооруженных формирований, которые ранее были арестованы киргизскими властями. Это - два захваченных боевика - 18-летний Лазиз Джоханов из Самаркандской области, который был ранен 11 сентября при зачистке войсками плато Эгиз-Талаа в Баткенском районе. Второй - 19-летний таджик из Наманганской области - был взят безоружным 13 сентября в Чон-Алае, неподалеку от таджикской границы. Третьим же якобы стал житель с-Кара-Бак - один из братьев Акботоевых.

Глава тридцать седьмая

Я знаю многое из жизни Асрора Абутова (он же поэт Белги, он же боевик Ёсир), наверняка даже больше, чем рассказываю. Разумеется, большую часть того, что я знаю, я узнал это в процессе работы над этой книгой, когда я не только был завален материалами, собранными моими друзьями-журналистами, но и в ходе собственных писательских встреч, которые почему-то напоминали шпионские встречи: большей частью по секрету, какими-то окольными путями, через постоянно озирающихся по сторонам и шепчущих даже в собственном доме третьих лиц.

Я никогда не думал, что стану журналистом – человеком, к чьей профессии я всегда относился несколько свысока, как, скажем, психоаналитик может относиться к проктологу. Но жизнь теперь изменилась настолько, что вся литература перекочёвывает теперь именно в неё, в журналистику, и если преодолеть своё исконное высокомерие, то начинаешь понимать, что от этого никуда не деться: хочешь быть читаемым людьми – должен гнаться за хвостом этого дня.

Но я не к тому. Я к тому, что хоть и восстановил по крупницам жизнь Ёсира «там», есть один период в пару месяцев, о котором при всей моей документальности, я могу лишь догадываться. Я знаю в деталях и из уст очевидцев, что было впоследствии, мне ясно и то, что было раньше этого – об этом, впрочем, я уже рассказал, но вот эти пара-другая месяцев перед началом и в самом начале «первой баткенской войны», так и остаются чёрным пятном для меня самого. Но ведь именно это время и есть то самое решающее время, когда Асрор или, даже вернее, Белги, стал окончательно Ёсиром.

Попытаюсь объяснить чуть подробнее. Из долгих разговоров с «Харуном»-Алишером, бывшим самым близким другом Белги на протяжении почти полутора лет, я знаю точно, что Ёсир был готов возвратиться домой, если не использовать это уничижающее слово: «бежать» из Хоита. Алишер горячо убеждал меня, что если бы Ёсира не вызвали бы в Афганистан, после ташкентских взрывов его настроение было определённым: надо уходить... Будь он в Хоите с нами, он бы непременно ушёл с нами, - горячился Алишер. Но в этой горячности было нечто, что заставляло меня, совершенно постороннего человека, несколько отстраняться от ощущения, от привкуса побега. Нет, я не осуждал Алишера, да и кто я такой, - городской червь, чтобы осуждать его «бегство» от возможных своей и чужих смертей, но какая-то червоточинка

вопроса наподобие: но почему же ты не дождался друга? - мучила меня невысказанно изнутри. А с другой стороны, я ведь знал, что и после Алишера люди возвращались из Хоита, кто по заданию, а кто по собственной воле, но почему же среди них не было Ёсира?!

Этот вопрос мучит меня до сих пор тем, что я не могу на него однозначно ответить. И всё, что я могу написать по этому времени и по этому поводу – это лишь мои предположения.

Я вчитываюсь в последние стихи Ёсира, написанные «там», и пытаюсь понять, что же произошло между тем временем, когда он, якобы, готовился возвращаться домой сразу же после февральских взрывов, и баткенской войной, после которой он, наряду с пятью-шестьюста моджахедами был переправлен в ноябре навсегда в Афганистан.

Они, эти три-четыре стихотворения, которые попали в мои руки благодаря другому поэту Хайрулле, после его поездки в Афганистан – совершенно отличны ото всего, что я знал о Белги. Вот одно из них:

*Menga bo'lgan bu ko'rum ruhda edimu, tandamu? –
Men o'zandan chiqdimu, oqdi ko'lankam chun Amu.*

*Mardumimni boshladim qoyasimon qo'rg'on tomon,
Ul tepa o'ylar uyumi erdi, yo'lda g'ov ham u.*

*Pastga yurg'och bir-biridin tikka toshu-tosh ko'rub,
Men dedim: Rumiyl deyubtur: Yo'lning asli – qilcha mo'.*

*Borsa kelmas yo'l kechibmiz, tepada boshqa sayoq
Biz sharif bilgan bu tog'ni bulg'ar erdi ul dam u.*

*Navha aylab men shikoyat etkonimdin bir juhud:
O'y dedi bu uy tugul, mozor emassa kandamu?*

*Ul dame azon o'quldi, men qilib ikki ruku',
Halqaga shoshdim, o'ranti ko'rpaga hu odamu.*

Shayhkim minbarda erdi, qo'llarin iylon etib,

Yer ila ko'klarni chaqdi, mug' edimu, bandamu?

*Men esa ma'murдинu, Kan'on chohudin xavfsirab,
Halqadin chiqsam haloyiq birla hamroz, hamdamu,*

*Chorig'im misli chiroqdek yo'q ekach o'z o'rnida,
Belgidin undi uvays: kavshim yo'qoldi, sandamu?*

Вместе с несколькими молодыми узбекскими поэтами я попытался перевести дословно это стихотворение. Почему дословно? Потому что для меня это не столько поэзия, сколько – документ. Вот что получилось:

*То видение, что было мне – было в душе или в теле?
Я вышел из берегов (из русла), но потекла моя тень,
как Аму (Дарья).*

*Я направил свой народ/зрачок к кургану наподобие скалы,
Та высота была скопищем/кучей мыслей,
а также препятствием на пути.*

*Пойдя вниз и наблюдая камень/скалу отвеснее другого камня/скалы,
Я сказал: Руми сказал: Истинный путь – с волосок.*

*Мы, выходит, прошли путь без возврата, наверху другой бродяга
Ту гору, что мы знали священной,
осквернял/мочился в это мгновение.*

*Оттого что я, возопив, пожаловался, некий цудей:
Мысль, - сказал, - отнюдь не дом;
если не кладбище, то разве в счёт?*

*В это время зазвучал азан/призыв к молитве, я, совершив два
коленипреклонения,
Поспешил в круг (суфийского радения),
завернулись в одеяло он и люди.*

*Шейх, который был на минбаре, возделав руки змеёй,
Ужалил/высек землю и небеса, был ли он магом или божьим рабом?*

*Я же, опасаясь и приказчика, и ямы Ханаана,
Когда вышел из круга, сообщником и соратником толпе,*

*Когда мои башмаки, как лампочка/свет, не оказались на месте,
Из Белги пророс увайс/самопросветленец: Моя галоша потерялась,
она у тебя?*

Разумеется, этот неуклюжий перевод, как мне сказали мои друзья, не передаёт и десятой доли той изящно-мощной поэзии, заключённой в самой газели, но я чувствую, что даже этого мне хватит, чтобы поразмышлять, что же происходило в сознании Ёсира. Скажу сразу, что я не уверен во времени написания ни этого, ни других стихов «оттуда», но ведь есть в поэзии нечто «отстаивающееся», если не сказать «вечное», что в окружении тех или иных деталей даёт нам некий ключ к человеческому сердцу.

Я никогда не разбирал в своей жизни стихов. Я знаю, что люди наподобие Хамида Исмаилова или же Шамшада Абдуллаева – настоящие герменивты по этой части, и всё же я бы не доверил ни им, ни никому другому истолкования ни этого, ни трёх других стихотворений Белги, которыми я располагаю. Я не буду вдаваться в литературные изыскания. Мне важен сам смысл. И вот с этой точки зрения изначально задаётся и довольно ясно прослеживается двойственность этого сознания, начиная от хрестоматийного разделения души и тела. Но всё дело в том, что это самое «видение» что было поэту, оно непонятно где было – в душе или в теле, другими словами – первоначальная интенция с которой он, скажем, оказался в рядах ИДУ, она могла быть и идеологическим пристрастием, но и в то же время, долей тела, делом случая. Ясно одно, что человек пошёл неиспытанным путём, как река, что оставила своё русло.

Я вижу, как ужаснулись бы те же самые Шамшад Абдуллаев или Хамид Исмаилов, видя такую «разделку» стихотворения, поскольку даже те самые молодые поэты, которые помогали мне переводить дословно это стихотворение, истолковывали мне часами, к примеру, что у Лютфи – великого узбекского поэта из 14 века есть строки:

*Если ты/Ты не поселилась/ся в глазах Лютфи – не мудрено,
Трудно построить дом на (водах) Аму...*

и связывали эти строки со словами Белги. Но я, как сказал, преднамерен в своём «вульгарно-социологическом» истолковании приведённого текста.

Итак, он оставляет своё исконное русло, но это тень его, что течёт как река. В Средней Азии, если река оставляет своё старое русло, то это первый признак высыхания реки. И нет ничего страшнее человека, идущего по руслу высохшей реки, и волочащего перед собой свою неизбывную тень. Если условиться, что поэт подразумевает под рекой Традицию, то картина с его нынешним состоянием становится фотографически, чёрно-бело ясной.

Я могу прочесть буквально или, другими словами, пейзажно, второй бейт этой газели. Если вам доводилось быть в ущельях между Хоитом и Баткеном, вы сразу поймёте о чём речь. Но даже если символизировать эту строфу, то важно, что эта двойственность не покидает поэта – высота или «волшебная гора» куда движем зрачок/народ (узбекское слово арабского происхождения «мардум» означает эти оба смысла), оказывается, если сказать грубо, кучей мусора, препятствием для чистого потока.

Следующие две строфы подтверждают моё прочтение. ИДУ может заявлять, что оно возвращает народ к своим истокам, в своё русло, но поэт говорит, что русло высохло, и то, что осталось в этом русле некогда великой реки – это тень. И даже горы книг или же построений – они могут стать лишь препятствием для чистого стремления народа. Ведь дорога, согласно Руми ли, мусульманской экзегетике – тонка как волос, а не как русло реки. На этом волоске между добром и злом, между благочестием и греховностью, между любовью и ненавистью – дальше продолжайте сами – может поместиться лишь один человек и никакая душа в тот самый Судный день не будет ответственна за другую душу, тут не поток, не толпа, а каждая отдельная душа понесёт свою собственную ношу по этой волосяной линии...

И всё же поэт отождествляет себя с «мы», допуская, что путь, который он прошёл внутри этого «мы» - есть путь без возврата, но там, на той самой «волшебной горе» другой бродяга – по неведению ли или по умыслу – оскверняет эту гору – мочится, полагая, наверное, что моча его и есть той же самой природы, что и вода той самой великой реки. То есть, сворачивая на мой путь истолкования, можно допустить, что Белги хоть и смирился с тем, что он стал безвозвратной частью ИДУ, но то, что проповедовали те, кто на вершине этой пирамиды, воспринималось им как святотатство, претендующее на псевдотрадицию.

К сожалению моих культурологических знаний не хватает на следующую строфу, где в ответ на вопль появляется некий иудей (кто он? Ибн Эзра? Маймонид? Спиноза? Деррида?), чью мысль о том, что мысль это не жилище, если она не равна смерти, цитирует поэт, и именно здесь я далёк от вульгарного истолкования, что Белги каким-то образом оказался в мыслительном кругу воинствующего антисемитизма. В той традиции мысли, которая приведена в этой газели до этого концепта не допустило бы опуститься духовное достоинство: найдите хотя бы гран его в Ибн-Сине, Аль-Газали или в Ибн-Араби.

Я привёл эти имена преднамеренно, поскольку последующие строки (хотя я и не понял для себя только что процитированной), говорят мне о том, что Белги дорожил в своей исламской природе суфизмом, он не только символизирует стихотворение, но прямо и без экивок говорит о суфийском радении, о мистическом круге.

Но и опять вернусь в круг своих вульгарных социологизмов: шейх – предводитель, в котором можно подразумевать любого из руководителей ИДУ – Тахира Юлдаша, Джуму Намангани или Зубайра ибн-Абдурахима, может пугать ядовитой змеей своих руководений, но это же подтачивает его веру. Ведь есть один из особо чтимых хадисов, который называется святым, поскольку поведен Пророку Мухаммаду Самим Аллахом. В этом хадисе говорится, что три группы людей, из тех, кто считает себя верующим, будут отправлены в ад. Одна из них – это шахиды. Аллах их спросит: Чем вы занимались на земле? Они ответят: Мы погибли в Твоё имя, на Твоём пути. Аллах воскликнет: Нет, не в Моё имя вы погибли, а затем, чтобы люди славили вашу смелость. Ад вам наказанием! Также Аллах поступит и с муллами и чтецами Корана – хафизами, которые упивались своим голосом, хотя считали, что проповедают слово Аллаха.

Поэт же, опасаясь как этих самых «администраторов», так и ямы Ханаана – колодца в который был брошен своими братьями Юсуф или же Иосиф Прекрасный, выходит из круга, тем не менее, принимая толпу - всех этих несчастных беженцев и мухаджиров, изгнанных из своей земли, из своего дома под страхом ареста и пыток, но в последней строфе он вдруг резко заземляет всю ситуацию до анекдота: он вышел из суфийского круга, но обнаружил, что при этом стащили его башмаки – то, что делает каменистый путь безболезненным.

Если и я заземлю этот стих на свой манер, то вполне допустимо, что поэт Белги, отказавшись от поэзии в пользу ИДУ, лишился того, что его защищало, то что не только служило прохождению пути, но и освещало его, ведь недаром он сближает эти потерянные башмаки с лампой света, которая также потеряна,

и тогда в своём новом одиночестве и обнажении он обнаруживает знак – так переводится слово Белги – того, что откровение никогда не является массе, оно ненаучаемо, не передаваемо, оно является свыше и каждый, кому оно явлено – он увайс – самооткровенец...

Мне достаточно этого, чтобы очертить то, что происходило в сознании Ёсира между взрывами и началом войны, я не стал путать вас ещё больше тем, что мне рассказывали мои помощники-переводчики. О том, что в последней строке Белги цитирует знаменитую строку поэтессы по имени Увайси: «kavshim yo'qoldi, sandamu?» - «Моя галоша потерялась, она у тебя?», обращённую, дескать, к самому Богу. Это уже поэтические тонкости. Мне же довольно сказать, что хоть я и не знаю точной даты написания этого стихотворения, но именно здесь, я склонен довериться сбежавшему из Хоита Харуну, который сказал, что именно после ташкентских взрывов Ёсир сидел ночами при луне и что-то записывал в маленькой записной книжке, которую он прятал даже от своего друга...

Глава тридцать восьмая

*Balki haqiqat bilan yolg'on orasidagi pardaning
nafasingdanmi, ko'cha shamolidanmi hilpirashi*³⁷

Belgi

И всё-таки в результате огромного дипломатического давления со стороны Узбекистана договоренность о том, что боевики и граждане Узбекистана, незаконно пребывающие в восточной части Таджикистана, должны уйти с территории республики, была достигнута 4 ноября на организованной по инициативе главы государства встрече Джумы Намангани с председателем комиссии по национальному примирению Саидом Абдулло Нури, бывшим главнокомандующим вооруженными формированиями объединенной таджикской оппозиции, министром по чрезвычайным ситуациям Мирзо Зиёевым и секретарем совета безопасности Таджикистана Амиркулом Азимовым.

Таким образом, часть боевиков исламского движения Узбекистана из отряда полевого командира Джумы Намангани и несколько сот узбекских беженцев, которые 5 ноября покинули восточную Тавильдаринскую зону Таджикистана, уже шестого к вечеру были депортированы с территории республики. Об этом различным агентствам сообщил источник в правительственных силовых структурах, не уточнив, какое точно число из группы в составе около 430-450 человек ушло за пределы страны.

Правда, ещё оставались боевики, а также формирование в 150 человек, которое готовилось к переброске с востока на юг республики. По словам того же источника, «они также уйдут, в соответствии с поэтапным ходом депортации».

Так закончилась дипломатическая эпопея первой баткенской войны. Но как она развивалась? Первый этап военных действий сопровождался различными заявлениями различных сторон. Так, 28 августа в Оше состоялась встреча Министров иностранных дел, руководителей служб Национальной безопасности и Министерства обороны четырех стран - Кыргызской Республики, Республики Казахстан, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан.

³⁷ *Может быть вуали между правдой и ложью
от твоего дыхания или уличного ветра колыханье...*

4. У нас нет еще этот вмешательство
внутренних дел Таджикистана и не
хотим вмешиваться. Для этого мы
несколько раз выдвигали свои
требования и уша Афганистану
В этот раз мы не ~~выдвигаем~~^{выдвигали} этот
хотим Узбекистану.

5. Если угрозы и все не cessare. Если
не прекращается наши требования и
~~ассурдировать~~ ~~начинает~~ войну мы
к этого готовы, и неслучайно.

6. Если начнется национальная
война здесь, то может быть
быть война, также же война в
Узбекистане потому что в этом
стране не ~~будет~~^{будет} более ~~политической~~^{политической}
национальностей. Если будет война
тогда только ~~разных~~^{разных} проблемах
~~уменьшится~~ ~~будет~~.

30 августа было обнародовано официальное заявление министра иностранных дел Республики Узбекистан А.Камилова о событиях на юге Кыргызстана.

26 августа с брифингом в Госдепартаменте США выступил Джеймс Фоли, представитель Госдепартамента по Центральной Азии, заявивший: **«Мы твёрдо осуждаем это вооружённое вторжение. Эти акты терроризма являются угрозой не только территориальной целостности Кыргызской Республики, но и стабильности всего Центрально-Азиатского региона и мы обращаемся к правительствам Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана сделать всё возможное для разрешения данной ситуации мирным путем».**

В начале сентября с подобным заявлением выступили представители пограничных войск СНГ. Все осуждали это вторжение, но инцидент с захватом японских заложников, заставлял, в известном смысле, закруглять оценки происходящего и призывать стороны к мирному разрешению ситуации. Правда, изначальное единодушие было подпорчено той самой бомбардировкой ВВС Узбекистана кыргызского села Кара-Тейит, о котором мы рассказывали. После этого в кыргызской прессе зазвучали нотки естественного неудовольствия действиями узбекской стороны. Дескать, мы воюем из-за вас, поскольку не пропускаем ваших же боевиков в Ферганскую долину, а вы, тем временем, вместо того, чтобы воевать с нами плечом к плечу, бомбите наши сёла.

Узбекская же сторона нажимала на то, что боевики не принадлежат Узбекистану, что это, мол, международные террористы и при всяком случае обвиняла Таджикистан в пособничестве им. Вот несколько дипломатических документов того промежутка времени.

17 сентября 1999 года Министр обороны Республики Узбекистан Х.Турсунов в интервью корреспондентам УЗА сказал следующее:

В конце августа группа международных террористов, разместившихся на территории Таджикистана, нарушив границу Кыргызстана, заняла несколько населенных пунктов в Баткенском районе. Бандиты взяли в заложники несколько жителей и сотрудников правоохранительных органов, а также четырех японских геологов и их переводчика.

В настоящее время многих интересует вопрос, что же это за люди - боевики?

Большинство из них являются преступниками, которые, совершив различные преступления в своих странах, скрываются от закона,

Среди них есть и таджики, и узбеки, и кыргызы, и арабы, и афганцы, и пакистанцы, и представители других национальностей.

Хотя они выступают с различными заявлениями, но на самом деле занимаются захватом заложников из числа мирного населения, сеют смуту и раздор среди людей и, в конечном счете, стремятся к свержению конституционного строя в республиках Центральной Азии.

23 сентября состоялась совместная пресс-конференция секретаря Совета национальной безопасности при Президенте Республики Узбекистан М. Рахманкулова и министра иностранных дел Узбекистана А. Камилова.

Вот официальное сообщение об этой пресс-конференции, которое мы приводим полностью.

Выступая перед иностранными и местными журналистами, министр иностранных дел Республики Узбекистана заявил, что пресс-конференция созвана с тем, чтобы еще раз вернуться к событиям, происходящим на юге Кыргызстана, заострить внимание на отдельных фактах, приобретающих далеко идущие последствия. Настоятельная необходимость встречи с представителями прессы связана и с тем, что вокруг этих событий происходят политические и различные дипломатические спекуляции. Используются нечистоплотные методы, демагогия и обман с целью ввести в заблуждение общественность государств Центральной Азии, а также мировую общественность. В частности, речь идет о недавнем заявлении руководителя ОТО господина С. А. Нури, где он пытался снять с себя и Объединенной таджикской оппозиции ответственность за события на юге Кыргызстана.

Указав на то, что это является полной дезинформацией, А. Камилов сделал следующее официальное заявление:

Первое. Мы еще и еще раз заявляем, что вторжение на территорию Кыргызской Республики бандформирований с территории Республики Таджикистан не случайное явление. Это - операция, которая давно и тщательно готовилась. Заранее отрабатывались маршруты, заранее формировались группы бандитов, которые основательно снабжались, обеспечивались необходимым вооружением, экипировкой, а также радиосвязью. Возникает вопрос, если это просто бандформирования, которые не связаны со своими базами на территории Республики Таджикистан, зачем им современные средства радиосвязи, с кем они связываются. Ведь такая техника нужна для того, чтобы получать конкретные команды и выполнять их.

Приведу лишь один пример - радиопереговоры от 24 августа сего года между боевиками, закрепившимися в районе Зардалы на юге Кыргызстана и центром, находящимся в районе Хоита (Таджикистан). Дословно: “Пленные должны быть оставлены до последнего момента, потому что их присутствие в наших рядах заставляет “неверных” воздерживаться от бомбардировок. Этот высокопоставленный человек (имеется в виду генерал кыргызских внутренних войск А. Шамкеев) и иностранные граждане очень важны для нас”.

Правоохранительные органы Узбекистана располагают также данными о том, что руководитель бандитской группировки, вторгшейся в Ошскую область, Джума Ходжиев, сам, находясь в Джиргатале, докладывает по радиосвязи о ходе боев и предпринимаемых акциях, прежде всего в штаб М. Зиева (кличка “Джага”, бывший командующий вооруженными силами ОТО. Сегодня он министр по чрезвычайным ситуациям в правительстве И. Рахмонова), а также в штаб-квартиры боевиков в Кабуле и Кандагаре. Связь также осуществляется через постоянно курсирующих курьеров, через которых С. А. Нури и М. Зиев передают указания и советы, носящие наиболее конфиденциальный характер.

Второе. Естественно, что со стороны ОТО (С. Нури) было сделано все необходимое, чтобы отмежеваться от связей с этими бандформированиями. Об этом, в частности, говорит заявление С. Нури о том, что в августе был сделан ультиматум Намангоний о необходимости либо сдать оружие, либо его бандформирования должны покинуть территорию Республики Таджикистан. Это ни что иное как обман и ложь, дымовая завеса. Цель ясна. Это - завоевать себе в ходе предвыборной борьбы в Таджикистане имидж миротворца.

Как в таком случае понимать следующий факт? В ходе боевых столкновений с подразделениями МО и МВД Кыргызстана, а также в результате бомбово-штурмового удара по позициям боевиков, нанесенного 29 августа ВВС Узбекистана, боевики понесли потери. По имеющимся данным, бандгруппа, дислоцировавшаяся в населенном пункте Кара-Тейит, при содействии ОТО была выведена с территории Кыргызстана в населенный пункт Миенаду Джиргатальского района Республики Таджикистан. В больницу этого района были доставлены тяжело раненные боевики для анонимного лечения. А некоторые полевые командиры, в том числе мулла Абдулло, получившие ранения в ходе боевых действий в Баткенском районе, из Джиргатала на вертолетах переправлены в Душанбе, где им оказывается медицинская помощь.

Нам известно, что после подписания 17 июня с.г. между правительством Республики Таджикистан и ОТО согласительного протокола о роспуске и разоружении незаконных вооруженных формирований, С. А. Нури, М. Зиеев и такие полевые командиры таджикских исламистов, как мулла Умар, Джунайдулло, “Шейх” и “Шах”, приняли непосредственное участие в организации переброски отрядов боевиков из различных районов Таджикистана в контролируемые ОТО труднодоступные районы Каратегинской зоны Республики Таджикистан (населенные пункты Тавильдара, Саридашт, Таджикабад, Джиргатал, Хоит). Цель данной операции - укрыть и сохранить эти бандформирования для реализации своих далеко идущих планов.

Возникает много вопросов. Кто продолжает подпитывать медикаментами, продовольствием и оружием бандитов, окопавшихся в Хаджи - Ачкане ? Кто снабжает их теплой одеждой в то время, когда в горах уже наступили холода? Кто поддерживает и подпитывает в течение вот уже 45 дней бандитов, проникших и окопавшихся на территории юга Кыргызстана? Ведь эти люди не призраки, а бандиты, которые продолжают вступать в боестолкновения и нести угрозу безопасности людей.

Какие еще нужны факты, доказывающие, что ОТО не просто поддерживает экстремистов, а руководит непосредственно их деятельностью?

Третье. Правительственные войска Таджикистана практически не контролируют восточный регион страны - Гармскую и Каратегинскую зоны, Джиргатал, Хоит, Тавильдара и другие районы, где расположены базы ОТО.

Прискорбно и приходится сожалеть, что вместо того, чтобы признать эти факты, правительство делает вид, что оно управляет и имеет контроль в указанных выше районах.

Правительство Таджикистана неоднократно в письменной и устной форме заявляло о том, что им будут предприняты меры по блокированию границ Таджикистана и Кыргызстана. А что мы имеем на деле? Никаких практических мер не предпринимается и об этом приходится говорить с большим сожалением.

Граница практически открыта. Вот конкретные факты. По налаженным каналам со складов в Хоите, Чусале и других в зону боевых действий боевиков на юге Кыргызстана беспрепятственно доставляются оружие, боеприпасы, продовольствие, медикаменты, теплая одежда и палатки. Так, 6-7 сентября с.г. для бандгруппы под

командованием Илхомбека с территории Таджикистана была доставлена партия боеприпасов. Боевики ОТО выделяют проводников для прохода караванов и обеспечивают безопасность их перехода через таджикско - кыргызскую границу.

Четвертое. У нас есть сегодня все основания заявить о том, что за спиной бандформирований, которые проникли на территорию Кыргызской Республики, стоят и ОТО, и экстремистские силы Афганистана и других стран. В частности, установлена радиосвязь, которая функционирует между ОТО и талибами, а также находящимся в Афганистане Т. Юлдашевым и другими бандитами, которые скрываются сегодня от правосудия.

Из Кабула и Кандагара поступают конкретные указания руководителям ОТО и главарям бандитов о тактике и стратегии проведения боевых операций.

Пятое. Анализ событий в Дагестане и авантюра, затеянная сегодня на юге Кыргызской Республики, говорит о полной их аналогии, а именно - за ними стоят одни и те же экстремистские силы. Об этом говорят факты.

По непроверенным данным, в Душанбе и в восточной части Республики Таджикистан - в Гармском и Каратегинском районах появились листовки, объявляющие набор добровольцев из среды экстремистских сил на Кавказ. Оплата: 2 тыс. долларов США на дорогу и 800 долларов за каждую неделю. Это говорит о многом.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что терроризм, тем более международный, не имеет национальности. Здесь разыгрывать какие-то карты на межнациональной, этнической основах абсолютно недопустимо и даже опасно.

В заключение секретарь Совета национальной безопасности при Президенте Республики Узбекистан М.Рахманкулов и министр иностранных дел А.Камилов ответили на вопросы журналистов.

г. Ташкент, 20 сентября 1999 года.

Таджикская сторона, разумеется, отрицала какую бы то ни было связь с боевиками. Россия также не торопилась с помощью, хотя дипломатически выражала свою поддержку как Кыргызстану, так и Узбекистану.

23 сентября было обнародовано обращение Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова Президенту Республики Кыргызстан Аскарму Акаеву.

Его Превосходительству господину Акаеву А. А.
Президенту Кыргызской Республики
Глубокоуважаемый Аскар Акаевич,

Вторжение на территорию Кыргызстана бандформирований, которое длится вот уже более полутора месяцев, держит в напряжении как силовые структуры, население самого Кыргызстана, так и обязывает Узбекистан мобилизовать силы по укреплению границ и развертыванию боевых подразделений для отражения возможного вторжения и пресечения террористических актов и диверсий на территории Узбекистана.

Создание оперативного штаба в Бишкеке из числа представителей Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана, разработка оперативного плана по уничтожению бандформирований, совместные усилия Вооруженных Сил Узбекистана и Кыргызстана по недопущению и пресечению проникновения боевиков с территории Таджикистана на юг Кыргызстана, совещание министров обороны в Москве - все это в определенной мере является плодом усилий, в первую очередь, руководства Кыргызстана, его силовых структур, а также упомянутых выше стран.

Анализ событий и повторяющихся нападений на блокпосты в Баткентском и Чон-Алайском районах со стороны бандитов с применением гранатометов и другого современного вооружения, их поддержка и постоянная подпитка с территории Таджикистана, имеющиеся оперативные и разведывательные данные еще и еще раз подтверждают, что вторжение этих банд на территорию Кыргызстана является звеном большого стратегического плана по дестабилизации обстановки в Центральноазиатском регионе. Под прикрытием лживых лозунгов об исламе этот акт международного терроризма преследует цель создания плацдарма для совершения диверсионных и террористических актов, дестабилизации социально-политической и экономической ситуации и, в конечном итоге, экспансии идеологии религиозного экстремизма, насаждения средневекового мракобесия и фанатизма в регионе в целом.

За всем этим стоят очень мощные силы, обладающие большими финансовыми и другими возможностями и ресурсами.

По нашему глубокому убеждению сложившаяся опасная ситуация требует координации и дальнейшего укрепления взаимодействия вооруженных сил и в целом силовых структур Кыргызстана и Узбекистана в пограничном Баткентском районе и в целом в Ошской области для

отражения агрессивных шагов со стороны бандформирований и защиты населения от диверсионных и террористических актов, актов насилия и грабежей по отношению к мирному населению.

Нам хорошо известны возможности и силы Кыргызстана, потенциал его мужественного народа, способного нанести сокрушительный удар по любому агрессору, по каждому, кто посягает на мирную созидательную жизнь страны, благополучие ее детей.

В свою очередь, я заверяю Вас, уважаемый Аскар Акаевич, что Узбекистан, его народ и Вооруженные Силы, следуя своему священному долгу соседа и друга, по первому зову готовы прийти и оказать всю необходимую помощь братскому Кыргызстану в изгнании и уничтожении вторгшихся диверсионно - террористических формирований, банд подлых наемников и убийц, отстаивании территориальной целостности и неприкосновенности границ Кыргызской Республики.

С уважением,

Ислам Каримов

Президент Республики Узбекистан

город Ташкент, 23 сентября 1999 года

И хотя во всех дипломатических нотах узбекской стороны того времени Россия, которая сама к тому времени воевала в Дагестане, бралась в качестве союзника, но в правительственных кругах Узбекистана довольно убежденно считали, что за вылазками боевиков стоит не только Таджикистан, но и спецслужбы России в своих геополитических амбициях для возвращения в регион: уж больно легко боевики сновали между границей Таджикистана и Афганистана, где и располагались их основные базы. Эта же мысль, в известном смысле, проступала и в тогдашних выступлениях кыргызского Президента Аскара Акаева. В начале октября 1999 года он, в частности, говорил:

Условия ведения войны с исламскими экстремистами в нашей республике гораздо тяжелее, чем в Дагестане, т. к. имеется огромное множество высокогорных труднодоступных ущелий и пещер. Сама природа будто бы создана для различных вылазок боевиков. Вот почему в борьбе с террористами требуется значительная военно-техническая помощь со стороны соседей по региону и, особенно со стороны России. И лишь за счет такого преимущества мы сможем очистить территорию Кыргызской Республики от бандитов.

Силы и религиозные организации, стоящие за боевиками, не жалеют денег на войну, на созидание же они не дают никогда. Кыргызская армия долго жила устаревшей тактикой и стратегией, впрочем, как и российская. И сейчас необходимо поменять всю военную доктрину применительно к сложившимся условиям.

По нашим данным, несколько промежуточных военных баз “борцов” за идеи Аллаха находятся в Таджикистане, основные же базы размещены в Афганистане. У боевиков есть связь с Объединенной таджикской оппозицией. Поэтому разведка кыргызской стороной осуществляется через официальный Душанбе.

Как бы вторя кыргызскому Президенту, 11 октября того же года председатель службы нацбезопасности Узбекистана Рустам Инояттов сообщил журналистам в Санкт-Петербурге, что в настоящее время нет доказательств, что зачинщиками событий в Баткенском районе Киргизии являются узбекские исламисты.

Многие аналитики, комментируя эти заявления, отмечали, что у таджикской стороны есть своя логика в поддержке боевиков Джумы Намангани, поскольку, как считали и считают в таджикских правительственных кругах, за двумя мятежами полковника Махмуда Худайбердыева в 1996 и в 1998 годах, а также борьбой за власть бывшего премьера Таджикистана А.Абдуллажонова стоял Узбекистан. Но это уже другая история.

Что же касается дипломатической деятельности к концу первой баткенской войны, она, в каком-то смысле, завершилась нотой Республики Узбекистан, в которой предрекалось, что «попытки вооруженного вторжения на юг Кыргызстана с неконтролируемых территорий восточного Таджикистана будут повторяться, в частности весной следующего года, когда откроются высокогорные перевалы на границе с Таджикистаном».

Глава тридцать девятая

*taqalgan fikringni yenga olmading
u ham seni axir qilmadi iqror
ikkingiz oralab kezar beqaror
taqdirga tan bergan tansiz omading*

*ammo boq pardangga - shamolmi tindi
izlagan xayolni topdimi, yo'qsa
sen emas toshlarda sarg'aygan maysa-
yu uni tebratgan sarson esinti...³⁸*

Belgi

Рассказывает Турсунбай Бакир-уулу:

«Я должен предварить свой рассказ о моих переговорах по поводу баткенских заложников вот чем. В 1996 году в Германии я познакомился с Мухаммадом Салихом – лидером партии «Эрк», который проживал в то время в эмиграции во Франкфурте. То ли в том году, то ли годом позже, когда я был в Турции, меня отыскали ребята из неизвестного мне тогда исламского движения Узбекистана и передали мне несколько видеофильмов, сказав при этом: Мы знаем Вас как депутата, вот, передайте эти видео вашему Президенту. Мы готовим джихад против Узбекистана, пусть он не стоит на нашем пути, пусть откроет нам коридор. В таком случае мы его не тронем. Мы ничего против Кыргызстана не имеем, вся наша вражда к узбекистанскому режиму. Но если ваш Президент встанет на нашем пути, тогда и ему не сдобровать!» Тогда я, вернувшись в Кыргызстан, передал все эти видеокассеты в наш Президентский аппарат с соответствующими разъяснениями.

³⁸ Ты не смог победить упёршуюся мысль
и она тебя не смогла окончательно убедить
между вами бродит нерешительно
бесплотная твоя удача сдавшаяся судьбе
но глянь на занавеску ветер ли стих
или нашли искомую мысль не ты а
желтеющая на камнях трава и
колышущее её неприкаянное дуновение...

Белги

И вот летом ранней осенью 1999 года, когда я ездил по своим депутатским делам в Ошской области, мне вдруг позвонили из Президентского аппарата, дескать, срочно вылетай в Бишкек, начались военные события и Президент тебя просит немедленно вернуться в столицу, мол, ты их знаешь, нужна твоя помощь. Я тут же вылетел в Бишкек. Мне рассказали, что произошло: как был захвачен в заложники наш генерал, японские геологи, несколько наших граждан и солдат и говорят, свяжись с ними, начинай переговоры.

Меня усадили в агентство «Кабар», куда боевики якобы время от времени звонили, чтобы выдвигать свои условия, и вот в один из дней туда позвонил Зубайр ибн Абдурахман – их пресс-секретарь. Я взял трубку, представился ему и объяснил, что я хотел бы увидеться с ними по поводу заложников. Зубайр сказал: «Мы хорошо знаем Вас, Вы уже пытались переговаривать с нашими моджахедами. Нам не о чем с Вами разговаривать!» Я ему говорю: «Вы путаете меня с Турсунбаем Ахуновым, который пытался договориться с моджахедами. Я другой Турсунбай, Турсунбай Бакир-улу. Меня знают Мухаммад Салих, Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф, его брат, ваш Абдулазиз Мансур... Спросите у них!» Тогда он задумался и сказал: «Мы должны сначала проверить, кто Вы такой и потом дадим Вам свой ответ».

Пару дней телефон молчал. Мы же сидели, почти не отлучаясь, и ждали ответа. Наконец на третий день телефон зазвонил. Это был Зубайр ибн Абдурахман. Он сказал, что меня проверили, и что теперь я могу прилететь к ним в Кабул через Дубай. Я, честно говоря, поначалу не очень охотно воспринял это приглашение. Мало ли что может случиться со мной в талибанском Кабуле. Поэтому спросил, а нельзя ли встретиться где-нибудь, скажем, в Душанбе... Нет! – говорит Зубайр, - приезжайте в Кабул и все дела.

Ну что ж, Кабул, так Кабул. Пришлось готовиться лететь к Талибам. Мне быстро оформили билет на Дубай. Я прилетел и поселился там в гостинице и вдруг вечером под моей дверью факсовое сообщение. Читаю, написано: «За вами следит американская и израильская разведки, поэтому перебирайтесь в такой-то отель, а потом идите в Афганское консульство, ваши документы будут там готовы». Ну, думаю, началась шпиономания, если не эти, так эти убьют. Но с другой стороны появилось какое-то чувство безопасности, дескать, за мной следят, если что и случится, то это станет тут же известно всем... В новом отеле опять факс под дверью. Опять от них: дескать, приходите в такое-то время в афганское консульство, которое там-то и там-то...

Нашёл я там афганское консульство, пришёл туда с работником таджикского посольства Нури, который должен был мне переводить. Приходим, нас встречают, разговариваем о том, о сём. Консул талибов при огромной бороде после того как узнал кто я, что я, вдруг говорит: «Если все кыргызы такие как ты, то я тебе друг!» А я ему в ответ: «Если все талибы такие как ты, то я тебе тоже друг!» Посмеялись, получили свои визы, они сами посадили нас в свой самолёт «Арианы», летим, я впереди сидят два важных талиба. Спрашивают нас, кто, мол, такие, откуда и зачем? Рассказываем о себе. Они же оказались двумя министрами, которые возвращались из Давоса. Подружились мы с ними, они и говорят: «Мы своих гостей в обиду не даём, так что будете под нашей опекой!»

Подлетаем за этими дружескими разговорами к Кабулу, и вдруг самолёт снижается и летит так низко, что вот-вот врежется в вершушки гор. Мы перепугались, дескать, ну уж совсем брющий полёт, а они нам объясняют, что здесь под нами всё ещё идут бои с масудовскими людьми, и не дай бог, пустят ракету и самолёту крышка. Дескать, из предосторожности он летит так низко. Так в страхе между ракетой и снежными скалами, сели мы-таки в кабульском аэропорту. Эти министры отвезли нас на своих джипах в «Интерконтиненталь» и сказали, что сами сообщат узбекам о нашем прибытии.

На следующий день к гостинице с шумом подъехали на джипах боевики в чёрных одеждах, с чёрными шахидскими флагами, все при автоматах, гранатомётах. Устрашающее зрелище! Говорят, мы увезём тех, кто приехал, с собой. А талибы говорят, нет, дескать, нам поручено за них отвечать! В общем, договорились, что узбекские боевики заберут нас под гарантию и вернут нас обратно сюда. Забрали нас в этих джипах в центр города, привезли в двухэтажный особняк. Там нас встретил этот самый Зубайр ибн Абдурахман. Оказался небольшим пареньком из Намангана. Поздоровались, поговорили о житье-бытье и начали наши переговоры. Два дня мы говорили с ним. Я всё пытался убедить их в том, что своими действиями они лишь вредят мусульманам как в Кыргызстане, так и в Узбекистане. Мусульман показывают варварами, экстремистами, убийцами. Это развязывает руки властям в их борьбе против верующих. Зубайр стоял на своём, дескать, именно поэтому они встали на защиту попранных прав мусульман, поскольку режим Каримова не понимает ничего, кроме силы. Но мои главные усилия были направлены на переговоры по поводу освобождения заложников, и, прежде всего японских геологов, поскольку их захват бросал тень на Кыргызстан, да и шире, на мусульман Средней Азии. Но Зубайр сказал, что по этому поводу мне придётся говорить с самим амиром – Мухаммад Тахиром Фарруком.

Через два дня с такой же помпой во двор въехал джип Тахира Юлдаша с его телохранителями. Опять все автоматчики в чёрном, опять всё те же шахидские чёрные знамёна. Он уже говорил со мной куда более категорическим тоном. Дескать, это вам не Европа, это талибанский Афганистан, добро пожаловать сюда, где мы с вами будем говорить на нашем языке! Перед переговорами мы помолились вместе, и затем я попытался сказать вот что. Где в Коране, - спросил я, - говорится, что если ты хочешь подраться в своей семье, то для этого нужно перелезть через двор своего соседа. Я продолжил свою мысль о том, что все эти действия лишь приумножают страдания мусульман в Средней Азии. К тому же эта ситуация приводит к тому, что русские возвращаются под предлогом борьбы с терроризмом. Я говорю, а всё это время наши переговоры снимаются на видео его ребятами. А он прерывает меня и говорит: «Вы знаете, что мы Вас можем здесь просто казнить, благодарите Аллаха, что пришло время молитвы, а не то бы Вам не сносить головы...»

Помолились опять вместе и опять сели за прерванный разговор. Я уже теперь поосторожнее, но всё ту же мысль. Дескать, надо освободить заложников, чтобы о вас, да о мусульманах всей Средней Азии не пошла по всему миру дурная слава ... В общем, два дня мы говорили с ним лицом к лицу...

Всё это время моя жизнь висела на волоске. Три раза меня уже хотели убивать, и я уже почти прощался с жизнью. Первый раз пока мы переговаривались, вдруг утром Тахир Юлдаш пришёл со своей радиосводкой и показал её мне. В ней говорилось, что позиции исламских боевиков в Хоите были подвергнуты бомбардировке авиацией. Правда, погиб скот и три человека из местного населения, но Тахир Юлдаш был вне себя: «Мы тут разговариваем с тобой, а твои люди бомбят нас! Нам тоже ничего не стоит казнить тебя здесь напоказ!» Я говорю ему: «Это всё равно, как убивать человека, по имени «Богдан», который, пока называя своё имя, произнёс «Бог», но не успел ещё сказать «дан». Дайте выяснять, потому что я точно знаю, что у Кыргызстана нету такой авиации, которая могла бы бомбардировать... Давайте, я позвоню и всё разузнаю...» Еле уговорил.

Звоню по спутниковому телефону Президенту – не отвечает. Выходной. Звоню начальнику службы национальной безопасности – и того нет. Кому не позвоню – никого нет на месте... В конце концов, связался с одним из генералитета. Говорю вот так и вот так, мне угрожают смертью. Дайте команду, чтобы остановили бомбардировки. А генерал: «Это не мы бомбим, это узбеки бомбят». Я ему: «А что же мне тогда делать?» А он: «Смотри, выбирайся сам как можешь...»

Ладно, уговорил я их, что это не Кыргызстан бомбит их, а Узбекистан. Только успокоил, как другая беда. Теперь уже врываются талибы: «Мы должны казнить его, потому что он выдал нас перед международной общественностью. Мы несколько раз заявляли, что Исламское движение Узбекистана не имеет к нам никакого отношения, а он обнародовал, что переговоры проходят в Кабуле». Я опять за телефон. Оказалось, что это Президент, встречаясь с делегацией ОБСЕ, заверил их, что с японскими заложниками всё будет порядке, дескать, мы послали своего человека в Кабул на переговоры...

В общем, пришлось теперь уговаривать этих, что, дескать, послу нет смерти. Еле-еле уговорил, вмешав сюда своих знакомых министров-талибов и их обещание о моей безопасности. Только справился с этим, как приезжают другие талибы: дескать, они играют тут двойную игру. Вон, в Пакистане в нашем посольстве объявился ещё один Турсунбай, говорит, что он уполномочен вести переговоры от имени Кыргызского правительства...

Так и лавировал я между смертей, пока не заболел. Попросил я тогда ребят привезти мне много луку и наелся этой горечи. Два дня ел этот лук, а в это время приезжает Тахир Юлдаш, и, не выдержав запаха, спрашивает, в чём дело. Ребята и говорят ему, что я всё это время лечил себя луком. Тогда он произносит хадис, о том что человек, наевшийся луку не должен показываться на людях, а люди не должны навещать такого и начинает отчитывать своих людей. Те в испуге смотрят волками на меня. Дай команду – разорвут на части... Я же говорю: «Простите, это я виноват, так меня учили выживать в нашем кишлаке старики»... Насилу простил...

Но, как говорится, если Аллах не предписал смерть, то ей и не бывать. В конце концов, после этих переговоров, страхов смерти, болезни, меня свозили в провинцию Логар, в их лагерь, где показывали их огневую подготовку. Я и сам пострелял из их оружия. Словом, договорились мы, в конце концов, что мне дадут письмо от Тахира Юлдаша к Джуме Намангани об освобождении трёх заложников. Я говорю, уж коль скоро я прошёл через столько смертей, дайте хотя бы пятерых... Тогда Тахир Юлдаш сказал мне, что во власти Джумы прибавить мне ещё двоих заложников, если я сумею его уговорить. Тогда-то я и понял, что власть Тахира Юлдаша не распространяется полностью на Джуму. Дали мне это письмо, и мы вылетели с Нури в Душанбе.

В Душанбе нас встретили у самого самолёта вооружённые боевики оппозиции из двадцать четвёртой гвардейской части. Там мы встретились с Давлатом Усмоном, с Ходжиақбаром Туражон-задой, а потом и с Саидом Абдулло Нури. Саид Абдулло Нури восхитился нашими способностями, оказывается даже ему не удавалось убедить Тахира Юлдаша идти на уступки. «Он мой ученик, но уговорить его пойти на попятную почти невозможно!» - сказал он тогда. Я попросил его оказать нам помощь – доставить через территорию Муллы Абдуллы, который не подчинялся никому – ни правительству, ни оппозиции, в Хоит – к Джуме Намангани. Он дал нам машину и вооружённых охранников, хотя настрого предупредил не останавливаться ни на секунду нигде, а ехать безо всяких задержек в Хоит.

И вот мы выехали в путь. Проехали, не останавливаясь, место, которое называлось Комсомолабадом, ещё какие-то места. Время близится уже к полдневной молитве. Я говорю водителю, мол, давайте помолимся, а заодно и пообедаем. Нет, - говорит, не велено. Дескать, территория не наша, могут перестрелять... Ни в какую не соглашается. Но вот велик Аллах! – вдруг у него прокалывается баллон. Не так, так эдак приходится остановиться. Пока он менял баллон, мы успели помолиться, слава Богу, никто нас не обстрелял. Перекусили и тронулись дальше.

Почти к вечеру въехали в Хоит, где нас встретили люди командира по имени Шах Искандер. Отвезли к нему. Мы объясняем, по какому поводу приехали сюда, дескать, нам нужно увидеться с Джумой Намангани, у нас к нему письмо от Тахира Юлдаша. Не знаю я никакого Джумы-пумы! Нету здесь никакого Джумы, - говорит нам Шах Искандер.

Правда, почти в полночь он объявляет нам, что нашли кого-то среди камней и через некоторое время на американских Джипах приезжают узбекские боевики. Опять вооружены до зубов, опять всё те же чёрные шахидовские флаги... Забирают нас. Кажется, Юнус был их командиром... Увозят нас ночью в горы. Непонятно куда. В конце-концов, привозят в дом с огромным двором – это был дом Джумабая Намангани, лишь въезжаем во двор, десятки охранников кричат навстречу: «Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!» Провели нас к нему, там, в ичкари видим – его дети, жена... Он сверлит нас глазами: очень тяжёлый, безжалостный взгляд. Как будто видит нас насквозь! Я передаю ему письмо от Тахир Юлдаша, объясняю, кто я такой и зачем приехал сюда...

Очень суровый человек. Быстрый на гнев. Кричит: «Что это твои по радио хвалятся, что набирают мергенов-добровольцев? Пусть придут сюда в горы, если смелые. Головы поотрываю всем! Это они там, у себя в кабинетах смелые! Вон, твой генерал у меня, как миленький, радуется тому, что я ему голову не снял!»

Прочёл он письмо, а я ему: «Вот, мулла Тахир сказал, что в вашей власти добавить ещё двоих заложников...» Лучше бы я этого не говорил тогда... Он вскакивает и кричит: «А хочешь, я тебе голову размозжу», - и наставляет на меня пистолет... Я ему говорю, что всё в руках Аллаха и если суждено моей голове быть размозжённой здесь, то и на это его воля, но пришёл я сюда не по свою голову, а чтобы помочь невинным людям... Он говорит: «Невинных мусульман мы отпустили сразу, как только они прочитали нам шахаду! Здесь остались только военнопленные!»

В общем, он так, я – эдак. Всю свою дипломатию пустил в ход. В конце концов, он сказал своим телохранителям: «Оставьте нас двоих!» - и те вышли из комнаты. «Ты, - говорит он, - нашёл ключ к моему сердцу!»

Словом, следующим утром поехали мы в моджахедовский лагерь в горах. Там я увидел и своего генерала, и остальных. Генерал совершал омовение. Выдали мне пятерых заложников, а я опять: «Прибавьте мне хотя бы одного японца впридачу...» Джумабой опять вскидывает пистолет и говорит: «Расстрелять тебя или же прибавить к вон тем!?» - и показывает на этих самых своих заложников. Короче говоря, быстрый на гнев человек...

Выдали мне тогда пятерых, а потом, позже ещё девятерых. А о японских деньгах, которые заработали на этом и кыргызский и таджикский официоз, я говорить не буду...

Глава сороковая

Вы знаете, каково переходить через государственные границы? Не такие, какие между, скажем, европейскими странами, когда едешь в машине и вдруг обнаруживаешь себя в другой стране, а через таджикско-афганскую границу, которая охраняется российскими пограничниками. Где стреляют без предупреждения, и не в воздух, а на поражение.

Сколько мне рассказывали способов перехода: от подкупа пограничников, особенно же погранцов таджикской национальности – этим способом пользовались в основном командоны, когда их не переправляли правительственным вертолётом по воздуху, до боевой перестрелки, тогда отряд стрелков отвлекает пограничников огнём на себя, тогда как лазутчики, пользуясь перекрёстным огнём, ползут и плывут под покровом ночи, вспоротой трассирующими очередями, на ту сторону.

Но Ёсир перебирался в Афганистан со своим бывалым напарником Джафаром на свой страх и риск. После того, как их перебросили в Тавилдару, а оттуда на ишаках они вышли ущельями к приграничью, ранней ночью, одевшись потеплее, они вышли в горы, которые Джафар знал как свои четыре пальца. Пятый – указательный палец ему оторвало именно здесь в одной из перестрелок. И хотя он всегда относился к тем новичкам, которых ему приходилось перебрасывать на ту сторону, как к обузе, но сам процесс перехода границы, в чём он был профессионалом, давал ему ту долю удовольствия и удовлетворения, которую вряд ли возмещали сто или двести долларов, выплачиваемые ему за эту операцию. Он обычно кратко инструктировал своих подопечных, а дальше полагался на их беспрекословное подчинение и слепое копирование того, что он делал сам.

И впрямь, как иначе могли вести себя эти, пусть и здоровые, опарыши, которые вжимались в каждую кочку всем своим нелепым телом, ожидая то ли быть изрешеченными пулями, или унесёнными ещё не мутным, ледяным потоком.

И всё же при всём при том, не так чувствовал себя Ёсир. После ташкентских взрывов, которым хоть и обрадовались в Хоите, и первоначально покуражились, считая их своими, но потом по жёсткому приказу командира Джумы открестились, считая это провокацией Каримова, так вот после этих самых взрывов, а ещё более после убийства 17 хорезмийцев Ёсир впал в такую депрессию, что если бы пуля оборвала ему жизнь здесь – такое было бы легче снести, нежели саму жизнь. Ведь и на границу он попал, ища свою смерть, окликааясь на её первый зов. Поэтому он впервые ответил Зубайру, который уже давно хотел занять его при себе – при своём только что открытом идеологическом отделе. После разгрома организации и ареста её бывшего пресс-секретаря краснбая Абдулазиза Мансура стали выдвигаться в первые ряды неприметные, неяркие ребята наподобие этого самого Рустама Махмудова по кличке Зубайр, и им во что бы то ни стало нужны были светлые головы. Впрочем, Ёсира давно мог бы «вывести в люди» и сам амир Мухаммад Тахир Фаррук, но Ёсир всячески прятался до последнего времени за свою задачу – собрать «летопись» узбекской хиджры – бегства тысяч людей, чьи скорбные рассказы он записывал в тетради – одну за другой.

Но вот теперь он шёл, казалось бы, в Афганистан, а на самом деле искал свою смерть. Потому в холодной и углубляющейся ночи, когда они выжидали самый неудобный для пограничников час, что ближе к предрассвету, нежели к полуночи, его тело выпирало из-за обреза скалы неподвижным абрисом, раздражая и в то же время успокаивая Джафара. Каких только «моджахедов» он не видел: бесстыдно и невольно накладывали в штаны, покрывались в холодной горней ночи такой испариной, что снег вокруг них начинал таять, грозя сходом, другие тянули его назад, обещая вдвое большую сумму, нежели заплаченную за переброску. А этот сидел, как примороженный и ни слова не говорил...

Время в горах течёт по небу: вдруг обнажится огарок луны и скользнёт обмылком по мокрой вате грязного облака, то эти самые облака зашевелиятся, заваливая под собой едва приметную луну: одно небо здесь изредка суетливо, если не считать обычных людей. Но люди появляются здесь по ночам редко. И те, кто появляются, могут заметить, как время в это редкое мгновение спрыгивает на землю – во внезапно освещающуюся воду, в лёд – резко отражающий лунный отблеск, в испуганно озирающиеся глаза...

В человеке сидит всякий зверь: змея, бесшумно ползущая к шуршащей реке, кошка, мягко пробирающаяся следом, ондатра, плывущая одной головой, но более всего в человеке сидит сам человек – пугающийся всякого шороха земли, а более всего – другого человека, который наточил на тебя нож или нацелил снайперскую винтовку. И всё же есть состояние, когда ты зазываешь эту опасность на себя: останавливаешься и ждёшь. И в это мгновение ты понимаешь, что ощущение всякой опасности связано с движением: змеиным, кошачьим, ондатровым...

Так и Ёсир встал во весь рост на том берегу Пянджа, как суслик, собирающийся вдруг засвистеть, пока Джафар не сбил его всем телом вместо заспинного ножа или заплечной пули. Он что-то шипел, но не громче стекающей с одежды воды, и волок бесчувственного Ёсира по резкой земле...

Позже, намного позже Ёсир вспоминал эту реку, как вспоминал реку своего детства, через которую ему, только что научившемуся держаться на воде, предстояло однажды переплыть: как он смотрел день за днём на тот близкий и недостижимый берег, где изучил все коряги и камышины, за которые мог бы уцепиться, как, наконец, он решился и забарахтался изо-всех сил, устав, ещё не доплывая до половины, как на середине реки все силы оставили его и он уже представлял, как река подхватывает тело, полное воды, и несёт легко-легко вниз по течению, к дальним плотинам, но какой-то страх, ударивший из сердца, задвигал судорожно его руками и ногами, и он очухался уже в густой пыли, с подхохочущими лицами старших, к которым он теперь приобщился...

Но только теперь та самая преодолеваемая уязвимость превратилась в бремя, наподобие бремени Вечного Жида: теперь его не брали ни огонь, ни вода...

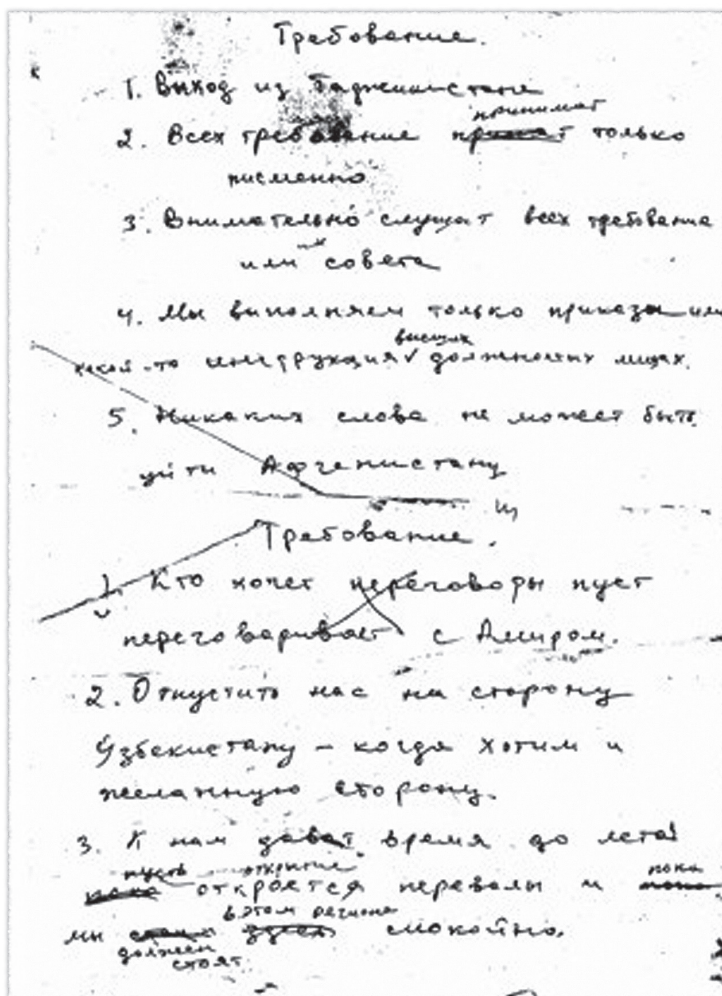

Глава сорок первая

adashdim, adashdim, yomon adashdim
tashimda yo'limu, ichimda dashtim
biriga kirolmay, biridan chiqmay,
qiziltan shafaqmi, yoki habash tun? ³⁹

Belgi

Вот ещё два документа из того времени. Это своего рода ультиматум ИДУ, который никогда не был объявлен публично, но показывает ход мысли Джумы Намангани и людей вокруг него.

Требование

1. Выход из Таджикистана.
2. Все требования принимать только письменно.
3. Внимательно слушать все их требования или совет.
4. Мы выполняем только приказы или какие-то инструкции высших должностных лиц.
5. Никаких слов не может быть об уходе в Афганистан.

Требование

1. Кто хочет переговоров пусть переговаривает с Амиром.
2. Отпустить нас на сторону Узбекистана – когда хотим и в желанную сторону.
3. нам дать время до лета, пусть откроются перевалы и пока мы должны стоять в этом регионе спокойно.
4. У нас нет дел, чтобы вмешиваться во внутренние дела Таджикистана, и не хотим вмешиваться. Для этого мы несколько раз выполняли ваши требования и уходили в Афганистан. В этот раз мы не будем уходить кроме как в Узбекистан.
5. Все угрозы нас не касаются. Если не принимаются наши требования и государства начинают войну, мы к этому готовы и желаем мученичества (т.е. готовы стать шахидами).
6. Если начнётся национальная война здесь, то может выйти такая же война в Узбекистане, потому что в этой стране живёт около/более 10 млн таджикских национальностей. Если будет война, тогда только могут умножиться разные проблемы.

³⁹ *Заблудился заблудился страшно заблудился я
вне меня мой путь а внутри моя пустыня
не умея войти в один и выйти из другой
это краснокожий ли закат или ночь-аббисинка?*

Это же подтверждал в своём радиointerview Амир ИДУ Мухаммад Тахир Юлдаш:

ТЮ: Эта встреча с Российским правительством состоялась по просьбе правительства Таджикистана, и они были всегда посредниками. От нас потребовали уйти в Афганистан. Мы не согласны уходить в Афганистан. Мы, иншааллах, готовы вернуться на нашу родину. Мы ещё не приняли никакого решения. Они объявили это решение преждевременно. Пока всё ещё продолжаются переговоры.

Вопрос: Вы говорите, что не готовы уйти в Афганистан, но ведь у вас и в Афганистане есть сторонники, не так ли?

ТЮ: Да, там есть наши сторонники, там есть беженцы, они не только в Афганистане, а во многих странах мира, и они считают себя членами нашего движения.

Вопрос: Вернёмся к вашим боевикам в Таджикистане. Если брать во внимание, что они вооружены, то ООН или другая международная организация не может служить посредником для вас. Каким образом тогда вы хотите вернуться в Узбекистан?

ТЮ: У нас ответ один. Режим Ташкента не понимает другого языка кроме языка оружия. Мы долгое время предупреждали об этом и через ООН, и через международные правозащитные организации, на протяжении семи лет мы предупреждали их: не будьте лишь зрителями того гнёта, который имеет место в Узбекистане, мы говорили, что последствия этого будут серьёзными.

Вопрос: Есть довольно распространённое мнение, что большинство мусульман Узбекистана не поддерживают вас, что вы представляете собой группу из нескольких десятков людей.

ТЮ: Если б мы были группкой из десятков людей, то какая необходимость в приезде Госсекретаря США, Россия с четырьмя странами могла бы в таком случае уничтожить этот десяток людей. Но, слава Аллаху, наша сила – это сила тайфуна, перед которым не устоять режиму Каримова.

Глава сорок вторая

Человек каждую минуту носит всю свою жизнь при себе. Только выявляет он это редко. В Афганистане, в ту самую первую «ходку» Ёсиру чуть ли не каждую ночь снилась Эльмира, бывшая жена бывшего поэта и его бывшего приятеля Эльёра. Она была артисткой московского областного театра, мечтавшей о славе и зарубежье, Эльёр же после распада Союза уехал в свой узбекский Казахстан, заниматься бизнесом, оставив её с трёхгодовалым сыном, и больше не появлялся.

Белги видел её в те годы лишь однажды, и то мельком, на узбекском концерте в Колонном Зале Дома Союзов: она была беременна, и, кроме того, что она кончает ГИТИС, ничего из той встречи не запомнил. Вокруг тогда ходило столько юных красавиц, ради которых стоило писать стихи, чем, впрочем, и Белги, да и Эльёр в то время и занимались, что трудно было бы обвинить его в небрежении.

Однако Союз распался, кто оказался где, и с каким паспортом, и в девяносто шестом году, направляясь через Москву в Бамберг на ту самую нашу встречу, Белги между делом позвонил Эльёру, чтобы увидеться, покалякать, только трубку взяла его жена и сказала, что Эльёра давно уже здесь нет, что уехал, мол, в Казахстан, и тогда Белги впервые обратил внимание, как обволакивающе игрив голос этой артистки, как идёт он волнами из груди... Или всё это было командировочным вымыслом? Не знаю, но Белги держал тогда разговор дольше обыкновенной вежливости, и даже дольше восточного приличия, разговаривая со всё ещё не разведённой женой своего друга об изменившейся жизни в Москве, о каких-то литературных прожектах, и к чему-то приплёл, что звонит-де из изначальной охоты порекомендовать Эльёра тот самый круг «утончённых», но который наверняка не будет ограничен лишь писателями и поэтами, а может случиться, что и художники, архитекторы, **артистки** тоже станут вовлекаться... Словом, добился он тогда права ещё на один звонок после Бамберга, но теперь звонок адресованный не Эльёру, а Эльмире... Ох, уж эти мужские хитрости...

Из Бамберга мы возвращались вместе, с нами был и Алтаэр Магди, который тут же из Шереметьево улетел в Ригу, на какие-то собственные чтения, и в Москве мы остались одни. Поселились мы в гостинице «Мир», в двухместном номере. Я писал в то время своих «Курсантов и курсисток», а потому сразу убежал в Ленинку, Белги же все дни оставался в номере: дескать, отстоюсь немного, если же меня не будет вечером, то не беспокойся, ушёл к друзьям... И всё же, как правило, когда я возвращался из своей Ленинки, он всё так же сидел в номере, правда, пару раз, возвращаясь по забывчивости то ли за оставленным читательским билетом, то ли раньше положенного времени из-за каких-нибудь

санитарных дней, я непреднамеренно заставал его телефонным разговором: и много ли нашему брату писателю надо – быстро ощутил, что на другом конце провода та самая «роковая» женщина...

Кто она – я не знал, да и не стремился особо узнать, просто я видел некое мучение в поведении своего нового друга: что-то его угнетало в этом телефонном отношении.

Но в один из вечеров Белги пригласил меня к своему другу – знаменитому художнику Шавкату Абдусаламову. Я, конечно же, знал по имени этого человека, работавшего с Андреем Тарковским над «Сталкером», но никогда до этого времени не встречался, а потому понятно, что я сдал все свои книги сразу же после полудня, и стал избивать время в городе, медленно приближаясь в сторону Киевского вокзала, где мы и должны были бы встретиться с Белги, чтобы пойти в мастерскую художника. Вместо шести часов, при всей моей неспешности, я оказался на вокзале ещё до пяти, а потому целый час вызывал законное подозрение каждого прохожего милиционера и татарское раздражение каждого носильщика, под ногами и колесами, которых я нелепо путался.

Мы должны были встретиться в шесть, но без пятнадцати шесть Белги подошёл ко мне с незаметной стороны в компании удивительно красивой девушки, которая не ожидая даже представления, сама протянула руку и непринуждённо сказала: «Эльмира». Всё в ней было приметно: и игривое веснушчатое лицо, и голос, идущий как будто не вовне, а затягивавший внутрь, и стать, и точённая фигурка, как говорили в наше время. О такой Наверное сказала безвестная советская поэтесса свои известные строки: «При ней все женщины ревнивы, а все мужчины - неверны...» Больше всего же в ней поражала девичья непосредственность, природность, которые были совершенно чужды женского намеренного кокетства. При ней хотелось быть услужливым даже вопрекор дружбе или интеллектуальному любопытству. Поэтому я мало что помню из нашего вечера у художника Шавката Абдусаламова, мне даже показалось, что и мэтр всё больше говорил в её сторону, куда смотрели и наши глаза, куда слушали и наши уши...

После этого вечера Белги ушёл её провожать, а мы с Шавкатом Абдусаламовым как-то молчаливо дошли до ближайшего метро и разъехались каждый по своим сторонам. В ту ночь Белги в гостиницу не пришёл, а наутро, оставив ему записку, я улетел в свой Ташкент...

Позже, уже совсем недавно, я прочёл с теми же самыми друзьями – молодыми узбекскими поэтами «Московскую тетрадь» Белги и тут же распознал в ней те самые горечные первоосенние дни, в которых я оставил своего друга наедине с его грешной любовью...

Глава сорок третья

В Кабуле – в двухэтажном особняке на Вазира Акбархона – штаб-квартире ИДУ, Ёсиру было поведено, что ташкентские взрывы – это дело рук самих узбекских властей: де, мы готовили свой джихад, но готовили на более поздний срок – ко времени, когда в горах растает снег, и когда все другие условия для вторжения будут готовы. Ёсир, только что прибывший из Хоита, знал, что хоть и май близился к концу, но снег всё ещё лежал не только на вершинах, а и по склонам всех окружающих гор.

Ладно, Ёсир внутренне поверил тому, что взрывы – это не их рук дело, но как же тогда с 17 только что убитыми хорезмийцами, весть о которых дошла и сюда, до Кабула... Зубайр по этому поводу писал всякие заявления и готовился ко всяким интервью, утверждая, что и это была провокация узбекского СНБ, заславшего в ряды ИДУ своих лазутчиков... Но этому Ёсир уже не верил.

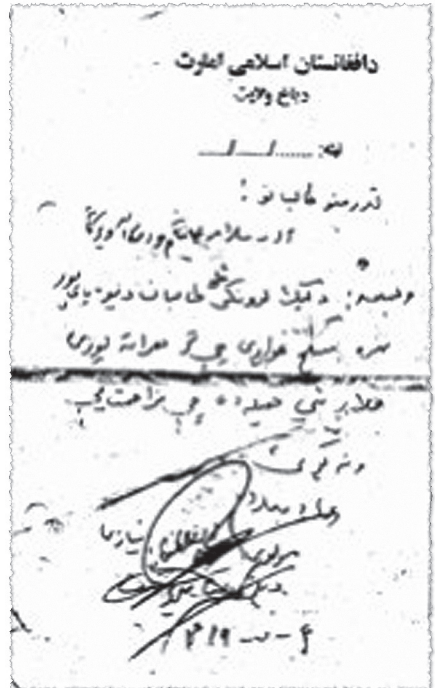
И хоть работал он день и ночь с Зубайром над фильмом, условно названным «Нидо» - «Стон», но мысли его постоянно возвращались или в Хоит, или же ещё дальше – на родину. Они ездили из части Афганистана в другую, поскольку узбеки теперь распространились повсюду, вот с таким документом в руках:

Исламский Эмират Афганистана Виляят Балх

Здравствуйте. Предъявителям этого письма группе из четырёх талибов разрешено ношение оружия, и они направляются в Герат. Просьба не вмешиваться в их дела.

Ниязи, администратор
провинции Балх
14.7.1419

Часть этого фильма снималась среди узбекских беженцев в Кабуле, и в особенности в двух тутошних медресе,

открытых ИДУ: «Мавераннахр» - для взрослых студентов и «Имам Бухари» - для детей. Чему удивлялся Ёсир более всего – не тем страшным рассказам, к которым он как-то привык, а той гигантской организаторской махине ИДУ, которая не только оправилась от ощутимых февральских потерь, но казалось, набирала ещё большие обороты. Откуда, каким образом – ведь вокруг были все те же – по большей части неяркие, непроступающие люди, каких он знал сызмальства, неужели всё это – Тахир Юлдаш? Или же за ним стоят какие силы, о которых Ёсир и не догадывается?

Я часто думаю, почему же Ёсир не сделал карьеру в рядах Исламского Движения, ну почему бы не стал хотя бы пресс-секретарём движения? Ведь это придало бы колоссальный эффект авторитету организации! Простая зависть окружающих? Тех самых неярких и непроступающих? Или незнание ему настоящей цены, как это было с Юсуфом в Египте? Не потому ли в предыдущем стихотворении Белги и говорил о яме Ханаана? Да и откуда им было знать, что в это время Белги переводят на многие европейские языки, ведь никто об этом по радио не сообщает.

И всё же мне кажется, что не во всём этом дело, дело в самом Белги – Ёсире. Да, воля каждого в этом движении могла и не принадлежать самому себе, уходя в подчинение наверх, но я не думаю, что так было в случае с Ёсиром. Я всё же думаю, что жизнь поэта тем и отличается от жизни обыденного человека, что его воля всегда в его собственных руках. Даже тогда, когда кажется, что она принадлежит другому.

Вот ещё пара газелей того времени, доставшаяся мне на изучение:

*Voy menga, men yor tugul, oshiq'ig'imni topmasam.
Dil qattiq, ruh beqaror, aql qasdidan ichmish qasam.*

*Yo'lga jur'at etmayin, zulmatga ko'rsatmay qarom,
Ro'siyohlik ichra ko'lkamdek ziyodin tarqasam.*

*O'zgalar ishq ichra hijronda, alarga vasl umed,
Vahki navmidlik umedig'a meni qo'ymas rasan.*

*Do'st eshitmas, ko'r raqib, sog'arni ag'darmish sabo,
O'z-o'zim go'yo Husaynni mosuvo etmish Hasan.*

*Bu tamosho sahnig'a beiznu nokas Belgidek:
Borchag'a bir va'da ne erdi? – deya dod aylasam...*

Её подстрочный перевод таков:

*Увы, мне, когда я не то чтобы возлюбленную/Бога,
но саму мою влюблённость не могу отыскать,
Сердце жёстко, дух неприкаян, ум зарёкся в мести.*

*Не осмеливаясь на путь, не показывая тьме своей тени,
Коль я рассеиваюсь, как тень моя от света, п
осреди черноличия.*

*Другие в разлуке среди любви, им свидание надеждой,
Ах! Даже, к надежде безнадёжности меня не пускает цепь.*

*Друг не слышит, слеп противник,
чашу опрокинул утренний ветер,
Я сам по себе как Хасан, избывший Хусайна.*

*На сцене/дворе этого представления как непрошенный и
безличный знак/Белги:*

«Всем одно обещание было о чём?» - говоря, если я взвою.

И вот вторая газель:

*Ro'zi maxshar bir o'zanmish, bu o'zan suvdin xalos,
Men xaloyiqdin uzilgach, oqdi xalqu qiy-chuvvos.*

*Men xaloyiqdin uzoqlashgach, ko'zum xalqda hamon,
Ko'rmisham uzluk xaloyiqdin yelar o'tru ovoz.*

*Bu ovoz – to'fon ovozidir, o'zan boshida sel
Yu'lda ne tursa buzub, bilmas na ko'pruk, na g'avvos.*

*Sel emas, to'fon teyish, Bahri Muhit o'tru qo'par,
On o'tar, mango yetar deb, o'grulub boqsam bexos,*

*Bu o'zanning bu boshidin ham xaloyiqni yuvub,
Egizi Bahri Muhitning men tomon itqir haros.*

*Fursate o'tkach ikki yondin ikki mudhish to'fon
Zarbae larzona olamda meni aylar taroz...*

*Mavlaviyu Shamsi Tabriz ruhidin Belgi o'lub,
Yolborarman koshki ko'kka sachrasa ko'puk xolos...*

*День Светопреставления будто бы русло,
это русло свободно от воды,
Когда я оторвался от народа/толпы, потекли и народ,
и шум и крики.*

*Когда я отдалился от народа/толпы,
глаза всё ещё на народе,
Я увидел, что от разорванного народа/толпы отдельно
несётся другой звук/голос.*

*Этот звук/голос – звук/голос тайфуна, в начале русла сель,
Снося всё, что на пути, не знает/не признаёт ни моста,
ни водолаза.*

*Не сель, подобен тайфуну, океан встаёт навстречу,
Мгновение пройдёт, меня достигнет, - думая,
когда я обернулся невольно,*

*У этого русла и с этого конца смывая народ/толпу,
Близнец/двойник океана в сторону меня швыряет страх.*

*Через мгновение с двух сторон два ужасающих тайфуна
В мире сотрясения ударов меня превращают
в равновес/весы.*

*От духа Мевлеви и Шамси Тебризи становясь/умирая
знаком/Белги,
Умоляю, кабы в синь брызнула хотя бы пена...*

Не стану разбирать этих двух стихотворений, но именно они дают мне понять состояние духа Ёсира после взрывов в феврале 1999 года, и они же объясняют многие из тех заковыристых вопросов, что я задаю себе, начиная от того, почему Ёсир не добился никаких видимых позиций в иерархии ИДУ, и с другой стороны вплоть то того, почему он всё-таки пошёл на войну как боевик, как моджахед.

Глава сорок четвёртая

О том, что среди боевиков первой баткенской войны был неразговорчивый молодой человек, к которому все обращались по имени «Ёсир» мне рассказал тот самый переводчик японских геологов Омурбек, проведший среди моджахедов в плену почти два месяца. Я не сказал, что Ёсир, а вернее, Белги, или ещё точнее Асрор Абутов был профессиональным военным. Офицером-танкистом. В свои семнадцать лет как молодой человек, выросший в сельской местности и между делом научившийся во время производственной практики, а еще больше на задворках своего МТС, за которым он жил, водить все виды тракторов: от трёхколёсных «Беларусей» до гусеничных «Владимирцев», в военкомате он был рекомендован в Чирчикское танковое училище, и мать его, тогда уже доживавшая свои последние годы, обрадовалась тому, что сын будет служить ни где-нибудь на Чукотке или в Германии, а неподалёку, да и потом приобретёт профессию, которая его сразу же начнёт кормить, и потому лишь только обрадовалась этой рекомендации, Асрор сразу же после школы уехал в Ташкент, сдавать экзамены.

Когда он учился на третьем курсе, умерла его мать, оставив сиротой не только его, но и семилетнего брата, которого тогда забрала бабушка, а потому, заканчивая военное училище, Асрор, честно говоря, раздваивался в своём выборе. С одной стороны к тому времени уже вовсю закрутились афганские события, и ему, как молодому офицеру, конечно же «рвалось» в Афган, но с другой стороны, ни большая бабушка, ни малолетний брат, могущий остаться безо всякого присмотра, не отпускали его воображение на поле боя с «духами», как их называли бывалые офицеры, привозившие на тут же открытые краткосрочные курсы афганских новобранцев.

Правду сказать, в Афганистан он порывался сразу же после того, как туда ввели войска – это было на втором курсе, но их хотя и подняли по «тревоге», всё же дальше Чирчика не вывезли. А потом пошли цинковые гробы, но самое худшее - как я сказал - умерла мать, переживая, что её сына уж теперь точно заберут в Афганистан, и к тому же, как я также сказал – в их училище завезли партию тех самых афганских новобранцев, которые уж никак возвращаться в свою страну на танках не хотели, и как-то первый порыв войны стал сходить в нём на нет, хотя внутри всё ещё что-то зудело.

Он кончил училище на красный диплом, и потому у него в каком-то смысле был выбор, а там и комбат вызвал перед распределением к себе и сказал, что хочет рекомендовать его на те самые курсы, преподавать искусство вождения танка тем самым новобранцам, что приезжали сюда в чалмах и шароварах. Так Асрор остался в Чирчике.

За год после окончания училища он поседел: почти половина тех, кого он обучал – погибли – кто на mine, кто от «Стингера», кто от ножа, другая половина – говорили – перешла на сторону моджахедов, но такое происходило не только с его учениками – это было сплошь и рядом, так что всё это вряд ли могло породить сомнение в его личной квалификации. Да вот по части личной души он сдал. Он пошёл к полковому врачу, тот прописал на целый месяц «воротник по Щербе», но кошмары и галлюцинации продолжали мучить Асрора и, в конце концов, через полтора года после окончания училища, его комиссовали по состоянию здоровья.

Первое время после отставки он переехал поближе к Ташкенту и стал прирабатывать в местном ДОСААФе помощником инструктора. Тогда же он решил забрать своего семилетнего братика к себе. Благодаря Алтаэру Магди, я располагаю несколькими коротенькими рассказиками Асрора того времени, которые показывают в какой-то мере, как начинался поэт Белги. Я должен сказать, что тогда Асрор писал по-русски.

Глава сорок пятая

Вариации на тему «Акварели»

Allegro. Vito.

День был хороший-прехороший. С самого утра. Он бежал вприпрыжку в школу и увидел брата. Потом, когда брат стоял с ним, сбежались мальчишки и стали его звать. Он побежал с ними, и все вперебивку стали расспрашивать его о брате. Он большой, красивый и одевается лучше всех здесь. Правда, приезжает не так часто, но он ведь говорит, что у него очень много работы. И потом, он учится. Вот и живёт в городе. В 9-этажном доме, на самом-самом верху. Он не заметил, как обманул, а пацаны и подавно. Он сказал, что каждое воскресенье они с бабушкой ездят к брату, только ведь он ещё ни разу у брата дома не был.

Уроки тянулись долго. А у него всё мельтешило перед глазами и пропадало, и снова появлялось. И здорово, его сегодня не спрашивали – это он мельком подумал, взбежав из тёмного и уже пахнущего керосином коридора. Была суббота, и уборщицы постарались. Пол даже в темноте желтел и холодел на целых полтора дня.

А на улице было солнечно. Солнце было в разгаре. Там под забором мальчишки играли на высохшем асфальте в орехи. Он бы их всех переиграл, только ему нужно быстро домой. Брат может быть ждёт. И, может быть, что-нибудь ему привёз.

Быстро напекло голову, он перешёл в рассечённую тень голых деревьев, и хоть ему вдруг вспомнилось, что сегодня было целых 4 урока, а день как будто только начался. Правда, как вспомнишь бабушку, которая кричала из-за калитки: «Смотри, не слоняйся без толку! Как только кончатся уроки – мигом возвращайся!» - это было где-то вдалеке, как во вчера, в позавчера. Но когда приезжал брат, он ничего больше не хотел и ничего не боялся. Мчался со всех ног, скорей бы расспросить, когда брат его заберёт с собой в город.

В городе он был два раза. Давным-давно, когда брат привёз его сюда. И потом ещё раз, когда у бабушки умерла сестра. Первого он почти не помнил, а второе – как они шли с бабушкой, прижавшись к стенам, а повсюду мчались машины, разные-разные, и трамваи, и троллейбусы, и было много-премного людей, и все красиво одетые, особенно дети их, а бабушка одёргивала его и торопила. А потом, у её сестры, когда все плакали, усевшись в комнате, он за сараем подружился с Суннатом, который оказался его двоюродным братом. И Суннат, в спортивных брючках и красных кедах, показал ему «шпагат», а он вынес ему урюку, что они с бабушкой привезли из дому, просто так, по дружбе.

Проехали три машины, и он быстро перебежал улицу. Потом, у книжного киоска он вспомнил, что брат обещал привезти ему цветные карандаши, и всё вокруг засияло цветами. Снег - синей корочкой в тени самых дальних углов, а вся дорога – рыжая полоса солнечного, начинающего попылывать, асфальта. Он стиснут и приподнят чёрной – от выступившей влаги – землёй, с обеих боков, а деревья – с облезшей извёсткой на туловище, топырят голые прутья в небо. Сизовато-красные на вишнях, и подёрнутые пыльной зеленью на тополях.

Сегодня, посреди зимы, так солнечно, что хочется бежать со всех ног домой.

От брата тоже всегда так. Щекотно в ушах и хочется перебивать, рассказывать всё-всё самому. А лицо становится тёплым, и особенно нестерпим щекам. Они горят и обжигают себя изнутри. Бабушка его всегда ругает, когда он ластится к брату: «Не видишь что ли, брат устал. Сел бы и слушал, что взрослые говорят. Никогда я тебя не научу приличию...» А брат молчит.

Потом только, когда они ложатся в постель, брат его спрашивает: обижал ли кто его, и чего у него ещё нет. Брат каждый раз что-нибудь ему привозит. Он... он... ласковый. И мальчик его очень любит. И он бежит, сломя голову, к брату...

Вариации на тему «Акварели»

Adagio

Небес – на все глаза. До самого краешка земли. Туда, к неслышной дали, где горы сизыми стайками толпятся у подножия взмывающей обратно ввысь настоящей синевы. Тополёк у окошка выписывает по синему полотну мелкие завитушки; застрявший в нём воздушный змей сонно водит красным, связанным в узел тряпичным хвостом; газетка жёлтой горбинкой из стоячей воды арыка, и... неожиданно много солнца.

И в этом солнце копошимся мы.

- Малышу нужно учиться, заниматься рисованием, музыкой. А что ему здесь?!

Лицо у бабушки сдавленное, жёлтое подёргивается пятнами по нему. Малыш жил у ней последние годы.

Я помню, давным-давно, в густой солнечный день я привёз его маленького и грязенького в этот дом. Дом был насухо жизнерадостен. Теперь тут загнанная с улиц сырость, и совсем некстати опять в окошке выпучившееся солнце, на улице пахнет мятой глиной, уже не липнущей к ногам, мягкой и влажной даже через ботинки. А скоро по ней окропом пятна отсохших комков, и долго не заравнивающиеся колеи.

Она кормила меня, поила. Не важно, как было, я теперь взрослый. Она последние годы кормит, поит брата. Не важно, как, но я приехал сегодня забрать его навсегда.

В доме который год тихо.

Малыша нет. Он в школе. Я шёл сюда быстро, не озираясь, поворот дал мне его. Лицом в лицо. Он бросается, малюсенький, кисточка, всем существом, он мой брат.

В доме липуче сыро.

Худенький мой братик. Прохудившиеся штанишки.

Окно выставляет бабушку. Портретная рамочка, светлая до слепоты, вот-вот лопнет от тяжести схваченного. Грузное, оплывшее тело - тёмным навалом, и только руки в светлом шорохе мнут листок бумаги. Лица давно не видно. Опять врывается небо.

Моя последняя бабушка. Если б карандаш и бумагу, то было б куда девать руки – лицо пухнет из-под них, выпирает... И повесить этот рисунок на самую голую стенку.

Она встаёт.

Она идёт, не шевелясь, к печке, только кучка дров сухо вскрикивает. Растопить печку. В такой обильный на обмякшее солнце день.

Тише...тише...тише...

Громче! Громче!! Громче!!!

То бежит по лужам солнца темнокожий мой братик. И я медленно выхожу из чёрных дверей.

Вариации на тему «Акварели»

Piano

Эта зима была длинной, с самого октября, когда вдруг, в один вечер наплыли тучи, и два дня, не стихая, шёл тяжёлый снег. Он ложился на пожелтевшие ещё наполовину деревья, сминая их и зарывая; сарай, ненакрытый толем, завалило, и уголь остался под снегом. Холод был пронзительным и долгим, откуда-то из пустых углов. И не во что было больше укутаться, наваленные тюфяки душили, и кости начинали ныть изнутри, а окно – день ли, вечер ли – одинаково серело – и нет, не пугало, - выматывало, как это нытьё засевшей боли, горечи ли, обиды невесты на что, застрявшей в горле.

Двор, тот, который радовал память, иногда, в свежий воздух, нанесённый с полей, теперь уже, заброшенный сугробами, цеплялся, окружал медленным холодом одиноко тихие минуты; да, здесь прожили и отец, и мать, да, и она выросла и состарилась здесь; вон в том углу, у ржавой по снегу спинки кровати, рос урюк. Высокий, раскидистый. Там теперь лежал снег.

Вчера выглянуло солнце. И сегодня было ясно. Она сидела на солнышке, давно соскучившаяся по нему дряблым телом, и что-то латала. Тряпки покачивались в её руках, и их цветастый отсвет бродил по стёклышкам круглых очков. Осторожно, скрывая скрип в мягкое тряпок, помахивали большущие ножницы, и звуки, такие же медленные и тихие, тянулись в долгую песню. Но кто её услышит?

Калитка отворилась, она успела поднять глаза - завязала нитку на узел, перекусила зубами, и посмотрела. Шёл внук с огромным портфелем. Ей стало радостно. Она соскучилась по нему, и в последнее время часто и подолгу думала о нём. Как он один-то там живёт, и хоть и сварить сумеет и постирать, но всё же... А здоровье...

День был погж. Воздух, прогретый у земли, тёплый, так и хочется его под ладошку, мог сплыть набок, и то, что соскальзывало сверху – прохладное и острое, так пахнет пашня, - могло увлечь за собой, как на прозрачных, трепещущих крыльях, и унести всего тебя к синим горам на самом дальнем небе, и выше, и дальше, там, где стелятся дни.... А далеко, мимо скользило по небу облако, и исчезало, беленькое, невесомое.

Внук становился молчаливей, глаза его уже не бегали и не моргали на целый свет; одно предчувствие, скользящее изнутри, рушило медленно доставшееся нежданно спокойствие, и как прежде, но прежде мальчишка, кутавшийся в её платье, казался сиротским плачем, а теперь, теперь рук и сил не хватало удержать его... Да что там удержать – остановить; как прежде она не знала – ругать его или плакать над ним.

Она, как всякий человек, знала цену доброте, но это досталось ей дорого в отличие от других. Она берегла эту самую доброту может быть до самого последнего, для самого последнего, и... ей показалось, что она стоит у краешка поля, за спиной уходило солнце, а воздух – холодный и чуткий, нёсся сильнее и сильнее. И по плугом исчернённым бороздам кружилась тонкая пыль, и былинки трепались и никли. И всё потонуло в розовом гуле.

Она сидела сдавленная своим туловищем, только бы не шевелиться, вытерпеть ещё минуту, и это пройдёт, этого не окажется, обойдётся... **А деньги – пенсию на малыша – оставьте себе...**

Тело, пустое, стёкшее, встало и пошло в угол к печке; показались руки, перекрылись поленьями, и чиркнули спички, досадно коснувшись глаз: на решётке, заваленной сизой, толчёной золой с треском разгорался спящий огонь.

Глава сорок шестая

В первую баткенскую войну хотя боевики в конце-концов и отступили, но ощущение того, что они выиграли свой джихад – их не покидало. Произошло то, что откладывалось годами: они пошли войной на свою землю. Ёсир помнит, как той весной в Кабуле и афганцы, и арабы, и особенно чеченцы обвиняли узбеков в нерешительности, он сам присутствовал несколько раз за этими разговорами, когда даже бесноватый Тахир Юлдаш и тот пытался урезонивать тех, доказывая, что чеченцы воюют за свою свободу против русских, как, впрочем, воевали и афганцы, тогда как ему придётся идти против своих, но те в свою очередь напирали на то, что кафиры – будь они русские, евреи или узбеки – всё одно, а потому, дескать, уже пора браться за оружие. Тогда Тахир замечал, что его люди держали крепко своё оружие и в Таджикистане, да и в самой Чечне, что и его самого, с его ранами, полученными на афганской границе – не в чем упрекнуть, но те наседали, что пора открывать джихад, что уже достаточно сил у Джумабая, и что тот рвётся в бой, намекая на то, что если Тахир сам не возьмётся за дело, то есть кому его заменить... Вон, дескать, и в Ташкенте моджахеды уже сработали сами, не дожидаясь команды Амира... Тахир опять говорил, что именно поэтому джихад и отброшен теперь на неизвестный срок, поскольку из-за этого безрассудства он потерял своих ключевых людей...

Словом, трудно сказать, что спорили они до хрипоты, поскольку все эти разговоры велись вполголоса и вполтона, как и надлежит беседовать мусульманам, но суть их была и впрямь противоречивой. Потом Ёсир опять вернулся в Хоит, правда, на этот раз он не переходил границу – он её перелетел на вертолёте вместе с четырьмя важными арабами, которых встретил сам Джумабой Намангани. Именно тогда Ёсир и предощутил, что бесповоротное и неотвратимое уже произошло. Причём произошло как в Кабуле, так и здесь в Хоите. Убийство семнадцати возвращенцев отрезало всем альтернативы.

Вернитесь к тем самым двум газелям, что я оставил неразобранными, и вы заметите, что если в первой поэт ещё мечется между возвращением и своей оставленностью (соотнесите его Хасана, оставшегося без своего близнеца Хусейна с ним самим, лишившимся своего друга Харуна), то во второй газели он уже просто захвачен селом, тайфуном, валом, несущимся на него с обеих сторон, и тут уже не рациональный выбор, а лишь искорка в небо, знак, разрыв пены – попытка искупить всё равновесом, там, где сталкиваются два океана...

Если всё же рационализировать эту кораническую цитату из стиха, то Асрор, а вернее, Белги так и остался сердцем между боевиками и теми, против кого они шли. Страшный поток государственного насилия, который он летописал в Хоите, и который мог, как он пишет в стихотворении, достичь и его, схлестнулся с не менее страшным встречным потоком, который безводен (вспомните мотив реки как Традиции из изначальной газели), а потому является ничем иным, как светопреставлением, и поэт, оказавшийся между этими двумя стремнинами, отчаянно пытается уравновесить их в себе, вместить в себя как два света, в ни один из которых, по выражению Насими, он сам не вместим, и лёгкая (пустая?) надежда, что соткана из пены, в последнем порыве стремится сподобить это движение синему небу...

*Osmonda bir orol ko'rdim...
qirg'og'iga suv urilib
bulutlarga aylanardi*

osmonda bir orol ko'rdim

*xuddi dengiz to'ntarilib
yoshim tomardi*

*osmonda bir orol ko'rdim
endi yo'lim u tomonmi
Yerga cho'kishim tamommi?..⁴⁰*

⁴⁰ Я увидел остров в небе
о берег которого бились воды
и превращались в облака
я увидел остров в небе
будто море перевернулось
и слёзы мои капали
я увидел остров в небе
дорога моя к нему ли
конец ли моему погружению в землю?

Глава сорок седьмая

*qiyshiq daraxt tanadan
to'g'ri shohlar o'sgandek*

*yerda turib osmonga
boshing tekkani kabi*

*tushda ko'rgan daxshatlar
kunduz yozilgay go'yo*

*bamisoli loyqa suv
tinib shaffof bo'lg'usi*

*o'tmishing ham o'tmishing
erta uchun gunohsiz⁴¹*

Belgi

Рассказывает Хамид Исмаилов:

«В декабре 1999 года я отправился в талибанский Афганистан. Пригласил меня туда министр по делам шахидов и беженцев Мулла Абдул Ракиб, узбек по национальности, которого я до этого пару раз интервьюировал по телефону. Как обычно это делается на Востоке, он как-то сказал мне: «У вас превратное мнение об Исламском Афганистане. Приезжайте и увидите всё своими глазами!» и я воспринял это как настоящее приглашение. Вылетел я в Исламабад, где в талибанском посольстве должен был отыскать человека

⁴¹ *Словно прямые ветки
растущие из кривого ствола
как голова твоя касается неба
когда ты стоишь на земле
будто кошмары снящиеся ночью
рассеются днём
наподобие мутной воды
отстаивающуюся в прозрачность
так и прошлое твое прошлое
невинно для завтра*

Белги

по имени Курайши, и тот должен был разрешить все остальные визовые формальности. Прилетел я в среду, а в четверг ранним утром поехал в то самое афганское посольство, перед которым, разжигая костёр и кукожась от утреннего холода, сидели длиннобородые то ли охранники, то ли просители. От их вида так повеяло платоновской Россией эпохи гражданской войны и это первое ощущение, в котором предстала схожесть талибов с большевиками, далее всё более укреплялось во мне.

К часам девяти стали подъезжать роскошные белые Тойоты, из которых во дворе посольства выходили пророкобородые люди в чалмах и белых одеяниях. Выгрузившись из машин, они медленно и долго обнимались друг с другом, затем так же важно, как диковинные рыбы в огромном аквариуме, уплывали в здание посольства.

Костёр теперь уже сиротливо догорал, оставленный человеком с ружьём и его бородато-калекой свитой, и тогда я ещё раз напомнил охраннику о человеке по имени Курайши. В тот день я хоть и провёл весь день при посольстве, куда меня, разумеется, не пускали, но Курайши так и не появился, поскольку, оказывается, уехал по делам в Пешавар, и должен был подъехать к вечеру.

Следующий день был пятницей, а потому исламское посольство не работало, как оно не работало ни в субботу, ни в воскресенье, теперь уже согласно светским законам страны пребывания. Пришёл понедельник, и я опять обнаружил перед собой и перед посольством ту же самую картину то ли платоновской, то ли бабелевской природы, но теперь человек с ружьём сказал мне, что сегодня первый день священного месяца Рамазан (впрочем, я, разумеется, знал об этом) и что посольство сегодня закрыто.

Ожидая ещё какой-нибудь закавыки на следующий день, я приступил к телефонной осаде работников посольства, раздобыв их домашние номера и в конце-концов отыскал не самого человека по имени Курайши, а его начальника, который обещал ему всё передать и попросил меня явиться в посольство не завтра, а, скажем так, послезавтра...

Я так и поступил. И в следующую среду таки отыскал человека по имени Курайши, который оказался плутоватого вида бородачом – голова при чалме, и он стал долго и каверзно расспрашивать меня о том, откуда я знаю Муллу Абдул Ракиба, который-де пригласил меня в Исламский Эмират Афганистана. Когда я объяснил ему историю наших телефонных переговоров, он полушёпотом спросил: «Так, стало быть, вы знаете и Кори?» - «Какого Кори?» - удивился я, и тут же почему-то подумал о пропавшем без вести Обиде-кори Назарове. Так, стало быть, он здесь, в Афганистане... Я так и спросил собеседника: «Вы имеете в виду Обида-кори?» Теперь уже удивился он, да настолько, что

ляпнул: «Да нет же, Тахирджана-кори!» - и тут же осёкся. «Ах, Амира Мухаммад Тахира Фарука?» - как пароль ответил я, и тогда он, успокоившись, кивнул в знак согласия. Я кивнул ему в ответ. «Кори сейчас очень богат...» - зацокал языком, озираясь при этом по сторонам, человек по имени Курайши. «Триста домов купил в Кундузе». А потом, чуть помолчав: «Кстати, Мулла Абдул Ракиб сейчас как раз там... Битва случилась...»

Оказалось, что пригласивший меня министр был в нетях, а потому, формально говоря, человек по имени Курайши не мог отправить меня в Афганистан без согласования с ним. «А нельзя ли с ним связаться?» - простодушно спросил я. «Нет, там война...» - обречённо ответил собеседник и опять зацокал языком, покачивая отрицательно головой.

Следующие два дня я провёл в посольстве Исламского Эмирата Афганистана, изучая талибов и их взаимоотношения, в ожидании возможного возвращения Муллы Абдул Ракиба из военного Кундуза в мирный Кабул. С тех пор мне снится очень часто один и тот же сон, что я в зарубежной командировке, которая, несмотря на требования моего начальства о возвращении «на базу», никак не кончается: я то не могу купить билет на самолёт, то не могу дозвониться, а то – просто добраться...

Так и длился мой Рамазан среди работников посольства, которым я стал привычен, как их железный сундук с единственной и заветной печатью в нём. Министерства иностранных дел отвечало каждый день на наши запросы, что Мулла Абдул Ракиб всё ещё в командировке, которая затягивалась, как и моя, а я каждый вечер объяснял своему начальству, что дело вышло на финишную прямую, и я вот-вот попаду в талибанский Афганистан, куда ещё никто из наших не попадал.

В пятницу, когда я приехал к посольству на всякий случай, чтобы удостовериться, что человек с ружьём разжигает свой вековечный утренний костёр, он вместо того, чтобы сказать: «Сегодня посольство закрыто на Джуму», - ничего говорить не стал, а к девяти часам, как впервые на прошлой неделе, в посольство стали подъезжать белые Тойоты и из них стали выходить для долгих и медленных объятий импозантные длиннородые фигуры, похожие на ветхозаветных пророков. Человек с ружьём на моё удивление ответил, что сегодня по поводу Рамазана здесь будет полуденная молитва с посланцем Муллой Хаккани во главе.

Словом, я прорвался на общую молитву, плутоватый человек по имени Курайши взглядом указал мне на сидевшего в углу за послемолитвенной медитацией Муллу Хаккани, и после медитации я пошёл на абордаж. Я знаю сам, какую гремучую смесь может дать постсоветская мешанина марксизма с мусульманством: я понёс, что ни в каком Исламе нет такого, чтобы унижать гостя недоверием, что, дескать, я приглашён не уличным человеком, а министром по делам шахидов и беженцев, а вынужден вот уже вторую неделю томиться здесь... словом, понёс и понёс.

Надо отдать должное Мулле Хаккани, он молча провёл меня в свой кабинет и стукнул своей печаткой в мой паспорт и в тот же день я уехал через Пешавар и Турхам в талибанский Афганистан.

Не буду рассказывать всех подробностей моего почти двухнедельного пребывания в Исламском Эмирате Афганистан, тем более, что я писал об этом по-узбекски в другом месте, расскажу лишь о том, что так или иначе касается Исламского Движения Узбекистана. Странно, но я как-то не разыскивал их преднамеренно, полагая, что они лишь на севере, в Мазари-Шарифе и в Кундузе, хотя подозревал, что посредством своего пригласившего в гости министра, смогу выйти на них. Не знал я тогда, что там же на Вазир-Акбархан, где я проводил почти всё своё кабульское время, находится их штаб-квартира, что Бибисивский корреспондент Кейт Кларк побывала у них даже под арестом, хотя с ней я виделся почти каждый день. Это намного позже она рассказала мне, что её захватили ИДУшники, и что допрашивал её некто в чёрной маске, к которому все обращались, уважительно называя его «Устад», и что этот самый Устад говорил на всех возможных языках, включая и английский. Она впоследствии подозревала в нём самого Тахира Юлдаша, но когда я сказал ей, что тот не говорит по-английски, Кейт расстроилась. В конце-концов, мы согласились, что это мог быть руководитель контрразведки ИДУ по кличке Абдулла, который как раз-таки на всех языках и разговаривал, поскольку был выпускником одного из ташкентских элитарных ВУЗов.

В ожидании своего министра Муллы Абдул Ракиба, я встречался со случайными узбеками вокруг его министерства, и те водили меня к себе на вечерние разговоры, где опять же подозрительно, но, не обижая моих чувств гостя, расспрашивали, откуда я и зачем приехал сюда. При этом в их домах играла пакистанская и индийская музыка, и они снимали при мне свои чалмы, обнаруживая под ними модные, но помятые стрижки. Разговор, так или иначе, заходил о Тахире Юлдаше, и они, как и человек по имени Курайши, начинали

при этом поцокивать своими языками и трясти уважительно головой. Из этого я заключал, что Амир Мухаммад Тахир Фарук и впрямь вхож здесь в высшие сферы, да и не только здесь, но и в каких-то баснословных для этих простых людей странах... Правда, никто никакого другого знания о нём не выдавал, да и я их не напрягал, оставляя всё на потом, на встречу с самим министром, который наверняка был с Тахиrom Юлдашем на короткой ноге.

Но министр всё ещё не приезжал, а срок моей командировки, я бы сказал, давно уже не убывал, но убыл, и тогда я решился на поездки в Кандагар и Герат. В Кандагаре я встретился с Муллою Абулхайром Муттаки – одним из руководителей движения – молодым человеком, с которым мы спорили о природе персидского и пуштунского стихосложения и он доказывал мне, что современная пуштунская поэзия сильнее современной персидской, поскольку наряду со школой персидского стихосложения пуштунская поэзия прошла школу и русского стихосложения, и это было странно слышать в самом логове талибанизма. Там и тогда я вдруг понял, насколько открыты к спору эти самые пресловутые талибы, и что весь их строй и впрямь – как детская болезнь левизны в коммунизме, правда, по отношению к исламу, что вся их религиозная агрессивность – лишь из подростковой неуверенности в себе. И я ведь чувствовал повсюду, что продлись это правление ещё некоторое время, и все искривления пойдут на естественную убыль, что жизнь возьмёт своё, что их нужно вовлекать в общий мировой круговорот, что, наконец, не они виноваты, что оказались теми самыми худыми сливками обезжиренного молока афганского общества, когда вся остальная элита разбежалась кто куда...

Они были просты, эти лидеры талибов, которых я видел в ту свою поездку: Мулла Хаккани, Мулла Муттаки, Мулла Абдул Ракиб и ещё несколько мулл. Один лишь пример: ехали мы с Муллою Муттаки на встречу с Муллою Мутавакилем в его Джипе и вдруг из-за поворота на бешеной скорости выскакивает грузовик, который чуть не врежется в нас, и лишь ловкость пресс-секретаря Муллы Умара спасает нашу увернувшуюся машину. Я представляю себе на его месте любого из наших «большевиков», который на месте бы расстрелял этого лихача – по меньшей мере, за неуважение к власти. Мулла Муттаки же, пристраивая свой Джип вслед этому грузовику, лишь пожал плечами: «Он ведь голову может разбить себе, бедный человек...»

Но... но... ничего страшнее рядового солдата в талибской форме я в своей жизни не видел. Это было и в Кандагаре, когда перед тем, как встретиться

с Муллою Муттаки, мой наблюдатель-гид из Министерства иностранных дел имел неосторожность не так спросить черночалмового охранника, это было и в Герате, когда я попытался с помощью своего журналистского удостоверения пройти к местному начальнику. Рядовой талиб в чёрной чалме и при красных глазах разорвал в мелкие куски моё удостоверение, открывавшее мне дорогу к главам государств и правительств, и наставил на меня свой автомат. Никогда я не был так близок к смерти, как тогда, у ворот местного начальничка, и он бы выстрелил, если бы этот ленивый и важный начальник не окликнул его из окна, и тогда мой бывалый гид попросту швырнул меня в нашу машину, и мы дали дёру от смерти...

Когда я вернулся жив-здоров в Кабул, министр уже приехал из Кундуза, и он пришёл за мной прямо в гостиницу. Он был молод и красив, и даже массивная талибановская борода придавала лишь чуть больше бледности его молочно-белому лицу, на котором сверкали огромные запавшие глаза. Он тоже снял при мне чалму и опять я увидел всю ту же модную стрижку, которая в нашей школьной молодости называлась «молодёжной», а теперь стала достоянием Леонардо Ди Капри из «Титаника». Я знал понаслышке, насколько моден в Афганистане этот блокбастер, и каждый из моих многих собеседников при случае показывал мне это наяву.

Мы сидели с ним долго, опять же не споря, поскольку спора нет по существу в мусульманском этикете, скорее обсуждая те или иные темы, министр рассказывал, каким образом он пришёл в руководство талибов, о том, насколько человечен Мулла Умар. В узбекском языке есть слово «синук», что на русский переводится совершенно неравнозначным словом «поломанный, разбитый». Оно означает человека, сломившего свою гордыню, так вот этим самым словом Мулла Абдул Ракиб несколько раз кряду охарактеризовал главного руководителя талибов, и настоятельно посоветовал мне во что бы-то ни стало встретиться с ним. Увы, я уже побывал в Кандагаре и предпочёл высшей аудиенции, которую должен был устроить Мулла Муттаки, срочную и короткую поездку в Герат, к праху Алишера Навои. Наверняка при этом я к тому же злопамятовал свой опыт ожидания визы в Исламабаде... «Ну ничего, в следующий раз...» - успокоил меня Мулла Абдул Ракиб.

В конце разговора я вывел беседу на Тахира Юлдаша, но министр как-то вежливо уклонился от продолжения этой темы, а стал рассказывать, как в Кундузе он проводил агитационно-организаторскую работу среди узбеков, что вообще, Мулла Умар поручил ему привлекать север на свою сторону, и что сейчас многое на севере меняется. Я не стал настаивать на теме Тахира Юлдаша, да и это было бы невежливо по отношению к человеку, пригласившему меня в Афганистан не по ИДУ, а по талибам.

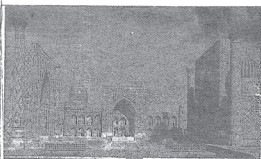
Правда, чуть позже один из его помощников дал мне своего рода листовку на пуштунском языке и сказал, что это – выступление Тахира Юлдаша перед Талибами. Вот оно вкратце:

Обращение к народу Исламского Эмирата Афганистан

پیغام

د افغانستان مسلمان اولس ته د ازبکستان د اسلامي حرکت دمشر محمد طاهر * فاروق * پیغام

د ډولنو مسلمانانو لپاره به يې دخپل هدف په لسور دصبر او پوره زغم مثال وگرځوي.

ه گرانو مسلمانو افغانانو وروڼو! داچې تاسې ددې حديث مصداق شوي چې "مَنْ لَمْ يَمُؤْمِنِ فِي نَوَاحِسِهِمْ وَ تَرَاحِمِهِمْ وَ تَعَالَفَهُمْ مَثَلُ الْجَسَدِ إِذَا اشْتَكَى مِنْهُ ضَعُفَ نَوَاحِسِهِ سَلَّ مَثَلُ الْجَسَدِ بِلِسْمِهِ وَ الْحَمِي" متفق عليه

د مسلمانانو مثال په مينه رحم او مهرباني کې له يو بل سره ديوه جسد په شان دي ، کله چې يو غړي تړينه په درد شي د جسد ټول غړي ور سره په تبه او بې غوښي کې يو زاي وي .

دگر شوي په ډېره توده غېره دنڅارې مسلمان مهاجرين په خپله خاوره ومنل او دغڼوي سره موږ خوږو او اوسيدلو ځايونه سم په نيمه وويشل ، دا دحقيقي انصارت په لور يو گرځېدې او ټينگ گام دې چې تاسې يې په پور ته کولو سره دتړي د مسلمانانو په زړونو کې د نورې مينې درا ټوکيد و لپاره به پوره لاره هواره کرله، چه هڅوي دهمدغې نيکي گزڼارې په ليدو سره خپل پورډگار ته په پوره عجز سره ستاسو د لارښاتو بريالو لپاره لاسو نه پور ته کرل ، اوله خپل خدای جل جلاله څخه يې ستاسو ددغه شان کرڼو پايښت اولا زياتوالي وغوښت .

مونږ يې نه ويوېهر وچه افغانانو مسلمانو ورو ټو دغه شان دمېراني گام زموږ دمسلمان اولس له مظلومي ټولواي سره بډايي حال کې اوچت کر ، چه بېخله هم په نس ماره نه اولا زيات دگر څيزنو امریکا يې بنديزونو سره مخ دي ، خو مسلمانو ورو ټو زموږه داوپره نده، چه يوځل بيا به هغه د اويا کالونو مخکني ناخوانه او غسبر اسلامي پيښه چه د

بڅارې مسلمانو مهاجر ينوسره شوي وه تکرار شي ځکه اوس د افغانستان مسلمان اولس پدې تبه پوره دی چې د خپلو مسلمانو مهاجرينو وروڼو سره څرنگه چال چلندو کړي ، هيڅکله مونږ د خپلو مسلمانو افغانانو وروڼو څخه ددغه شان غير اسلامي او ناخوښ نمردانه کرڼو توقعه نلرو، ځکه تاريخ به اوږدو کې افغانانو دهېچتاسره داسې ناخوښه گزڼاره نده ترسره کړي، دا خوډلا پريزده چه څرنگه به يې دخپلو مسلمانو مهاجرينو وروڼو په مقابل کې تر سره کړي. زه د ماوراء النهر د مسلمانو اولسونو او د ازبکستان د اسلامي حرکت لخوا دخپلو مسلمانو افغانانو وروڼو څخه ددې غوښتنه کوم چې: ددغه سخت زمينت په وړاندې به پوره مسانتت سره گړندي گامونه اوچت کړي، اوله خدای جل جلاله څخه ورته دهر قدم په ځای ايښو ډلو طمعه لرم . او ظالمان به خپل راتلونکي وگوري

وَسَيُنْفِخُ النَّبُؤُنَ طُلُوعًا وَّ اَبْغَابًا مُتَعَلِّقِينَ

سورة الشعراء - ۲۲۷

(تبايي تړي کړونکي به دي ويوېهرې چې کم اوږي ته به وارول شي)

والسلام عليكم ورحمت الله و بركاته

ستاسو وروڼو محمد طاهر * فاروق *

د ازبکستان داسلامي حرکت مشر

د ډولنو مسلمانانو لپاره به يې دخپل هدف په لسور دصبر او پوره زغم مثال وگرځوي.

ه گرانو مسلمانو افغانانو وروڼو! داچې تاسې ددې حديث مصداق شوي چې "مَنْ لَمْ يَمُؤْمِنِ فِي نَوَاحِسِهِمْ وَ تَرَاحِمِهِمْ وَ تَعَالَفَهُمْ مَثَلُ الْجَسَدِ إِذَا اشْتَكَى مِنْهُ ضَعُفَ نَوَاحِسِهِ سَلَّ مَثَلُ الْجَسَدِ بِلِسْمِهِ وَ الْحَمِي" متفق عليه

د مسلمانانو مثال په مينه رحم او مهرباني کې له يو بل سره ديوه جسد په شان دي ، کله چې يو غړي تړينه په درد شي د جسد ټول غړي ور سره په تبه او بې غوښي کې يو زاي وي .

دگر شوي په ډېره توده غېره دنڅارې مسلمان مهاجرين په خپله خاوره ومنل او دغڼوي سره موږ خوږو او اوسيدلو ځايونه سم په نيمه وويشل ، دا دحقيقي انصارت په لور يو گرځېدې او ټينگ گام دې چې تاسې يې په پور ته کولو سره دتړي د مسلمانانو په زړونو کې د نورې مينې درا ټوکيد و لپاره به پوره لاره هواره کرله، چه هڅوي دهمدغې نيکي گزڼارې په ليدو سره خپل پورډگار ته په پوره عجز سره ستاسو د لارښاتو بريالو لپاره لاسو نه پور ته کرل ، اوله خپل خدای جل جلاله څخه يې ستاسو ددغه شان کرڼو پايښت اولا زياتوالي وغوښت .

مونږ يې نه ويوېهر وچه افغانانو مسلمانو ورو ټو دغه شان دمېراني گام زموږ دمسلمان اولس له مظلومي ټولواي سره بډايي حال کې اوچت کر ، چه بېخله هم په نس ماره نه اولا زيات دگر څيزنو امریکا يې بنديزونو سره مخ دي ، خو مسلمانو ورو ټو زموږه داوپره نده، چه يوځل بيا به هغه د اويا کالونو مخکني ناخوانه او غسبر اسلامي پيښه چه د

Как вам известно, на протяжении последних семидесяти лет на землях древней Бухары ислам не был забыт. Народы Мавераннахра до сих пор хотят восстановления шариата. На протяжении 70 лет большевики и их приспешники убивали видных улема, настоящих звёзд ислама. Чёрная эра, казалось бы, прошла с распадом Советской империи, но то, что казалось новым началом для народа древней Бухары, оказалось началом нового несчастья. Даже Амнести интернешнл говорит о 50-тысячах мусульман, брошенных в тюрьмы, 4 тысячи мечетей закрыто, многие из них превращены в стойла для скота. И даже этого недостаточно диктаторскому режиму Каримова, этот режим стал бороться против женщин и их права носить хиджаб.

Но сейчас на сцене появились мухаджиры, которые проходят в настоящее время военную подготовку, с тем, чтобы защищать религию и свою страну. Они готовы стать шахидами и встать на защиту ислама. Когда все мусульмане мира произнесут такбир единым голосом, кафиры придут в дрожь. Многие юные сыны Бухары готовы сегодня пожертвовать своей жизнью, чтобы служить маяком для будущих поколений.

Дорогие братья по исламу! Вы знаете священный хадис о том, что все мусульмане – одна умма, и если одна из частей уммы повреждена, это как один из органов человека повреждён. Тогда здоровые части должны этой части помочь. То, что вы приняли нас с раскрытыми объятиями, показывает существующую любовь в мусульманском мире. Мы полностью отдаём себе отчёт, что вы приняли нас, когда ваш собственный народ голодает и страдает от эмбарго, наложенного США. Именно поэтому мы столь высоко ценим эту помощь. Мы обещаем, что не забудем этого гостеприимства. Мы знаем, что ситуация прошлого, когда семьдесят лет назад эмир Афганистана выдал Советам беженцев из Бухары, при вас никогда не повторится. Афганцы исторически никогда не действовали таким образом.

Перед нами стоит пора испытаний. Именно в это время я обращаюсь ко всем мусульманам с пожеланием успеха всем нам.

Ваш брат по вере, Мухаммад Тахир Фаррук, Амир исламского движения Узбекистана.

На следующий день я пришёл в гости к министру в его Министерство по делам шахидов и беженцев. Перед министерством толпились десятки людей – большей частью калеки, женщины и дети. Что-то раздавали с грузовика, но из-за огромной толпы к этой раздаче, не было никакой возможности углядеть, что же раздавали – одеяла, лепёшки или документы. Нас провели какими-то коридорами в кабинет к министру, и хотя кабинет был и впрямь министерским, в какие обычноходишь в Ташкенте, Бишкеке или Душанбе, но в отличие от безлюдья последних, здесь было полно народу. Сам министр сидел в окружении этих людей, подобрав ноги под себя на стуле, остальные вокруг – если не просители, тоже сидели в этой же позе. Некоторое время он нас не замечал из-за толпы людей, проходящих к нему в сопровождении того или иного секретаря, зато я, стоя у двери, наблюдал, как работает это министерство.

Проситель в сопровождении работника или секретаря добирался до министра и этот сопровождающий наклонялся к Мулле Абдул Ракибу и шёпотом объяснял суть дела. Изредка министр прерывал его вопросами, а то просто выслушивал, и беря протягиваемую бумагу, что-то на ней писал, после чего люди, как правило, уходили, благодаря его и кланяясь, но пару раз всё ещё пытаюсь что-то объяснить, но министр выставлял им открытую ладонь навстречу, и те пятились назад, освобождая место следующим...

К чему я это всё рассказываю? К тому, что это были типичные картины жизни официального Кабула конца 1999 года и по ним можно догадываться, как действовала и жила в талибанском Афганистане организация ИДУ...

Глава сорок восьмая

Это и впрямь странно, но никто в ИДУ так и не узнал, что Ёсир был в прошлом профессиональным военным. Так и относились к нему, как к одному из тех, кто занимается непонятно чем, но по особому заданию руководства, а потому, хоть и относились к нему обыкновенные боевики несколько подозрительно, но в то же время и остерегались, и особо языков не распускали. Неизвестно, как бы повернулась его судьба, скажи он на первых же курсах по огневой подготовке, что лупить по одиночным огневым целям из гранатомёта – это недопустимая роскошь, но вёл занятие некто по имени Ильхом, который прошёл свою подготовку, да и повоювал в Чечне, а посему у него были свои представления об использовании того или иного вида оружия.

Да и вообще, проходя все эти курсы по тактике, топографии, разведке, Ёсир молчаливо замечал насколько они «неправильны» с точки зрения классического военного искусства, но с другой стороны, насколько они заземлены

Лазни хузуринишзо кутманчи-
лардан ёки мажалими халудан
унинг ¹маски катиби ва растулимнига
муноабдиго ²фототренинг
шайити ³ташрифига (одамининг)
буланишго ⁴одали буларди
тинигёлтонини хабарни сенига оройда
бермади. Яна сенига баъди хабарларни
роши айтса хам. Идамли (ёгончи)
сенига оройданга разведкачи эмас
даки сенига зорининга разведкачиур
Душман ерда экинчиларни вақтинда
разведкачиларни/хабарчиларни/куман-
теринининг ва ўзини б-н ⁵зулматини
душманларниг орасига саринларни
маржага оидинини кери. ⁶Тоштин
аскарини турулар душманнинг
ордаини куларини, хайтини туларини
ларини тушиб хайсин, ва разведкачи-
ларни уларни тилини, ⁷Зилзи
эвобарини тошларни. ⁸Товинини ⁹Катта
Разведкачиларни жасур, ақил, публати
Хайрохонларнигдан тарали. Уларни
тез-корар толар оғларни тамло бер

и основаны на опыте революционного Че Геварры, афганских моджахедов, боснийских партизан и ещё бог-весть кого. В наспех переведённых с какого-то на русский, а потом на узбекский конспектах всё ещё встречались курьёзные моменты то о разведке в сербских сёлах, то об азимуте отхода на Панкхисское ущелье...

Вот одна из таких инструкций о разведке и вербовке людей из местного населения:

Инструкция

В вашем распоряжении должен быть человек из кочевников или же местного населения, которому можно верить и следовать его советам. Иначе, если он хоть и говорит частично правду, но в целом сообщение лжеца не даст тебе пользы. Лжец не разведчик в твою пользу, напротив, он разведчик тебе во вред. Когда приближаешься к вражеской территории, ты должен увеличить количество разведчиков (агентов) и вместе с собой распространить в среду врага сарии (военные группировки) затем, чтобы военные группировки перекрыли вспомогательные силы и жизненно важные объекты врага. Разведчики же должны определить их слабые, незащищенные места. Выбирай в разведчики смелых, умных, сильных соратников. Выбери им быстрых скакунов.

Те, кто под вашей защитой, опекой, должны испытываться на преданность, а именно на способность терпеливо выносить своих опекунов. Если они терпят в вашу пользу, тогда и мы относимся к ним хорошо, заботимся о них. Не угнетайте тех, кто вступает в мир с нами, и вместе с тем не просите у них помощи против наших врагов.

И всё же было одно фундаментальное различие в его обучении в восьмидесятые годы в Чирчикском танковом училище и здесь – в горах Хоита: здесь речь шла всерьёз о войне и смерти, а не о возможной тактике вероятного противника, здесь была важна каждая деталь: от бездымного разжигания костра и до копчения металлических частей автомата, чтобы не «засветиться» с воздуха.

Да и с дисциплиной, особенно же после расстрела хорезмийцев, было здесь намного жёстче, малейшее неповиновение каралось немедленным арестом и заключением в сырой подвал безо всяких настилов. Да, Ёсир был на особом счету, поскольку с самого начала все знали об его личной связи с Тахиром Юлдашем, да и письма, доставлявшиеся ему каждым курьером из политического дивана – от Зубайра, делали его в известном смысле «неприкосновенным». Но чем чаще группы стали уходить в горы и уже не возвращались, тем больше подозрительности со стороны ближайшего окружения Джумы Намангани стал чувствовать Ёсир: было некое ощущение того, что его считают «человеком Тахира» в их среде. И если изначально, когда все, приходящие с «большой земли» в Хоит, клялись на Коране в верности именно Амиру движения Тахиру Юлдашу, и принадлежность к Амиру гарантировала безопасность, то теперь, с

надвигающейся войной, чувствовалось во всём, что Джума забирал власть в свои руки: иной раз он даже отказывался говорить по спутниковому телефону с Кабулом, говоря, что занят более насущными делами, и оставлял обязанность докладываться по обстановке то командиру Юнусу, то имаму Абдулазизу.

В одном из писем Зубайр оповестил Ёсира что на самом высоком уровне и по совету Шайха (так они именовали Шейха Бин-Ладена) решено теперь открыть джихад против неверного режима Каримова, а потому на это время просил Ёсира быть связным между моджахедами и политическим диваном, объясняя, что ему приходится давать множество интервью. Именно поэтому он должен быть в курсе всех последних событий. В том же письме Зубайр заверял в том, что Амир переговоров по этому поводу с командиром Джумой.

В один из летних вечеров, сразу же после вечерней молитвы, люди Джумы забрали его в штаб – к командиру и оставили его одного в комнате, где в своё время Ёсир встречался с Тахиром Юлдашем в компании нескольких арабов. Комната была пуста, но Ёсир чувствовал всей кожей, что за ним следят. Он остерегался даже оглядки по сторонам, а потому сидел, уставившись в пол. Через некоторое время в комнату вошёл сам Джумабой, но вошёл не с той стороны, откуда Ёсир ожидал его. Джума не стал здороваться, а сразу же сказал: «Мне звонил Тахирбай, пойдёшь на передовую. Командиры будут давать тебе сводку, ты будешь передавать это в Кабул. Смотри, никаких метафор-петафор! Если что – всем головы снимаю!»

Ёсира всегда неприятно поражала тонкость и нежность голоса Джумы, особенно же при жестокой воинственности его речей и дехканской крепости его рук. Как будто бы этот визгливый голос принадлежал совсем другому человеку. Однажды, он грешным делом подумал: будь у редкобородого Тахира погуще борода, а у тонкогоголосого Джумы потолще голос, может быть у них бы поубавилось неумных амбиций...

Последнюю угрозу Ёсир не совсем понял – относилась ли она к нему, или же ко всем, кто будет передавать эти сводки, или вообще ко всем, кто связан с этим сугубо невоенным предприятием, включая и Тахира на другом конце, но как бы-то ни было, он не стал относить её к себе, а потому – не испугался.

«Вопросы есть?!» - оглянулся к нему Джума. «Когда и с кем мне выходить?» - спросил Ёсир. «Жди, тебе всё сообщат!» - отрезал тот. Покидая этот двор с дюжиной уставившихся в спину взглядов, Ёсир почему-то подумал, что он ведь старше Джумы на несколько лет...

Глава сорок девятая

*ruh qaytar badanga, u esa qariru -
eskimas negadir uy kabi, bir kuni
chang bosgan tuprog'u, o'n tirsak hariru,
besh ketmon, qirq kishi bosmaguncha uni..⁴².*

Belgi

О второй баткенской войне 2000 года я хотел писать, как и о первой, но среди документов, которые были привезены моими друзьями журналистами из Афганистана, была стопка скукоженных белых листов, аккуратно подшитая в папку под названием «Осень-2000». И я решил дать содержимое этой папки. Мне кажется, что это отдел Зубайра, в котором определённое время работал и Ёсир, готовил эти сводки отслеживания прессы, откликающейся на события августа-сентября того года. Эти сводки дают довольно объёмное представление о том, что происходило не только на самом поле, а вернее, «горах» сражений, но и вокруг этих событий. (страница 256)

Столкновения между исламскими мятежниками и правительственными отрядами Таджикистана – продолжаются в районе Загар и Узбекистан. Пока, правительственные отряды Киргизстана понесли потери в 27 человек. Были потери на этой неделе и у Узбекистана. Министерство Обороны заявило, что 12 солдат были убиты. Нет никаких независимых сообщений о потерях мятежников. Это - второй случай, когда Исламские мятежники из Таджикистана вторгаются в соседние страны. Прошлой осенью мятежники вторглись в пограничную область между Таджикистаном и Киргизстаном, захватив трех заложников. Кто - эти люди и что они требуют. Рассказывает Шахида Якуб.

⁴⁷ *дух возвращается в тело а то стареет
но не устареваает почему-то наподобие дома пока
в один день пыльная земля десять локтей сукна
пять кетменей и сорок человек не примнут его*

Белги

Хиндистон

15 апрелда Машхур казоб Салмон Русдий ўз ватанига зиёрат учун келди. Дехлида минглаб мусулмонларнинг Салмон Русдийга қарши намойиши бўлиб ўтди. Бадбахт Салмон Русдий мусулмонларнинг муқаддас китоби Куръони каримни масҳара қилиб, «Шайтонлар шеърляти» номли китоб ёзган эди. Шунда Эрон Инқилобининг раҳбари Оятуллох Хумайний Салмон Русдийни ўлим жазосига маҳкум этиб, уйдирган кишига 2 млн. доллар мукофот тайинлаган эди. Бир вақтлар айни шунга ўхшаган мавзуда пайгамбаримизни ҳақоратловчи Русия фильми «Ко мне Мухтар»га ўхшаган ит тўғрисида фильм ишлаган эди. Итга пайгамбаримизнинг номини қўйиб (навузу биллаҳ), ит тўғрисида сериал ишланган эди. Шуниси эътиборлики ёш болалар онунда потўғри тасаввур пайдо бўлиб, «бу ном фақат ҳайвонларга таъаллуқли»дек бўлиб кўриниши мумкин. Бу фильмни намойиш этиш Малайзия ҳукумати ташаббуси билан бўлган қаршиликлар сабабли тўхтатиб қўйилган эди. Яхудиёлар бизнинг асосимиз қайси нарса эканлигини яхши билганлиги сабабли асосларимизни заифлаштириб, сўнг бизни майдондан йўқотишга уринишмоқда. Аввалги замонларда бадбахт яхудиёлар очикдан-очик Куръон каримга, Пайгамбаримиз ﷺ га ҳужум қилишга жўрват этолмас эдилар, жаҳонда озми-кўпми исломнинг иззати, нуфузи бор эди. XX асрга келиб, мусулмонларнинг эътиқоди сусайгач, бу ланнати, бадбахт яхудиёлар бевосита асосларимизга ҳужум қилиб кўришди. Алхамдүлillah дунёда тайур, доим ҳақ устида курашувчилар бор экан, бу найрангбозликка имкон бермадилар. Зикр қилинган китоб ҳам, фильм ҳам Англияда яхудиёлар буюртмаси билан ишланган.

Афғонистон ҳукуматининг 3000 атрофидаги аскарлари мамлакатнинг шимоли-ғарбий минтақасига жойлаштирилди, яъни Ўзбекистон чегарасига яқин жойга. Афғонистон ҳукумати вакили Абурразоқнинг айтишига кўра ушбу йил шимоли-шарқий Афғонистон бузғунчи фосиклардан тозаланади. Вутун Афғонистон ҳудудида осойишталик Урнатилади. Шу амалиётга жиддий тайёргарлик кўришмоқда.

Тожикистоннинг Хўжанд вилоятида нолегал «Хизбут-таҳрир» аъзоси деб айбланган 60 киши ҳибсга олинган. Бу мусулмонлар мавжу тизимини тарқатиб, минтақада ягона халифалик жорий этмоқчи бўлган «бузғунчилар» деб айбланганлар. *Шунинг учун аниқ аёллар деб б.ч. қўлматган эканлиги оғдирилган музоқарани тавозиб қилишнинг маъ*

Малайзия: Бу давлатда исломий ҳукмлар жорий этилиб, қатъий амал қилишига ҳаракат бўлмоқда. Мисол учун: Ҳамма жамоъат жойлари яъни аёллар билан эркеклар аралашishi мумкин бўлган жойлар алоҳида-алоҳида қилинган. Аёллар ўзларига тегишли бўлган жойлардан фойдаланишади. Дўконлар, автобуслар, мактаблар, олий ўқув юртлари, идора ишларида алоҳида-алоҳида хизматлар жорий қилинган. Малайзия ҳукумати ўзини Исломий давлат деб эълон қилган.

11 апрелда Американинг Нью-Йорк шаҳрида 100 дан ортиқ турли хил сиёсатчилар, иқтисодчилар олимларнинг форуми бўлиб ўтди. Бу форумнинг мавзуси: «Марказий Осиёда диний экстремизмга қарши реал сиёсий қоралар кўриш» бўлди. Америка сўнгги воқеалардан ташвишга тушиб қолган. Ғарб давлатлари бизнинг гаммиздан эмас, балки ўзларининг манфаъатларидан ҳавфсирамоқдалар. Мўмай бойликлар қўлдан кетишидан ким ҳам рози бўлар эди.

Хитой давлатининг раҳбари Цзян Цза Мин биринчи бор Исроил давлатига расмий сафар қилмоқда. Ҳар икки давлатнинг шу пайтда манфаъатлари тўқнашди. Икки давлат ҳам ўз манфаъати нуқтаи-назаридан мулоқот қилмоқда. Исроил тобора халқро майдонга ўз нуфузини олиб чиқишга уринмоқда. Бир вақтлар Хитой ҳукумати Исроилнинг босқинчилик ҳаракатларини қоралаб келган эди. Хитойга эса ҳозирги вақтда етуқ техника зарур бўлмоқда, буни қулга киритиш учун ҳамма имкониятини сарф қилмоқда. Асосан ҳарбий техника ҳамма давлатларнинг муҳим мақсадларига айланган, чунки кўпчилик давлатлар бир-бирига ҳадик билан қарайдилар, ўзаро ишонч йўқ. Тимизин куролланиш пойгаси давом этмоқда. Жумладан сўнгги пайтларда Хитой коммунист ҳукуматининг ҳарбий техникага эътибори ортди. Америка билан Тайван ороли устида анча қелишмовчиликлар бор. Шунинг учун мудофаъа тизимини замонвийлаштиришга уриниш кучайди. Исроил билан курул-ярқ

Бу ҳақда оғдирилган музоқарани тавозиб қилишнинг маъ

Когда в прошлом году группа Исламских экстремистов из Таджикистана вторглась в Баткенскую область в южном Киргизстане - население и правительство были застигнуты врасплох. В результате усилий правительственных отрядов Узбекистана и Киргизстана, мятежники были отброшены из пределов области и вынуждены отступить к горам. Годом позже повторяется тот же самый сценарий, но на сей раз мятежники воюют не только в южном Киргизстане, но также и на юге Узбекистана, причиняя большое число потерь среди правительственных отрядов. Мятежники заявляют о своей принадлежности к Исламскому движению Узбекистана, нелегальной организации, возглавляемой бывшим командующий узбекским батальоном в Объединённой Таджикской Оппозиции Тахиром Юлдашевым. Так, чем является это движение и кто эти мятежники? Джон Шоберляйн, директор проекта Средней Азии Международной Группы Кризисов думает, что это движение чрезвычайно гетерогенное и различные группировки составляющие его преследуют различные цели:

«Я думаю, что они состоят из разнообразных групп. Хотя правда и то, что мы имеем очень скудную информацию о них. Один из составляющих элементов - кое-что относительно организованное, которое можно назвать Исламским движением Узбекистана. Но есть, несомненно, другие сторонники движения, включая людей из Таджикистана, прежних боевиков гражданской войны. Однако, самая большая часть – это люди бежавшие из Узбекистана, многие из них были в Афганистане, в Таджикистане совсем недавно. Многие из их - люди, кто сбежали из Узбекистана из-за подавления сопротивления подпольных Исламских движений».

Исламское движение Узбекистана заявляет, что его главная цель - вторгнуться в Узбекистан и бороться с его политическим режимом, который они считают режимом неверующих или кафиров. Однако, из-за близости региона к Афганистану, одному из главных производителей наркотиков в мире, некоторые предполагают, что Исламские мятежники являются простым прикрытием сил, пытающихся обеспечить тропы для наркоторговли. Джон Шоберляйн считает, что при данном разнообразии мятежников эта возможность не исключена:

«Некоторые люди заинтересованы в финансовой выгоде, которая вовлечена, возможно, есть некоторый элемент сотрудничества с

торговцами наркотиками. Но некоторые люди - несомненно - искренние исламисты, кто хотел бы видеть возвращение к более фундаментальным формам Ислама в регионе. И некоторые из мятежников враждебны к правительству Узбекистана и в любом случае, они хотели бы видеть конец настоящему режиму здесь».

Киргизские власти обвиняли своих таджикских коллег во вторжении исламских мятежников внутрь их страны, несмотря на продолжение сообщений об их отсутствии в Таджикистане. Таджикское правительство опровергало эти сообщения, говоря, что все мятежники были высланы из территории Таджикистана в соседний Афганистан. Однако, сами мятежники утверждают, что они живут в некоторых сёлах Таджикистана в течение множества лет. Центральные Азиатские эксперты говорят, что это - вина таджикского правительства, выражающаяся в бездействии по отношению к мятежникам, потому что оно просто не имеет контроля над всей территорией страны. Некоторые области в Таджикистане фактически контролируются автономно полевыми командирами, участвовавшими в гражданской войне здесь. Более того, аналитики полагают, что некоторые из ключевых должностных лиц в таджикском правительстве имели прямые связи с командирами мятежников, и они могли даже поддерживать их. Опять Джон Шоберляйн:

«Возможно, что некоторые элементы в Таджикистане и возможно даже в правительственных кругах Таджикистана заинтересованы в поддержке этих людей по некоторым причинам. Это может включать оказывание некоторого давления на Узбекистан, так как Таджикистан - относительно слабая страна, и они часто чувствуют давление, осуществляемое из Узбекистана. Предоставление крова мятежникам могло бы означать некоторое сопротивление узбекскому давлению».

Одна из проблем, стоящих перед центральноазиатскими государствами, субъектами вторжения исламских мятежников – это горный ландшафт и плохо обученные армии, которые не имеют опыта и соответствующего обучения в горной войне. Рой Аллисон, глава программы России и Евразии Королевского Института Международных Дел считает:

«Им довольно трудно развернуть своего рода военные подразделения, которые работали бы хорошо в этом горном ландшафте. Увы, это - не силы, которые имела Советская Армия в прошлом. Даже Россия не имеет много единиц горного оружия. Так, учитывая природу ландшафта, они действительно борются, чтобы справиться с военными вторжениями этого вида».

Узбекистан имеет самую большую и самую сильную армию по сравнению с другими центральноазиатскими государствами. Казахстан и Киргизстан - только недавно начали усиливать свои армии. Однако, эксперты говорят, что независимо от того, как сильны и хорошо обучены военные, было бы почти невозможно положить конец действиям исламских экстремистов. Важный вопрос - то, насколько велика может быть поддержка этим мятежникам со стороны населения области. В регионе, потрясаемом экономическими кризисами, безработицей и бездействием закона, общественное недовольство властями увеличивается. Так что их возможная поддержка исламских мятежников может не означать желания возврата к исламским корням, но просто протест против властей.

Глава пятидесятая

*chiroyingizga o'lchov mening qayg'um,
lekin qayg'umda yo'q buncha chiroy...⁴³*

Belgi

Вспоминает Эльёра, которой Белги посвятил свою «Московскую тетрадь»:

«Вы знаете, то, что вы мне рассказываете – ужасно. Но я всегда чувствовала, что оно так и должно кончиться. Он был как солнышко. Когда он приезжал в Москву – даже погода расходилась. Или мне так казалось. А, впрочем, что я говорю. Вы ведь верите мне?»

Я всегда чувствовала, что хоть он со мной рядом, но в то же время где-то ещё. Я сначала ревновала. Но потом поняла, что у него нет другой девушки, просто он всегда мечтает о какой-то другой. Которой может даже и не быть...

С ним было всегда как-то непонятно: кажется, вот, любимый мужчина – самый близкий на свете человек, с которым можешь поделиться самым заветным, и в то же время мы всегда обращались на «вы». Он всегда оставлял какую-то предупредительную дистанцию между нами. Или это я сама принимала её.

Я была счастлива с ним, как ни с кем другим, когда он приезжал в Москву. А потом плакала по ночам, когда уезжала от него. Я всегда собиралась замуж за кого-нибудь, о ком откровенно рассказывала ему. Но никогда мне не подумалось, а почему бы мне не выйти замуж за него. Как-то просто не приходило в голову. Как вы это объясняете? Я, например, сама не знаю почему...

Однажды, когда он приехал в Москву, мы решили пойти с ним на концерт какой-то традиционной кыргызской группы, поскольку он хорошо знал кыргызскую музыку и сказал мне, что тоскливей её он ничего на свете не знает.

⁴³ *вашей красоте мерой моя печаль
но в моей печали нет такой красоты*

Белги

Этот концерт проходил в одном из Домов Культуры, названном теперь то ли клубом экзотики, то ли ещё как-то. Четыре голых стены, массивная люстра под потолком, три стула на сцене, и ряды полукругом для зрителей. Пришло где-то шестьдесят, семьдесят человек. Причём, большей частью интеллигентные старики и старушки, которые спрашивали у билетёрши, а есть ли скидка на пенсионеров.

Перед началом концерта на подиум вышел некий знаменитый переводчик кыргызского «Манаса» и сказал, что в его детстве в пионерских лагерях, прежде чем дать детям пирожное на полдник, их заставляли съесть горбушку чёрного хлеба, так вот, дескать, он и есть этот самый чёрный хлеб перед пирожным. Все рассмеялись. Он прочёл какие-то стихи из своих переводов, и следом на сцену поднялись эти трое исполнителей.

Музыка и впрямь была тоскливой, казалось: то по степи скакали лошади, то ветер выл им вслед, то песок заносил их следы и топот, и этому не было конца. Потом они запели поочерёдно степными голосами, и особенно же женщина, которая сидела неподвижно, одетая в какие-то роскошные одежды, вся увешанная серебряными украшениями. Казалось, некий степной идол обрёл голос и изливает свою никчемную и бесхозную тоску вокруг себя – на ветер, на прах, на пустое небо над головой... Мелкая музыка миниатюрных инструментов скакала вслед голосам и никак не могла угнаться или остановить эту вселенскую тоску.

А потом женщина и вовсе заиграла на кобузе, который издаёт уж и вовсе космический звук, и тогда уже звёзды обратились в песчинки, а темнота – в пронизывающий ветер, и погнала она всё это опять вслед за собой, бог весть, в какую путь-дорогу... Так говорил он...

Концерт кончился поздно, и мы, перекусив поблизости в забегаловке, поехали ко мне. Хотя я и просила проводить меня лишь до электрички, но оказалось, что последняя ушла уже полчаса назад, и тогда он остановил первую попавшуюся машину, и мы поехали в мой загород. Дома у меня никого не было. Мы сидели долго, говорили обо всём на свете, он читал мне чьи-то стихи, а потом внезапно встал, распрощался и, поцеловав меня в обе щеки, уехал обратно в город.

И мне стало так пусто на душе...

Особенно же на следующий день. Была уже осень. Но ещё не слякотная, а солнечная. И оттого было ещё тоскливей, как будто уже не будет лета, не будет тепла, как будто бы всё уже ушло... Вы ведь понимаете, о чём я говорю...

Глава пятьдесят первая

*bugun quyosh ham, yer ham men bilan birga
bir kunga qaridi
so'zlar ham...
So'zlarning qarishi shumi? -
tamaki tutatgan sil kun qarzidek
„havoni past etar ashking nujumi“...⁴⁴*

Belgi

Рассказывает Якубджан Алимджанов, учившийся с Белги в одном классе:

«В детстве мы любили уходить в горы. Наше село располагается в долине, и со всех сторон его окружают горы. На юге от нас начинается Чон-Алайская гряда, которая уходит в Таджикистан, и ещё дальше – в Китай. Оттуда наши деды уходили от Советской власти. Эти пики всегда покрывает снег, но для того чтобы до них добраться надо идти через всё повышающиеся холмы и холмы. Нашего детского времени на это не хватало. Потому мы с большим удовольствием поглядывали в сторону севера – там простирались по всему горизонту красные горы с какими-то диковинными пролежнями, которые казались то ли дворцами, то ли замками. Для нас детей было странно, что видишь эти самые замки каждый день перед собой, и в то же время ни учитель географии, ни старшие пацаны о них ничего не говорят, как будто бы их и не существует. Словом, была в этом во всём некая тайна.

⁴⁴ *сегодня и солнце и земля постарели
вместе со мной на один день
и слова...*

Это ли старость слов?

*Как долг туберкулёзного дня дымящего табаком
«снижают воздух звёзды моих слёз»...*

Белги

И хотя эти красные горы начинались километров за пять-девять от села, тогда как до южных холмов было рукой подать, но они привлекали нас больше, и в один из дней мы решили пойти в ту сторону – раскрыть эту самую тайну. Повод нашёлся очень скоро, наши матери страшно любили кисличку, а кыргызы, продававшие её на базаре, так и сказали, что она растёт за вон теми красными горами. И вот, как бы потакая своим матерям, мы решили в один из воскресных дней пойти за кисличкой.

Нас было трое девятилеток: я, Асрор и Илюша Пентакиди – наш одноклассник-грек, который, несмотря на тот же возраст, всегда знал всевозможные секреты взрослой жизни – от свиданий и до поцелуев. Он-то и был нашим предводителем. Дело в том, что зимой накануне на Новый год мы втроем обрядились в костюмы трёх мушкетёров и Илюша в кирзовых сапогах с картонными отворотами, а также в марлевой прокрахмаленной накидке, был нашим Портосом.

Разумеется, мы никому о нашем походе не говорили. То ли детство наше было таким вольным, но теперь я себе не представляю, чтобы мои дети уходили спозаранку в какие-то дальние горы, ничего мне об этом не говоря. Но так уж было тогда. С утра, заполнив свои рюкзаки провизией, мы вышли в путь. Как я уже сказал, эти горы начинались на самом горизонте, и чтобы до них дойти, нужно было пересечь всё наше село, затем выйти на нашу речку Какыр-Сай, оттуда свернуть по ней на дальнейшее село Ётан, держа курс на его пирамидальные тополя, после Ётана начинались болота, где Илюша предложил снять свои кирзухи и почапать босиком, вжикая грязью меж пальцев. Правда, трава этого болота перемежалась с колючкой и мы изрядно обранили ноги, когда достигли другого сая, текущего странным образом не с гор, а в их сторону, чтобы наверняка сбить нас с пути, ведя извилистыми путями вдоль гряды. Поэтому, как ни приятно было идти по огромным и гладким валунам, после этого грязного и надоедливого болота, но Илюша скомандовал сворачивать перпендикулярно к горам. И даже в этом слове «перпендикулярно», которое Илюша приложил к жизни, был его взрослый опыт. Мы повиновались и свернули на каменистую дорогу с редкими катышками то ли овец, то ли лоз...

Через полчаса или час мы уже стояли у подножия одной из тех самых красных гор. Но надо сказать, что чем ближе мы подбирались к горам, тем великолепие этих горных замков избывало себя, поначалу мы думали, что они – эти самые замки, просто пропадают из нашего виду, ведь мы уже знали, что гора всегда сидит на горе, а вслед за ней следует гора иная, наверняка – полагали мы – мы видим сейчас гору самую ближнюю, а замок – он переместился из-за приближения на гору следующую... И впрямь на ближней песочной горе проступали лишь какие-то меловые или скальные слои, в которых мы и не догадывались распознавать наши воздушные дворцы.

Я сказал «песочная гора». Это мы ощутили с первым шагом, когда ступили на неё. То, что всегда казалось нам из нашего села красным скальным гранитом, на поверку оказалось песком, прахом, которым засыпали наши баскетбольные и волейбольные площадки. Мы ползли наверх под своим небольшим весом, облегчив к тому времени свои рюкзаки, но, наполнив желудки, однако гора упорно скатывала нас вниз вместе со своим песком. И тогда опять взрослая смекалка Илюши пришла к нам на помощь: он сказал, что нам надо и цепляться за кустики, вросшие в этот прах, и опираться ногами на них. Благо, этих колючих кустиков оказалась уйма – чуть ли не на каждом шагу, и мы, обдирая свои руки, медленно, но верно поползли наверх.

Так мы преодолели первый холм, за которым после маленькой ложбинки начинался ещё один – более высокий. На этом склоне кустиков убывало, а потому наши пролёты становились всё опаснее по мере набора высоты. И хотя срываться было, казалось некуда – внизу оставалась всё та же ложбина, но идущий по косой наш маршрут всё больше и больше приближал нас к полосе камнепада, выделявшегося из этих красных гор белой лентой, расширяющейся книзу. Скатиться на этот камнепад было бы смертельно, и это понимали уже вместе со смекалистым Илюшей даже мы – я и Асрор.

И вот, когда мы почти добрались до вершины этого уже не холма, но предгорья, Илюша, который вёл нашу связку и показывал за что и как цепляться, вдруг вместе с иссохшим кустиком в руках поехал на пузе вниз – и так быстро, как будто гору заменили транспортёрной лентой. Я был в трёх метрах от него и в стороне, а потому лишь успел проводить его взглядом, чуть не отпустив при этом свой спасительный куст... И лишь когда я очухался, или же наоборот, когда я увидел, что Илюша виснет на вытянутой ноге Асрора, а тот изо-всех сил цепляется двумя руками за две соседних колючки, я очухался и бросился им на помощь.

В общем, добрались мы до вершины этого предгорья, которое мнилось нам уже Эверестом после того, что мы пережили. Бледный Илюша теперь приумолк, лишь изредка поплёвывая в свои ладони, я же был страшно возбуждён, и только Асрор, как обычно, молчал.

Вы когда-нибудь были на вершине хоть какой-нибудь горы? Если да, то вы наверняка знаете это ощущение внезапной оторванности от мира, от повседневности, обыденности: и ветер, несущийся равномерно со всех сторон, и солнце, как будто бы приблизившееся вместе с густеющим небом, и земля, там, вдалеке, ставшая дымчатой и сонной... Вот и мы сидели на вершине этой красной горы, которая уходила обоими склонами вниз, и напрочь забыв цель своего похода, просто доедали, всё, что осталось в наших рюкзаках.

Не помню, сколько времени мы просидели там, но руки наши успели почернеть от ультрафиолета – ещё одно обыденное слово, произнесённое возвращающимся к жизни Илюшей, и тогда зоркий Илюша увидел между нашей горой и горой уже не красной, но настоящей – с выступами гранита и, как он сказал, «альпийских лугов», навесной мост. Но сколько мы не вглядывались в то направление, куда указывал Илья, ни я, ни Асрор ничего не могли различить. «Там и растёт кисличка!» - заключил наш Портос, и мы осторожно поплелись вслед за ним по гребню нашей рассыпчатой горы. Тем более, что возвращаться назад после происшедшего на подъёме не было никакого смысла.

Через некоторое время и мы усмотрели тоненькую ниточку, свисающую между двумя горами, в ущелье между которыми уже слышалась грохочущая речушка, наверняка выходящая на наше долину. Но когда мы подошли к тому, что должно было быть по расчётам Илюши навесным мостом, оказалось навесным лотком для воды, поскольку с нашего конца она утыкалась в ржавую трубу. Это были три доски, сбитые в лоток поверх метров пятидесяти обтянутых в сетку тросов, тянущихся над ущельем от одного склоны к противоположному. Илюше надо было доказывать своё лидерство, и потому он первым пошёл гусиным шагом по этому раскачивающемуся из стороны в сторону лотку. Лоток скрипел, ходя ходуном под ним. На трети дороги, когда Илюша уже нависал над бездной, он как-то мертвецки обернул в нашу сторону голову, поскольку телом развернуться уже было невозможно, и внятно прошептал: «Вы тоже...»

Сейчас я вспоминаю с ужасом всю ту историю, но и тогда, при всей нашей детскости, я понимал, что это – конец: или Илюша сорвётся сейчас из-за раскачки, если мы не придадим ему весу в лотке, или же мы все полетим в тартарары вместе с лотком, если пойдём - не то чтобы спасать, просто быть вместе с Илюшей. Пока в моих детских мозгах вертелись эти мысли, Асрор уже пополз по лотку, каким-то чутьём вымеряя свой каждый медленный шаг с амплитудой лотка. Мне не оставалось ничего, как дожидаться, чтобы расстояние между Ильёй и мной уравнилось Асрором, и я тоже ступил на лоток. Признаюсь честно, я не выдержал гусяного шага, когда пол-тела вздымалось над лотком, я просто лёг в лоток ничком и пополз, глядя в доску под собой. Лоток нещадно скрипел, хотя, видимо, привычно выдерживал вес. Это я вспоминаю так сейчас. Тогда же во мне была какая-то тупая предопределённость этого пересечения: я не хочу идти вперёд, мне страшно, но не могу повернуть обратно ни физически, из-за тесноты лотка, ни морально – из-за своих друзей. А потом, как я вернусь обратно домой с этой проклятой вершины красной, как кровь, горы...

Этот лоток над бездной длился вечность: на всякий скрип, или удар сердца, хотелось вжаться в эти три доски всем телом, врасти в них щепкой, гвоздём, засохшим илом, чем угодно, и не шевелиться, но вдруг он качнулся особо сильно, как будто решая покончить разом со всем этим страхом, и выплеснуть нас, как брызги воды – и вслед этому взорвался вопль Илюши: «Я здесь!» - как будто он летел нас спасать - и я, изо всех инстинктов сжавшись в комок, накрепко зажмурил глаза – и вдруг, после неслучившейся смерти, понял, что Илья выпрыгнул из лотка на другой берег!

Опять вспоминаю мешанину своих детских чувств в такт всякому качку: лоток не сорвался! Илюша спасся! А мы как?! И лишь когда внезапно моей поникшей головы коснулась чья-то рука, я понял, что Асрор то ли дождался меня, то ли попросту пропятился назад, и в этой спарке двух тел я почувствовал близкую безопасность...

Мы выбрались из этого лотка и остального я не помню: наверняка не нашли никакой кислички на тех самых альпийских лугах Илюши, наверняка спустились вниз к речке и вдоль по ней вышли в долину, но честное слово, ничего этого я не помню.

Вот такая вот история».

Глава пятьдесят вторая

*Le ciel n'est pas assez ciel pour se refléter sur l'eau,
les arbres non plus ne sont pas créés pour verser des feuilles sur la terre
mais si tu disais que tant de beauté n'est ivre que d'elle même
tu te tromperais. Regarde ce vieux moulin
pendant qu'il change la force du torrent en blanche farine —
ton cœur est aussi lourd qu'une pierre à moudre
et doit aussi disperser une pleine main de tristesse dans les yeux de cette fille
le vent souffle, l'eau coule, le temps grrrrince et crisse comme un moulin...⁴⁵*

Belgi

Рассказывает Андрей Райник – одноклассник Асрора Абутова.

«У нас в классе все были влюблены в девочку по имени Наташа. Она была то ли карачаевкой, то ли ещё кем-то с Северного Кавказа, но мы этого тогда не понимали, а относились к ней просто как к чуду света. У неё были чёрные, смолистые косы; чёрные, как маслины, глаза; чёрные, тонкие брови; чёрные, пушистые ресницы, и выписанные черты лица на безупречно белой коже. Асрор тоже был влюблён в неё, но никогда этого не выдавал.

⁴⁵ *небо не для того небо чтобы отражаться в воде
и деревья созданы не для того чтобы ронять листья на землю
но если скажешь что столько красоты пьяно само собой то
ошибёшься вон та старая мельница что
перемальывает силу потока в белую муку
и твоё сердце тяжело как мельничный жернов
для того чтобы перед этой девушкой сдуть с ладони горсточку печали
веет ветер вода течёт время проходит скрипя...*

Белги

Я однажды сам распознал это. Дети – они намного умнее и коварнее, чем это принято считать во взрослом состоянии. Однажды Наташа была дежурной по классу, и после субботних уроков осталась убираться: намывать доску, протирать полы. Мы же играли на школьной площадке в футбол. Посреди игры я вспомнил, что забыл портфель в классе и пошёл обратно. Наташа уже кончала уборку, я попросил её подать мне мой портфель, чтобы не следить по только что вымытому полу, она мне его подала, но когда я вернулся к пацанам, которые уже сидели под деревом в тени, то что-то непонятное понесло меня, и я, как какой-нибудь Илюшка Пентакиди, стал рассказывать, что вошёл в класс, а Наташка, согнувшись «раком», мыла полы... Я подошёл к ней сзади, и...

До сих пор помню, как среди сального смеха всей пацанвы, вспыхнул Асрор, как он ушёл, будто бы за мячом, и больше уже в тот день не вернулся. Но, как я сказал, если все мы говорили, что «бегаем» за Наташкой, Асрор в этом никому и никогда не признавался. Правда, в седьмом классе, после смерти его матери, он уехал к своей бабушке в другой город, и девочки нам рассказывали потом, что Наташка стала переписываться с ним, и что у неё есть его фотография.

Знаете, как обычно бывает: самые красивые девочки, за которыми «бегают» все, в конце-концов остаются без никого, так и Наташка к десятому классу осталась сама по себе – все разобрали простеньких, но доступных Ленку, Айчирёк, Нурию, а за ней попытался прихлестнуть лучший друг Асрора Якуб Алимджанов, да ещё один - Витёк Гузев, но не знаю, что из этого вышло.

После десятого класса она уехала в Самару, который тогда ещё был Куйбышевым. Туда же, по-моему, поехал и Викач Гузев. Я не знаю, переписывалась ли Наташа к тому времени с Асрором. Но однажды, когда она возвращалась ночью с танцев, её по дорогешиб насмерть грузовик – ей было всего восемнадцать. Я знаю, что Якуб рассказал об этом Асрору, и я знаю, что Асрор был страшно потрясён... А то, что он стал поэтом – этого я не знаю...»

Глава пятьдесят третья

Если бы Ёсира назвали «военным корреспондентом», он бы наверняка оскорбился. Не считая самого начала первого года, он ведь воевал наряду со всеми – выходил в ночные атаки, отступал под огнём вертолётов, стрелял, отстреливался. Правда, когда после боёв их разнонациональная команда, состоящая не только из своих узбеков, кыргызов или уйгуров, но и таджиков, чеченцев, арабов, хорохорилась вопреки минувшему страху смерти и на общем русском языке подсчитывала, кто кого и как убил, Ёсир, как правило, уходил в сторону – и все допускали – это для отчёта Центру. И доколе никто не мог обвинить их ни в трусости, ни в поражении, пусть с раздражением, но этому «корреспонденту» позволялось отделяться от горячего разговора вокруг костра.

Ёсир, конечно же, читал книги «военных корреспондентов» со второй мировой войны, которую до сих пор считали даже у них «Великой Отечественной». Ему всегда было неловко за этих «командированных», которым, чувствовалось по каждой строке, было неловко и самим ошиваться где-то по штабам в тылу, командирским землянкам или полевым госпиталям, а потом описывать героизм передовой. Нет, у Ёсира тутошняя жизнь и война были другими, хотел подумать «настоящими», но была во всём этом некая непонятная игрушечность, когда даже посреди боя под трассами пуль Ёсир вдруг ощущал себя посреди чирчикского полигона на летних командных учениях, когда враг обозначался названием «вероятного противника». Так и здесь – против кого и за что по существу воевал он или его соратники?! Против Каримова и его коррумпированного режима? Так они далеко в Ташкенте, пыхтят наверняка над пловом да бутылкой коньяка... За святое дело Тахира Юлдаша?! И он наверняка в Кабуле сидит за пловом с арабскими шейхами, и тоже пыхтит...

Но эти мысли вышибала внезапная мина, взрывававшаяся в десятке метров от тебя, которая бросала его на камни, и вслед осыпающимся осколком, да кускам человеческого тела, сыпалась свинцовая очередь по твою жизнь...

Эти крамольные мысли никогда не возвращались на джайляу Шивер, за Ходжа-Ачканом, когда они возвращались на базу и долго отмывались в горной реке, возвращаясь к сонной рутине до новой вылазки.

И всё же к концу второго военного сезона, когда у них побывал Амир Мухаммад Фарук, или же просто Тахир Юлдаш, через неделю вместе с четырьмя арабами к ним на Шивер пришёл и человек от Зубайра, который в тот же вечер отозвал Ёсира в сторону и вручил ему письмо от пресс-секретаря. Письмо было в обычном духе Зубайра, который долго цитировал невпопад Коран, призывая Ёсира к праведной борьбе, и лишь в конце этой агитки он сообщал, что недавно прибывший с родины человек принёс известие о том, что его брата Аброра забрали в милицию.

Ёсира как будто ударило током: как?! каким образом?! Ведь никто не знает его брата... Во-первых, он киргизский гражданин, во-вторых – носит отцовскую, а не дедовскую фамилию, в-третьих, он мирно учится в Самарканде – в торговом институте, в-четвёртых... Но почему же?! Почему?! Ведь и Аброр ничего не знает о своём брате, кроме того, что тот – поэт, отшельничающий то в горах, то в городах... Они давно уже не зависят друг от друга, разве что редкое письмо раз в год...

Ёсир перечитывал раз за разом эти строки, в промежутке между цитатой и цитатой и силился понять, что же это значит...

Глава пятьдесят четвёртая

Рассказывает брат Белги - Аброр Ахмадалиев:

«Летом 2000 года в пятничный день, когда я вернулся из мечети в общежитие института, у подъезда меня ждали двое молодых людей, которые, переспросив моё имя, показали удостоверения и приказали садиться в их машину. Хотя я и был наслышан о всякого рода инцидентах с верующими, однако со мной они обращались вежливо, и самое главное, не стали заламывать руки за спину, чтобы в это время засунуть в карман анашу или ещё какую гадость. Но, честно сказать, никто из нас уже не носил ни брюк с карманами, ни пиджаков, а те, у кого они были – попросту зашивали их на всякий случай.

Я, разумеется, приготовился к худшему: думал, что сейчас начнут избивать, пытаться, вбивать гвозди под ногти – всё то обычное, о чём рассказывали люди, но мне, напротив, в пустом кабинете начальника предложили чай и сигареты. Я сказал, что я не курю. Поначалу я с испугом подумал, что, может быть, что-то случилось с братом. Дело в том, что

как он уехал в 97 году в Москву, с тех пор от него не было никаких известий – если не считать пару писем без обратного адреса, в которых он присылал деньги и писал, что у него всё хорошо.

Но один из молодых людей достал из папки какую-то бумагу с моей студенческой фотографией и, укоряя меня, стал говорить, что вот, мол, институт сообщает, что учусь я на «отлично», и в то же время хожу в мечеть. Я согласился, и, наверное, сделал правильно, поскольку теперь они оба поперебивку стали говорить, что, дескать, все мы – мусульмане, но вот, мол, по нашей земле теперь распространилась зараза и «ваххабизма» и «Хизбут-тахрира». Я сказал, что я ни к тому, ни к другому не отношусь, а просто, раз в неделю, по пятницам сам по себе хожу в мечеть, когда того позволяют уроки. Они как бы отчитывались передо мной в том, насколько вредны эти течения, что им приходится бороться с ними не на жизнь, а на смерть, но что всё равно, они перебьют хребет этой заразе. Я только молча кивал, не зная, куда всё это приведёт.

Потом один из них вытащил из грудного кармана фотографии, и бросил их на стол передо мной. «Вот, что происходит с теми, кто против нас, против независимого Узбекистана!» На фотографиях были изображены голые обезображенные тела молодых людей с ожогами, порезами и подтёками. «Дохнут, как собаки!» - добавил он и пронзительно посмотрел мне в глаза.

«Нам нужна ваша помощь...» - шепнул мягко другой. «Ты ведь любишь свою родину?» - то ли спросил, то ли подсказал первый. Я опять согласно кивнул своей тяжёлой головой. Говорить ли мне теперь, что я гражданин Кыргызстана, или лучше промолчать, чтобы не навлечь на себя этого же самого, что лежало в фотографиях прямо перед моими глазами...

«Нам нужно немного: сначала будешь сообщать, о чём разговаривает молодежь в мечети, потом посмотрим...» «Вы ведь знаете, как интересно быть разведчиком...» - шептал другой. - «Может быть, раскроете ячейку «Хизбутчиков»...»

Словом, они меня вербовали. «Можно, прежде чем ответить, я хорошенько всё обдумаю», - сказал я, боясь между тем, что, сочтя за отказ, один из них или врежет мне промежду глаз, или просто заключит в каталажку, чтобы я думал там, под присмотром. Но, нет, они согласились. И той же ночью, никому ничего не сказав, я бежал сначала в Ташкент, а оттуда в Россию...

Глава пятьдесят пятая

На Аброра, того самого младшего брата Белги, о котором он писал в своих «Акварелях», меня навели мои московские друзья, у которых он и искал своего пропавшего без вести брата. Там, в Москве, на квартире одного из художников – из наших общих друзей, я ему рассказал всё, что знал о Ёсире. Поначалу Аброр попросту молчал, подкивывая в такт моему долгому рассказу головой, потом, где-то к концу тяжело сказал: «Я так и знал...» Что он при этом имел в виду, я как-то не уяснил, но зато я запомнил и в тот же вечер записал его рассказ о том, как брат его всегда считал, что выпавшее на человеческую судьбу не может быть ни сметено, ни исправлено, и это надо просто нести как участь, как бремя, как награду.

«После того как брат забрал меня от бабушки к себе на городскую квартиру, которую он снимал в районе сельскохозяйственного института, он решил, что я должен учиться в республиканской школе-интернате для художественно-одарённых детей, что ровно на противоположном конце города – на 23 квартале Чиланзара. Я помню, что были некие экзамены, меня просили что-то нарисовать, я нарисовал какие-то каляки-маляки, и меня приняли в эту школу, поскольку в ней всё равно был недобор. Увидев в школе детей, приехавших отовсюду и оставляемых здесь родителями, я поначалу испугался, что брат меня тоже собирается здесь оставить на полное попечение учителей, но он сказал, что я буду ездить из дому.

Первую неделю он взял с работы отпуск без содержания и возил меня исправно каждый день как в школу, так и из школы. Мы просыпались до семи, быстро завтракали, в семь часов утра садились на девятнадцатый автобус и ехали до конца, где пересаживались на метро и ехали до станции «Чиланзар». Там опять поднимались вверх и садились на двадцать третий троллейбус, который довозил нас до интерната к девяти часам. Я бежал сразу на уроки, а брат уходил в какую-нибудь тутошнюю библиотеку или же уезжал обратно в город по своим делам. К четырём тридцати, когда мы кончали свои домашние задания на продлёнке, он приезжал обратно и забирал меня домой. И мы опять повторяли тот самый маршрут: троллейбус-метро-автобус. На обратном пути я обычно засыпал, и переходил со станции на остановку в каком-то полусне, но помню, что брат никогда не брал меня на руки, заставляя меня самого вышагивать свой путь.

Через неделю он и вовсе отпустил меня в дорогу одного, правда, вечером, когда он приехал за мной, брат рассказал, где я осекался, где я суетился, поскольку оказывается, утром следовал за мной. Но с тех пор ранним утром он сажал меня на девятнадцатый автобус, и я пускался каждый день – четыре четверти года – начиная с восьми лет, в свой путь через весь город и обратно...

Правда, брат выговорил мне возможность оставаться в интернате, когда я захочу, и честно говоря, уже к первому полугодю, когда я сдружился со своими одноклассниками, я иногда предпочитал оставаться на два-три дня в школе, но потом я начинал скучать и по брату, и по дому, и опять ехал через весь город, не озираясь на прохожих и силясь изо всех мочей не заснуть...

Всё мне запомнилось с тех лет долгой, бесконечной дорогой: по выходным мы выходили пусть не в семь, но где-то к девяти из дому и шли берегом Салара в сторон заброшенного Ботанического сада, пересекали его, натываясь иной раз на диких собак, выходили к железной дороге, и шли по шпалам до самого Кирпичного Завода – то ли семь, то ли ещё девять километров по железной дороге, чтобы к полудню или чуть позже дойти до бабушкиного дома и на час-другой забыть об обратной дороге...»

Глава пятьдесят шестая

*Jurup juragimey jig'lar ay astinda*⁴⁶

Belgi

Этот материал из папки ИДУ «Осень-2000» исчерчен красным карандашом и разными пометками. Это – выступление Президента Каримова по поводу событий осени того года.

Узбекский глава увещевает “кающихся” бойцов, чтобы возвратить их домой. Выдержка из сообщения Узбекского Телевидения от 7-ого сентября [Видео показывает церемонию прощания Ислама Каримова в Ташкентском аэропорту] Сегодня Президент Узбекистана, Ислам Каримов отбыл в Нью-Йорк, чтобы принять участие на Миллениум-Встрече на высшем уровне ООН. Узбекский президент дал интервью журналистам перед отъездом. Президент Каримов призвал к реформам Организации Объединенных Наций для скорейших действий по проблеме Аральского моря. [Вопрос] Ислам Абдуганиевич, каковы были ваши чувства и мысли, когда Вы подписали вчера декрет об освобождении от ответственности тех, кто по ошибке присоединился к террористическим группам? [Видео показывает Ислама Каримова, окруженного журналистами] Я думаю, что есть некоторые вещи, которые являются непостижимыми для людей, независимо от того, являются ли они президентом или обычным рабочим. Непостижимо, когда люди поднимают руки против собственного народа, когда люди, кто вырос на этой земле и, как узбеки говорят, ели соль этой земли и пили её воду, под влиянием некоторых отрицательных элементов различных террористических и экстремистских центров, идут с оружием в руках против родной земли. Я вынужден говорить это, потому что это - также их земля, и они были рождены здесь. Они возвращаются на эту землю, чтобы убивать, грабить, жечь и приносить горе матерям, живущим здесь. Это, я думаю, противоестественно. Нет никакого оправдания этому. Это, во-первых.

⁴⁶ идыя сердце моё плачет под луной

Во-вторых. Есть люди, на кого легко влиять, особенно когда они молоды, люди, не имеющие собственных убеждений, собственной идеологии, кто не имеет никакой устойчивой позиции в жизни. Они обманываются, покупаются на доллары. Я хотел бы повториться, они куплены долларами. Их юное, чистое и здоровое стремление делать что-то для себя, для их семейств, для Родины обращается к противоположному. То есть, делаются попытки, чтобы загрязнить их теми идеями, которые являются абсолютно ложными в корне. Это - идеологии экстремизма, ваххабизма, Хезб-Тахрира и подобных тенденций. Их обучение радикально противоречит нашей святой религии, Исламу. С этой точки зрения, что делается в этой области, делается теми людьми, кто является нашими истинными врагами. Эти люди мечтают снова о создании иждивенческого Узбекистана. Они мечтают об установлении здесь теократической системы, некоего Исламского государства или халифата, как они называют это. Они хотят вернуть нашу страну назад к средневековью, в мракобесие, как будто мы не живем в 20-ом столетии. То есть, хотят вернуть нас к восьмым и девятым столетиям. Трудно переварить это, так много мусора в этом для нормального человека. В то же самое время этот мусор, эта чума и болезнь способны к инфицированию умов молодых людей. Наш ожесточенный опыт убедил нас в этом.

Моя идея, если Вы хотите, мое желание, мое искреннее желание, состоит в том, чтобы дать тем людям, кто осели за границей, прежде всего в Афганистане и Таджикистане, дать ещё одну возможность возратить покаявшихся на родину. Они не должны бить себя по груди и лить слёзы, чтобы доказать, что они раскаиваются. Это должно быть в их сердцах. Позвольте им вернуться на родину. Позвольте им вернуться в открытые объятия родителей, их родственников и семейств и жить как все люди, в настоящее время живущие в Узбекистане, наш многонациональный народ, который желает только одной вещи: лучшей жизни, мира и стабильности в нашей стране. Они хотят быть уверенными в будущем наших молодых людей и быть уверенными, что наши старики уйдут мирно с нашей земли.

[Корреспондент по-русски] Как Вы оценили бы ситуацию в Средней Азии, в особенности на границах Узбекистана? Будет ли Узбекистан просить помощи у СНГ

[Каримов по-русски] Я ответил на этот вопрос вчера, когда я посетил Камчикский перевал. Меня спрашивали о том, как ситуация отличается с прошлого года, и до какой степени всё это было опасным. Я должен сказать,

что в этом году мы имеем продолжение агрессии, которая имела место в прошлом году. Возникает вопрос, эта агрессия, кажется, направлена против страны, расположенной в Средней Азии, но есть более сложная, более стратегическая цель, более далеко идущие планы. Вы должны знать то, что это означает. Я сказал бы это просто следующим способом, после того, как мы стали независимым государством, и поскольку я сказал в моей речи сегодня, есть представление среди многих стран, что здесь появился своего рода вакуум. Этот вакуум, которым является оставившая Центральную Азию Россия, нет больше СССР, нет никого, чтобы защитить, так что появился вакуум, который мог быть легко заполнен.

Это весьма опасное и в то же самое время, позвольте сказать, абсолютно неправильное суждение находит своё воплощение сегодня. Появились десятки международных экстремистских и террористических центров, их названия известны, называют их Джихад, Хамас или Хезболлах, или Хезб-Тахрир, или называют их Ваххабизмом и так далее. Есть группа, возглавляемая Усамой Бин Ладеном. Мы знаем их адреса и места их нахождения, их планы, целое международное сообщество знает это. Нет никакой потребности говорить много об этом. Их задача состоит в том, чтобы повернуть развитие, прежде всего политическое развитие, экономическое развитие и всё связанное с этим, всех стран в нашем регионе вспять. Что они используют? Чего они хотят? Они хотят основать своего рода официальное теократическое государство, подобное государствам, которые объявили себя как Исламские Эмираты или кое-что наподобие Афганистана. Это - их задача, и они используют факт, что фактически 82-85 процентов населения - люди, которые следуют за исламом.

Ислам - религия наших отцов, и мы никогда не будем отрицать это. Однако, сотни радикальных, политических тенденций появились в Исламском мире, которые превращают Ислам в политику, то есть используют это как ключевой фактор, и вооружаются, чтобы политизировать эту религию. Мы должны заявить во всеуслышание, что терроризм нашёл опеку в этих радикальных тенденциях. Радикальные тенденции используют терроризм как оружие, они удовлетворяют друг друга очень хорошо, и составляют своего рода цепь, они переплетаются. Каждый из них использует то, что выгодно для них. Радикальные тенденции используют террористов, зомби, и террористы нуждаются в опеке, так сказать, идеологической и религиозной, и в этом смысле опасность не очень просто выяснить и понять то, что скрывается за этим?

Теперь о вашем главном вопросе, до какой степени эта агрессия опасна и до какой степени мы способны защитить нас собственными силами? Если мы говорим о глобализации в мире, будет так называемая встреча на высшем уровне, в начале сентября, встречи на высшем уровне тысячелетия, то есть такого большого названия, - эта встреча и обсудит дальнейшее развитие нашего существующего мира. Как мы как человечество войдём в 21-ое столетие, какие идеи, какие силы определяют развитие? Будет или продвижение, прогресс всех действий государств, которые являются членами Организации Объединенных Наций, или разовьётся подъём этих угроз, и мы сталкиваемся с серьёзной угрозой. Не только подъём, но и полное исполнение планов террористов, радикальных планов, эксплуатирующих возможности роста чтобы повернуть вспять развитие не только отдельных государств, но также и других, там, где легко осуществить эти планы. В этом контексте, теперь, когда мы взаимно связаны вместе, и если мы говорим о геополитике, о глобализации, любая агрессия должна быть осуждена международным сообществом, это мы говорим без всякого сомнения. Использование оружия, применение террористических методов, убийств, грабежей и так далее должно быть осуждено единодушно международным сообществом. Ни одна речь с трибун больших форумов не должна упоминать такие слова, да мы - против терроризма, мы осуждаем это во всех его формах. Я знаю эти слова сердцем. Я читал эти слова так много раз, что я могу чувствовать их сердцем. К сожалению, они - не больше, чем слова в настоящее время.

Что касается меня, я буду говорить международному сообществу с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, что пришло время перейти от слов к делам. Есть много предложений, и эти предложения должны быть осуществлены. Например, Узбекистан предложил основывать анти-террористический центр. Есть другие предложения, типа введения безъядерной зоны. Только вообразите, завтра террористы получили оружие массового разрушения, ядерное, биологическое или химическое, или ещё какое. Что случилось бы с миром? Тогда как сейчас мы не можем справиться с теми, кто используют простые виды современного оружия. Что случилось бы, если они получили ядерное оружие? Только вообразите в течение минуты, что случилось бы с человечеством? В этом контексте, я думаю, сначала, о тех странах, которые действительно борются против терроризма и не занимаются словесными формулировками, должен осудить эту агрессию международных центров терроризма и экстремизма, агрессию против суверенных государств - Кыргызстана и Узбекистана.

Это - первый шаг.

Во вторых, я думаю, что, поскольку мы чувствуем эту угрозу, мы способны справиться нашими собственными силами. Мы никогда не полагались на потребность в ком-то, кто придёт и станет защищать наши границы, как в то верят некоторые. Мы никогда не поднимали эту проблему. Мы способны защитить наши границы нашими собственными силами. Мы нуждаемся в помощи в форме оружия, вооружений, о которых я говорил сегодня. Есть пещеры и ущелья, и мы нуждаемся в приборах ночного видения, огнестрельном оружии с оптическим прицелом, боеприпасах; мы нуждаемся в вертолётах, чтобы отыскивать боевиков в ущельях и уничтожать их. Это - то, в чём мы нуждаемся. В этом контексте я заявляю категорически, мы никогда не просили и никогда не будем просить кого-либо снаружи прибыть и защищать нашу землю и наши границы. Узбекистан в состоянии защитить себя собственными силами. Я говорил об этом с Аскарком Акаевым вчера, и у него то же самое мнение, что мы способны отразить их непосредственно. В чём мы нуждаемся - политическая поддержка, заявления тех стран, которые действительно хотят помочь нам, и, во-вторых, помощь в форме оружия и оборудования, которое позволит нам уничтожить и стереть с лица земли эти тенденции.

[Корреспондент на русском] Вчера было распространено сообщение, что Вы официально обратились к России и просили о помощи.

[Каримов] В конце моей речи я сказал, что две группы бандитов проникли на территорию Узбекистана в настоящее время. Это - остатки боевиков, всё ещё скрывающихся в ущельях в Сариасие и вторая группа, которая просочилась в Ташкентскую область из таджикского Ленинабадской [теперь Согдская] область. Мы знаем очень хорошо, насколько крупна эта группа, мы даже знаем структуру этой группы бандитов. Их было не больше, чем 15 людей. Я уже сказал, что группа, которая проникла в Ташкентскую область, пыталась войти в Джалал-Абадскую область Кыргызстана. Ранее были сообщения, что эти террористы пытались войти в Узбекистан через кыргызскую территорию. Вчера НТВ сказало, что террористы и исламисты пробовали ворваться в Ферганскую долину через Кыргызстан и основать Исламское государство там, используя поддержку мусульманского населения в Ферганской области. Было такое сообщение. Ранее происходившее подтверждает это. Теперь я хотел бы сказать, что те, кто прибыли из Аштского района

Ленинабадской области в ташкентскую область, пробовали добраться до Джалал-Абада. Это - еще один факт для вас, кто говорит, что они не признают никаких границ, и как говорим мы - не знают никаких пределов. Они хотят добраться дотуда, где они хотят осуществить свои планы. Эти действия были запланированы большими центрами, которые имеют, я повторяю большие деньги и власть. У каждого убитого террориста мы нашли большие суммы долларов. Они имели достаточно денег не только для себя, но и для вербовки других и на нашей территории. С этой точки зрения я говорю, что восемь из боевиков были убиты. Операция продолжается. Я могу сказать с абсолютной уверенностью, что через два или три дня эта группа бандитов будет уничтожена.

Что касается Сариазии, я уже сказал, что мы могли уничтожить их давным-давно. Единственная вещь, которая останавливает нас, состоит в том, что мы решили использовать различную тактику. Мы держим их в ущельях, и нет никакой потребности торопиться. Единственная вещь состоит в том, что вход в эти ущелья подвергает наших солдат опасности. Боевики определили свои боевые посты, они понимают, что они обречены, и что им нечего терять, но мы не хотим терять наших людей. Так или иначе, очень скоро, я не могу дать точную дату, эта группа будет также уничтожена. Согласно сообщениям, там не больше, чем восемь или девять человек. Поэтому, я не знаю вообще, откуда такие газеты как «Известия» 25-ого августа и Максим Юсин – я не знаю, кто это такой, берут сообщения о больших группах. Здесь я вижу корреспондента «Аргументы и Факты» моего друга Черногаева.

[Черногаев, из числа журналистов] Я не имею никакого отношения к этому.

[Каримов] Да, я хочу спросить Вас ещё кое о чём. Если этот Максим Юсин имеет планы писать о Средней Азии и Узбекистане, посоветуйте ему через ваши источники изучить географию. Он даже не знает границ между Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном. Делая такие, я бы сказал, неадекватные заявления без того, чтобы знать границы, без того, чтобы знать что-нибудь о регионе, ведь всё перемешано здесь, каждый, кто делает такие неадекватные заявления о нациях, что живут здесь, о казахах, узбеках, кыргызах, и делят ту же самую судьбу и так далее, должен быть призван к ответу. Содержание этих заявлений должно подорвать доверие между людьми, живущими на этой территории. Это - моя оценка провокации господина журналиста Максима Юсина, но я знаю, что это - не его работа. Мы не знаем его как журналиста. Если он мог бы прибыть,

встретиться и поговорить с людьми, которые работают и живут здесь, я обсудил бы это с ним.

Я уверен, что это является так называемой агиткой в кавычках, изготовленной некими силами, которые чуть позже дали сообщение в «Комсомольской Правде», о том, что город Ташкент был окружён приблизительно 300,000 ваххабитами! Все жители Ташкента должны быть подняты по тревоге, если эти ваххабиты, поддержанные ещё 100,000-ми пытаются захватить Ташкент. Это сообщение было дано полтора месяца назад. Поскольку Вы можете увидеть собственными глазами, что нет никаких ваххабитов, а «Комсомольская Правда» и не думает о представлении извинений за эти глупые вещи, как их назвать иначе, да, глупые вещи, которые распространены на её страницах. Именно поэтому я хотел бы сказать, что ситуация усложняется. Кто-то очень хочет, чтобы население нашего региона, я имею в виду людей в Средней Азии, Узбекистане и других государствах, были всегда под давлением. Они преследуют свои планы в третьем направлении. Я сказал это в моей речи сегодня, и я повторяю это снова, что, если кто-то хочет подвести нас к яме, настроить против Афганистана, вовлечь нас в Афганскую войну, против Афганистана, они ошибаются. Мы не играем в эту игру, и мы не будем делать этого. Не будет никаких превентивных или профилактических ударов против любой территории. Мы защищаем только наши территории. Мы уважаем международные нормы, международные права, и мы не имеем никаких планов нарушать их. Мы не имеем никаких планов вовлечения в ползучую войну и не позволим другим использовать это. Мы против того, чтобы мы всегда зависели от поставок оружия, и так далее, возможно это в чьих-то планах, мы не имеем никаких таких планов, мы - категорически против этого, и мы не собираемся осуществлять никаких превентивных ударов. Я сказал это вчера, и сегодня я хотел бы повторить это.

Иногда меня спрашивают, имеют ли они базы непосредственно в Тавильдаре, Каротегине и Гармской области. Вчера немецкий журналист спросил меня, будем ли мы осуществлять превентивные удары. Я объявляю категорически, что в апреле в этом году мы приняли соглашение в Ташкенте среди четырех государств - Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана и Казахстана - который точно определяет методы и пути помощи друг другу в случае агрессии против любой страны. Определенно в этом случае я хотел бы сказать, что только правительство Рахмонова, кого я непосредственно как президента Таджикистана уважаю и полагаю, что он - единственный человек который смог установить порядок в

Таджикистане, он и его правительство должны повернуться лицом к... если они считают это необходимым, к борьбе с бандитскими формированиями, которые закрепились в Тавильдаре, Джиргатале, Хоите, Каратегине и Гарме, так вот, если он самостоятельно не может справиться с ними, он должен обратиться к тем государствам, которые могут помочь ему.

Объединенные меры будут приняты только после его обращения. Не будет чего-нибудь ещё и тогда не будет никакой потребности разыгрывать нас друг против друга. Я повторяю снова, что есть законное правительство в Таджикистане, правительство Рахмонова, Президента Рахмонова и только Рахмонов и его правительство решат, нуждается ли он в помощи, чтобы отвратить эту угрозу и опасность. Боевики имеют базы непосредственно на его территории, и только он может просить о помощи. Нет никаких других методов, и не будет, я повторяю снова, не будет. Сегодня, обращаясь к таджикскому народу с трибуны парламента, я еще раз сказал, наша цель и наш запрос, наше обращение, если Вы хотите, это - мир, который будет в наших домах и в ваших домах только тогда, если мы все не позволим бандитам и террористам, базирующимся в Таджикистане проникать в соседние территории Кыргызстана и Узбекистана, пока, те не могли пойти ещё дальше в будущем. Его территория не должна быть прибежищем для террористов и различных типов бандитов, которые окопались там. Они не имеют никакой национальности, родины, Они не имеют никакой веры, и мы понимаем это очень хорошо.

Именно поэтому, попытки настраивать нас друг против друга, попытки создания противоречий здесь, я рассматриваю, как сказал Евгений Максимович Примаков, неконструктивными [усмехается]. Хорошо, Черногаев, спрашивайте ваш вопрос. Вы ведь не можете, чтобы не задать вопрос, не так ли? Только не толкайте девочку.

[Черногаев, из толпы журналистов] Ислам Абдуганиевич. Вот уже в течение нескольких дней идут слухи, что Вы уже непосредственно обратились к России с запросом определенной военной помощи. В понедельник и вторник 28-ого и 29-ого августа там была делегация Узбекистана. Что Вы можете сказать об этом, пожалуйста?

[Каримов] В декабре 1999 мы заключили соглашение по военному и военно-техническому сотрудничеству с Россией. Вы знаете это. Я повторяю: по военному и военно-техническому сотрудничеству. В соответствии с этим соглашением мы имеем право на сотрудничество по вопросам оборудования нашей армии, укрепления её защитной способности, укрепления её с точки зрения оборудования, боеприпасов, прежде всего

защиты нашего воздушного пространства. Мы проводим работу в этом направлении, и это не связано с агрессией, имеющей место на нашей границе. Это абсолютно не связано с этим. В течение нашей встречи на высшем уровне в Бишкеке - секретарь Российского Совета Безопасности, Сергей Борисович Иванов был там также - мы обсуждали всё подробно. Если бы я нашел необходимым обратиться к нему с определёнными запросами в этом случае, я сделал бы это там. Что касается наших военных людей в Москве и переговорах там, это связано с соглашением, подписанным между Узбекистаном и Россией. В соответствии с этим документом сегодня мы осуществляем приблизительно 25 проектов. Это - взаимные поставки, выполняются обеими сторонами. С нашей стороны есть некоторые узбекские предприятия на нашей территории, которые поставляют необходимое, позвольте сказать, оборудование. Это военное и технологическое сотрудничество. Недавно, четыре дня назад, наш министр обороны посетил Китай и подписал подобный документ в Пекине о военном и техническом сотрудничестве с Китаем. Факт, что наш министр был там, не подразумевает, что мы просили их об определённой помощи, чтобы отразить агрессию террористов и боевиков. Это - мы сотрудничаем с теми странами, с которыми мы способны сотрудничать и которые помогают нам укреплять нашу оборонительную способность. Это - всё. Нет ничего иного.

[Корреспондент по-русски] Будет ли запланировано большее количество ассигнований на оборону в следующем годовом бюджете в соответствии с этими событиями?

[Каримов] Когда я стоял на трибуне парламента, я имею в виду на предыдущей сессии парламента, я говорил о реформах, которые мы осуществили в вооружённых силах Узбекистана. Между прочим, если Вы - очень внимательный журналист и обозреватель, недавно Руководитель Генерального Штаба Российской армии Квашнин, проводил учения в Сибири. Это было испытание сил, попытка создать новый вид, позвольте нам сказать, координации сил между различными типами единиц, с тем, чтобы, что Генштаб Российской армии мог координировать вооружённые силы и руководить не только Российской армией в течение некоторого периода, но и пограничниками, Министерством Внутренних Дел и т.д. Таким образом, создаётся своего рода абсолютно новая модель регулирования армии. Я бы сказал не только для армии, но и для вооружённых сил в целом. Мы осуществили это намного ранее, чем Россия. В течение

полтора лет мы приняли все соответствующие документы. В нашем предыдущем парламенте мы приняли эту концепцию, и в соответствии с этой концепцией сегодня мы преобразуем нашу армию. Это - создание пяти округов, мы ушли намного далее; каждый округ - своего рода комплекс, где командующий округа, а также министр Косимов, даёт распоряжения, и под ним будут военные советы юго-западного военного округа или Ферганской долины, мы называем это восточным округом. Округ включает не только вооруженные силы нашей армии, он включает Специальную Целевую группу Министерства Внутренних Дел, пограничных войск, Министерство Чрезвычайных Ситуаций и всех других, кто обладает оружием. Цель состоит в том, что Ферганская долина должна быть управляемой с точки зрения управляемости из одного определенного штаба. Квашнин делает попытку этого, но пока, я не знаю, это - первые шаги. Мы идём далее в этом направлении, и в этом контексте реформа армии находится в полном порядке. Недавно мы одобрили новый список членов штата наших вооружённых сил. Некоторые звания будут изменены в нашей армии; не будет старших сержантов или младших лейтенантов. Мы создаём армию абсолютно нового типа. Подразделения должны уйти, и мы вместо них будем иметь так называемые военные группы, боевые группы. Будет три ряда систем. Три отделения составят взвод, три взвода составят батальон, укрепленный батальон, с дополнительной огневой мощью и так далее, три батальона составят бригаду.

Я раскрываю Вам тайны, чтобы быть определённым. Я могу сказать далее, что в этом направлении мы скопировали опыт и возможности стран, которые ушли далеко по этому пути. Например, мы создали батальон специальных действий; здесь мы следовали за американским примером. Мы не только скопировали, мы изучили их опыт в Луизиане в пределах структуры НАТО. Эти процессы - в процессе разработки, и в этом контексте, когда Вы спрашиваете, будет ли увеличение в ассигнованиях бюджета для военного сектора, я бы хотел сказать, что это определено независимо от того, что имеет место на нашей границе. В соответствии с реформами, мы определили основные вложения до 2005, и в сомах и в долларах, и в соответствии с контрактами с некоторыми странами, которые должны быть осуществлены, чтобы удостовериться для нас непосредственно, что наши вооруженные силы защищают наш покой, стабильность и спокойствие наших людей. Вы задали вопрос. Мы делаем это; только не говорите много по этой теме. Я думаю, что лучше выполнение, чем заявления и крики на весь мир.

Мы делаем, и мы будем делать это, и мы будем делать всё возможное так, чтобы наша армия могла отразить любые попытки агрессии и любых претензий, направленных на нарушение мира и стабильности в Узбекистане. Мы не вторгаемся на чужую территорию, и при этом наша армия не будет сражаться на чужой территории. Мы только хотим в этих трудных горных условиях дать достойный ответ силам, которые нарушают нашу границу. Я повторяюсь снова, что это всё хорошо обдумано. Каждый год мы определяем фонды, в которых мы нуждаемся, и мы найдём их. То же самое будет и в 2001. никоим образом это не связано с ухудшением ситуации, как это идёт, прежде всего, от наших соседей, и, прежде всего от российских средств информации. Позвольте им сообщить Вам непосредственно, какие цели они преследуют?

[Корреспондент на русском] Скажите нам, пожалуйста, было множество сообщений ОРТ, и во множестве иностранных средств информации о надувных лодках и о том, что мятежники готовили крупное вторжение в Узбекистан из Афганистана. До какой степени эта угроза реальна сегодня?

[Каримов] Я слышал об этом, поскольку, как Вы процитировали Российское телевидение, что более чем 300 надувных лодок предположительно были подготовлены в Пакистане, что они были оборудованы двигателями и так далее. Мы в Узбекистане не можем дать Вам точный ответ, были ли они фактически подготовлены или нет. Однако, согласно нашей информации это - блеф. Никто не поставлял никаких надувных лодок, и это - согласно сообщениям, что мы имеем в нашем распоряжении. Никаких таких попыток не наблюдалось на нашей границе. Мы бдительно охраняем границу, мы наблюдаем Хайратон и смежные области. По крайней мере, в области, граничащей на протяжении 270 км между Амударьёй и Афганистаном, мы не наблюдали угрожающих движений или манёвров с афганской стороны. Я хотел бы, чтобы журналисты услышали это, и обратили внимание на это. Позвольте тем, кто также постоянно предлагают это нам, чтобы они успокоилось. Пусть не волнуются, потому что такой разговор только создаёт напряжённость. Я повторяю снова, согласно сообщениям, которые мы видели, мы не наблюдали никаких попыток или манёвров с другой стороны. Именно поэтому я не имею никаких оснований, чтобы говорить, что группа обучается на другой стороне, и они хотят пересечь границу Амударьи. Я не могу такого сейчас. Я думаю, что мы нуждаемся в дополнительной

информации, чтобы подтвердить это, но пока мы не имеем такой информации. Мы сделаем так, чтобы всё было спокойным на другой стороне.

[Корреспондент по-узбекски]

Ситуация, которая возникает, затрагивает ли отношения между Узбекистаном и Таджикистаном?

[Каримов по-узбекски]

Я думаю, Вы знаете, что я дважды недавно посетил Душанбе. Я обещал оказывать помощь в процессе установления мира, стабильности, и гармонии, и помогать всем сторонникам таджикского народа. Я, конечно, сдержу своё обещание. С этой точки зрения, никто не может отрицать события, которые имеют место теперь. Это - были выборы, президент был избран, парламент был избран, сделаны усилия, чтобы установить мир и стабильность, и улучшать экономику. Мы, конечно, поможем людям, кто хочет жить мирной жизнью, поможем настолько, насколько мы можем. Недавно в течение моего телевизионного обращения, я сказал открыто, что мы готовы открыться всеми способами, что мы - против закрытия или блокирования границ. Мы ставим только одно условие, что должен быть мир на этой границе, никто не должен вторгаться на нашу территорию с вашей территории, чтобы никто не должен продвигаться к нашей земле с оружием, никто не должен войти на нашу территорию, чтобы совершать преступления. Это - всё, мы не хотим ничего больше. Если заметить, практически, я думаю, что все наши люди были бы готовы помочь Таджикистану в большей степени. Это - одна нация, говорящая на двух языках. С этой точки зрения Вы спрашиваете, ухудшатся ли отношения между Узбекистаном и Таджикистаном. Отношения между народами Таджикистана и Узбекистана никогда не будут ухудшаться. Это не зависит от лидеров, правительства или президентов. Мы строим демократическое государство. Будут выборы, новые люди придут во власть, и если мы примем во внимание, то заметим, что история постоянно движется. Однако нельзя разрушать отношения между народами. Именно поэтому, держа это в памяти, предотвращая это, я и обращаюсь, если Вы обратите внимание, Вы знаете узбеков очень хорошо, я обращаюсь [Каримов по-таджикски] к дорогим таджикским братьям, чего мы хотим?

[Корреспондент по-таджикски] Мира и стабильности.

[Каримов по-таджикски]

Вы знаете таджикский? [Продолжает по-узбекски] Я изложил им, что мы хотим только это и ничто иное. Позвольте нам быть трезвыми, мы не должны дать пути различным захватчикам и монстрам. Не давайте им прибежище на вашей почве. Это - всё. Я не имею никаких других требований с таджиков. Мы говорим о таджиках, 1.2 миллионах таджиках, живущих в Узбекистане, в Самарканде, Бухаре, в Ферганской долине, и в Сурхандарье. Разве я не рассматриваю их как моих граждан? Кто - они? По этой причине абсолютно неправильно говорить о таджиках и узбеках. О 1.4 миллионах узбеках, которые составляют 26 процентов населения Таджикистана. Возможно ли делить их? Должен ли я отдельно обращаться к ним, говоря, что половина населения в Таджикистане является узбеками? Как это возможно? Только вообразите, возможно делать так на моем месте? Например, при рассмотрении узбеков и таджиков отдельно. Это невозможно. Именно поэтому мой ответ некоторым должностным лицам в Таджикистане, кто не понимают это, кто поддерживают этих монстров, позвольте им сделать их выводы и позвольте им не уничтожать наших отношений.

Узбекский Телевизионный первый канал, Ташкент, 30 августа 00

Глава пятьдесят седьмая

И вот что заявил Амир Исламского Движения Узбекистана Мухаммад Тахир Юлдаш в одном из своих интервью, данном зарубежному радио:

Во имя Бога Милостивого, Милосердного.

То, что происходит на юге Узбекистана в Узунском и Сарыасийском районах Сурхандарьинской области это ответ на неправильную политику каримовского режима. Мы на протяжении восьми лет предупреждали этот режим, и теперь наше предупреждение перешло в действие. Как продолжение священного джихада, который мы объявили против этого режима в прошлом году вот уже четвертый день моджахеды, входящие в Исламское Движение Узбекистана, осуществляют там свой джихад.

Вопрос: Многие отмечают, что это удалённый от важных центров регион. Какова цель джихада, проводимого там, какие вы преследуете цели им?

ТЮ: Мы, Исламское Движение Узбекистана, состоим из представителей всех областей и регионов Узбекистана и это движение способно проводить джихад в любом из регионов Узбекистана, преследуя свои высокие цели.

Вопрос: Только что Министр Иностранных Дел Узбекистана заявил, что боевики проникли туда из Таджикистана, и обвинил таджикские власти, а особенно оппозицию в пособничестве вам. Насколько обоснованны эти обвинения?

ТЮ: Это безосновательное заявление. Мы вышли из Таджикистана окончательно, и прошло уже долгое время, как мы оставили Таджикистан. Это наши братья-мусульмане внутри Узбекистана после подготовки начали эти действия. Что же до заявления – это новая клевета властей против нас.

Вопрос: В первый день этих событий мы звонили в Сарыасийскую больницу и нам сказали, что 6 раненных солдат правительственных войск были там на излечении. Сегодня министр иностранных дел заявил, что трое солдат погибли в боях. Продолжаются ли эти бои, и каковы потери на вашей стороне?

ТЮ: Эти столкновения продолжают в высокогорье Сарыасии, и потери властей намного больше, чем они заявляют. Несколько десятков человек были уничтожены и несколько человек захвачено в плен. С нашей стороны, слава Аллаху, никаких потерь не было. Наши моджахеды самоотверженно воюют за свои высокие цели, и бои продолжают и сейчас.

Вопрос: В первый день этих событий стало известно, что чабаны в горах были взяты в заложники. Какова их судьба?

ТЮ: Эти слова безосновательны, мы не имеем ничего против нашего мусульманского народа, мы боремся против режима и насильников ташкентского режима. А всё остальное – это клевета против нас.

Вопрос: Вы сказали, что солдаты правительственных войск взяты в плен. Какова будет их судьба?

ТЮ: Будущее покажет. Режим держит сотни тысяч наших сторонников в плену, под арестом. Что до этих, то даст Бог, мы разрешим это в будущем. Режим опять распространяет клевету о нас, дескать, в наших рядах есть арабы, пуштуны, туркмены. Это безосновательные заявления. Те, кто воюют сейчас там - все узбекистанцы, преданные моджахеда. Исламское движение Узбекистана категорически отвергает эту клевету. И в особенности заявление о том, что есть туркмены – направлено на то, чтобы вовлечь нейтральную Туркмению в эти события.

Вопрос: Называют цифру ваших боевиков в районе действий: от 70 до 100 человек. Насколько верна эта цифра?

ТЮ: В нашем движении не десятки, и даже не сотни, а тысячи членов. И движение не среди десяти или семидесяти, как они утверждают, а среди намного большего количества людей. Поэтому мы не можем сказать их число, поскольку это военная тайна, но можем сказать, что у нас достаточно сил противостоять режиму.

Глава пятьдесят восьмая

Я повторялся несколько раз, что есть события из жизни Ёсира, о которых знаю лишь я. Я долго думал, рассказывать ли о том, о чём я собираюсь рассказывать теперь, и честно сказать, я дописываю эту главу, когда уже всё остальное в книге написано и даже в некоторой степени отстоялось. Мне долгое время не давала покоя одна фраза, будто бы случайно обронённая Зубайром в одном из его писем, привезённых мне из Афганистана, где он среди других цветистых фраз, совершенно невпопад говорит о том, что фильм «Нидо», который они сделали с Ёсиром, они все посмотрели «у Шайха».

«Шайхом» в Исламском Движении Узбекистана звали лишь одного человека – Осаму бин-Ладена. Зубайр, как личность довольно заурядная, любил, по всем приметам, щегольнуть своим положением, своими связями. Мне рассказывал один из зарубежных журналистов, как долго «охотясь» за интервью с Джумой Намангани, он играл на этих самых струнах Зубайра, который однажды взял и пообещал устроить это небывалое интервью, и вот в один из прекрасных дней телефон этого журналиста зазвонил. Это был Зубайр, как всегда не по росту вальяжный и полный собственной значительностью. Но на этот раз, как сказал мне тот самый журналист, он не производил впечатления стоящего рядом с Тахиром Юлдашем и сверяющего каждое слово, прикрывая трубку рукой. Он сказал тогда: «Вот, тут один человек хотят с Вами поговорить», - и передал трубку кому-то.

Мой друг, конечно же, догадался, кто был на другом конце спутниковой линии, правда, его при этом, как он признавался, поразил тонкий и сладкий голос собеседника, тут же произнесшего: «Ассалому алайкум, я Джумабай...». Да, это был Джумабой Намангани. По времени это было между первой и второй баткенской войной, стало быть, ближе к весне 2000 года. Они обменялись дежурными любезностями, в конце которых мой друг сказал, что Джуму невозможно поймать для интервью, на что тот ответил: «Такая у нас профессия – быть неуловимым». Посмеялись, потом журналист спросил командира, можно ли его проинтервьюировать, коль скоро весь мир уже говорит о нём, а он ни разу ни объявлялся на публике. Джума ответил: «Мы лишь люди военные, вот здесь есть идеологи, которые и говорят за нас». Мой друг нажимал на то, что, дескать, мир хочет узнать о Джуме, как о личности, поэтому было бы интересно записать

его беседу просто о жизни, кто он, что он, на что Джума опять же вежливо и сладко сказал: «Придёт время, как-нибудь посидим, и обязательно поговорим!» Потом добавил: «Вообще-то я не говорун...» Как и все наманганцы, Джума обращался к своему собеседнику в третьем лице, они поговорили ещё о том-о сём, потом Джума сказал: «Если хотите узнать что-то о нас, у нас есть и свой человек – Ёсир, на него можно будет выходить через людей, которым я передаю трубку...»

После сладкоречивых прощаний он передал трубку Зубайру, и Зубайр, опять полный собой, произнёс: «Ну что, мы держим свои обещания?!» (Кстати, совсем недавно стали распространяться слухи, что Зубайр, как агент узбекских спецслужб, был застрелен Джумой Намангани, перед самой смертью последнего, но как недоказана и недосказана сама смерть Намангани, так и трудно что-либо сказать или доказать по поводу убийства им Зубайра).

Так вот, Зубайр всегда любил щегольнуть или именем, или высокой связью. Но по поводу того самого письма, где он упоминает «Шайха», я позвонил своему другу - журналисту, который довольно плотно знал всё это движение, и в частности Зубайра, время от времени названивавшего ему о «самых последних достижениях ИДУ». И он мне подтвердил, что эта встреча произошла. Чуть позже он дал мне номер телефона одного из узбеков Афганистана, который и рассказал мне скудные подробности этой встречи.

К «Шайху» их – Зубайра и Ёсира забрали не так, как обычно забирали редких иностранных журналистов – большей частью пакистанцев или арабов – с завязанными глазами, или ещё хуже – с мешком на голове, нет, их посадили в крытый Джип со шторками на окнах, и двое автоматчиков сели по двум бокам, как бы охраняя их от возможных дорожных происшествий. Причём, разумеется, всё это они узнали после встречи, а до того Зубайру спешно позвонил Амир Мухаммад Тахир Фаррук, и приказал взять с собой фильм и ждать Джип, который заедет за ними в Штаб.

Ехали они долго, впрочем, всякая дорога в Афганистане долгая и утомительная, их Джип колыхался по колдобинам то ли пять, то ли шесть часов. Ёсир вышел из ночного дежурства, а потому засыпал на ходу, Зубайр производил впечатление своим арабским на немногословных охранников-арабов, апеллируя всё больше к авторитету своего земляка – Имама Бухари. Арабы – из уважения к Иمامу, не затыкали Зубайра, так и ехали они, среди гула мотора и непрерывной арабской речи пресс-секретаря. Ёсир, в полудрёме, не понимал, почему они так долго едут, поскольку полагал, что их везут к какому-нибудь Вакиль Ахмад Мутаваккилю, с которым Тахир Юлдаш был на короткой ноге, чтобы передать этот фильм какому-нибудь арабу, ведущему вебсайт «Бадр» или ещё кому...

В конце концов, Ёсир потерял чувство времени, и когда машина остановилась раз, а потом ещё несколько раз, пока в неё просовывались головы свирепых арабов, и, наконец, стала, и на этот раз задняя дверца Джипа распахнулась, на улице, а вернее во дворе стояла такая же тьма, как и в машине. Это явно была не резиденция Вакиль Ахмада Мутавккиля: горный кишлак, остро напоминающий Ёсиру его родной Эски-Наукат, ударил снежной прохладой в нос; яркие и зрелые звёзды стояли над головой...

В это время их стали обыскивать, ощупывая каждую складку одежды. Но и здесь Ёсир ещё не понял, куда он попал. Было смешно наблюдать за пыжащимся Зубайром, пытающимся шутить по-арабски, но люди здесь занимались своим делом: они гаркнули на пресс-секретаря, и он тут же замолк...

Их повели какими-то тёмными дворами – из двора во двор, однажды Ёсир попал в цыганские закоулки ташкентского Ача-абада, там его закружили точно также, пока не обобрали до последней копейки, и вдруг это озорное ощущение пустого цыганского проказничания проснулось в нём, и он уже не страшился ничего. После всех этих глиняных и каменных лабиринтов, их ввели в афганское жилище, в которой их ещё раз досмотрели, потом через ещё одну комнату в другую, и там велели сидеть и ждать. Напротив их сидел молчаливый араб, который мерно покачивался в такт своей молитве, Зубайр теперь важно молчал, Ёсир купался в своих детских ощущениях этих самых кишлачных жилищ, где можно сидеть часами в безделии, разглядывая углы и ниши под голой двадцативаттной тусклой лампочкой.

К этому времени и Зубайр, и Ёсир твёрдо знали, куда их привезли. Прошло около часа, когда из-за афганского келима, не там где была дверь, а сквозь стену вдруг вышел человек, и пригласил их по-арабски последовать вслед за ним. Они опять прошли через комнату с вооружёнными шахидами, и вошли в небольшое, но очень уютное и благоухающее пряностями помещение, в котором сидело вдоль стен несколько человек, включая Амира Тахира Юлдаша. Зубайр внезапно упал на колени и стал «бить челом» - так это смотрелось опешившему от неожиданности Ёсиру. В замешательстве раздался голос Амира, сказавшего по-арабски: «С их уважением к Вам даже мы ничего не можем поделаться...» Ещё более мягкий гортанный голос раздался в ответ: «Субхан Аллах...» - «Достохвален Аллах...» Амир указал им взглядом место у входа, куда они должны были сесть, и Ёсир, придерживая разволновавшегося Зубайра, сел на колени перед обильным дастарханом.

В комнате сидело шесть человек, и Шайх, во главе дастархана, опирался спиной на приклад автомата, висевшего над ним на стене. В мгновенной тишине он обратился к Зубайру: «Как вы добрались?» Зубайр бросил быстрый взгляд на Амира, и, получив утвердительный кивок, воскликнул: «Слава Аллаху, дорога к Вам была благословенной, как дорога в рай...» Все вокруг деланно улыбнулись этим словам, прищёпывая «Субхан Аллах!», но Шайх пропустил это мимо ушей, и опять своим болезненным и сломанным голосом произнёс: «Наш брат сказал нам, что вы приготовили фильм о трагических злоключениях мусульман и мусульманок святого Мавераннахра, я надеюсь, вы не будете против, если мы все посмотрим его, и подумаем, что делать дальше...» Здесь вступил в разговор Амир. С редкой улыбкой на лице он стал говорить о том, как хорошо мусульмане Мавераннахра знают благие дела Шайха, как они говорят о нём в мечетях и на своих собраниях, а молодёжь идёт с его именем на бой с сатанинским режимом коммунистов и сионистов...

Ёсиру было неловко слушать эти слова, и не только неловко, но и страшно, коль скоро он выступал свидетелем этого подвострастия, которое ещё с большим рвением подхватил Зубайр: «Вы знаете, наш Амир из скромности говорят лишь о части той любви, которая существует в нашем народе к Вам, Амир знают, что мы получаем известия о том, что в священной Бухаре мусульмане называют Вашим именем своих детей...» Опять все вокруг дастархана воскликнули «Ма шаъ Аллах!» - «Чего возжелает Аллах!», и лишь бледнолицый Шайх Усама с неким утончённым высокомерием сказал: «Ах, когда бы, благодаря Аллаху и его Пророку – мир пребудет с ним, наша ответная любовь лишила их страданий на этом и на том свете...»

За этими разговорами один из сидевших рядом с ними, взял кассету и, отодвинув шторку за их спиной, включил роскошный телевизор с плазменным экраном, настроенный на Аль-Джазиру. И вот под печальный танбур Тургуна Алиматова начался ёсировский фильм «Стон».

Давным-давно Ёсир придумал сценарий мультфильма. На самом деле, не придумал, а это сценарий приключался с ним каждый вечер, когда в Ташкенте, в своей городской квартире он укладывал спать своего братишку. Он сидел в тёмной комнате, в ногах у засыпающего братика, и смотрел в тёмное окно. Напротив их дома стоял другой многоэтажный дом, и Асрор разглядывал окна этого дома: в одном окне весь вечер смотрели телевизор, в другом окне росла пальма, и виднелась дверная ниша в форме арки, где изредка появлялась женщина, одетая в красное, в третьем окне старушка кормила нескольких кошек, в четвёртом – пьяница-муж получал скалкой от стервы-жены. Словом, в каждом окне светилась своя собственная жизнь.

А потом эти окна один за другим гасли. Оставалось одно, в котором лохматый человек курил и строчил что-то на пишущей машинке: писал ли он роман, дописывал ли диссертацию, или засыпал очередную жалобу – Асрор ни за что не мог догадаться. Но и это окно гасло, и тогда в пустом окне отражалось собственное лицо Асрора, и капли ночного дождя скатывались по стеклу подобные его слезам...

Вот это и был собственно сценарий того самого мультфильма. И именно этот сценарий сознательно и бессознательно хотел повторить в своём фильме «Нидо» Ёсир, рассказывая, судьба за судьбой, открывавшиеся и затем гасшие окна людских историй, отразившие в итоге его собственную судьбу и его собственное лицо...

Пока шёл фильм, Ёсир вспоминал это давнишнее ощущение пустого окна, ощущение ташкентского дождя и запаха весенней пыли, о котором едва ли знали эти люди, сидящие вдоль стен...

После фильма, кончавшегося на молчаливом лице сироты-мальчишки, глядящего в камеру как в окно, первым заговорил Шайх. Медленно и тихо он произнёс: «Очень много горя в этом фильме. Но горе порождает чувство поиска справедливости, а чувство справедливости ведёт к джихаду. Нам нужно показать, как молодёжь Мавераннахра идёт непреклонно этим путём джихада... И этот мальчик, иншааллах, станет моджахеддином...»

За весь этот вечер Ёсир не произнёс ни слова, его не спрашивали ни о чём, не обращались к нему, не предлагали ни угощений, ни участия в застолье. Он молча наблюдал за собеседниками, и особенно за Шайхом, который зудяще напоминал ему кого-то, и лишь потом он внезапно понял, что видел это утончённо-болезненное лицо с чёрными тенями под глазами на индийской миниатюре, изображающей сидящего в молитве последнего императора из Великих Моголов – Аурангзеба... За этой мыслью он перехватил взгляд Шайха на себе: такие взгляды значат значительно больше, нежели долгие беседы, поскольку остаются навсегда запечатлёнными в сознании: человек узнает человека вне слов, так и остались они в памяти друг друга – Шайх Усама и безвестный узбек – Ёсир, в полном понимании, замешанном на опасении, что каждый познал другого сполна.

Глава пятьдесят девятая

Я чувствую, что моя работа близится к концу, но не к завершению. Да и как завершить жизнь человека, которую Бог, быть может, ещё не завершил. Я смотрю на бумажку, которую когда-то я чертил, ещё только приступая к работе, и на ней выстроено дерево, которое начинается со слова «Белги». Потом оно разветвляется на три части: «Прежняя жизнь», «История власти» и «Жизнь в ИДУ». Так я, видимо, собирался рассмотреть биографию поэта. Вглядываюсь в ряд о «Прежней жизни», которая в свою очередь условно подразделена на «Символические сцены» и «Ведущие сцены». Под «Символическими сценами» идут кубики «Формирование», «Узбекскость», тогда как под «Ведущими сценами» - «Ведущие к исламу» и «Ислам».

Потом эти два ряда сцен объединяются под кругом «Событий» и ниже уже идёт перечисление: «Дед», «Бабушка», «Запад», «Собрание», «Москва», «Ташкент».

Под подразделом «История власти» - пустота, хотя видна пунктирная линия к тому, что обильно находится под третьим подразделом «Жизнь в ИДУ». Эта жизнь делится надвое: «Хоит» и «Афганистан». Под «Хоитом» один лишь квадратик, в котором написано: «Разделение/писательство», и следом «Основные события»: «Зарождение», «Таджикистан», «Самостоятельное движение», «Взрывы», «Баткен», «Сарыасия», «Хизбут», «Афганистан», «Последнее». И, наконец, под верхним «Афганистаном» круглешок, где выведено: «Восстановление в своей вере/действие».

И линии вновь смыкаются на «Белги-Ёсире».

Это всё равно, как разбирать стихи Белги. Что я имел в виду, и что из этого вышло. Вдумываясь, я могу просмотреть свою изначальную логику. А потом и то, как я ей следовал в написании этой биографии. Но ближе ли я к пониманию не только общей канвы жизни Белги, но особенно же её последних лет, я не то чтобы не совсем уверен, но преднамеренно оставляю пространство для истолкований. С одной стороны кажется, что этот первоначальный зачин и продиктовал главу за главой, но если присмотреться ещё раз повнимательней, то есть изрядный зазор между тем, куда диктовал план, и куда вело послушное жизни перо.

Когда я отрываюсь на некоторое время от написания этой биографии в силу тех или иных обстоятельств – я заметил, что мне начинает сниться приблизительно один и тот же сюжет. Вы ведь знаете, как несменяемы декорации снов – позавчера при этих деревьях и при этой гравийной дороге вы могли мчаться на машине за покупками, а через пару дней – тот же приблизительно пейзаж, но совершенно другое настроение, а стало быть, и действие, и сюжет. А потому уже никак не распознаешь, что декорация та же...

Так и оказался я в горном селении с разбитой до камней дорогой, и, сойдя то ли с автобуса, то ли, скорее, с грузовика-попутки, пошёл в сторону, в тень дома, где меня то ли должны были ждать, то ли я разыгрывал чужую жизнь, сам же наблюдая за происходящим изнутри. Пока я наблюдал за тем – есть ли во дворе кто-либо, сзади подошёл густобородый человек – чей духовный авторитет был заведомо непререкаем. Я не знал его лично, но наверняка имя его было мне известно, и ещё более известной была его слава, коль скоро я, не зная, кто он, тем не менее, ощутил его значительность.

Пусть он будет Муллой Абдували-кори – так для удобства обозначения. Такие обычно ходят в дервишеских такъях, источая аромат мускуса. В нём и впрямь была некая утончённая праведность, обозначившая контуры того места, куда я попал. А между тем он пришёл, как приходят солдаты к кашевару – по какой-то бытовой нужде, но этого было для меня достаточно.

Я тут же разглядел тогда дальние горы и подумал, что там, между двух вершин, виднеющихся из-за абрикосовых деревьев, должна быть река, а когда

посмотришь с высоты птичьего полёта, то в пойме этой горной реки должен быть лагерь. Пусть он, как обычно, окружён деревьями, а дальше глиняными отдельными постройками, разбегающимися вокруг, но лагерь виднеется отсюда целиком – огороженный ото всего остального и явным забором, и густым частоколом сторожевых тополей.

С этого полёта я оказался в лагере, и на лету ощущая реку, я понял, что Баткен, который я, разумеется, не мог произнести во сне – там, вверх по реке. Было лишь ощущение, какое, скажем, может случиться в Шахимардане – туда выше, где Йордан – посмотришь вверх и наперекор реке и подумает: а там – дорога на Кашгар...

Но быстрее этой речки, несущейся навстречу, быстрее догадки о Баткене – я оказался вооружён. На грудь мне свисал автомат и я шёл вдоль и вверх по реке, поднимаясь, уступ за уступом, всё круче и круче... Поскольку в памяти еще был застолблён лагерь, то и уступы раскрывались пустыми строениями, в которые надо было осторожно вламываться и поливать их автоматной очередью – на всякий случай. И я осторожно поднимался всё круче и круче и за каждым поворотом скидывал свой автомат ЛА 7821 и разливал огонь по теням, шарахавшимся в очередном полуразрушенном строении или бараке.

Чего-то не хватало для полноты ощущения и для полноты картины. Это всё равно, как был намёк на направление, но не произносился этот самый очевидный наяву Хоит или Баткен, и я – в оглашенном поливе очередей изо всех последних сил пытался уцепиться за это самое, отчего, казалось, зависела моя жизнь. И в самый последний момент как будто очередь разорвалась в моих мозгах, и я в такт ей возопил, то ли взвивая восторг, то ли сминая страх: «Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!»

Глава шестидесятая

«Есть упоение в бою, у самой бездны на краю...» Это правда. Мы всю жизнь удивлялись, почему так называемое поколение «военных поэтов» на всю жизнь завязло в давно минувшей войне, как будто ничего большего в жизни вокруг уже не творилось. Все те «афганцы» ли, «чеченцы», или же те, кто воевал в Баткене, с кем я разговаривал, отводили сверкающие глаза в сторону, когда я их спрашивал о том, что они чувствовали во время боя.

Я могу лишь догадываться, что чувствовал Белги, держа закопчённый автомат наперевес, где-нибудь высоко в горах, у ледника Туро, который навсегда останется для нас лишь географическим словом – среди ослепительного, почти чёрного снега, за редким и острым выступом, который ночью хранил от пронизывающего ветра, а днём – от неестественно громкого и отчётливого огня спецотряда «Скорпионов», заброшенных к ним в тыл.

Рация говорила им не суетиться и дожидаться темноты, но до темноты была целая жизнь, а здесь от лавины огня крошились выступы и свистящие пули увлекали за собой лавины снега вниз – в бездну...

Тогда они потеряли трёх моджахедов мёртвыми: их пришлось наскоро закопать в заледеневший снег, чтобы вернуться позже за их телами, только этого уже не случилось никогда, поскольку в ту же ночь, когда они пробирались группками в три-четыре человека известными лишь им тропками назад в сторону урочища и базового лагеря, выпал первый снег нового сезона. Так и остались они – эти юнцы - один андижанец, один ферганец и один ташкентец, обезоруженными, под самыми чёрными небесами, под самым серо-свинцовым снегом...

После таких боёв, когда они отстирывали в своём высокогорном лагере кто окровавленную, кто разодранную о каменистые выступы форму защитного цвета, Ёсир почему-то вспоминал один и тот же момент из своей жизни – бамбергскую поездку, когда их однажды повели в дом местного профессора иранологии Берта Фрагнера, к которому в гости приехал некий знаменитый мусульманский художник-каллиграф, имени которого Ёсир никак не мог вспомнить. Есть в именах иностранцев-иноверцев та же самая отдельная мета – собственность, тогда, как и мусульманские имена, и имена ещё дальше на Восток, скажем, китайцев – однообразны как толпа, как нечто общее и несущественно, именно здесь даже поэты пренебрегают собственным именем и обращаются к себе в отстранённом третьем лице: эй, Хафиз, эй Фузули...

Так и этот мусульманский художник мирового класса обращался и к себе, и к другим, как обращаются здесь намаганцы – в третьем лице: «А сами-то откуда будут...», «Значит, говорят, что пишут стихи, а вот Вашему слуге приходится живописать...»

Тот пир в старинном поместье профессора Фрагнера, расположенном на холме, с которого был виден во всём старинном великолепии красивейший баварский городок Бамберг, удался на славу: изысканнейшие бургундские и рейнские вина, изумительное разнообразие мировой кухни в исполнении профессора, дополненное неимоверно вкусным букетом десертов в исполнении его супруги, и всё это приправленное сугубо интеллектуальными беседами то о Саади, то о Бланшо, то о Нишоти или Бо Вее...

Так вот, оказалось, что тот самый художник открыл наново геометрические законы, лежащие в основе арабской письменности и нумерологии, и даже больше того – в известном смысле он доказал математически, что девяносто девять славных имён Всевышнего или же во фразировке Пророка Мухаммада «сто минус одно имя Аллаха» имеют за собой реальность бесконечно раскрывающегося куба, который и есть в арабском написании – первоточка. Эта первоточка и была в его объяснении атомом в строении как Вселенной вещей, так и Вселенной духа, Вселенной письма. Он быстро набрасывал при этом первую букву алфавита «Алиф» и она состояла из семи точек, как человек в рост состоит из семи частей, равных по величине точке головы... «Но почему именно семь?» - спрашивал он, и тут же раскрывал суть этого числа как математического феномена, вынимая из кармана свой калькулятор и деля на семь все натуральные числа, которые по мановению этой маленькой машины, все как один, уходили в бесконечность, а потом он тут же чертил геометрическую фигуру с семью точками и опять показывал бесконечность путей этого расклада, чтобы тут же развернуть это в спектр, когда опять проявлялись некие законы, за которыми было трудно уследить умом, но сердце спешно стучало в такт... «А потом, когда человек простирается в молитве, он касается земли семью точками...» - завершал художник и переходил к новым чудесам соразмерности и гармонии.

От его новых и новых математических откровений кружилась голова, когда он через то через письмо, то через геометрию, то посредством калькулятора показывал удивительную соразмерность мира, созданного Всемиловитым и приводил при этом как будто бы случайные аяты из Корана, чтобы подтвердить свои исчисления...

Вокруг художника тогда собрался кружок слушателей, но вдруг в чернеющем сумеречном небе ударил гром, и внезапно началась гроза, погнавшая гостей из роскошного сада под крышу. Все смеялись в этой неожиданной толчее, когда чьи-то наспех прихваченные тарелки звенели о серебро чужих ножей, но когда через полчаса опять распогодилось и стало так свежо, что все опять потянулись в сад, кто с чашкой кофе, а кто с пиалкой зелёного чая, художник отвёл поэта в сторону и сказал ему: «То, что я рассказывал чуть раньше, наверняка было известно и Аль-Фараби, и Ибн-Сине, но ни один из них не даёт в своих рукописях ничего больше намёков. Суть этого мира скрыта вуалью, и разве то, что произошло посреди разговора – не знак?»

Слово «Белги» означает в переводе именно «знак». Может быть, поэтому Ёсир очень часто вспоминал тот самый вечер и ту самую вечеринку у профессора Фрагнера, который сам был богат на выдумки и на знаки, и там, под крышей, в минуту нещадной грозы, рассказывал о своей теории улусов: дескать, как только Чингисхан установил четыре улуса – так эта ментальная карта и осталась существовать навека: ведь как иначе объяснить, что Тимурленг ходил походами то на Тохтамыша – гоня его вплоть до Москвы, то на Баязеда, завоёвывая Стамбул, но ведь по существу он не оставлял там своего наместника, а возвращался, лишь установив новый порядок иерархии улусов...

И вот теперь, когда они возвращались опять на зимние квартиры в горах между Таджикистаном и Кыргызстаном, Ёсир размышлял, чтобы окончательно не сойти с ума – какую же ментальную карту они переделывают своими горными вылазками...

Здесь же те, кто спорили о чём-то между чеченцами, арабами и парой узбеков, вместе с таджиками, то лишь о том, что Узбекистан предварил опыт Запада и США со своими взрывами, что и Запад получит то, что получил Узбекистан после 16 февраля – джихад против самого себя, когда не только моджахеды, но и рядовые мусульмане встанут во весь рост против насильников.

Ёсир пытался наложить бамбергские споры на памиро-алайские, и приходил к странным выводам. Но выкажи он сотую долю своих мыслей, его бы не только засмеяли и здесь, и там, но в лучшем случае арестовали, а то и расстреляли бы на месте то ли за антиконституционность, то ли за разложение дисциплины и неподчинение приказам, и тогда Ёсир всё больше и больше уходил вглубь себя...

Глава шестьдесят первая

Вся его связь с внешним миром состояла из звонков Зубайра, которому Ёсир докладывал ситуацию на данный момент, изредка в присутствии самого Джумы, который не очень-то любил приближаться к спутниковому телефону, памятуя Дудаева, поэтому чаще это происходило в присутствии одного из его заместителей – обычно его племянника Ильхома. Тот всякий раз норовил поправлять его, пока Ёсир говорил в трубку. Когда же в редкий раз рядом сидел Джума – Ёсир всякий раз после отчёта оповещал Зубайра о том, что напротив сидит командир, и протягивал трубку Джуме, чтобы тот своим неестественно слащавым, но в то же время нервным голосом обменивался наспех любезностями с Зубайром.

При том, что Зубайр был теперь руководителем Девана ИДУ – своего рода генеральным секретарём, наряду с тем, что в то же время являлся и пресс-секретарём, однако весу у него особого не было. Ёсир замечал, что Амир Тахир поставил Зубайра на эту должность, чтобы ещё больше упрочить свою верховную власть, но вот как начались в прошлом году боевые события, авторитет Джумы стал расти не только среди своих, в силу этих самых боевых действий, которыми он командовал, но и среди талибов и арабов. Теперь те стали иной раз выходить напрямую на Джуму, ну а пресса, которую отслеживал Ёсир здесь, да и Зубайр в Кабуле, та и вообще сделала Джуму руководителем ИДУ. Джума и сам чувствовал теперь это, а потому даже разговаривая после отчётов с Зубайром, теперь уже никогда не спрашивал, как прежде, об Амуре, чтобы самолично отчитаться ему: напротив, казалось, Зубайр докладывает Джуме все мелочи дипломатической и иной тыловой суеты, которые ничего не значат перед лицом боевых действий, которые возглавляет Джума.

Ёсиру вообще показалось, что решение развернуть боевые операции в этом году и в Сарыасие, решение, которому изначально противостоял Джума, который два-три раза после разговоров с Зубайром теперь уже требовал к телефону Амира и горячо доказывал тому при Ёсире, что силы надо сосредотачивать на ключевом направлении – а именно на прорыве в долину, так вот это самое решение было принято Амиром в противовес Джуме, чтобы вывести ту группу из-под его контроля и оказаться в позиции главнокомандующего всеми операциями. Ведь, скажем, о янгиабадской группе, о которой они услышали здесь по радио, ни Зубайр, ни Амир Джуме ничего и не сказали вовсе...

По мере того как натягивались отношения между Джумой и Амиром, Ёсир всё более чувствовал себя заложником у Джумы, но лишь то, что Джума всегда ценил тех, кто воюет без страха и оглядки, позволяло Ёсиру продолжать эту рутину – постоянные отчёты Центру о боях, заложниках и потерях.

И всё же этим летом Амир Тахир внезапно появился в их высокогорном лагере. Таджикский вертолёт опустился на альпийской поляне и тут же погряз колёсами в почве, не привыкшей к технической тяжести. Амир, выпрыгнувший из вертолёта вслед за своим автоматчиком, тут же распорядился заложить колёса камнями, задерживая в ожидании и Джуму со своей свитой, и своих телохранителей. Ёсир отметил про себя, что Амир выглядел несколько нелепо в своих белых афганских шароварах, напоминавших кальсоны, в защитного цвета куртке, поверх их, а также белой сетчатой тубетеечке. Потом он важно направился к Джуме, и не люди Джумы, но его телохранители стали палить в воздух и кричать: «Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!»

Джумабой тогда впервые на памяти Ёсира не двинулся в сторону Амира, а стоял, несколько нагнувшись, как будто бы остерегаясь всё ещё вертящихся винтов вертолёта, и тогда Амир Тахир первым протянул руки навстречу Джуме, и лишь после этого пальба в воздух и крики: «Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!» раздалась и с этой стороны.

Джума увёл Амира в свою палатку, с ними был лишь один из незнакомых то ли арабов, то ли пуштунцев, прилетевших с Тахиром Юлдашем, и о чём они там говорили долгие часы, пока им изредка подавали то чай, то сваренный по этому случаю высокогорный плов, никто так и не узнал.

Тем же вечером Амир улетел обратно на вертолёте, так и не признав в ранней темноте среди провожающих Ёсира, и Ёсир не знал – к добру ли это

или наоборот: ведь если до сих пор его считали здесь ставленником Амира, то после того, как тот не проявил никакого интереса к своему человеку, не означает ли это произвола по отношению к нему, или же напротив – Амир поступил так преднамеренно, чтобы не выявлять своего особого отношения к нему, а стало быть, и не будет никакого повода ни для зависти, ни для мести...

Как бы-то ни было, но через вечер, слушая на дежурстве радио, Ёсир перехватил сообщение кыргызского агентства «Кабар» о том, что Амир Исламского Движения Узбекистана Тахир Юлдаш ранен в результате боёв в горах Баткенской области. Он тут же доложил новость помощнику Джумы и некоторое время спустя в пасти пещеры, заспанный, появился сам Джума. Он долго переспрашивал мельчайшие детали сообщения, потом они стали пытаться внеурочно звонить в Кабул, но телефон, разумеется, был отключен.

Джума передал телефон своему помощнику и попросил соединить его с Хоитом, там через некоторое время телефон подняли, но то был один из новичков, которого посадили сторожить ночное и ненужное оборудование, а сами ушли спать. Джума накричал на бедного новичка, под страхом смерти приказал позвать командира Юнуса и тут же бросил трубку на рычажок, выдерживая тот самый необходимый минимум времени, чтобы телефон не запеленговали. Отпустив минут пять на привод спящего командира, Джума приказал своему помощнику ещё раз набрать Хоит, там уже сидел запыхавшийся и перепуганный гневом Джумы командир Юнус, и тогда Джума своим нервным, дребезжащим голосом спросил, что случилось с кори, поскольку таково было кодовое название Амира. «Они вчера вернулись на базу» - ответил Юнус. «Без царпин?» - спросил Джума. «Какими были, такими и вернули», - отвечал телефон. «И до вас дошли нетронутыми?» - «Благодаря Аллаху!» Джума тут же брезгливо бросил трубку. «Опять какие-то игры!» - сказал он и гневно взглянул на Ёсира, как будто бы тот был во всём виноват. Ёсир молчал.

«С утра пойдёшь с ребятами на задание!» - скомандовал Джума, - «Готовь своё оружие и вещмешок!» Это был приказ и помощнику, распоряжающемуся оружием, и они молча вышли из палатки в заставленное камнями жерло пещеры...

Глава шестьдесят вторая

*Do not grieve about this,
death in fact is neither high nor low.
It is not death that is greater
but the thought of the road to death
that overcomes death itself.⁴⁷*
Belgi

Вспоминает подполковник Юрий Логинов, сокурсник Асрора Абутова по Чирчикскому танковому училищу:

«Доложу вам по всей форме краткости – запомнилось мне два случая из нашей курсантской жизни касательно курсанта Абутова. Случай первый, когда на период марш-броска на дистанцию двадцать пять километров длины наш взводный сачок курсант Линник внезапно схватился за бок своего аппендикита и перестал продолжать движение бегом, и в этой нештатной ситуации курсанту Абутову - инициативно, и мне – дополнительно, пришлось взять курсанта сачка Линника на прицеп – в позиции под руки и на плечо, и дотралить до финишного конца маршрута, затратив сорок пять минут времени на предстоящие пять километров остаточного пути.

Случай два: экзамен по Истории КПСС. Принимающий – полковник Краснюк. Курсант Абутов пошёл строевым к доске вначале меня. У него по билету значилась «Детская болезнь левизны в коммунизме». Краснюк даёт ему вводную: «Я двигаюсь на улице – толпа вооружённых бандитов. Мои действия согласно ДБЛВК». Абутов отвечает: «Позиция – в танке: прямая наводка – выстрел, реверс – пулемётный огонь по остаткам!» «Позиция – в пехоте: ближний бой – штыковая атака, автоматная очередь вне сближения!» А Краснюк: «Курсант Абутов, оц-ценка – д-д-два-а!»

В результате последствия сдачи экзамена курсант Абутов заучил ДБВЛК навсегда наизусть!»

⁴⁷ ты совсем не переживай об этом
смерти нет ни высокой ни низкой
на самом деле не смерть а дорога к смерти
мысль чрезмерней самой смерти

Глава шестьдесят третья

*aqlim pechu-xomaki, aqlim endi boshlang'ich,
kitoblarga yonma-yon ayqashgan sharhlar kabi,
kun o'tadi ketma-ket, qarag'aylar yalang'och
qarg'alarga chirmashib essiz kunning laqabi...*⁴⁸

Belgi

Я и сам в своё время знал «Детскую болезнь левизны в коммунизме» чуть ли не наизусть. Более того, когда я приступал к этой работе, мне казалось, что в процессе работы над книгой мне придётся не раз обращаться именно к этой самой ДБЛВК – «до блевка», как её называли у нас на курсе. Моё первое ощущение тогда было ощущением того, что я сумею докопаться до причин «левизны» ИДУ в исламе, и сумею объяснить её как «детскую болезнь». Ведь, скажем, талибы, как более молодые исламисты, оказались ещё более радикальными, нежели, к примеру, стареющие иранские муллы, которые в своё время казались пределом исламского радикализма, да так, что эти самые муллы стали отрещиваться от талибов, как от напасти.

И в этом смысле Исламское Движение Узбекистана Тахира Юлдаша и Джумы Намангани, состоящее из исламской молодёжи – своего рода неофитов ислама, медленно, но верно «левело» на протяжении последних десяти-двенадцати лет, всё более радикализируясь. Но когда я недавно перечитал ДБЛВК, то я вдруг понял, что сравнивать-то политические процессы, происшедшие вокруг ИДУ, надо не с «левым коммунизмом», а, прежде всего, с развитием самого большевизма. И тут я вживую ощутил, почему первым впечатлением Хамида Исмаилова от талибанского Афганистана был большевизм.

⁴⁸ ум мой вьющийся сырой ум мой начальный
как комментарии нагромождённые рядом с книгами
дни проходят чередом сосны голы
кликчей дня цепляющегося за грай ворон

Прделаем такой опыт, пройдёмся по главным моментам ДБЛВК, соотнеся развитие большевизма с развитием того же самого Исламского Движения Узбекистана.

В первой главе «В каком смысле можно говорить о международном значении русской революции?» В. Ленин говорит о перемещении центра революционного движения из передовых западных стран в Россию и славянский мир. Можно параллельно наблюдать, что после вторжения Советских войск в Афганистан центр радикального ислама всё более и более смещался в сторону Центральной Азии и Запад сам сыграл в этом важнейшую роль. Много писалось о том, что ЦРУ само создало Осаму бин-Ладена – крайнее воплощение этого радикализма. Вообще, параллелизм даже слов Ленина с некоторыми из воззваний исламистов поражает своей схожестью: «Но как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь и счастье мучеников, которых она породит, к сожалению, более чем достаточно, не пропадут даром. Они оплодотворят всходы социального переворота во всём цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее...» Поменяй пару слов – и готовый абзац для перевода на арабский, пашту или узбекский.

Глава 2. Одно из основных условий успеха большевиков (в нашем случае – исламистов). Здесь Ленин говорит о безусловной централизации и строжайшей дисциплине, которые и являются одним из основных условий успеха. Надо сказать, что именно эти условия и выделили Исламское Движение Узбекистана из ряда других светских и религиозных движений как основного противника каримовского государственного режима Узбекистана. Известен факт, что при вступлении в ряды ИДУ, боевики клянутся на Коране о своей верности руководителю ИДУ Тахиру Юлдашу, о степени же строжайшей дисциплины в рядах боевого крыла ИДУ – в исламских войсках Джумы Намангани и говорить не приходится. Там за неподчинение просто убивали. Всем движением руководил узкий круг людей – политический деван ИДУ, но верховная власть принадлежит Амиру правоверных Мухаммаду Тахиру Фаруку – иными словам Тахиру Юлдашу.

Опять же соотнеся два параллельных развития, я перепишу один из абзацев этой главы, и утверждение, как ни странно, окажется весьма верным: «...исламская мысль Узбекистана, под гнётом невиданно дикого и реакционного режима жадно искала правильной теории радикализма, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» ислама в этой области. Благодаря вынужденной режимом эмигрантщине, исламское

движение Узбекистана обладала к середине 90-х годов таким богатством исламских связей, такой превосходной осведомлённостью насчёт всемирных форм и теорий исламского радикализма, как ни одна страна в мире».

Цитата из Ленина работает на все сто процентов.

Далее вождь всемирного пролетариата переходит к пятнадцатилетнему опыту большевизма, и мы последуем за ним с нашими узбекскими исламистами.

Вот цитаты из третьей главы работы Ленина, и следом буквально в двух абзацах – очерком - то, что происходило в Узбекистане в последние те же пятнадцать лет. Первый этап: **«Везде чувствуется приближение великой бури. Во всех классах брожение и подготовка».** И впрямь, в последние годы перестройки, казалось, жизнь выбилась из привычного русла: повсеместно стали организовываться так называемые «неформальные организации». Этот процесс начался значительно быстрее в советских республиках Прибалтики с их «Саюдисами» и Народными Фронтами, и постепенно распространился по всему Советскому Союзу, дойдя и до Средней Азии. Узбекистан отнюдь не был первым в этом ряду, но даже здесь, по инициативе группы молодых писателей к концу 1988 года было создано Народное движение «Бирлик». Вместе с ним, как часть этого брожения, в областях создавались зачастую под общей крышей «Бирлика» различнейшие местные организации, включая и исламские. Отошлю к начальной части этой книги, где пусть официозным языком, но упоминается о создании исламистских организаций наподобие «Ислом лашкарлари», «Тавба», «Адолат» в Наманганской области. Добавлю лишь то, что изначально они ассоциировали себя со всенародным движением «Бирлик».

Второй этап: **«Все классы выступают открыто. Все программные и тактические взгляды проверяются действием масс».** Конец 80-ых – начало 90-ых годов «Бирлик» провёл в серии массовых митингов. В основном они проходили в Ташкенте и изначально ещё носили «просоветский» характер. К примеру, первый митинг начался с торжественного возложения венка к подножию колоссального памятника Ленину, но постепенно эти митинги стали поднимать вопросы о статусе узбекского языка, о монокультуре хлопка, о солдатах-узбеках, погибающих в Советской Армии, и стали распространяться на другие областные центры. Параллельно этому идут митинги составных частей «Бирлика», которые по мере развития, сами себя этой частью не считают. Опять отошлю к первым главам этой книги, где, к примеру, рассказывается о знаменитом наманганском митинге, а котором заложником был захвачен сам Президент Ислам Каримов. Там, как можно заметить, исламистами уже выдвигается идея исламского государства в Узбекистане.

Этап третий – годы реакции. **«Царизм победил. Все революционные и оппозиционные партии разбиты».** К 1994 году Президент Каримов по существу расправился со всякой оппозицией внутри страны и сумел консолидировать свою власть. Первоначально начались гонения на светскую оппозицию, и главным образом на руководство «Бирлика», а также выделившегося из него «Эрка». Под это дело силовые органы подгрести не только активистов этих двух организаций, но и более широкие слои «демократов-неформалов». Многие бежали из Узбекистана, те, кто остались, были арестованы.

Разбив светскую оппозицию, режим Президента Каримова, так или иначе, затолкнул всякое диссидентство под спуд, и в первую очередь – в мечети. Именно тогда молодёжь массовым образом стала собираться под крыло радикальных имамов. Надо сказать, что наряду со светской оппозицией, власти Узбекистана уже к тому времени стали вести одновременно борьбу с нарождающимися исламскими организациями, так, в Ташкенте ещё в 1991 году был разогнан съезд «Исламской партии возрождения», создававшейся как филиал всесоюзной. В 1992 году были обезглавлены и наманганские исламские группы и организации, часть из них, наподобие лидера «Адолат» - Хакимжана Сатимова, были арестованы, Тахир Юлдаш и его ближайшее окружение сумело бежать в Таджикистан.

«Разбитые армии хорошо учатся». - пишет в этой главе Ленин, и я опять заменяю лишь большевиков на исламистов и продолжаю цитировать его: **«Из всех разбитых оппозиционных партий и революционных партий исламисты отступили в наибольшем порядке, с наименьшим ущербом для их «армии», с наибольшим сохранением ядра её, с наименьшими (по глубине и неизлечимости) расколами, с наименьшей деморализацией, с наибольшей способностью возобновить работу наиболее широко, правильно, энергично».** Здесь сработало несколько факторов: наманганские исламисты хотя и распространяли свои требования, скажем, исламского государства на весь Узбекистан, но были к тому времени движением локальным – наманганским – с некоторой симпатией по Ферганской долине, потому против них были брошены местные силы правопорядка, которые, по признанию Тахира Юлдаша, сами предупредили его и ближайших приспешников о готовящихся арестах. Именно в силу локальности движения, его ядро было значительно более организовано по сравнению с общенациональными движениями и организациями. Организованно отступить помогли также элементы военной дисциплины, сложившиеся в этой организации. Кроме того, ядро этого движения отступило в Таджикистан, где таджикское исламское движение набрало к тому времени колоссальную силу, включив в себя чуть ли не половину населения Таджикистана. Питательная среда была налицо.

Это привело движение исламистов Узбекистана к «годам подъёма», которые Ленин характеризует сначала «невероятно медленными... потом несколько более быстрыми». Исламская оппозиция Таджикистана обосновалась в Афганистане, причём, если изначально ей помогала фракция таджика Ахмад Шах Масуда, то впоследствии и поменяв «принимающую сторону» на талибов, исламисты чувствовали себя в Афганистане как дома. Имея базы, а также лагеря беженцев в Афганистане, таджикская исламская оппозиция, в состав которой влились и узбекские исламисты, продолжала боевые действия против правительственных войск и на территории самого Таджикистана, в частности в горных районах Тавильдары. И если, с одной стороны, в политическом руководстве таджикской исламской оппозиции Тахир Юлдаш стал вскоре заместителем Саида Абдулло Нури по международным вопросам, то, с другой стороны, на поле боя всё большую силу стал приобретать так называемый «узбекский батальон» под командованием Джумы Намангани. Именно с их выдвиганием в руководящие политические и военные роли и всё более оформляется, как весьма самостоятельная фракция, исламское движение Узбекистана.

Таджикская война легализовала исламское движение Узбекистана. Немного перефразируя ленинский труд, можно сказать, что «при условиях крайней реакционности каримовского режима наличие этого движения служит полезнейшую роль исламистам. Исламисты внутри Узбекистана идут на каторгу»..., равно как и рекрутируются в само движение. Появляется сила, с которой они могут себя идентифицировать и на которую опираться в своей оппозиции режиму. После же подписания мирного соглашения по Таджикистану, Исламское движение Узбекистана оформляется и объявляет себя самостоятельной политической организацией.

Ещё один этап, рассматриваемый в ДБЛВК, вполне могущий быть соотнесённым с историей развития Исламского Движения Узбекистана. «Невероятная застарелость и устарелость царизма (в нашем случае каримовского режима) создала невероятную силу разрушения, направленную против него». В эту самую «застарелость и устарелость» можно подверстать и коррумпированность, и спаянность с криминальным миром, и продажность, и безнравственность, на фоне которых для мало-мальски честной молодёжи видео-образ исламиста с автоматом несёт в себе черты и Робин Гуда, и Че Гевары.

Этот этап соотносим с этапом в развитии независимого Узбекистана, завершившимся ташкентскими взрывами 1999 года. Даже если не идти по сценарию, что эти самые взрывы были если не инсценированы, то меньшей мере

управляемы из-за кулис власть предержащими Узбекистана, то и в противном случае можно согласиться со многими наблюдателями, утверждавшими, что «невероятная сила разрушения, направленная против режима, была во многом создана им самим».

В конце этой главы Ленин роняет вот такую фразу, которая, будучи отнесённой к ташкентским взрывам, может послужить ключом к параллельным событиям нынешнего времени: **«История сыграла шутку и заставила оппортунистов отсталой страны предвосхитить оппортунистов ряда передовых стран»**. Правда, нам нужно будет заменить слово «оппортунисты» на слово «правители».

Глава шестьдесят четвёртая

Каких только людей, и каких судеб не перевидал Ёсир за эти два-три года. В Хоит однажды пришёл вместе с другими хорезмийцами парень двадцати пяти лет, тонкое лицо которого так и источало свет. Здесь не принято было знакомиться, если этого не требовала служба, но у Ёсира была всегда возможность знакомства, дескать, ради фильма, который они с Зубайром снимали вот уже который месяц.

Но это случилось по другому поводу. Однажды, когда они попали в одну спарку на занятиях по тактике партизанской войны, и должны были, согласно инструкции, не выдавая силуэта, формы, тени, отблеска, а также не издавая звука, пробраться в предполагаемый вражеский тыл и засесть там на пару дней, собирая информацию и общаясь лишь посредством сигналов, глубокой ночью, когда внезапные проверяющие едва ли могли достать их в горах, они вдруг без взаимных подозрений разговорились шёпотом.

Парень, которого звали Анасом, оказался выпускником МВТУ имени Баумана и долгое время прожил в Москве. Он без утайки рассказал в эти кромешно-тёмные часы, что в Москве увлекался течением Аум Синрикё, потом йогой и буддизмом, но после того как вернулся в Хорезм, куда его заставили вернуться родители: дескать, женишься, образумишься, найдём здесь какую-нибудь работу, он, разумеется, никакой работы не нашёл, а устроился в областную больницу – приглядывать за допотопной медицинской техникой – всеми этими бор-машинами и капельницами.

Так и жил он, пока не объявился в Ургенче его ближайший школьный товарищ, который будто бы занимался бизнесом. Он-то и привёл Анаса впервые в мечеть. Как этому радовались родители: вот, мол, наш сын стал правоверным богомольцем. Тихо-потиху Анас вошёл в ислам, и уже стал спорить с родителями по поводу бутылок водки в подвале, запасённых на его свадьбу. Отец раздражался: дескать, и мы – мусульмане, но все так делают, а, стало быть, и мы должны.

Потом его друг Ойбек сказал ему, что в Таджикистане в горах есть худжры, где за полгода можно будет заучить Коран наизусть, что там есть настоящие шейхи, которые ведут свою родословную от Бахаутдина Накшбанди через Ахмада Сирхинди. Эти имена кружили голову, и Анас легко согласился на поездку. Тем более, что в Ургенче его не держала ни работа по специальности, ни настоящее, ни будущее...

Они поехали через Ташкент, подвернув свои брюки и оголяя щиколотки, как это делали теперь все правоверные. В Ташкенте они заехали к земляку – художнику-модернисту, которого Ойбек хотел также наставить на прямой путь, поскольку тот первым долгом предложил им выпить. Они долго спорили, и художник прочёл им в ответ на одно из положений стихотворение некоего поэта Белги, которое Анас запомнил, а звучало оно так:

Bu bo'shliqning –

Uni to'ldirib

Xilma-xil nom bersam ham

Birdir sirasi -

Taqdir bilan tadbir orasi...

У этой пустоты –

Сколько б, заполняя её,

Не давал бы я разнообразных имён –

Одна суть/тайна –

зазор между предопределением и свободой воли

Анас прошептал эти слова чуть громче, чем осторожный шёпот рассказа, и Ёсиру пришлось схватить напарника за рукав, но потом, когда Ёсир вспоминал заново эту ночь и этот рассказ, он не совсем был уверен, что дёрнулся в сторону Анаса лишь потому, что боялся обнаружения их проверяющими, натканными на каждом шагу, нет, нет – скорее потому, что это были **его стихи!**, стихи, которые он сам уже давно забыл... Но по тому, как осёкшийся Анас опять понизил шёпот до уровня неслышимого и продолжил свой рассказ о поездке из Ташкента в Душанбе, а потом в Хоит, Ёсир уразумел, что то была не провокация, да и не интуиция... А сам он ни в ту ночь, ни впоследствии не признался ни Анасу, ни кому другому ни в этих, ни других своих стихах...

Что же до Анаса, то этот мальчик-интеллектуал со светящимся лицом был направлен в Чечню с неким заданием, но по дороге его перехватили таджикские спецслужбы и выдали его узбекским коллегам, а потом, говорили, что его осудили на долгий срок. Но после того, как Алишер бежал из лагеря той весной, Ёсир научился ни привязываться сердцем ни к кому...

Глава шестьдесят пятая

Знал ли Белги о своей славе поэта? И да, и нет. С одной стороны он застал и выход в свет своей первой книги – «Yo'l» - «Путь», которую представляли читателю его друзья – Хамид Исмаилов и Куванбек Кенджа, и я приведу их предисловие и послесловие к книге чуть позже. Добиться признания у этих двух людей и особенно у последнего, который в своей книге «Позёмки поэзии» крушил самые основы узбекского советского и даже пост-советского стихосложения, но зато обильно цитировал в противовес всему остальному Белги – значило многое. Кроме того, как я сказал ещё в самом начале, Белги к тому времени стал обильно ездить и читать свои стихи в Германии, Франции, Италии. Так что, я полагаю, что он догадывался о степени своего признания.

И в то же время я больше чем уверен, что не это – внешнее признание – было мерилom его отношения к себе. Всякий поэт наверняка – смесь сомнения и самостийности, но даже когда Ёсир услышал из уст Анаса свои стихи – там, в горах, на учебном задании, он наверняка счёл и это за простое совпадение, когда понял, что не провокация, за совпадение, какими полна жизнь человека, и особенно же поэта. Рифмовка жизни – самое простое тому объяснение. Но один из тех, кто вернулся из Пакистана осенью 2002 года и не был отправлен в узбекскую тюрьму, рассказал мне, что в кишлаке Зулмат, в ночь перед американской бомбёжкой, когда он в последний раз видел единовеца по имени Ёсир, они долгое время не могли уснуть после вечерней молитвы, и там, в кишлачной мечети мой рассказчик уже внеинструкционно включил свой маленький транзистор, и в одной из узбекских передач из-за рубежа помимо прочего рассказали о поэтическом вечере в Парижском театре Распай, где читали стихи некоего узбекского поэта Белги, которого никто не знал, и лишь Ёсир пробрался при этом через груды тел к приёмнику, и, прикинув ухом к нему с другой стороны, вдруг заплакал, но поскольку в мечети было темно, то никто не увидел его слёз, а потому и никто не стал ни поднимать праведного шума, ни докладывать по инстанции... Или же уже никому ни до чего не было дела...

Мой рассказчик счёл это тогда за тоску по родине и за страх скорой и бессмысленной смерти от дурной бомбы или осколка, поскольку и в нём самом сидели эти чувства, но и я не стал ему объяснять причины этих слёз...

Вот что писали Хамид Исмаилов и Куванбек Кенджа о первой поэтической книге Белги:

Вместо предисловия

Я представляю читателям поэта Белги вот уже в третий раз. В первый раз, когда я посылал подборку его стихов – кстати, до сих пор не опубликованных – в еженедельник «Литература и искусство Узбекистана», я писал: «В конце восьмидесятых годов, когда мы сидели в маленькой комнатухе Союза писателей в Москве, у представителя узбекской литературы Сабита Мадалиева и спорили, как водится о литературе, дверь из московской зимней темноты на мгновение приотворилась, и в ней показался приятной наружности и среднего возраста человек, который спросил: «Это представительство узбекской литературы?» Не помню, что произошло дальше, но, кажется, Сабита Мадалиева вызвал один из секретарей, и мы остались в комнатухе вдвоём, деля долгое молчание. В синих сумерках московского окна шёл жёлтый от фонарей снег, и молодой человек как-то неловко протянул мне стопку бумаги, говоря: «Вот, принёс свои стихи, можете их передать...», и, объясняя, что должен встретиться ещё с кем-то, как-то скомкано попрощался и вышел...»

Во второй раз я останавливался на поэзии Белги в своей рецензии на знаменитую книгу молодого критика Куванбека Кенджи «Позёмки поэзии».

«Имя этого поэта – Белги. Я встречал его всего единожды в Москве, в студии у художника Шавката Абдусаламова. Встреча наша, как говорят русские, была довольно скомканной, и единственное, что осталось после неё – стопка стихов поэта, вручённая мне Шавкатом Абдусаламовым.

Куванбек, видимо, близко знаком с Белги. Во всяком случае, в своей книге он приводит не только стихи поэта, которых нет у меня, но и обильные сведения из жизни Белги, а потому читатель может создать себе не только поэтический, но и бытовой образ поэта.

Белги – поэт, преодолевающий пространства, - пишет автор. Его стихи, написанные в Оше или в Коктебеле, Москве или Хакасии, Фонтенбло или Бамберге – это рефлексия открытого дороге узбекского сознания и души. Дорога эта не мерится километрами расстояния, это, скорее, путь мистический, путь постижения. Но для поэта важнее преодоления пути, как утверждает Куванбек, «странствовать по времени, или даже вернее попытка пересечения вброд потока времени, пересечения потока языка».

Увы, и это не было опубликовано. И вот, представляя в третий раз читателю поэта Белги, я, разумеется, суеверно думаю с одной стороны: «А что, если и на этот раз не получится», но с другой стороны меня тешит и другая мысль, более присущая нашей поэзии: «Насколько горька и долга разлука, настолько приятна и сладка встреча».

Не буду говорить о поэзии Белги. Он живёт в своих стихах. Кроме того, к книге приложено послесловие Куванбека Кенджи. Моя же задача – лишь приоткрыть полог, как поднять занавес перед явлением этой книги: «Путь». Знакомьтесь – Белги.

Хамид Исмаилов

И следом мой же посильный перевод послесловия Куванбека Кенджи из той же самой книги:

Вместо послесловия

То, что мы называем сегодня «узбекской поэзией» испытывало расцвет или же завязывало плоды вместе со встречей или же с неким поветрием, или же от столкновения лицом к лицу с солнцем. В первую пору арабо-персидский мир, как два кремнистых камня, высек из тюркского сознания Навои искры новой поэзии. Если же говорить о втором взрыве – то это, несомненно, Чулпон. И на тот раз узбекское джадидское сознание было привито к русской культуре 19-го - начала 20-го века, и в промежутке пустила побеги новая узбекская поэзия.

Белги – поэт, который соединил нашу поэзию с современной мировой поэзией.

Поэзия – это тот же пук соломы, который Ходжа Насреддин держал на палке перед мордой своего ишака. То пространство, к чему национальное сознание найдёт путь завтра, Белги уже обжил сегодня. Имя тому пространству – не то, чем нарочно будто бы путает поэт, именуя Ташкентом, Парижем или Лондоном – человеческая личность. На самом деле не по дороге странствует поэт, а веет в духе.

Вольный узбек в свободном мире – Белги – достиг этой свободы душой и духом. В этой свободе нет усилия, в ней – простота природности. Речь не о том, что темы взяты из быта, впрочем, вы не опишите текущую историю, основываясь на его стихах, речь о душевном безвыпендрёже, речь о том, чтобы среди искусства и опыта, среди надежды и сожаления быть равным самому себе.

Мерить Белги тем или иным стандартом – сравнивать его с Навои, Чулпоном или Рауфом Парфи – бессмысленное дело. Впрочем, я писал об этом обильно в своей книге «Позёмки поэзии». Да, в нём легко отыскать и эту утончённость, и эту нежность, и эту рефлекссию. Но он – иной, он всего лишь Белги (знак).

Знак чего он – этот Белги?

Куванбек Кенджа

Глава шестьдесят шестая

Два чувства борются во мне: одно – скорее закончить этот рассказ и обрести хоть какую определённую, и второе – выписать всё, что я знаю, слышал, продумывал, сравнивал, всё, что прибывает с каждым новым днём, с новыми фактами, событиями, той же самой недавней иракской войной, и ещё чем-нибудь предстоящим, и опять достичь хоть какого берега. Но есть последний зазор в известной мне жизни моего героя, который я не в состоянии преодолеть сейчас: я не знаю, чем кончил он свою жизнь, и кончил ли её.

Иногда я кажусь самому себе человеком, обвязавшим себя взрывным устройством, детонатор которого в чужих руках... Чьё сознание я хочу взорвать, и что кому доказать, кроме как самому себе? Но и что себе доказывать, размазанному кровавыми кусками по пространству этого романа?

Что мы доказываем друг другу, враг врагу на этом свете? Чему нас учат чужие биографии, чужие жизни? Тому, что как бы ты ни жил свою жизнь, в конце-концов нет в ней удовлетворения, нет утешения, нет исхода? Пока я писал эту книгу, я исполнился неким неизбывным стоном, мне хочется выть и выть, мне хочется материться, драться, брызгать слюной, сойти с ума, мне не хочется жить! Откуда это накопилось во мне, ведь я не перехлёстывал чувств, я вёл свое повествование осторожно, я даже не задумывался и не намекал на то, что мог бы знать Ёсир, собирая свою летопись исхода?

Появился ли этот фильм «Нидо», что случилось с самой летописью? В каких сейчас американских спецхранах всё это ожидает редкого узбекского переводчика на бесчувственный английский, или же растерялось в буре афганской войны в каких-нибудь Вазиристанах?

Но я знаю твёрдо одно: как некогда сказал Гейне, трещина, идущая сквозь сердце поэта делит надвое мир. То, что наспех описано мною как некая частность, как опыт скорой биографии, на самом деле это состояние сегодняшнего мира, и то, что я рассказывал на примере последних 10-12 лет Узбекистана – это голографический слепок того, что происходит сегодня на более широких пространствах. Россия повторяет опыт Каримова, Китай повторяет его, Запад идёт тем же путём. Че Геварру сменяет Хаттаб, Хаттаба ещё кто, а вслед им идут юноши, юноши и юноши...

Но и это теперь не страшит меня. Каждую минуту мир повторяет самого себя, но каждый бьётся своим лбом о свою стенку. И всё же всякое сердце хранит свою боль, и иногда эта боль отзывается в другом сердце... Так и эта книга ни «Доктор Фаустус» и ни «Доктор Живаго», и даже не «Архипелаг ГУЛАГ». Уж тем более не том из достопамятной серии ЖЗЛ. И она из разряда этих откликов одного сердца на боль другого, ведь ничто как боль даёт ощутить мимолётное счастье нашей горькой, смертной, земной жизни...

Bu borliqda bir adashish bor

*zor bo'lganga zor bo'lmaydi yor
er qumsasang yo'q senga diyor
va hokazo... qolgani aniq.*

*Lekin yuragimning tubida
huddi quyosh quduq suvida
aks etgandek - aksmi, obida,
yo bir dog'mi, yo bitmas og'riq
ippilaydi. Men uni paqir
tashlagandek, ovlayman, axir
so'zma-so'zlab sirg'anch va og'ir
allaqaysi hisdek tortaman.
Qani endi bu og'riq tamom
bo'lsa ekan. Qorachig'dan ko'z
suvi kabi oqadi ariq.*

Bari aniq:

*u - so'z, bu - og'riq, -
unday desam „og'riq“ ham bir so'z...⁴⁹*

⁴⁹ В этой реальности есть некое заблуждение

тоскующему нет любимой
ищешь землю теряешь родину
и так дальше остальное понятно

но на дне моего сердца
как солнце на дне колодца
отражено то ли рефлекс то ли
захоронение
то ли пятно или нескончаемая боль

мерцает я её словно ведро
бросая пытаюсь исчерпать
и в конце концов слово за словом
скользким тяжким чувством вытягиваю

но где там кончиться этой боли из
зрачка
водой глаз течёт арык

всё ясно то слово а то боль
нос другой стороны и боль лишь
слово...

Глава шестьдесят седьмая

Когда я уже почти завершил эту попытку биографии поэта и уже в поисках издателя для работы, начал публично почитать главы то среди своих друзей в Ташкенте, то, большей частью, среди исламоведческой публики в Москве, поскольку, разумеется, понимал, что в Ташкенте мне эту книгу не опубликовать, в один из дней на мой электронный адрес поступило странное сообщение, которое приглашало меня в чайхану на Самарканд Дарбазе – с дотошным описанием времени и способа встречи. Первая моя мысль была – спецслужбы. Тем более, что в свете мартовских взрывов в Ташкенте, все ожидали новых гонений на мусульман, и спецслужбы были поставлены, что говорится на голову. Бояться кроме этого мне было, казалось бы, нечего, хотя я и отдавал себе отчёт в том, что биография поэта, оказавшегося среди так называемых террористов – не самый желанный вид литературы в современном мне Узбекистане, но всё же я почуял некую тревогу. А потом, поразмыслив поглубже, я понял, что если бы это были спецслужбы, то они вряд ли стали бы присылать электронное сообщение, они бы просто заявили на мою кара-камышскую квартиру.

И тогда я согласился на встречу. В назначенное время, когда, как оказалось, чайхана была переполнена, а стало быть никто в ней не вызывал ни досужего любопытства, ни излишнего подозрения, я сел в предписанную кабину, заказав, как и предполагалось, зелёного чаю и лепёшку, через короткий промежуток времени вошёл ясного вида парень и после дежурных приветствий, сказал: «Хочу вам передать вот это. Это оттуда...», - и протянув мне свёрток, кивнул в сторону моего целлофанового пакета, который я также взял с собой по его предписанию, но в качестве опознавательного пароля. Я спешно засунул свёрток в пакет - руки мои дрожали, но ещё больше дрожало сердце, как бы вот-вот должно быть застигнутым на недозволенном, а потому беспощадно караемом...

Я уже не помню, как я допил этот чай: разумеется, я ничего у этого ясноокого парня и не спрашивал, какой там! Сердце kloкотало не в груди, а в горле, я хотел бежать – бежать без пакета, бежать без цели, просто бежать... Страшное это оказывается дело – секреты и конспиративные встречи! Не для таких как я – малодушных!

Я знал, что в эти дни потянулся караван людей из Пакистана, только недавно один из них дал интервью «Немецкой волне», рассказывая, что Тахир Юлдаш сейчас находится в районе Вазиристана, в местечке Ванна, а потом и вовсе пакистанская армия стала заявлять, что чуть ли не задержала его там, что, дескать, он ранен, а вместе с ним и его приближённые. Во всех этих сводках и рассказах я искал знакомое мне имя – Ёсир, но оно никем не упоминалось, хотя тот самый пакистанский беглец поведал той же волне, что Зубайр был убит во время бомбёжки в Афганистане, а не убит, как агент спецслужб, Джумой Намангани. Но я отвлекаюсь. Вернусь к своему приключению.

Это уже потом, когда я, оставив пакет незаметно за одежным шкафом у своей тёти на Чиланзаре, приехал окружными путями поздней ночью домой, я понял, что сморозил глупость: и в смысле этого парня, и в смысле своей тёти. Но ни той бессонной ночью, ни следующим горячечным днём, ни ко мне, ни к тёте моей, которая ничего не подозревала, никто не приходил. На третий день я опять заехал к своей тёте, и опять, улучив момент, незаметно извлёк свой пакет и с краснеющими ушами, как будто под всеобщим рентгеном, приехал домой почему-то через центр города.

Признаюсь как на духу, этот свёрток я открыл в туалете, выключив предварительно повсюду свет. Это была общая тетрадь, мелко исписанная по-узбекски, разбитая на главы и изредка перебиваемая арабской вязью. В первую ночь я бесцельно листал эту тетрадь, не понимая ни смысла своих действий, ни значения этой самой вещи. На следующий день я понял, что прямо на моих

глазах рождается завязка новой книги – подобной многим тем, которые я читал в своей жизни, но никогда не переживал сам. Теперь же **это** происходило со мной. И лишь по истечении нескольких судорожных дней и ночей, я понял, что это такое и бросился в ближайшее Интернет-кафе, чтобы послать ответ на то самое послание, пригласившее меня в чайхану на Самарканд Дарбазе. Увы, через час мне пришёл ответ от провайдера, что такого адресата не существует. Я повторил засыл ещё раз, и ещё раз получил всё тот же ответ.

Даже после того, как я разобрался с помощью словаря и своих надёжных друзей, о чём идёт речь в той тетради, я долго думал, следует ли мне брать её в расчёт здесь – в этой книге, следует ли мне и вовсе упоминать об этом таинственно и единственно секретном случае из моей жизни – уж не увлётся ли я этой самой «шпиономанией» о которой писал в этой биографии до той степени, что уже не выбраться мне из её пут, и потом, всё же рассказав сюжет тетради своим друзьям по «Собранию», я вместе с ними пришёл к выводу, что хотя бы частично она должна появиться здесь.

И хоть я не нашёл того самого ясноокого парня ни в той самой чайхане на Самарканд Дарбазе, куда являлся раз за разом, как на место своего преступления, и хоть он больше никогда не выходил со мной на связь по электронке, я понял, что этот самый парень, доставивший мне ту самую тетрадь **оттуда**, вернулся видимо, из Кашмира, поскольку, помимо арабской вязи, о которой я упоминал, при последующем разглядывании, я нашел и надписи той самой индийской орнаментикой, в которой связываются все шапочки букв, и одно из этих слов мне приятель-индолог прочёл как «Сринагар».

Я не знаю, кому принадлежит эта рукопись – поскольку, у меня впечатление, что писали это левой рукой. Я не графолог, и не сравнивал манеру письма с рукописями Белги, которых у меня, впрочем, и нет, я не могу утверждать, **что это писал Белги**, но мне почему-то хочется надеяться, что это именно он. И именно поэтому я хочу завершить своё неполное исследование о его жизни этой самой таинственной рукописью.

Приложение

Шахджахан – император могущественной Индии Великих Моголов, прозванный Сахибкираном Соний или же Вторым Владыкой Вселенной, смотрел из зарешёченных ганчем⁵⁰ окон своего заточения на лучшее из своих творений – далёкий Тадж Махал, где покоится его жена – любимая Мумтаз Махал. Краснеющий на закате абрис парящего купола и лёгких минаретов, подобный её воздушной походке, неверно отражался в дрожащей воде Инда, или же это усталые глаза падишаха мутными слезами придавали неверность безупречным формам, давным-давно запечатлённым в сердце одинокого старика...

Он был заточён в агринский форт своим сыном – Аурангзебом, прозвавшим теперь себя Аламгиром или Завоевателем Мира – под стать своему отцу: ведь и сам Шахджахан восстал в своё время против своего отца – императора Джahanгира, и уничтожил один за другим всех остальных наследников на престол. Так почему же теперь столь больно душе заточённого в форт старика? Почему этот кровавый закат сродни теперь его сердцу, обливающемуся кровью?

Шахджахан прислушался к детским голосам, доносившимся снизу, с улицы под его зарешёченными ганчем окнами: «Ниме – дерун, ниме – берун! Ниме – дерун, ниме – берун!» - «Наполовину вовне, наполовину внутри!» - кричали дети. Что-то острое, как будто бы торчащий из дворцовой стены крюк, на который дети обычно вешают свои верёвки для игр, кольнуло его старое сердце, и он крикнул в окно: «Кто там?» - скорее для острастки, чем за ответом. И впрямь, на миг детский крик затих, но вдруг звонкий голос его внучки от Аурангзеба – писаной чернушки Зебуниссы озорно раздался в ответ:

*Аз хайбати шохи жахон
Ларзат замину осмон,
Ангушти хайрат дар дахон,
Ниме дерун, ниме берун...*

*От величия Шахджахана – Царя Мира
Содрогались и земля, и небо,
Теперь же палец удивления, закушенный во рту –
Наполовину вовне, наполовину внутри...*

И вслед взлетел пыльный детский хохот...

⁵⁰ Вид алебастра

Зебунисса – принцесса Великого Дома Моголов, дочь императора Аурангзеба, прозванного Завоевателем Мира, смотрела из зарешёченных ганчем окон своего заточения на кровавый закат неба и вспоминала свою скоротечную жизнь. Не она ли дразнила как будто бы только что своего деда – некогда могущественного Шахджахана, заточённого в форт Агры её отцом Аурангзобом, теперь же книга жизни, о страницах которой она писала, готова захлопнуться с последним дуновеньем холодного ветра.

*Китобхонаи олам варақ-варақ јустам,
Хати ту дидаму гуфтам, ки муддао ин јост.*

Она стояла задумчивая на закате, вся в красном, или это закат окровавил её шёлковое платье, и вдруг услышала голос, доносившийся откуда-то снизу:

«Сурхи пуши ба лаби бом назар миояд»

«Ты одета в красное, к губам/краю крыши подобрался взгляд»

Кто это был? Досужий прохожий, один из сотен безнадёжно влюблённых в неё, или же в сердце вошёл опять без спроса её наречённый – Сулейман Шукух, которого умертвил её собственный отец, - и тогда она вполголоса прошептала в ответ:

«На бо зури, на бо зори, на бо зар миояд»

«Ни силой, ни мольбой, ни золотом ему не подобратся»

В ответ раздался лишь вздох...

«Когда это всё началось?» - думал в своём одиночестве Шахджахан. Тогда ли, когда после Меварской победоносной войны он, всё ещё зовущийся Принцем Хуррамом вернулся к императорскому двору своего отца – Джахангира, и месяцем позже его любимая жена Мумтаз Махал родила ему первенца-сына, которому августейший Джахангир дал имя Мухаммада Дара Шукуха и титул «Первой Розы в цветнике у шаха»? Малыша любили все, дед прочил ему престол, отец обещал грядущую доблесть. И даже когда Мумтаз Махал родила вслед за ним ещё троих сыновей – ни простецкий Шуджаъ, ни чернявый и затаённый Аурангзеб, ни младший Мурад не удостаивались таких почестей как первенец – Дара Шукух.

Правда, позже император Джахангир, отправляя своего сына - Принца Хуррама наместником в провинцию Деккан, оставил у себя на воспитание не первенца – уж больно тяжело переживали бы лишение и принц и принцесса, - он взял в опеку принца Шуджаъ, хотя в семье принца это опекуновство понималось скорее заложничеством.

Декан расцвёл при Хурраме, отец – Джахангир не мог нарадоваться своим наследником, и только мачеха Хуррама – властная императрица Нур Джахан исходила злостью и ревностью. Это она своими происками и интригами посеяла раздор между отцом и сыном, и заставила принца Хуррама восстать против императора Джахангира, это её гнев и ярость изгнали принца и его семью на чужбину, и если бы не верная Мумтаз Махал, делившая с Хуррамом все тяготы беглой жизни, бог весть, чем бы кончил он тогда...

Мумтаз Махал надоумила его пойти на мировую с отцом, и в качестве знака примирения упростила мужа отправить к императорскому двору самое дорогое – своих двух сыновей – Дара и Аурангзеба.

Стояла зима, когда два принца девяти и шести лет тронулись в путь, держа друг дружку за руку. Мать по чуждому местному обычаю посыпала им дорогу розовыми лепестками, и кто же знал тогда, что этот предутренный белоснежный путь, на который их поставила плачущая молча Мумтаз Махал, кончится столь кроваво, как лепестки роз на снегу...

«Когда всё это началось?» - думала в своём одиночестве Зебунисса – принцесса, заточённая своим отцом в форт Салимгарх. В её далёком детстве учитель Мулла Мухаммад Саид Ашраф Исфахани рассказывал ей историю происшедшую между её отцом Аурангзебом – тогда ещё 14-летним подростком, и её дядей – покойным Дара Шукухом, которого мулла в то время обучал тонкостям словесных искусств.

То был пятый год правления императора Шахджохана. Перед самым началом лахорского лета Владыка Вселенной решил потешиться боем слонов. Два слона – по прозвищу Судхакар и Суратсундар были выведены на арену перед шахским балконом. Трое юных принцев – Дара, Аурангzeb и ещё Шуджаь решили наблюдать бой из непосредственной близости – верхом на конях. Битва длилась недолго: клыкастый Судхакар быстро обратил в бегство безбивневого Суратсундара, и припустился вслед за ним под улюлюканье зрителей. Но, внезапно увидев конного Аурангзеба, слон остановился и следом бросился на коня. Храбрый юноша не растерялся и вонзил своё копьё в самый лоб слону. Вместе с рёвом слона поднялся вой людей – грохот дымовых ракетниц смешался с воплем слуг. Но и это не испугало разъярённого слона, напротив, он с визгом вонзил свои бивни в дутый бок коня, однако мгновением раньше ужасного ржанья, взлетевшего в воздух животного, Аурангzeb выпрыгнул из седла. Бог знает, чем бы всё это кончилось, если бы не бежавший слон Суратсундар, воспользовавшись замешательством, не напал опять на Судхакара...

Возбуждённый император сбежал с балкона, слуги и визири бросились к Аурангзебу, и один из них воскликнул медленно бредущему навстречу бледному юноше: «Шахиншах в ужасе, ты же движешься столь медленно!» - на что принц ответил сквозь зубы: «Я бы спешил, коль слон был здесь, теперь, когда опасность миновала – куда мне торопиться?!»

Отец бросился к сыну и обнял его, благодаря Аллаха за то, что всё кончилось благополучно. Он тут же распорядился наградить храбреца пятью тысячами золотых монет, всё ещё приговаривая: «Не приведи Аллах, всё случилось бы по-другому! Что за позор!» Бледный Аурангzeb произнёс в ответ: «Случись по-другому – на мне не было бы никакого позора! Позор в том, как поступили мои поразбежавшиеся братья!» - и он бросил колючий взгляд на стоящего поодаль Дара Шукуха...

Шахджахан вглядывался сквозь стрельчатые бойницы форта Агры в сумрак, идущий с востока, и не хотел признаваться самому себе, что его мокрые глаза – не дело вечернего бриза. Он знал, что воинственная тюркская кровь его семи отцов уже не первое поколение разбавляется чувственной индийской кровью здешних жён и наложниц, и пенял свою чувствительность на них – смуглых и тёплых, как эти сумерки. Разве же кто из его суровых степных предков влюблялся, как теперь принято в его царственном роду?! Он вспоминает, как сам потерял голову и рассудок, увидев на базаре, в торговом ряду украшений, девушку по имени Арджуманд-Бону – дочь визиря его отца. А ведь в этом ряду он – ещё юный принц, покупал украшения для своей невесты – дочери персидского царя, которую он ещё не видел.

Он не ел и не пил, он усыхал на корню, да так, что его свадьбу с принцессой пришлось отложить на некоторый срок. Но ещё на больший срок – аж на пять с лишним лет пришлось отложить его свадьбу с его любимой Арджуманд, которая стала называться Мумтаз-Махал, став его второй и ненаглядной женой.

Она родила ему четырнадцать детей, и на четырнадцатых родах умерла. Семь дней и семь ночей император Шахджахан не появлялся на люди. Когда он вышел из своих покоев седой и сгорбленный, его первенец – Дара Шукух подошёл к отцу и произнёс стих, числовое значение которого давало год смерти матери. Старый воин не смог ответить столь же искусным стихом, но в сердце его проснулось чувство, сродни этому стихотворению, и тогда он решил избыть это чувство в строении, равных которому нет ничего на земле...

В год смерти своей бесценной жены Шахджахан приступил к строительству Тадж-Махала – усыпальницы для императрицы...

Теперь он пытался нащупать глазами в темноте знакомые очертания Таджа, но первые звёзды – эти безнадзорные разбойники, крали взгляд, и уводили его в небеса. И тогда мысль Шахджана опять вернулась к его любимому сыну – Дара Шукуху. Ведь именно он унаследовал от матери её мечтательность и любовь к красоте. Рядом с ним даже его сестра – Джананара казалась более деловой и решительной, не говоря уж о третьем сыне – Аурангзебе.

Вот и когда Дара Шукух влюбился в свою будущую жену – Надирубегим, он был готов умереть от нетерпения до свадьбы. Деятельная Джананара уговорила тогда отца, несмотря на продолжающийся траур по Мумтаз-Махал, ускорить приготовления к свадьбе, и в самый день свадьбы своего любимца император впервые вышел на люди в великолепной Дивани-Хос – своей частной

аудиенции. Сотни музыкантов играли на сотнях всевозможных инструментов, это веселья вновь вернулось во дворец. Руки принца были окрашены хной, как и пальцы особо почётных гостей, которых служанки обносили златоткаными платками...

Следующим днём процессия во всём великолепии двинулась вдоль улиц города, его шумных базаров и в огромный зал приёмов дворца в сопровождении трёх юных принцев: Шуджаъ, Аурангзеба и Мурада. Когда Дара Шукух приблизился к знаменитому Павлиньюему трону и склонился в поклоне перед императором, отец сошёл с престола и обвязал его шею золотой нитью, нанизанной жемчугами и бриллиантом – лазурным, как небо над головой. Следом он возложил на его голову корону. Золото и серебро сыпалось над молодожёнами, и дети – нищие и богатые, с визгом подбирали монетки. Это торжество продолжалось несколько дней, пока, наконец, Дара Шукух не пригласил своего отца и братьев в только что отстроенный дом на берегу реки...

Зебунисса вглядывалась сквозь стрельчатые бойницы форта Салимгарх в сумрак, идущий с востока, и первые звёзды, проступившие на смуглом небе, казались ей собственными слезами. Дочь семи отцов тюрков и их чувственных индийских жён, она была по-степному ясна своим умом, но и влажно-пылка своим сердцем. Ещё в те юные далёкие годы, когда отец её Аурангзев правил провинцией Декан, а она росла при дворе своего деда Шахджахана, девчушка влюбилась в своего кузена Сулеймана Шукуха – старшего сына её дяди – Дара Шукуха. Но так уж случилось изначально, что некая вражда легла между двумя братьями-принцами – Дара и Аурангзевом, которую не в силах был преодолеть ни их отец – император Шахджахан, ни тем более Зебунисса с Сулейманом Шукухом...

Отец её – праведный аскет Аурангзев, называвший своего брата не иначе как «мулхиком» - вероотступником за одинаковую любовь того и к мусульманам, и индусам, сызмальства и до сих пор хранил некое острое чувство соперничества к любимчику Шахджахана – Дара Шукуху, и всю свою жизнь рассматривал в сравнении с этим философом и поэтом. Уж казалось бы, человек, заточивший ради трона своего отца и старшую сестру, умертвивший всех своих братьев, изгнавший своих детей, должен иметь вместо сердца

камень, но ведь мать Зебуниссы – Дилрас-бону Бегим рассказывала ей, как ещё юношей-принцем Аурангзеб оказался однажды в местечке Зайнабад, где жила его тётушка, и решил навестить её. Обычай велит мусульманину стучаться в дом, но поскольку принц шёл не к чужестранникам, то и в калитку он вошёл без стука. Первое, что бросилось ему в глаза – девушка божественной красоты, собирающая зрелые фрукты, и поющая при этом низким и томным голосом. Не в силах совладать с собой от этой грешной красоты, набожный принц упал без чувств. Вопли взвились вокруг, и прибежавшая на шум тётя стала рвать на себе волосы. Но принц был жив.

К вечеру он пришёл в сознание, а к полуночи к нему вернулась речь. И тогда он сказал: «Если я поведаю о своей болезни, то, клянусь тебе Аллахом, обещаю доставить мне средство исцеления!» Тётушка всплеснула руками: «Не то чтобы исцеление, я жизнь свою готова отдать!» Тогда Аурангзеб рассказал о том, что произошло в её саду. Тётя его страшно перепугалась, поскольку эта девушка – Хира-бай была наложницей её мужа – Саиф-хана. «Он убьёт сначала меня, а потом её!» - испуганно прошептала она. «Ты права, - воскликнул Аурангзеб. – Я придумаю что-нибудь сам!»

На следующий день он вызвал своего слугу Кули-хана, который, выслушав рассказ принца, тут же вызвался убить Саиф-хана, и тем самым открыть возможность принцу забрать в свой гарем Хира-бай. «Нет! – ответил Аурангзеб, - Я не хочу оставлять вдовой свою тётушку, а потом – это против законов Шариата! Ты лучше пойди и переговори с ним, может быть, Аллах наставит его на истинный путь...»

Кули-хан пошёл к Саиф-хану и рассказал о случившемся с принцем Аурангзебом происшествии. Саиф-хан задумался на мгновение и сказал: «Я отвечу чуть позже через его тётю». Тем же вечером тётя была направлена во дворец к принцу с посланием, де, мол, Саиф-хан готов обменять Хира-бай на наложницу Аурангзеба красавицу Чаттар-бай. Аурангзеб, услышав предложение, был столь возбуждён, что воскликнул: «Я отдал бы за неё не только Чаттар-бай, но и весь свой гарем!»

И не только это был готов отдать за Хира-бай набожный принц, но как рассказывала Зебуниссе её мать Дильрас-бону, однажды в саду, где как обычно звучала музыка и песни, красавица Хира-бай в обмен на поцелуй попросила Аурангзеба выпить грешного вина – и те, кто услышал это – окаменели от страха, но не принц, который схватил чашу и впервые в своей жизни поднёс её к жарким губам, никогда не знавшим этого адского вкуса. И только в последний

миг Хира-бай перехватила чашу, шепча: «Я только хотела испытать силу твоей любви ко мне – брось чашу, есть нечто более пьянящее, нежели это вино...»

И это происшествие стало вскоре известно двору, где Дара Шукух не преминул заметить при императоре Шахджахане: «Поглядите-ка на показную праведность и аскетизм этого лицемера! Он ведёт себя как лис, попавший в курятник своей тётушки!»

Но недолго длилось грешное счастье принца Аурангзеба. Хира-бай внезапно умерла в первую весну их любви. В день её смерти Аурангzeb не мог найти себе места. В конце-концов, он вскочил на своего боевого коня и в каком-то ошеломленном безумии поскакал на охоту – выместить всю свою ярость на этом диком и неверном мире...

Позже, когда его преданный слуга Кули-хан спросил принца: «Что за сокрытый смысл в охоте в столь потерянном состоянии?» - принц ответил с застывшими слезами на глазах:

*Плач в доме не избудет в сердце ни ярости, ни боли,
Сердце, избиваясь, избывается в одиночестве, в поле...*

«С тех пор музыка не звучала при твоём отце никогда...» - говорила Дильрас-бону своей дочери Зебуниссе. И добавляла: «Странно, но отец твой говорит, что ты как капля воды похожа на Хира-бай...»

День за днём, и ночь за ночью, удаляясь в дальний угол агринского форта, Шахджахан вспоминал по крупицам свою жизнь. Ведь то, что мучило его теперь, не началось при нём или с него, так было всегда, с самого основания этой империи великим Бабур-шахом, а, впрочем, и до него, брат вставал на брата по отцовское наследие трона и власти. Но разве не дети праотца Адама начали эту братоубийственную борьбу, разве не Хобул убил Бобула... Разве же не он сам восстал на братьев своих, прежде чем взошёл на престол? Так почему же его мучает и преследует теперь то, что постигло судьбой его сыновей?

В год, когда он начал строительство Тадж-Махала, Дара Шукух, его любимец, которому он прочил в наследство свой Павлиний Трон, построил на свою женитьбу великолепный дом на берегу Инда. Сразу же после свадьбы принц пригласил в дом своего отца и трёх братьев на свадебное угощение. Поскольку в Агре свирепствовало знойное лето, Дара решил показать им свою подземную комнату, выходящую на реку огромной зеркальной террасой, доставленной из далёкого сирийского Алеппо. Все спустились в эту комнату, и лишь принц Аурангзеб остался сидеть на пороге. Дара, заметив это, подмигнул отцу: «Смотрите, где он сидит...», - на что Его Величество воскликнуло: «Сын мой, я знаю, что ты воспитан сизмальства аскетом и отшельником, но ты – из царского рода и должен знать своё место. Ведь говорят – кто не знает иерархии, тот безбожник! Что за блажь, принцу сидеть на пороге, через который переступает всякий, кому не лень?!» Аурангзеб ответил: «Я расскажу позже, почему я решил сесть здесь...»

Некоторое время спустя он поднялся и под предлогом полудневной молитвы ушёл с этого собрания без разрешения Его Величества. Прослышав об этом, Шахджахан разъярился и запретил своему третьему сыну появляться при дворе. И это наказание длилось без малого семь месяцев. Но всё же отцовское сердце оказалось мягче сыновнего, на восьмой месяц Шахджахан послал к принцу свою старшую дочь Джаянара – узнать причину столь вызывающего поведения Аурангзеба.

Лишь сестра спросила принца об этом, Аурангзеб ответил ей: «Когда Дара пригласил нас в своё подземелье, а сам под разными предложениями то входил в комнату, то выходил, я подумал, что он может закрыть дверь, а мы все при этом задохнёмся. Если же он делал это по своей беспечности, то в этом случае я взял на себя охрану единственной двери, чтобы и он сам не задохнулся в подземелье. Но Его Величество из чувства благородства запретило мне сидеть на страже, и мне не оставалось ничего иного, как идти и замаливать свои грехи перед Всевышним...»

Тогда Шахджахан не только простил Аурангзеба, но и наградил его. Теперь же тогдашние слова принца рождали в нём совершенно иные смыслы, или это жизнь заставила прочитывать теперь эти слова совершенно иначе?..

День за днём, и ночь за ночью, удаляясь в дальний угол делийского форта, Зебунисса вспоминала по крупицам свою жизнь. То, что мучило её теперь, началось не с неё, а давным-давно – с первых дней империи, а может быть и раньше: судьба не только императорских жён, но и участь тётушку, сестёр, дочерей была полна не только скитаний среди мужских междоусобиц; она была полна душевных мучений, когда родной брат вставал на родного брата, когда сын восставал против отца или же отец преследовал своих отпрысков. Кого вспоминать: сестру Бабур-шаха – Хонзоду-бегим, или же сестру её собственного отца – Джоханара? А может быть подумать о себе самой, оказавшейся в заточении только потому, что любила родного брата – принца Акбара, восставшего против порядка, установленного отцом, когда индусы были лишены всех прав, их храмы и школы – разрушены, а на месте молелен возведены мечети. Аурангзеб обвинил своего сына в измене, и тому пришлось бежать от гнева отца в Персию, куда Зебунисса имела неосторожность написать единственное письмо. Письмо было перехвачено, и взбешённый отец заточил свою любимую дочь в форт Салимгарх. Но ведь отец не пожалел и собственную сестру – могущественную принцессу Джоханара, которая не раз заступалась за него перед императором Шахджаханом. Аурангзеб заточил её вместе со стариком в агринский форт лишь потому, что она была сестрой не только его, но и ненавистного им Дара Шукуха, приговорённого новым императором к смерти за вероотступничество...

Тётушка Джоханара рассказывала, что когда Зебунисса была шести лет от роду, тётушка ужасно обгорела. В то время двадцатилетний Аурангзеб был правителем провинции Деккан. Гонимые шаха были посланы немедленно с этой ужасной вестью, но еще ранее эта горестная весть достигла ушей принца через собственных придворных людей. Император Шахджахан догадывался, что и Али Марданхан, и Саид Миран, и Садулла-Хан, коих ненавидел за двуличие Дара Шукух, шпионят при дворе в пользу Аурангзеба, который обращался к ним в своих письмах не иначе как к «верным друзьям и учителям покорных учеников». То были лучшие офицеры Шахджахана, а потому он решил сначала дать острастку своему сыну. Он написал: «Дитя моё! Царскому роду надлежит обладать высотой духа и недостигаемостью ума. Я слышал, что ты непростительно смиренен перед некоторыми из моих офицеров. Если ты поступаешь столь неподобающе с неким видом на будущее, то знай – всё в руках предопределения, и ничего не может быть изменено этим раболепием духа!»

Аурангзеб тогда написал в ответ: «Ваше Величество, Вы правы: всё в руках Того, Кто возвышает кого Он хочет, и унижает кого Ему угодно. Я действую согласно хадису, переданного Ибн Анасом из уст самого Пророка (да хранит Аллах его род): «Кто унижает себя, того возвышает Аллах». Я отнюдь не противоречу при этом Вашему Величеству, но я уверен, что Ваше достопочтенное письмо было написано согласно стиху: «Искушение от Дьявола, который порождает сомнение в сердце человека и джина...»

Тётушка Джаханара рассказывала, как взбесился тогда император, прочтя это письмо, он был готов проклясть своего непокорного сына, но тот, явившись ко двору по случаю ожогов своей сестры, наперёд послал императору свой меч на златотканом поясе, как знак того, что он уходит в добровольную отставку. Он не показывался на глаза отцу, уйдя в очередное отшельничество, и если бы не Джаханара, упросившая и на этот раз простить Аурангзеба, то кончил бы принц проклятием отца и возможно высылкой или тюрьмой. Но разве же думала или догадывалась тётушка, что сия добросердечность кончится её собственным заточением и заточением их отца – больного Шахджахана...

*Если покрывало судьбы человека было соткано чёрным,
То даже воды Замзама и Кавсара не вымоют его добела...*

Принц Дара Шукух унаследовал от своих предков, и, прежде всего от основателя империи Великих Моголов – шаха Бабура изящество духа, любовь к размышлениям и страсть к писательству. Сызмальства он рылся в книгах, как будто вся мудрость света была сосредоточена в них. К двенадцати годам он заучил наизусть мать всех книг – Священный Коран, к пятнадцати – он был одинаково силён как в науках явных, так и в сокровенных, к восемнадцати годам был способен комментировать суфийские доктрины с привлечение древне-санскритских текстов. Книги привили ему высокомерие духа: никто из окружающих его придворных людей, разумеется, не мог встать вровень с собеседниками его ума, а потому среди этих самых придворных Дара Шукух ощущал всё более и более своё холодное одиночество. Наперсницей его духа была лишь сестра – Джаханара – «Благодать Света», но и её всё более и более увлекали коварные дела двора... Потом, в суфизме она была страстной

последовательницей школы Ходжи Муинуддина Чишти, тогда как видение, бывшее Дара Шукуху, поведало, что наиболее прямым путём к Богу является путь суфийского ордена Кадырия, основанного века назад Абдулкадыром Гилани – да хранит Господь его тайну!

А посвятил принца в этот орден пир его отца императора Шахджахана – святой старец Миян Мир из Лахора, в год, когда лишь родившись, умерла первая дочь Дара. Миян Мир укрепил тоскующее сердце принца знаменитой формулой своего учителя Абу Саида Хорасани: «Бесчисленное множество дорог к Богу, но Путь не более одного шага: ступи лишь шаг от собственного «я» и ты можешь достичь Его».

После скорой смерти святого старца взыскающая душа принца привязалась к ученику Миян Мира – Мауляна Шаху, которому Дара Шукух посвятил свои первые суфийские трактаты. Он писал, что в школе духа, коей он принадлежит, нет боли и труда, нет аскетизма: всё в ней легко, благостно как подарок. Здесь всё – любовь и приязнь, радость и восторг. Бог – не мучитель, но Благодетель Своих творений и Он непременно возносит Своих избранных в Свои владения как гостей, а не преследует, как преступников...

Отец и впрямь любил своего первенца, как дорогого гостя. Он возвышал его над остальными братьями в степени, не отпускал его от себя, тогда как других поотправлял правителями по провинциям, где принц Шуджаъ - как доносили - предавался похоти, Мурад Бахш - день и ночь пил вино, а Аурангзеб – воевал с соседями, безо всякого разрешения на то со стороны августейшего двора.

Шахджахан делал всё, чтобы Дара Шукух был совершенен не только в делах духовных, но и в делах государственных, делах военных. Там, где терпели поражение его младшие сыновья, император снаряжал могущественную армию под предводительством своего любимца и придавал ему лучших генералов. Так было, к примеру, с осадой Кандагара, принадлежавшего персидскому царю. Аурангзеб с 60-тысячным войском не смог захватить его, и тогда Шахджахан снарядил в поход Дара Шукуха с 70-тысячной могущественной армией. Но не на силу своих десятков пушек, сотен боевых слонов и тысяч отборных войск рассчитывал просвещённый принц, а на силу виденья и Провиденья.

Когда армия остановилась в Кабуле, к чувствительному принцу пришли двое суфиев, и один из них воскликнул в своём трансе: «Я вижу, что шах Ирана мёртв!» Второй добавил: «И я вижу это. Но я не вернусь, покуда гроб с телом шаха не падёт наземь!» Дара подтвердил сказанное своим собственным видением: «Я проведу у Кандагара не более семи дней, и город будет завоёван!»

Астрологи рассчитали ему время благоприятного расположения звёзд, приходящееся на 23 день месяца Раббуль-авваль для начала похода, и 7

день месяца Джумадиус-сани для начала осады. Десятки мулл сопровождали поступь армии своими беспрестанными молитвами, кроме них были наняты несколько магов, должных навлечь мириады червей, чтобы те кишели в амбарах осаждённых, портя их пищу, и тем самым, ломая их дух.

И хоть армия вышла в поход в назначенный день, но из-за дебошей в долгом в пути – к заветному дню осады принц опоздал. И тогда Дара решил задержать осаду ещё на месяц – до следующего благоприятного расположения звёзд. Тем временем враг всё лучше готовился к обороне, совершая дерзкие вылазки, а войска Дара проедали свой скудный походный провиант. Однако Дара Шукух полагался на своих магов.

Один из них – Индра Гир, нанятый принцем в Лахоре за ежедневные царские яства и чашу ежевечернего молодого вина, обещал созвать своих дэвов, и с их помощью обрушить крепостные стены, непосильные для человеческой осады. Он и впрямь, играючи двинулся в сторону стен, и легко убедил персидских часовых впустить его в крепость к городскому голове. Комендант крепости также легко угостил мага своими яствами и остатками вина, но когда Индра Гир решил вернуться к Дара Шукуху, комендант внезапно изменил своё благорасположение, и заключил мага в аппарат пыток – своего рода гигантские тиски, где бедный Индра сознался в своём коварном плане, и под страхом смерти был принуждён употребить свою магию с тем, чтобы армия Дара Шукуха немедленно отступила от крепостных стен. Однако дэвы не подчинялись измученному магу, и тогда беспощадный комендант повелел отрубить ему голову и сбросить её вместе с телом с высоты непоколебимых крепостных стен к подножию, где засел многотысячный враг, ожидающий подмоги дэвов...

В день, когда Солнце перешло из созвездия Близнецов в созвездие Рака, к Дара Шукуху явился святого вида Хаджи, который пообещал силой духа заставить вражескую артиллерию и ружья замолчать на три часа – промежуток времени достаточный для захвата крепости. В ответ он потребовал не только полный царский рацион, но также двух танцовщиц, двух воров, двух игроков в азартные игры, одного бычка, ягнёнка и пять петухов.

Через неделю, в назначенный Хаджи срок. Когда накибы прокричали готовность к бою, маг возжёт лампу, посыпал её зёрнами чечевицы, затем пустился в странный пляс, подскакивая в воздух в такт лопающимся зёрнам. В конце танца он набросился на приبلудную собаку, зарезал её прилюдно, затем

пустил кровь ягнёнку, безостановочно перерезал шею всем пятерым петушкам, и воскликнув в сторону танцовщиц, воров и игроков: «Вас также должно принести в жертву, но я выкупаю вашу свободу собственной кровью!» - надрезал себе бедро и покрыл своей кровью кровь жертвенных животных. Он опять тут же пустился в танец, и спустя некоторое время, выхватил меч главнокомандующего и окунул его в кровь...

На следующее утро, когда войска были готовы к атаке, Хаджи был призван к главнокомандующему, который потребовал умиротворить вражеские пушки на обещанные три часа. Хаджи протёр свои заспанные глаза и сказал: «Три джина охраняют эту крепость, и всю ночь я сражался с двумя из них, но третьему удалось бежать. Надо приостановить атаку ещё на неделю. За это время я надеюсь расправиться и с ним!»

За эту неделю персы, видимо, прослышали о приготовлениях мага, а потому предприняли контр-магические действия. Они сбросили к подножию крепостных стен дохлую собаку со вспоротым брюхом, набитым допотопным плесневелым рисом. Хаджи, призванный к принцу, с ужасом в голосе воскликнул, что это действие оживило и двух предыдущих дэвов, а потому осада должна быть отложена до неопределённого времени...

После долгой и неудачной осады Кандагара, когда каждый генерал обвинял в неуспехе другого, а все вместе вскрытую – принца, когда оставшиеся в живых солдаты: индусы, пуштуны, турки, узбеки разноязыко благодарили единого Бога за слякотный путь возврата, Дара Шукух не знал, как явиться пред царские очи своего отца, и лишь одна мысль, что Бог возложил на него совершенно иную миссию, приоткрытую ещё в юношеском видении, утешала боль военного провала. Он спешил к своим книгам, он спешил туда, где не осада крепостных стен, но более высокая задача осады непокорных высот духа влекла его сердце и ум.

В пути, между снежных хайбарских перевалов, он вспоминал о том, что он писал в своих трактатах, и мысль, возвращающаяся к самой себе издалека, казалась странной и непривычной. Есть три стадии постижения Единства Бога. Первая ступень – отрицание собственного «я», когда «всё – это Он, а я – ничто». Здесь ещё нет настоящей разлуки, и стих звучит так:

Владыка любимый, меня нет, нет меня,
Ты сам влюблённый, любовь и возлюбленная...

Он повторял про себя эти слова, и краешком замёрзшего ума замечал, что его желание сокрыться теперь от отца – чем-то сродни этому стиху...

Но, хлестнув камчой своего коня, он погнал дальше и свою покорную мысль. Вторая ступень, подсказала она его памяти, зовётся опьянением Единства, и означает собой наивысшую ступень восхождения. Здесь осознание раздела и разлуки между «я» и «ты» совершенно исчезает и ищущий растворяется в божественном единстве. Он понимает, что «я – есть я», и, молясь Богу, он молится самому себе.

Если неверному надоел ритуальный ислам,
Кому познать настоящую суть неверия?
В каждом идоле мерцает душа,
И под неверием теплится истинная вера...

Костёр на самой высокой точке перевала согревал душу этими словами. Однако третья ступень единства Божьего – это «трезвость единения», когда мир множества не может скрыть перед взором ищущего путника Его единства:

Эй, ты, кто ищет Бога повсюду,
Ты сам Бог, ты не вне Его,
Как посреди бескрайнего океан
Твой поиск сродни поиску капель всего океана...

Ночь лежала над бескрайней долиной, которая обнимала собой всё предстоящее пространство, и в этом океане единства терялось различие этих смурных индусов и пуштунов, тюрок и узбеков, солдат и генералов, их вер и религий, победы и поражения, страха и надежды, пути и стоянки, жизни и смерти...

После долгой и неудачной осады Кандагара, когда каждый генерал обвинял в неуспехе другого, а все вместе вскрытую – принца, когда оставшиеся в живых солдаты: индусы, пуштуны, турки и узбеки разноязыко благодарили единого Бога за слякотный путь возврата, Аурангзеб твёрдо знал, что возвращается он по приказанию императора, и чувствовал неудовлетворённость скорым решением отца.

В пути, между снежными хайбарскими перевалами, думая о встрече с отцом и своими братьями, принц вспоминал стих, призывавший к неусыпной бдительности, держащий вот уже столетия нерушимым дом Тимура:

Не пренебрегай осторожностью, когда враг вежлив,
Кинжал может быть спрятан под одеждой, как вода под травой...

Он думал об отличии персов, которые истово защищали четыре месяца свою крепость, и индусами, подчинёнными ему: Солнце является светилом персов, оттого их ум быстр, и предвидение вчетверо мощней, чем у раджпутов, планетой которых является Сатурн. Но слабость персов в том, думал он под звёздным ночным небом, что путь Солнца пересекается с путём Венеры, а потому они любвеобильны. Сатурн же ближе к Юпитеру. Надо быть всегда бдительным по отношению к этим хитрым персам, как гласит сей стих:

Вода стелется у подножия стены не потому ли, чтобы обрушить её...

Эти слова напомнили Аурангзебу, смотрящему на ночную долину впереди, не только прошлую неудавшуюся осаду...

В день, когда Солнце перешло из созвездия Скорпиона в созвездие Стрельца, на двадцать третий год правления императора Шахджахана, принц Аурангзеб вопреки воле своего отца встретился в Агре со своим братом принцем Шуджаём и заключил союз против старшего брата – наследного принца Дара Шукуха, которого лелеял стареющий падишах. Как свидетельство этого союза – дочь Шуджаё была обвенчана со старшим сыном Аурангзеба Султаном Мухаммадом. Чуть позже к союзу двух подключился и третий брат – принц Мурад Бахш.

Шахджахан, знающий цену всякому малейшему движению в подвластной стране, почуял недоброе, и написал несколько гневных писем Аурангзебу, пытаясь нарушить помолвку, но Аурангзёб, как всегда, ссылался на стихи Священного Корана и хадисы Пророка, чем и противостоял отчету нажиму. Тогда император направил посланника к другому принцу – Шуджаэ с жалобой на Аурангзеба: мол, младший твой брат не справляется с управлением провинцией Декан, которая требует более зрелого правителя, наподобие тебя... Но шах не знал, что Аурангзёб пообещал Шуджаэ значительно большие земли после совместного захвата власти...

Чуть позже Шахджахан, назначивший принца Дара Шукуха своим преемником, и присвоивший ему титул «царя высокого предназначения», уговорил сына, писавшего книгу за книгой, и приступившего к переводу Бхагавадгиты и Упанишад, задуматься над укреплением своих позиций. Все при дворе знали о страстной любви старшего сына Дара – Сулеймана Шукуха и дочери Аурангзеба – Зебуниссы, но теперь об их помолвке не могло быть и речи. Дара Шукух по совету своего отца помолвил Сулеймана Шукуха сначала с племянницей самого влиятельного генерала-раджпута Рао Сингха, а потом и с дочерью ещё одного военачальника – Джафар-хана.

Это было в то время, когда император Шахджахан отнял у принца Аурангзеба провинцию Мултан и передал её в правление Дара Шукуху. Тот не преминул написать отцу из своей инспекторской поездки, что воины Аурангзеба разрушили индийские молельни, и поспешил начать их восстановление. Надо сказать, что соглядатаи императора донесли тому, что это было не совсем правдой: Аурангзёб оставил Мултан, когда безнадзорные толпы стали громить эти самые храмы...

Аурангзёб следовал из Мултана в свой Декан, когда у Лахора, находящегося исконно во владениях Дара, правитель города вышел навстречу принцу, но странное дело – проскакал мимо процессии принца, и опять скрылся в своём городе. То было публичным оскорблением царского достоинства Аурангзеба, и он, конечно же, увидел в этом руку Дара Шукуха, отбывшего в то время с императором в Кабул.

Но ведь и он был неправ: правитель города побоялся злых языков, могущих донести «шаху высокого предназначения» неверность его ставленника...

Словом, с тех пор Дара Шукух называл Аурангзеба за глаза «богомолом», а Аурангзёб своего ненавистного брата – «еретиком».

Принц Аурангзеб унаследовал от своих предков, и, прежде всего от основателя империи Великих Моголов – Бабур-шаха воинственность духа, непримиримость ума и непокой сердца. Он утверждал своим детям сызмальства, что тот, кто хочет править Домом Тимура, должен, прежде всего, стоять посредине между мягкостью души и жестокостью сердца. Ибо если одно из этих качеств превосходит другое, то оно становится причиной падения трона. Избыток мягкости души порождает в подданных безнаказанность, тогда как излишек жестокосердия отпугивает людей. Вот, Султан Улугбек – при всех своих удивительных достоинствах ума был настолько жестокосерд, что проливал кровь по поводу и без повода. Его сыну Абдул Латифу пришлось заточить своего отца в крепость Нихованд. Выдержав паузу, Аурангзеб добавлял: по пути в крепость Улугбек спросил одного из нищих, которому обычно бросал золотые монетки: «как ты думаешь, что стало причиной моего падения?» Нищий ответил со слезами на глазах: «Чрезмерное кровопролитие, заставившее остальных шарахаться от тебя...» Что же до нашего августейшего предка Хумаюн-шаха, то мягкость его души по отношению к безнаказанному Шер-хану стоила ему трона. Когда Хумаюн-шах вежливо просил отца Шер-хана призвать своего сына к порядку, написав тому письмо, отец Шер-хана ответил: «Он давно уже переступил границу письменных наставлений, и я предвижу, чем кончится эта беспечность!»

Он опять держал паузу, когда дети его тяжело дышали, а потом завершал: кроме того, наследник Дома Тимура не должен знать покоя, ибо как говорит стих:

Царю, как и воде, нельзя застаиваться на месте,
Вода зацветает, а царь обрастает привычек бременем.
В походах слава, честь и могущество мести,
Желание мира и покоя разлучает ногу от стремени...

И, наконец, должно следить за слугами, и назначать их на должности в согласии с их способностями. Философ никогда не станет воином, и не надлежит мелкого грузить великими делами, равно как и великого занимать безделушками, ибо у одного нет кишок делать дело, а другой будет вечно мучиться позором. Полный беспорядок будет царить при этом в государстве, говорил Аурангзеб своим детям и замолкал при этом с горящими глазами...

Зебунисса до сих пор ощущала на себе этот взгляд: горячий и подозрительный, любящий и опасаящийся, жестокий и кающийся, но никогда не выдающий себя неверным словом, разве что делом. Шёл двадцать девятый год правления её деда, императора Шахджахана, когда девятнадцатилетняя Зебунисса услышала через свою тётушку Джаханара весть о помолвке её возлюбленного кузена Сулеймана Шукуха с дочерью индийского раджи. Три дня она не ела ничего и не пила, обливаясь горячими слезами, а потом внезапно решила оставить императорский двор и уехать к своей матери в Аурангабад.

Осеннее солнце оставляло постепенно созвездие Льва, и когда их процессия прошла два дня пути, её нагнал посланник двора, который сообщил, что император сильно заболел. Зебунисса знала, что дед недомогает уже давно, но некое торжествующее злорадство мелькнуло на мгновение в её сердце, полном тюркской крови: ведь это он надоумил дядюшку Дара Шукуха обвенчать своего сына с неверной раджпуткой...

Солнце и впрямь оставляло дом Льва, - подумала горько принцесса, и вопреки всякому этикету, продолжила свой путь в Декан. Когда она прибыла ко двору своего отца – отец уже готовился к войне. Здесь уже объявили, что еретик Дара Шукух убил императора и узурпировал власть. А то, что император, дескать, продолжает раз в месяц выглядывать в окно – так это евнух, облачённый в царские одеяния!

На этой волне Аурангзеб вместе со своими братьями Шуджаь и Мурадом объявил священный джихад во спасение погранной веры. И хоть на первых порах принцесса Зебунисса понимала насколько смехотворны понадуманные доводы, оправдывающие лишь вековую борьбу за трон, но обида девичьего сердца возобладавала, и она с головой ушла в придворную дипломатию. Отец её – Аурангзеб писал своему брату – принцу Шуджаь, что прочность их тройственного союза держится на них двоих, и тем же временем переправлял засекреченные письма своему младшему брату – принцу Мураду, в которых жаловался, что Шуджаь попал под влияние шиитов, а потому – вся надежда на них двоих – правоверных последователей Пророка, и одновременно обещал этому пьянице и гуляке ещё три южные провинции, обильные на вино и красоток... Надо было к тому же усыплять бдительность двора, откуда чуткая Джаханара, почуяв неладное, писала письма всем братьям, призывая их к единению и миру. Зато другая сестра – Равшанара питала их последними сплетнями двора и подзуживала к скорейшим действиям на волне недовольства улемов и мулл уж больно либеральными, писала она, если не сказать проиндийскими взглядами Дара Шукуха, уже объявленного преемником престола.

Ранней зимой того же года началась война. Принц Шуджаэ внезапно объявил себя императором и вошёл в провинцию Аллахабад. Старый император, узнав об этом восстании на его власть, был вне себя, и тут же распорядился через Дара Шукуха направить против этого «подлеца, у которого всегда за душой было лишь одно чувство – похоти», армию под предводительством Сулеймана Шукуха, и «доставить его голову в знак наказания!» Дара Шукух придал своему сыну лучшего военачальника – Мирзу Раджа Джай Сингха, и императорская армия двинулась в поход.

Поздней зимой у священного города Бенарес имперская армия внезапно напала на войско Шуджаэ и обратила её в беспорядочное бегство. Сам Шуджаэ спасся на судне, скрываясь вниз по реке. Однако объединённые силы Аурангзеба и Мурада, который к тому времени также короновал себя, напали на противоположном краю империи на Дармат, и нанесли сокрушительное поражение армии другого главнокомандующего имперской армии – Джасванта Сингха.

Именно в это время люди Дара Шукуха перехватили письмо Аурангзеба Мураду, в котором принц поздравлял принца с коронацией и писал далее: «Что же до Раба Божьего, то у меня нет никакой страсти до мирских дел этого обманчивого света. Никакое желание, кроме желания рая, а стало быть, служения Дому Господа, не занимает моё сердце! Ты – наш избранный брат, и всё, чем ты движим против высокомерия и несправедливости еретика Дара – несёт печать правой борьбы. И в этом священном джихаде ты должен полагаться на меня как на друга, опору, брата. Покуда наш бедный отец жив, мы должны вкуче направить наши стопы в сторону Его Величества, дабы послужить ему, и дабы наказать этого зарвавшегося Дара, опьянённого гордыней и тщеславием, того, кто под видом тасаввуфа сбился в правого пути в ересь индуизма и в мыслях, и делах. Если этот еретик захватит трон и установит свою власть, основания истинной веры будут подточены и требования священного ислама изменены в пользу неверия и иудаизма. Пусть же Коран будет свидетелем нашего союза и никакие сомнения или подозрения не закрадутся в твой светлый ум!»

Старый император, которому прочла это письмо его старшая дочь Джаханара, почему-то подумал с горечью о чернушке Зебуниссе, которая как бы проглядывала со слезами на глазах сквозь это зашифрованное письмо...

Шахджахан до сих пор ощущал на себе этот взгляд: горячий и подозрительный, любящий и опасаящийся, жестокий и кающийся, но никогда не выдающий себя неверным словом, разве что делом. Теперь, когда при нём осталась лишь верная дочь Джаханара, через которую он узнал, что в битве при Самугархе его преемник Дара Шукух, которого он, провозжая из Агры, обнял, как в последний раз и благословил на бой, потерпел сокрушительное поражение от армии Аурангзеба, старый император глядел подслеповатыми глазами на дочь, и ему мнилась его внучка, объявившая теперь голодовку против действий своего отца, пытаясь хоть как-то остановить события, давно уже выбившиеся из рук. А ведь как хотел Шахджахан этой небывалой свадьбы между двумя своими любимыми внуком и внучкой – Сулейман Шукухом и Зебуниссой, как будто бы то, что не удалось им в жизни с Мумтаз Махал, он хотел оставить в наследство им. И что теперь? Зебунисса мстит своему отцу Аурангзебу, Сулейман Шукух застрял в горах Бенареса и не успел на выручку своему отцу Дара Шукуху. И лишь извечная Джаханара читает ему сводку боя при Самугархе, как упокойную по его тщетную жизнь.

Шестого дня священного месяца Рамазан, когда летнее солнце нещадно палило в небе, Дара Шукух в горячечной спешке вывел свои шестидесятитысячные войска для полного боя, но вместо того, чтобы атаковать вражеские позиции, его войска остановились посреди поля, ожидая атаки со стороны войск Аурангзеба и Мурада. Обжигающий ветер со всех шести сторон, и отсутствие воды с обилием доспехов, валило войско с ног. Аурангзёб также водрузился на боевого слона, но, видя, что имперские войска стали в замешательстве, увёл свою армию после закатной молитвы на исходные позиции.

Этот день расколол войско Дара Шукуха не только своей бесцельностью, но и тем, что мусульмане – иранцы и туранцы, блюли свой пост в невыносимых условиях, тогда как индусы-раджпуты, сикхи, панджабцы спасались от зноя на глазах мусульман водой и едой...

Ранним утром следующего дня Дара Шукух собрал свои войска в боевой порядок: впереди всех шла артиллерия, прикрываемая следом пехотой. Далее стояли наготове пятьсот боевых верблюдов со всадниками, вооружёнными огнестрельным оружием, а вслед за ними располагались несколько сотен боевых слонов. И лишь затем за неуязвимым оборонительным заслоном были выстроены пять дивизий. Царская конница состояла из десяти тысяч прекрасно обученных всадников, и в самом центре на гигантском слоне возвышался сам наследный принц Дара Шукух в окружении пяти тысяч наиболее преданных воинов.

Так же, согласно могольской тактике, была выстроена армия Аурангзеба.

Царская атака началась с артиллерийского огня. Шум и дым стояли над песчаной долиной Самугарха. Артиллерия Аурангзеба отвечала редкими выстрелами, и тогда Дара решил, что та подавлена, и приказал пехоте идти на врага. Тысячи стрел засвистали в воздухе, унося с собой дым и шум пушечных выстрелов, и вслед за этим градом раздался скрежет скрестившихся мечей и клинков, бьющийся о кольчуги. Кровь, пот и слёзы превратили песок в густое месиво.

Передовые отряды сына Дара – Сипехр Шукуха и Рустам-хана почти разбили авангард Аурангзеба и уже забили барабаны победы, но в это время неожиданно и мощно в бой вступила артиллерия Аурангзеба, и точное ядро взорвало включь слона под Рустам-ханом.

И здесь Дара решил, что миг победы не должен быть упущен, и двинулся со своим центром сквозь ряды своих слонов и верблюдов на помощь к Сипехр Шукуху, но наткнулся на непробиваемую защиту Шайха Мира. Теперь его позиции были непоправимо разбалансированы: пушки остались позади с растерянными артиллеристами, которые не могли стрелять по своим, боевые верблюды и слоны не могли двигаться вперёд, дабы не перетоптать свои же войска...

И тут Дара пошёл напролом – к центру защиты Аурангзеба. Но всё ещё нерастраченная артиллерия Аурангзеба обрушила новый шквал огня, и тогда растерянный и уязвимый Дара Шукух решил спешиться со слона и пересесть на коня. Но войска во всей округе, увидев царского слона без наследного принца, решили, что тот убит, и дух их тотчас был сломлен...

К вечеру Дара вместе с сыном Сипехр Шукухом и двумя тысячами приближённых удалось бежать по направлению к Агре...

Джаханара читала это послание, императору же, опершемся задумчиво на свой посох, внезапно привиделся их предок – Захриддин Мухаммад Бабур-шах:

*Не предавайся власти и не закладывай руки в труд,
Бог даст непременно, так что стремись, но щедрым будь.*

Принцесса Джоханара читала вслух записки Бабур-шаха, и слёзы медленно катились по её смуглым щекам на семейную рукопись, передаваемую из поколения в поколение:

«Преследующих было двадцать-двадцать пять человек, нас оставалось восьмеро. Когда бы среди тревоги нашей мы бы знали их число, то посражались бы отменно. Но подумалось, что за преследователями следует большой отряд, а потому мы продолжали свой путь. Пусть отступающих будет и больше, нежели преследующих, но говорят же: «Побеждённому достаточно сказать «Кыш!»

Лошадь подо мной была слабой, Хан-кули предложил мне своего коня, а сам с остальными мало-помалу рассеялся по сторонам. Со мной остался лишь Мирза-кули. Его конь тоже стал сдавать. Я сказал: «Как я тебя оставлю, идём со мной делить жизнь и смерть поровну». Но в конце-концов Мирза-кули воскликнул: «Мой конь сдал, оставьте меня, ступайте сами, даст Бог – спасётесь...» Странное состояние было мне. Мирза-кули и тот отстал. Я остался один-одинёшенек.

Вдали появились двое из врагов. Одного звали Бобо Сайракий, а другого – Банда Али. Они стали догонять меня. Конь мой устал, и горы были ещё далеки, зато начались камни. Подумалось мне: конь сдаёт, горы далеко, куда же идти? В колчане моём было около двадцати стрел, думаю: спешусь и стану отстреливаться среди этих камней до последней стрелы, но другая мысль перебила прежнюю: а может быть и достигну гор. Достигну гор, и, заткнув стрелы за пояс, вскарабкаюсь вверх, поскольку был уверен в силе своих ног.

С этой мыслью я продолжал свой путь. Конь мой едва перебирал ногами. И эти приблизились на расстояние полёта стрелы. И я жалел свои стрелы, и не стрелял. И эти, опасаясь, не стали приближаться более. Так они и двигались. Солнце село, когда я достиг гор. Они прокричали мне вслед, сложив руки трубой: «Куда вы держите, таким образом, путь? Ведь всех ваших уже захватили в плен!» От этих слов меня взбесило. Если мы все окажемся в руках врага, то нет большей опасности! Я не стал отвечать, а продолжал свой путь к горам. Пройдя ещё часть дороги, они опять стали кричать, но на этот раз повежливей. Они спешили при этом. Я не слушал их слов и продолжал свой путь. Шёл выше и выше по ущелью. Шёл до времени вечерней молитвы. Наконец я достиг обвала каменных скал и обернулся. Сыпались камни, и конь дальше не шёл.

Они тоже спешили и обратились с уважением и почтением, ещё вежливей, чем прежде. Сказали: «Куда же вы направляетесь в ночь?» Они клялись, что Султан Ахмадбек хочет объявить меня шахом. Я сказал: «Сердце моё не позволяет этого, туда идти нельзя. Если вы и впрямь хотите услужить

мне, то иной подобной возможности может и не случиться. Проведите меня к ханам, и я вас вознагражу сверх того, что пожелают ваши души. Если же нет, то ступайте своей дорогой. И мой путь – мой конь! И это зачтётся вам в службу!»

Сказали: «Кабы не пустились мы за вами. Теперь, когда мы здесь, как же нам возвращаться? Раз не хотите возвращаться, то куда бы вы ни направились, мы – в вашем услужении». Я сказал: «Поклянитесь!» Они поклялись Священным Кораном. Я сказал: «Проведите меня туда, где мы можем затаиться днём, а ночью обзавестись конями, и, перейдя вброд ходжентскую реку, оказаться в Ходженте». Они сказали: «Здесь есть одно урочище, там можно затаиться». Банда Али, правивший местечком Карнан, сказал: «Я пойду в Карнан и вернусь со всем необходимым».

Мы тронулись в сторону Карнана, и засели на его подходах. Банда Али двинулся дальше сам.

Но вот уже настало и утро, а его всё нет. Сильная дрожь била нас! С рассветом вернулся Банда Али. Коней он не привёл. Принёс три лепёшки. Каждый из нас положил по лепёшке за пазуху, и, дойдя до урочища, мы привязали своих коней, а потом каждый, глядя по разным сторонам, сидели и караулили друг друга...

Дара Шукух скакал на коне с поля поражения, и всё меньше людей оставалось вокруг него. Они то ли рассеивались по безопасным сторонам, или собирались сдаться на милость Аурангзеба, бывшего теперь в барабаны победы, или же... Один Сипехр Шукух – его юный сын, поспешал за своим потерянным отцом, но и его конь стал сдавать. Дара Шукух скакал некоторое время в полном одиночестве, солнце садилось за спиной, и оттого длинная чёрная тень путалась под копытами уставшего коня, но и тот, покорный судьбе, подобно своему всаднику, безостановочно перебирал ногами. Наконец он достиг дерева, и Дара Шукух, встрепенувшись, остановил коня, спешился, затем, умывшись в роднике под деревом, скинул свой шлем и сел, бросив голову на колени. Приблизился его сын Сипехр Шукух, и услышал глухой стон отца: «Пусть случится то, чему суждено быть!»

Долго пришлось уговаривать сыну отца опять взобраться на коня, и скакать в темнеющую ночь в сторону Агры. К полуночи они достигли столицы, но весть о поражении достигла города быстрее и уже опустошила обычно многолюдные улицы. Всего несколькими днями ранее принц вёл по этим улицам

свою – казалось бы, непобедимую – армию и сам император, провожая, благословил его на победу. Теперь же – позор, больше которого ничего нет на свете, и одна лишь насупившаяся ночь помощницей. Дара Шукух не стал появляться при дворе, а забрал своих жён и близких со всем богатством, которое можно было нагрузить на слонов и верблюдов, и в ту же ночь перед самым рассветом двинулся в сторону Дели.

Принцесса Зебунисса читала вслух записки Бабур-шаха, и слёзы медленно катились по её смуглым щекам на семейную рукопись, передаваемую из поколения в поколение:

«Банда Али сказал: «На окраинах Карнана есть сады, где можно затаиться, никто ничего не заподозрит, двинемся туда, и оттуда пошлём людей к старосте Кадырберды». С этой мыслью мы сели на коней и добрались до окраины Карнана. Была зима, и было очень холодно. Мне принесли старый тулуп, я надел его. Принесли немного похлёбки – я поел. И так мне стало хорошо! Я спросил Банда Али: «Ты послал человека по Кадырберды?»

Сказал: «Послал». Эти злосчастные мужички, сговорившись, направили, оказывается своего человека в Ахсы, к моему главному врагу Ахмаду Танбалу. Я вошёл под навес, разжёл огонь, и глаза мои стали слипаться. А эти, чтобы уверить меня, убеждают оставаться здесь, не перебираться в другой сад.

В полночь я сел на коня, и перебрался в другой сад. Бобо Сайракий сидел на крыше, и смотрел по сторонам. К следующему полудню он спустился с крыши и сказал: «Приближается Юсуф-Даруга!» Странная тревога разобрала меня. Я сказал: «Пойди, узнай, идёт ли он по мне?» Тот вышел, переговорил и вернулся. Сказал: «Юсуф говорит, что ваши беки хотят вас поднять падишахом!» Я сказал: «После столько стычек, битв и предательств как же мне идти к ним, с какой верой в них?» На эти слова Юсуф встал на колени, и тут же стал клясться, что его на самом деле послал Шайх Баязид-бек, прослышавший о моём местонахождении.

Когда он сказал это – странное чувство посетило меня. Нет, видимо, на свете сильнее чувства, чем страх за жизнь. Я сказал: «Скажи правду, если всё обстоит по-другому, то я совершу омовение». Юсуф стал клясться, да кто станет верить ему! Я ощутил в себе нетерпение. Встал, вышел в сад. Стал говорить сам с собою. Сказал: «Пусть человек проживёт сто лет, пусть даже тысячу – но всё равно в конце-концов придётся умирать!»

*Проживёшь сто лет, или единственный день –
Всё равно придётся оставить обитель сердца, как тень...*

Я решился на смерть. В том саду текла вода, я умылся, совершил два ракаата молитвы, и когда склонил голову в коленапреклонении, веки мои слиплись на мгновение. Вижу я Ходжу Якуба – сына Хаджи Яхъя и внука господина Ходжи Убайдуллаха, который движется мне навстречу на гнедом коне в окружении всадников. Они сказали: «Не печальтесь, Ходжа Ахрар Убайдуллах направил меня к вам, сказав: «Мы возведём его в падишахи!» И где бы ни вставали затруднения, пусть лишь вспомнит нас, и мы явимся пред ним. Победа и удача движутся теперь навстречу вам! Вставайте, поднимите голову...»

И я проснулся в столь хорошем настроении, между тем как Юсуф-даруга и его приспешники советовались, что надо меня уже вязать. Я услышал эти слова, и сказал: «Вот вы говорите об этом, а ну-ка я посмотрю, кто из вас осмелится приблизиться ко мне!» Я произнёс это, и вдруг услышал густой конский топот за дувалом. Юсуф-даруга сказал: «Если б мы связали вас и доставили Ахмаду Танбалу, наши бы дела пошли куда лучше. Но вот он направил побольше людей, чтобы схватить вас». То есть он стал намекать на то, что этот топот - топот всадников, посланных Танбалом. Услышав это, я содрогнулся, не зная, что делать.

В это мгновение всадники не нашли калитки в дувале, и просто проломили часть его, и вошли в сад. Смотрю – а это Кутлуг Мухаммад Барлас и Бобои Паргори – мои преданные воины, прискакали, набрав 15-20 человек! Они приблизились, спрыгнули с коней, и, склонившись издалека, упали мне в ноги. В это мгновение мне показалось, что бог сызнова даровал мне жизнь! Я сказал: «Схватите Юсуфа-даругу и этих неверных холопов!» Те бросились врассыпную, но их переловили повсюду, и, связав, привели ко мне.

Я спросил у своих: «Откуда вы идёте, и кто вам сообщил о моём местоположении?» Кутлуг Мухаммад Барлас сказал: «После того как мы расстались с вами в Ахсы, я бежал в Андижан. Мне приснился Ходжа Убайдуллах, который сказал: «Бабур-шах сейчас в местечке под названием Карнан, ступайте, и приведите его, поскольку он должен царствовать...»

Шахджахан сидел в своих пустых покоях один, и чувствовал, как всё меньше людей оставалось вокруг. Надежда его старых очей – принц Дара Шукух бежал из города, не показав ему и своей тени. А теперь и вошедший в город под победные звуки карнаев и дробь барабанов принц Аурангзеб не кажет своей тени во дворце, а шлёт через своих посланников письма. И даже Джаханара не выходит из своих покоев, то ли переживая происшедшее, то ли готовясь к тому, что произойдёт.

Шахджахан послал было Джаханара к Аурангзебу с высочайшим Фарманом – остановить братоубийство и оставить принцу Дара Шукуху Панджаб, принцу Шуджаъ – Бенгалию, принцу Мураду – Гуджарат, а наследным принцем объявить Аурангзеба, и присвоить ему титул «шаха высокого предназначения», но в ответ Аурангзеб лишь расхохотался...

Теперь Шахджахан понимал, что не Аурангзеб хохотал в то мгновение, но судьба, настигшая старого императора на пороге его смерти. Разве же не он сам восстал против отца своего – императора Джахангира, а также против своих братьев?! Разве же не он сам дрался за трон при живом и старом отце?! Что же теперь он сетует на судьбу, что же теперь он не может никак смириться с тем, что пошло вопреки его воле?!

Теперь он сам, без ведома принцессы Джаханара, писал своей неверной рукой, привыкшей к мечу, но не к тростниковому перу, письмо правителю Кабула Махабат-хану, призывая того собрать свои войска и выступить на стороне наследного принца Дара Шукуха. Но чем больше дрожащая рука погрязала в вязи цветистых оборотов, восхваляющих смелость и преданность Махабат-хана, которого он прежде не ставил ни во что, тем более чувствовал император свою беспомощность, и ощущал себя своим старшим сыном, проведшим всю свою жизнь с этим самым призрачным тростниковым пером в руках. «Меч побеждает перо!» - выскреб последнюю фразу император, и вопреки всему предыдущему стилю умоляющего письма, завершил: «Но если в данных обстоятельствах столп государства Махабат-хан пренебрежёт этим воззванием, то завтра, в День Страшного Суда, моя рука вцепится в его лживый хохол!»

Дара Шукух сидел в своих пустых покоях один, и чувствовал, как всё меньше людей оставалось вокруг. Его последняя надежда – старший сын Сулейман Шукух всё ещё продолжал свой бесконечный марш по Гималаям, и никак не мог воссоединиться со своим отцом. Или же и он, после поражения отца и перехода его тестя Джасванта Сингха на сторону Аурангзеба, затаил нечто недоброе – вспомнил о своей любви к дочери этого богомола – принцессе Зебуниссе?

Дара писал ему письмо за письмом, и тростниковое перо в руке, столь привычное прежде и непривычное теперь, пыталось напомнить ему что-то вопреки его воле. Он достиг теперь своего Панджаба – «землю пяти вод», которую Дара Шукух называл прежде земным слепком рая, но и в этом вечном раю ему открывался весь ад его сегодняшних дней, как будто два океана, остановленные несмешанными самим Всевышним, внезапно смешались воедино.

И не сам ли Дара Шукух призвал два океана смешаться, не он ли сам всю свою прежнюю жизнь вызывал волну за волной, не сам ли он назвал свой последний собственный труд «Смешением двух океанов», в котором доказывал подводное единство потоков ислама и индуизма? Бог един, едина душа, назови её Рухом или Атманом, одинаковы чувства людские, будь то внешние: слух – самаи или сабда, зрение – басира или рупа, обоняние – шамма или гандха, вкус – заика или раса, осязание – ламиса или спарса, или же внутренние: воображение, внимание, память, интуиция, мышление – тоже одинаковы, но лишь обозначены разными именами. И не одна ли на все эти внешние и внутренние чувства боль, которую испытывает теперь Дара Шукух, смешавший океаны мистики и земного, философии и войны, книг и трона, пера и меча?!

Не было ли чудо в том, что как сказано в Коране, Господь создал два океана – один с солёной водой, и другой с водой пресной, и смотри: чудо, что они не смешиваются, как будто невидимая перегородка стала между ними...

«Меч побеждает перо», - выскреб последнюю фразу Дара Шукух, но тут же зачеркнув эту фразу, завершил очередное письмо своему старшему сыну: «Итак, явно, Аллах Самодостаточен, вне всякой нужды миров...»

Аурангзеб сидел один в пустых покоях бежавшего Дара Шукуха и скрёб пером: «Меч победил перо!» - повторяя преднамеренно фразу своего отца из перехваченного им письма. Потом он продолжил: «Да не будет тайной для Вашего августейшего ума, что действия Вашего покорного слуги подвластны лишь Божественному Провидению. Я всегда жил надеждой, что Ваше Величество со свойственным Вам совершенством ума не станет противоречить Провидению, чиня преграды действиям Вашего покорного слуги, и освещая путь тем, кому Всевышний отказал в поддержке. Я часто слышал, что эти преграды были построены согласно Вашим приказам, и что согласно Вашей воле мои братья стремились бороться против меня, причиняя тем самым лишения и тяготы народу. Тем не менее, я не обращал на это никакого внимания и не свернул с дороги высокой преданности. Однако сообщения о враждебности Вашего Величества ко мне поступают постоянно, и в частности Ваши секретные письма свидетельствуют об этом. Итак, я убеждён, что Ваше Величество не любит этого покорного слугу, и Вы всё пытаетесь ухватиться за то, что безвозвратно выпало из Ваших рук. В этих обстоятельствах покорному слуге не остаётся ничего иного, как во имя поддержания порядка в государстве и восстановления Шариата, предпринять необходимые шаги, и сознание покорного слуги не успокоится до тех пор, пока все трое богоотступника не понесут должного наказания. Покуда наследные головы всё ещё на плечах, не будет покоя в государстве. Когда же дела моих соперников будут разрешены согласно Всевышней воле, отпадёт нужда в этих шагах, диктуемых предосторожностью...»

Аурангзеб не стал писать своему узнику, что чуть ранее он распорядился арестовать скудоумного принца Мурада, уже успевшего объявить себя императором, и начавшего печатать монеты со своим именем на них...

Зебунисса сидела одна в пустых покоях своего отца Аурангзеба, воющего теперь со своим братом – принцем Шуджаь, и скребла своим тростниковым пером письмо, которое она не знала, кому отправлять: заточённому в форт Агры императору Шахджахану, неприкаянному в своём побеге старшему дядюшке Дара Шукуху, который сейчас не то в Кашмире, не то в Гуджарате, то ли своему не суждённому суженному Сулейману Шукуху, застрявшему в своём нескончаемом марше в снежных Гималаях, отцу ли Аурангзебу, беспощадно расправляющемуся по одиночке со всеми возможными и невозможными наследниками на Павлиний трон, великой тётушке Джаханара, державшей до сих пор империю в своих крепких невидимых руках, и теперь растерявшейся среди своих равновеликих привязанностей, Богу ли в синем небе, или самой себе на этой чёрной от несчастья земле?!

Дара Шукух кружил по Индии, предаваемый то в Лахоре, то в Мултане, то в Гатче, то в Гуджарате, то в Ахмадабаде, то в Удайпуре, то в Аджмире, и с истовостью опьянённого дервиша всё шёл и шёл по тому же кругу. Казалось, что нечто низшее, а может быть и напротив – высшее, смеётся над ним, прошедшим давно ступени, по которым развивается душа – все эти долины Смятения, Тягот и Отчаяния, пики Покаяния, Покорности и Согласия... Теперь запоздалое тело шло по тем же путям, но его ожидание на сей раз было зловещим. Почему же путь души так отличен от пути тела?!

Веки принца смыкались от усталости, и под непрерывный цокот копыт ему виделся святой старец-индус Баба Лал, с которым он встречался после неудачной осады Кандагара. «В чём значение идолопоклонничества среди индусов?» - спрашивал тогда молодой и любопытный Дара, а теперь понимал в полусне, что вопрос-то был о троне. «Суть этой практики – в концентрации ума. Тот, кто обладает знанием Духа, не заботится о форме, тот же, кто лишён внутреннего сознания – должен, следовательно, быть привязанным к внешней форме. Точно так же, как незамужние девочки играют в куклы, но, выйдя замуж, забывают о них. Такова природа идолопоклонничества. Те, кто не обладают знанием духа, будут явно стремиться к его приобретению посредством внешней формы, но как только они обретут внутреннее сознание, они тотчас станут пренебрегать внешней формой...»

Конь принца скакал по густой индийской ночи, а Дара всё допытывался у святого старца:

«В Рамаяне говорится о том, что когда Рама Чандра завоевал Цейлон, огромное количество людей погибло с обеих сторон. Тогда он обрызгал их живой водой, и его собственная армия ожила, но войска Раваны так и остались мертвы. Как это объяснить?»

Баба Лал: «Это случилось потому, что на поле боя войска Раваны создавали превосходство войск Рамы. Превосходство очевидно, благостные люди, приобретшие мукти или же спасение, никогда не возвращаются в людское обличие. Они были убиты на поле боя, но до того мысль о Рама присутствовала в их сознании. Войска Раваны приобрели спасение, а потому их души не вернулись в их тела...»

Конь устало скакал в сторону Инда, и уже веяло его туманной рассветной прохладой, и душа Дара Шукуха легко и беспечно впервые за долгие месяцы оставила изнурённое тело на недолгое время сна...

Аурангзеб кружил по Индии, признаваемый то в Лахоре, то в Мултане, то в Гатче, то в Гуджарате, то в Ахмадабаде, то в Удайпуре, то в Аджмире, и со страстью опьянённого коршуна всё ниже и ниже опускался над своей добычей. Поначалу он должен был расправиться окончательно с Дара Шукухом, но в это время принц Шуджаъ двинул свои вновь собранные войска на Бенарес, и Аурангзеб был вынужден развернуть свою армию на восток.

Уже стояла индийская зима, и приближалась годовщина начала войны, когда Аурангзеб приблизился к местечку Хаджвах. Первым делом, как правоверный мусульманин, он посетил могилу святого старца Сайида Баддиуддина, известного более под именем «Шах Мадар», где помолился и роздал десять тысяч рупий милостыни слугителям усыпальницы.

Семнадцатого дня месяца Раббиус-сани, когда две армии сошлись у Хаджваха, Аурангзеб взобрался на императорского слона, и в это время его придворный поэт поднёс ему стих, с зашифрованным часом начала битвы, который звучал так:

*Пусть же кораническая сура Таборак хранит тебя навеки,
и пусть же корона всегда венчает твоё чело!
Я долго искал дату, как символ победы,
И моё сердце подсказало:
«Будь же ты благодетельствован победой!»*

Аурангзеб распорядился выдать поэту пять тысяч рупий.

В первый день битвы стреляли лишь пушки. К вечеру Аурангзеб вернулся в свой лагерь, и всю ночь провёл в молитвах, обращаясь к Всевышнему с просьбой о скорой победе. Но перед самым рассветом, когда не отличишь белой нити от чёрной, по лагерю пронёсся душераздирающий крик. А случилось вот что.

Раджа Джасвант Сингх, перешедший на сторону Аурангзеба из войск Дара Шукуха, внезапно предал своего нового хозяина. Сговорившись с принцем Шуджаъ, он должен был внезапно атаковать обозы Аурангзеба, а потом бежать в сторону войск Шуджаъ. Когда бы войска Аурангзеба бросились в погоню за Джасвантом, они бы стали лёгкой добычей для готовых к атаке войск Шуджаъ.

Но Аурангзеб никогда не терял головы на поле боя. Никто из братьев не воевал столь часто и охотно, как он, а потому все хитрости и уловки врага он знал не умом, но нюхом. Среди этого раджпутского погрома, когда вопль стоял над лагерем, Аурангзеб преднамеренно не стал водружаться на слона, а приказал

приготовить ему «тахти равон» - паланкин, наименее приспособленный к боевым условиям. И когда войска увидели своего предводителя, качающегося на плечах у носильщиков, всё равно, что посреди мирной площади в Агре, спокойствие вернулось в их ряды, и те, кто не бежали – с вечным проклятием беспощадного принца вослед – те получили приказ оставаться на месте, согласно боевому порядку.

Никто не пустился в погоню за Сингхом и бежавшими с испуга случайными и проклятыми амирами, и к рассветному бою армия Аурангзеба вышла в назначенном порядке во главе со своим главнокомандующим на императорском слоне.

Зебуниссе достался из этого боя рассказ о трёх гигантских слонах, принадлежавших враждебным Аурангзебу сайидам из Барха. Огромные цепи были привязаны к их хоботам. Эти слоны, как три несокрушимых горы, сметали всё вокруг: каждый взмах хобота валил сотни людей, десятки коней – казалось, сама Смерть косит ими войска Аурангзеба. И вот когда три этих чёрных слона прорвались сквозь густую оборону в самый центр войск к императорскому слону, казалось, ещё несколько мгновений, и они затоптали бы одиноко высящуюся громаду с императором на спине. И тогда Аурангзев приказал связать ноги своего слона цепями, чтобы тот стоял намертво. В следующую секунду он распорядился, чтобы снайпер Джалал-хан сбил слоновода на центральном вражеском слоне, и тот немедленно выстрелил, и тотчас свалил насмерть того, кто вёл железной палкой своё безумное чудовище в атаку. Ещё одно мгновение, и человек Аурангзеба взобрался на вражеского слона и вздыбил его. Это беспрекословно остановило двух соседних слонов.

А тут, глядишь, и развёрнутые слоны стали косить своими цепями войска Шуджаъ. Аурангзев же лишь вытер выступивший на лбу пот, или же это была его молитва, но как бы то ни было, победа теперь была за ним.

Джаханара сидела одна в пустых покоях своего отца – императора Шахджахана, заключённого Аурангзевом в женскую часть дворца, и скребла тростниковым пером историю последних дней. Мутные её слёзы стекали по щекам попеременно то на собственную рукопись, то на рукописи великих предков, хранимых в императорской семье.

Принц Дара Шукух потерпел ещё одно поражение от Аурангзеба у города Аджмир, и теперь находился со своей семьёй на ничейной земле за

Индом – в пуштунской зоне, у Малика Дживана – полутюрка, полуиудея, к которому принцесса всегда относилась с брезгливостью и презрением. Что теперь ожидало её любимого брата: судьба императора Хумаюна, бежавшего из своей страны в Персию под опеку тамошнего шаха? Или же согласно пословице: «Побеждённый никак не насытится борьбой», - он станет рассчитывать теперь на пуштунов и правителя Кабула Махабат-хана? Но станут ли те рисковать своим покоем во имя, бог весть, какой авантюры?.. Чтобы восставать после поражений для новых побед, надо обладать духом и мечом Бабур-шаха, а меч сей сейчас в руках у Аурангзеба...

Джаханара отвлекалась на мгновение от рукописи и снова читала секретное письмо, присланное ей европейским доктором, бывшим рядом с Дара Шукухом, чтобы беспрерывно плакать при этом: «Я был последние три дня с Дара, коего я встретил случайным и странным образом. Будучи в удручённом состоянии после смерти своей любимой жены Надира-бегим, не выдержавшей тягот беглой жизни, он упросил меня сопровождать его и немногих оставшихся близких в качестве врача. Я должен описать обстоятельства того дня, когда принц получил письмо от местного правителя, отказавшего ему в приюте. Женщины его гарема плакали навзрыд. Мы глазели в ужасе друг на друга, не зная, какая судьба ожидает нас впереди. Мы наблюдали, как Дара ступал более мёртвый, чем живой, разговаривая теперь то с одним, то с другим, останавливался и испрашивал совета даже у последнего солдата. Он чуял отчуждение в каждом, и ощущение того, что он остался без единого последователя, росло в его немых глазах...»

Кончался Священный Рамазан – первый после начала войны братьев за престол, первый год правления Аурангзеба, который, наконец, короновал самого себя в двадцать первый день этого месяца. Ворота радости и празднеств в Императорском Дворце были открыты настежь, согласно его фарману. Музыка играла во всех углах, ковры и украшения покрыли стены дворца. Монеты с именем Абдул Музаффар Мухиддина Мухаммада Аурангзеба Бахадура Гази – так он именовался теперь – были пущены в оборот, и никто иной, как сама принцесса Джаханара получила пять лаков рупий из этих монет. Никто в царстве не был удостоен такого почёта: даже любимица Аурангзеба принцесса Зебунисса была награждена лишь четырьмя лаками рупий.

Но кому рассказать то, что творится на душе падишах-бегим Джаханара?..

Аурангзеб до сих пор ощущал на себе этот взгляд: горячечный и подозрительный, любящий и опасющийся, жестокий и кающийся, но никогда не выдающий себя неверным словом, разве что делом. История Дара Шукуха завершилась, и звезда его закатилась. Тот самый Малик Дживан, которого в своё время Дара Шукух спас от казни быть затоптанным слоном, перехватил принца и его семью на горной тропе по дороге в Персию. Этот коварный пуштун писал Аурангзебу о том, что Дара Шукух даже не поднял меча, в горе после потери своей любимой жены Надиры-Бегим. Один лишь Сипехр Шукух отбивался до конца, но что может сделать принц против этой банды разбойников, - брезгливо подумал Аурангзеб.

Теперь Дара Шукуха и его сына доставили в цепях в Дели, под надзор Назар-бека. Видит Бог, Аурангзеб предпочёл бы бегство брата в Персию, откуда нет возврата, но теперь ему предстоит найти тому меру такого наказания, которая должна и запугать врагов, и воодушевить союзников. Вот что сделает Аурангзеб: до того как собрать факихов и вынести приговор этому еретiku и кафиру, он прикажет провезти Дара и Сипехра по всему Дели на грязной слонихе, посаженными лицами к хвосту. От Лахорских ворот через два самых многолюдных базара Човки Чандни и базар Саадуллы, затем мимо форта к старому Дели, и в конце дороги позора – опять в тюрьму Хваспура. Но вперёд по этому пути пройдёт со своей бандой разбойников этот шакал – Малик Дживан, которого Аурангзеб пожалует именем Бахтияр-хана.

Аурангзеб прекрасно знал, какой приём устроит народ этому Бахтияр-хану, как женщины будут сливать на него с крыш тазики с помоями и мочой, а мальчишки – забрасывать эту банду тухлыми яйцами и гнилыми фруктами! И в таком виде он явится на аудиенцию во дворец!

Но Аурангзеб не догадывался, как в то же время люди всех делийских кварталов будут рыдать, глядя на двух принцев, укутанных в лохмотья, и прикованных к нагой спине грязной слонихи.

...Под яростным летним солнцем Дара Шукух трясся на спине этой слонихи, бредущей по улицам, где он знал небывалый почёт и славу. В своей горечи позора он не подымал глаз, уставившись в свои ржавые кандалы, и лишь однажды обернулся на зов нищего, воскликнувшего: «Дара, когда ты был Владыкой, ты всегда бросал мне золотую монетку, увы, сегодня тебе нечего мне подать!» Что оставалось бросить принцу, кроме слёзного взгляда или тяжкого вздоха? Но он сорвал с рукава кусок златотканой парчи, оставшейся случайно на нём, и бросил его попрошайке...

Вопль прошёлся по рынку Дели...

Дара Шукух вглядывался сквозь стрельчатые бойницы форта Хваспура в сумрак, идущий с востока, и не хотел признаваться самому себе, что его мокрые глаза – не дело вечернего бриза. Его сын – Сипехр Шукух варил в углу чечевичную похлёбку, пока отец, удалившись в другой угол, к ганчевой решётке окна, вспоминал по крупицам свою жизнь. Почему-то виделась снежная дорога, которую его мать Мумтаз Махал посыпала кроваво-красными лепестками роз, а он – девяти лет от роду, прижимал к себе трясущегося от холода шестилетнего брата, и пытался дыханием согреть его ледяные руки...

Потом привиделись два святых старца – столп суфиев Мулла Шах и йог-аскет Баба Лал, протянувшие ему разом Священные Коран и Упанишады, сведённые почему-то в единую книгу откровения, и тогда Дара Шукух спросил старцев:

«Когда умирает мусульманин, его хоронят в землю, когда умирает индус, его сжигают, но что происходит, когда умирает дервиш в индийской бурке?» Баб Лал ответил ему: «Прежде всего, быть закопанным в землю или же быть сожжённым – это касается телесного существования. Теперь дервиш не заботится о своём теле, которое он оставил, чтобы окунуться в океан восторга, найденный в Боге. Он покидает сферу материального существования, чтобы воплотиться в то, что не имеет материальности, словно Ничто. Как змея возвращается в свою нору безо всякой заботы о сброшенной чешуе, так и дервишу нет теперь дела до своего тела, пусть люди делают с ним то, что хотят...»

Мулла Шах Бадахшани продолжил: «Да не будет секретом для тебя то, что завершение всякого труда связано с болью и страданием. Напрягай себя! Тот, кто искренен сердцем в этой работе, тот истинно влюблён, а тот, кто влюблён – достоин благословения на откровение. Совершенный человек это тот, кто не осуждаем никем: ни рядовыми людьми, ни приближёнными тайн; совершенный человек это тот, кто не пренебрегает любым трудом, определённым Шариатом, Тарикатом или Путём, а также Хакикатом или Истиной. Внутренне - каждое действие должно поверяться Истиной, а внешне - все действия должны совпадать со здравым смыслом обыкновенных людей...»

И когда мутные слёзы Дара Шукуха скатились по щекам на эти святые книги в его руках, дверь его заточения распахнулась за спиной, и, обернувшись в сторону жизни, принц увидел тюремщика Назаркули-бека с палачом Аурангзеба – Шафи-ханом. Их сопровождали ещё несколько вооружённых людей с обнажёнными мечами. Дара, протянув им навстречу пустые руки, воскликнул: «Вы пришли убивать нас?!» Они ответили: «Мы ничего не знаем об убийстве, нам приказано лишь увести вашего сына в другую крепость!» Сипехр Шукух склонился на колени рядом с отцом. Горбун-Назар гаркнул: «Вставай!» В это мгновение Сипехр припал к коленям отца. Отец с сыном обнялись, слёзы текли по их щекам. Горбун крикнул пуще прежнего: «Вставай, не то мы выволочем тебя силком!» Один из палачей приблизился к юному принцу. Дара Шукух вытер слёзы с лица и сказал, обращаясь к горбуну: «Пойди и скажи моему брату, чтобы он оставил своего безвинного племянника здесь...» Палач ответил: «Мы не гонцы, мы выполняем царский приказ!» И с этими словами они бросились на Сипехра, и стали отдирать его от отца.

И тут Дара Шукух разорвал свою подушку, выхватил из неё перочинный ножик, и со всей страстью разъярённого отца, всадил этот нож в горбуна. Металл заскрежетал о кость, но нож обратно не подался – так глубоко он сидел в этом ненавистном теле! Дара бился как слон, у которого отнимают детёныша, но слишком много было этих рабов. Семеро из них оттащили Сипехра в соседнюю комнату, и последнее, что услышал теряющий сознание юный принц, был вопль отца: «Ла илаха иллаллах!» - «Нет бога, кроме Аллаха!»

То кричала сквозь пену крови на белом пухе разорванной подушки отрубленная голова Дара Шукуха, и пух летел то как снег, а то как лепестки роз на снегу...

Аурангzeb вглядывался сквозь стрельчатые бойницы делийского императорского дворца в сумрак, идущий с востока, и чувствовал, как за его спиной кровавое солнце закатывается за край земли, словно отрубленная голова. Он вызвал к себе на частную аудиенцию высших улемов и казиев, дабы разрешить вопрос: казнить ли Дара или держать узником в государственной тюрьме Гавалиор, где уже содержался другой принц – Мурад.

Первым вступил в разговор Донишманд-хан, который был долгое время в немилости у Дара Шукуха. Но странное дело, он сказал, что нет

нужды в чрезвычайных мерах, и заточение в Гавалиор под усиленной охраной – послужит достаточной мерой. И тут женский визгливый голос вырвался из окружения Аурангзеба. Это принцесса Раушанара-бегим рыдающим голосом требовала смерти этому еретичу и вероотступнику во имя спокойствия в государстве и для укрепления веры. Аурангзев знал, что у этой идёт собственная война с принцессой Джаханара за женское первенство в Доме Тимура. Он лишь улыбнулся в усы, и бросил взгляд на других.

И Халилуллах-хан, и Шаиста-хан, и Такарриб-хан могли бы в иных обстоятельствах поддержать первого, но противостоять женской мстительности Раушанара означало рано или поздно обречь на смерть самого себя, и они в один голос выбрали смерть Дара. «Устои Шариата и Веры были не раз поколеблены в течение его жизни. Таким образом, защищая Веру и Священный Закон, а также исходя из государственных интересов, Император постановил незаконным оставлять Дар в живых в качестве нарушителя общественного спокойствия».

Следующим днём Аурангзебу доставили отрубленную голову брата. «Злосчастный! – воскликнул Аурангзев. – Я не глядел в лицо этому вероотступнику при его жизни, не стану смотреть и теперь!»

День спустя, когда Солнце палило из созвездия Льва, обезглавленное тело Дара Шукуха было взвалено на спину всё той же унылой слонихи, и опять провезено по всем кривым улочкам Дели. Женщины с крыш вскрытую бросали под ноги этой процессии лепестки роз, и плакали в рукава...

Принцесса Зебунисса унаследовала от своих предков, и, прежде всего от основателя империи Великих Моголов – шаха Бабура и его великолепной сестры Хонзода-Бегим – изящество духа, утончённость вкуса и пылкое воображение. Но и оно не могло вместить в сознание то, что рассказал лекарь-чужестранец, или же это привиделось ей в горячке, которую он пытался лечить горькими лепёшечками трав? Будто бы принцесса Раушанара-бегим уговорила императора Аурангзеба завернуть отрубленную голову наследного принца Дара Шукуха в златотканую парчу, уложить её в дарственный сундучок златобойной

работы, и отправить её заточённому в агринскую крепость императору Шахджахану.

Будто бы забытый всеми старик так обрадовался, увидев сундук, что тут же распорядился Джаханара приготовить в ответ бриллианты с царского халата старшего сына Дара, так и не примерившего этот халат. И вслед за этим они оба открыли этот драгоценный сундучок, развернули златотканую парчу, и...

Семь дней и ночей Зебуниссу била лихорадка: она то кричала, мня себя императором, то рвала волосы на себе, и пыталась перекусить вены, именуя себя несчастной Джаханара, то лежала бездыханно, как мёртвое тело, и чужестранный лекарь осторожно оборачивал её сверкающие чёрные косы вокруг неподвижной головы...

Принц Сулейман Шукух вглядывался сквозь стрельчатые бойницы тюрьмы Салимгарх в сумрак, идущий с востока, и делил тоску заточения со старшим сыном Аурангзеба – Мухаммад Султаном. Казалось, солнце закатывалось над Домом Тимура, и два принца вспоминали по крупцам его историю, полную величия и ярости. Чёрная нить переплеталась с белой, и их невозможно было различить в этой ткани, где день мешался с ночью, как и бейт, оставленный им в наследство Бабур-шахом никак не мог преодолеть себя:

*Kunduz o'lsa tungacha aytaymu bepoyon g'amim,
Kecha o'lsa tongga degru holu zorimnimi dey?*

Сулейман Шукух расспрашивал о своей горько-возлюбленной Зебуниссе, а Мухаммад Султан сворачивал разговор на последнюю книгу дядюшки Дара Шукуха. «Правда ли то, что она до сих пор отказывает всем в замужестве?» - допытывался Сулейман Шукух, и Мухаммад Султан, наспех кивая головой, спешил задать свой вопрос: «Дядюшка в своём последнем труде «Величайшая Тайна» ссылается на коранический стих: «Истинно – это преславный Коран, в книге затаённой, никто не коснётся её, кроме очищенных. Это откровение Владыки миров», и говорит, что Упанишады и есть эта самая затаённая книга. Означает ли это, что ею можно комментировать затемнённые места Корана, и согласуется ли это с Шариатом?»

Сулейман Шукух пространно объяснял то, что слышал от покойного отца, но мысль его медленно и неуклонно возвращалась к Зебуниссе: «Правда ли, что при дворе появился юный поэт по имени Бедил – бессердечный, который тягается в славе с Зебуниссой?»

Pur bekasam imro'z, kasero habaram nest...

Я полностью пуст сегодня, ни вести от никого...

«Но ведь это как раз и есть ответ, который дядюшка предполагал между двух концепций суфизма – Ибн Араби и Сирхинди. Один говорил о «vahdati vujud» - единстве во плоти, а другой о «vahdati shuhud» - единстве во свидетельстве...»

Так вязалась ткань их беседы, изо дня в день, из ночи в ночь, и не знали они, что Сулейман Шукух будет отравлен слугами Аурангзеба в тюрьме Гавалиор, а Мухаммад Султан, отсидев десяток лет заточения ещё с одним двоюродным братом – Сипехром Шукухом, будет вместе с ним помилован, и более того, его отец Аурангzeb выдаст за Сипехра Шукуха свою дочь Зубдатуннису-бегим.

В затаённой книге судеб было также сокрыто от них то, что принцесса Зебунисса унаследует от них и эту келью в тюрьме Салимгарх, и их бесконечные разговоры, поведанные ей добрым тюремщиком, унаследовавшим сей пост от горбуна Назаркули бека, так и не оправившегося от последней ярости просвещённого принца Дара Шукуха, но не с кем ей будет делить свои мысли в своём пустом и полном одиночестве...

В день, когда Солнце остановилось в созвездии Скорпиона, и начался двадцать первый священный месяц Рамазан правления императора Аурангзеба, принцесса Зебунисса получила в своём заточении в подарок от отца драгоценное зеркало. В этом подарке была некая двусмысленность, как и во всех отношениях между императором и принцессой, между отцом и дочерью. Ведь как велось во все первые дни Рамазана со дня восшествия на престол Аурангзеба Аламгира, он отменял то исполнение музыки во всей империи, то запрещал индийские религиозные школы и молельни, то приказывал разрушать храмы,

то воспрещал празднование Навруза, а этим днём он отменил празднование годовщины своего восшествия на престол. Теперь запрещалось преподносить ему подарки, писарям – пользоваться серебряными чернильницами, офицерам – приветствовать друг друга, вскидывая руку. Теперь император не должен был появляться в окошке перед народом, и носить свои златошвейные наряды. Но было ещё два запрета, от которых больно сжималось сердце одинокой принцессы.

Император запрещал теперь разводить розы в садах, кроме как в двух императорских цветниках Анзабаде и Нурбари, а, во-вторых, запрещалось впрёдье использование ляпис-лазури в украшении дворцовых стен.

И вдруг посреди всех этих запретов – этот подарок – драгоценное зеркало с ручкой в форме газели, украшенной огромным кроваво-красным бриллиантом. Подарок – как загадка, которую должно разгадать принцессе, но ведь принцесса знает всё, и что же тогда она должна увидеть в этом зеркале? Своё одиночество, своё заточение, свои слёзы, свою жизнь, которую она собирает изо дня в день, из ночи в ночь по крупицам?

*Биё, ки зулфи кају чашми сурмасо ин јост,
Нигоһи гарму адоһои дилрабо ин јост.*

*Карашма тегһу мижа ханјару нигоһ алмос,
Шаһодат ар талаби, дашти Карбало ин јост.*

*Агар биһишт диһандат, фиреби кас махури,
Қадам зи майкада берун манеһ, ки јо ин јост.*

*Зи пой то бар сараш, һар кујо, ки менигари,
Карашма домани дил мекашад, ки јо ин јост.
Китобхонаи олам варақ-варақ јустам,
Хати ту дидаму гуфтам, ки муддао ин јост.*

*Закоти һусн агар медиһи барои Худо,
Биё, ки Зебунисо һамчу ман гадо ин јост.*

Как она прикоснётся к этому камню, который принцесса помнит с самого детства, когда они с Сулейманом Шукухом бегали по императорскому дворцу, и из покоев Шахджахана выходил рассеянный и счастливый дядюшка Дара Шукух, и этот камень на его индийском халате соревновался в голубизне с лазурью неба и синевой поднебесной воды священного Инда. Ляпис-лазурь незапамятного детства...

Рассказывают, что когда Аурангзеб сорвал этот камень с халата Дара, отнятого у умирающего Шахджахана, Раушанара по привычке осыпала брата горстью розовых лепестков, и камень мгновенно и навсегда окрасился в цвет крови...

Кто отражает кого, кто кого комментирует, кто повествует о ком? – думала принцесса, глядя в это зеркало, как на сумрак своей жизни, стоящий напротив, и вдруг, как отгадку этой зловещей загадке, увидела на мгновение в зеркале не себя, но Хира-бай – ту самую девушку, в которую смертельно был влюблён её отец, и в это мгновение золотая газель рванулась в прыжок, зеркало мелькнуло вслед, и с грохотом разбилось вдребезги. Газель со вспоротым кровавым нутром валялась на земле, под высокими стенами дворца, и осколки зеркала лежали, как кровавые лепестки, отражающие дорогу из ниоткуда в никуда...

Аурангзеб – император могущественной Индии Великих Моголов, прозванный Аламгиром или Завоевателем мира, смотрел из зарешённых ганчем окон своего императорского дворца на сумрак своей жизни, идущий навстречу, и не хотел признаваться себе, что его мокрые глаза – дело позднего покаяния. Он только что написал своё завещание собственной рукой, знавшей всю жизнь меч, нежели перо, но, как видно, таков уж круговорот небес, что напоследок перо оказалось сильнее меча даже в его руках – руках неумолимого вояки. Таков уж круговорот небес, что всё, почитаемое всю жизнь тобою за правое дело, оказывается у самого устья жизни лишь сожалением, и не больше; а если больше – то это судить уже не ему, но Тому, кто послал его на это неверное испытание, названное жизнью.

«Хвала Аллаху и благословение тем слугам, которые в согласии с Ним, и Он в согласии с ними». Сие есть моё завещание.

Первое – от имени этого грешника, утопшего в злодеяниях, покройте святую усыпальницу Хасана – да пребудет мир с ним! – ибо у тех, кто утоп в океане грехов, нет иной защиты, кроме убежища у Врат Милосердия и Прощения.

Второе – четыре рупии из стоимости шапок, сшитых мною собственноручно, находятся у Аяа Бека. Получите эти деньги, и потратьте их на саван сей беззащитной твари. Триста пять рупий из оплаты за копирование Корана находятся в моём личном кошельке. Раздайте их нищим в день моей смерти.

Третье – на хоронящих лежит ответственность за дозволенные и недозволенные ритуалы с похоронами сего беспомощного, ибо мертвец не в ответе, и остаётся на поруки живым.

Четвёртое – похороните сего странника в Долине Отклонения от Правого Пути с непокрытой головой, ибо всякий порушенный грешник, кто предстанет перед Верховным Судией с непокрытой головой, станет предметом прощения.

Пятое – покройте верх моего савана белоснежной материей. Избегайте при этом осыпания розовыми лепестками.

Шестое – тому, кто унаследует трон, надлежит относиться по-доброму к беспомощным рабам, которые по вине сего бесстыжого грешника слоняются по пустыням в дикости».

Император поторопился вспомнить шестой пункт своего завещания, поскольку все его мысли завязли в предыдущем распоряжении. Так было и несколькими мгновениями ранее, когда он писал своё завещание. И тогда он пустился на хитрость, отдав свои горькие помыслы вековечному воину, сидящему в нём, он наскоро стал писать тогда пункты седьмой, восьмой, девятый и десятый, сравнивая персов против тюрков, а тех – против индусов, и, наконец, Сейидов из Барха, никому из которых он не доверял, и призывал к тому же тех, кому оставлял это завещание. Но в этом-то и была вся загвоздка, коль скоро он знал, что оставлять империю некому, она свершилась в нём, и именно поэтому он и дожил до столь преклонных лет, чтобы писать завещание.

Грешная его мысль переметнулась к собственному отцу – императору Шахджахану, но тут же неимоверным усилием воли девяностолетний Аурангзеб преодолел эту мысль, и дрожащей рукой вывел:

«Одиннадцатое – никогда не доверяй своим сыновьям, а также не относись к ним благосклонно, пока жив. Если бы император Шахджахан не относился бы с особым благоговением к Дара Шукуху, дела сей персоны не пришли бы к столь плачевному исходу...»

И в этом перо оказалось коварнее его. Он прочёл ещё раз то, что столь лихорадочно написал, как свой последний завет, не имеющий никакого адресата, кроме собственной души, и осёкся на фразе: «дела сей персоны не пришли бы

к столь плачевному исходу». Чьи дела? Шахджахана, Дара Шукуха или его же самого – грешной божьей твари Аурангзеба Аламгира? А может быть из всех – наследников великого Дома Тимура, наследников Бабур-шаха? И почему он упомянул лишь сыновей, кольнула в сердце мысль о любимой чернушке Зебуниссе – всю жизнь тайно напоминавшую ему горькую Хира-бай, за что он и заживо схоронил её в заточении. И тогда он опять судорожно стал царапать пером по бумаге, как будто вымещая всех кошек, скребущих по сердцу:

*«Двенадцатое – главная опора государства – это быть хорошо
оповещённым во всех мельчайших делах государства.
Минутное пренебрежение становится мучением на многие годы...
Двенадцать – священное число.
Я заканчиваю двенадцатым из своих распоряжений».*

И, бог весть, откуда в его сознании всплыл стих, которым он завершил завещание:

*Если ты научишься чему – поцелуй твоему уму,
А пойдёшь вопреки всему – то, увы, увы, увы тому...*

И вдруг он увидел, как снег, белый, пушистый, лебяжий снег падает на чёрную ночь и чёрную землю Индии, и слабое детское чувство шестилетки, отправляемого вопреки своей воле в неведомую дорогу, повеяло неожиданной пустотой в нём, и кто-то больший, нежели он сам, взял его за окоченелые руки, и стал дуть завлекающим и пряным теплом на них, и тут в голову императора ударили всполохами кровавые лепестки смерти...

Послесловие к роману

Перед самым опубликованием романа английская журналистка Кейт Кларк – бывшая корреспондентом в Талибанском Афганистане, передала мне лазерный диск, который, по её словам, бесплатно распространялся среди мусульман Пешавара. Это был фильм под названием «Хадаф» - «Цель», снятый только что (осень 2004 года) Исламским Движением Узбекистана. Первая часть фильма состояла из архивных съёмок с патетическим текстом, зачитываемом на языке дари, а вторая часть – из интервью Амира Исламского Движения Узбекистана Тахира Юлдаша на том же самом языке дари, который он выучил в совершенстве. Интервью, по всей видимости, было снято поздним летом 2004 года, и в нём Тахир Юлдаш говорил в качестве «идеолога» Талибан, выказывая свою абсолютную преданность «Амиру всех мусульман – Мулле Умару». Он лишь раз упомянул Осаму Бин Ладена, когда сказал, что Мулла Умар пожертвовал целой страной во имя одного мусульманина.

По мнению Кейт Кларк интервью было устроено лишь затем, чтобы дать знать миру, что Тахир Юлдаш жив и чувствует себя в безопасности. Ведь весной 2004 года в пакистанской прессе замелькали сообщения о том, что в провинции Вазиристан у городка Ванна пакистанские войска окружили Аймана аз-Завахири – заместителя Бин Ладена. Потом оказалось, что это был Тахир Юлдаш, но и тому удалось скрыться, прорвав цепь пакистанских войск на бронированном Джипе.

Но мне изо всей этой истории важно лишь одно – появление фильма, в одном из кадров которого, мне показалось, я заметил фигуру Ёсина – своего друга – поэта Белги. Сердце моё заколотилось тогда: неужели он жив, неужели он ещё на этой земле, которую мы с ним делим, я, сидящий и «праздно болтающий» в английском пабе с Кейт Кларк (аж вот куда привёл меня поиск издателя!), и он, «в стане погибающих» ходящий, быть может, в эту минуту на тонкой грани между жизнью и смертью... И ведь чудо – из каких-то неведомых недр моих старых бумаг там прорвалось – нет иного слова – прорвалось его единственное стихотворение, которое он написал по-русски и оставил мне в те далёкие, невинные дни, с тем, чтобы я передал его девушке, с которой познакомил своего друга я, и которая погибла под колёсами самосвала, возвращаясь с ночных танцев...

И вот я читаю это стихотворение, единственное русское стихотворение поэта Белги английской журналистке Кейт Кларк, которая, тем временем, рассказывала мне о том, что сегодня американцы бомбили Фалуджу и Самарру:

*Есть вещи, которых не переступить,
есть вещи, в которых смиряешься с возрастом...
Так просто с тобой запереться, и пить,
как будто в костёр всё подбрасывать хворосту,*

*и молча смотреть сквозь портьеры в окно,
и видеть, как зимний закат бесполезен...
Всё это не нами придумано, но
всё прожито нами как хворь, как болезнь.*

*Есть вещи, которых уже не вернуть,
и просто поверить друг другу нам на слово,
что там из минувших ненужных минут
слагаются паузы неба ненастного...*

*Но можно не верить, что всё так обыч-
но, будто расшебуршили золу, и
обугленный воздух пытался постичь
табачную горечь твоих поцелуев...*

И вдруг, на мгновение кажется мне, что эта попытка биографии – лишь предисловие к тому, что может быть когда-нибудь, если эта горечь – не горечь поцелуев смерти и войны, напишет он сам, и назовёт путём, который больше смерти...

Мир Калигулаев

«ДОРОГА К СМЕРТИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ СМЕРТЬ»

Роман

First published in Great Britain by Black Qudrat Production in 2005

14 Armstrong Drive,
Dunstall Park,
Wolverhampton Wv6 0UR
Tel: 01902 568879
publishing@bqzmz.co.uk
Website: www.bqzmz.co.uk

Designed and Typeset: www.sima.spb.ru

Printed and bound in England by
Impression IT,
7 Moorhurst Road,
Conqueror ind-est.,
St. Leonards-on-Sea, TN38 9NA

